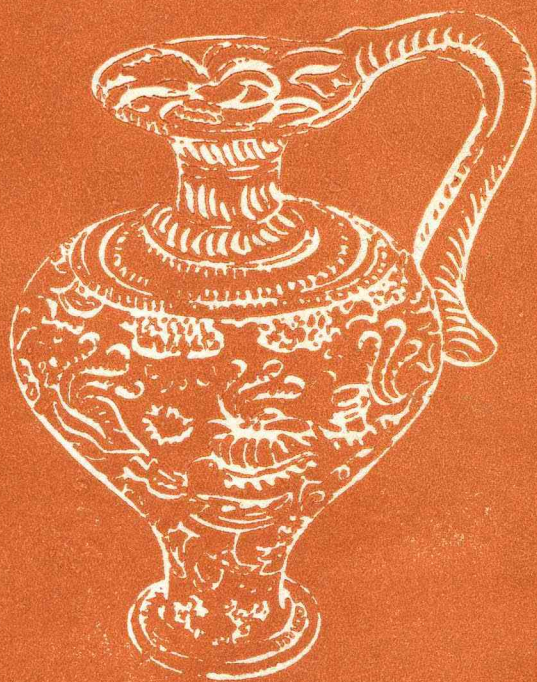

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

ДОГРЕЧЕСКИЙ СУБСТРАТ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

ДОГРЕЧЕСКИЙ СУБСТРАТ

У истоков европейской цивилизации

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В книге излагается гипотеза, согласно которой корни крито-микенской и греческой культур следует искать не на Древнем Востоке, а в северо-восточной части Балканского полуострова (современная Болгария и Румыния). К этому выводу автор приходит на основе анализа мифологических имен и географических названий, а также свидетельств античных авторов и данных археологии. В последней главе автор суммарно излагает результаты своей дешифровки карийской письменности, которую ученые безуспешно пытались прочесть на протяжении более 100 лет.

Книга предназначена для специалистов в области классических и индоевропейских языков.

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Э. Д. Фролов (Ленингр. ун-т), ст. науч. сотр. И. А. Перельмутер (ЛО Ин-та языкознания АН СССР), канд. филол. наук, доц. Г. М. Шатров (Томск. ун-т).

О $\frac{4602010000-148}{076(02)-88}$

107—87

© Издательство Ленинградского университета, 1988 г.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что древнегреческая лексика содержит мощный слой слов негреческого происхождения. Причем эти слова в значительной своей части отражают наиболее важные стороны материальной и духовной жизни греков. Можно привести многочисленные примеры из области флоры и фауны (δάφνη 'лавр', κυπάρισσος 'кипарис', μύραθρον 'укроп', ὄκινθος 'гиацинт', βόλινθος=βόνασσος '(дикий) бык', κόλλαρος 'вид рака', κόχραμος 'перепел'), строительной лексики (βλήτρον 'скоба', γείσ(σ)ον 'карниз', γέφυρα 'мост', θάλαμος, καμάρα 'комната', θριγκός 'зубчатый верх стены', κάμινος 'печь', μέγαρον 'зал, дом', κέραμος 'глина', λίθος 'камень', πλίνθος 'кирпич', πέργαμον 'акрополь', πύργος 'башня'). Сюда же относятся слова, связанные с социально-политической жизнью греков (βασιλεύς, ἄναξ, τύραννος 'царь', λαός 'народ', δοῦλος 'раб', πρότασις 'правитель, притан'), с морем и мореплаванием (θάλασσα 'море', κυβερνᾶν 'управлять (кораблем)', ἱκρία 'палуба', κάλωс 'канат'), с военным делом (ύσσός 'дротик', θώραξ 'панцирь', ξίφος 'меч', κορόνη 'палица', λάβρος 'секира'), с музыкой и стихосложением (κιθάρα 'кифара', σαμβύκη 'вид арфы', σύριγξ 'сиринга', τύμπανον 'бубен', ἱαμβος 'ямб', διθύραμβος 'дифирамб'), с металлургией (μέταλλον 'металл', σίδηρος 'железо', χάλυς 'сталь', μόλυβδος 'свинец'). Совершенно необозримо обширные слои религиозной лексики, включающие в себя имена богов и героев греческой мифологии (в подавляющей своей части — негреческие), а также огромное количество топонимов, этнонимов, антропонимов.

Перечисленные выше выборочные примеры — лишь капля в том море негреческой лексики, которую принято относить к лексике догреческого субстрата, оказавшего сильнейшее воздействие на греческую культуру и на греческий язык. Более подробные списки греческих слов, восходящих к догреческому субстра-

ту, хотя отнюдь не исчерпывающие, можно найти в работах многих исследователей.¹

Основания, по которым то или иное слово признается негреческим, обычно вполне убедительны. Это — негреческая структура корня, чуждые греческому языку фонетические признаки, негреческие словообразовательные модели, отсутствие греческой или даже индоевропейской этимологии. Так, не имеют греческой этимологии все основные боги Эллады, кроме Зевса. Более того, само слово θεός 'бог' не отвечает греческим нормам индоевропейских фонетических соответствий. Начальному θ- этого слова в древнеиндийском языке должно было соответствовать dh-, а в латинском f-. Др.-инд. devāñ и лат. deus говорят о том, что исконное греческое слово, отвечающее нормам фонетических соответствий, должно было иметь форму *δειός, а не θεός.

Уже самый характер заимствованной греками лексики свидетельствует о том, что языковое влияние явилось здесь лишь частью более широкого культурного влияния. Иначе говоря, вопрос о догреческом субстрате выходит далеко за чисто лингвистические рамки и перерастает в важнейшую культурно-историческую проблему. Как известно, Древняя Греция была колыбелью всей европейской цивилизации.² Поэтому вопрос об отношении греческого языка и культуры к их языковым и культурным истокам — это, по сути дела, вопрос об истоках европейской культуры. Характерно, что даже в том небольшом перечне греческих слов догреческого происхождения, который был приведен выше, более 10 слов вошло в культурный обиход современной Европы: *кипарис, гиацинт, камера, камин, керам(ика), плита, тиран, киберн(етика), тимпан, ямб, дифирамб, металл*. Этот список очень легко можно было бы увеличить во много раз.

Наряду с этим кардинальным вопросом проблема догреческого субстрата неразрывно связана также с целым рядом других важных вопросов и проблем.

Этногенез греков. Когда и откуда пришли греки на территорию Эллады? На этот вопрос ученые до сих пор не дают однозначного ответа. Высказывались мнения о том, что греки проникли в Грецию уже в первой половине III тыс. до н. э. «или даже раньше» (Георгиев 1958, 106).³ Называлась и такая дата.

¹ См., в частности (Pott 1853; PW RE, Bd 4, 2, 525 ff.; Huber 1921, *passim*; Georgiev 1937, 1, 66 ff. и другие его работы; Schwyzer 1939, 61—62; van Windekens 1952, 156—157). Большое количество догреческой лексики приводится в работах П. Кречмера, Г. Краэ, А. Карнуа и многих других ученых.

² «...Без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 185).

³ В 3-м издании книги (Georgiev 1981) это сомнительное утверждение автор снял.

как XII в. до н. э. (Hampf 1960, 59—60; Grumach 1969, 430). Разница составляет около 2 тысяч (!) лет. Наряду с обычным представлением о прибытии греков с севера (варианты: северо-запад или северо-восток Балканского полуострова), предполагалось также их прибытие из Малой Азии (Hencken 1955, 40; Mellaart 1958, 18 sq.; Pisani 1958, 41; Macqueen 1968, 185; Широков 1969; Hood 1978, 22). Еще в 30-е годы было высказано предположение о том, что греки вообще ниоткуда не приходили, что они — автохтоны (Valmin 1938, 404). Близкую (хотя отнюдь не идентичную) точку зрения в ряде своих работ высказал Дж. Чэдуик: в Грецию пришли индоевропейские предки греков, а греческий язык сформировался уже в самой Элладе (Chadwick 1969a, 11; 1976a, 189; 1976b, 116; 1976c, 2; 1976d, 108⁴); ср. также (Starr 1961, 119—120; Katičić 1976, I, 35). В свое время известный ученый Дж. Л. Майрс написал книгу «Кто такие были греки?» (Muges 1930), но на шестистах с лишним страницах он так и не ответил на вопрос, поставленный в заглавии. Определение характера догреческого субстрата, нужно надеяться, поможет ответить и на этот и на многие другие вопросы, связанные с проблемой этногенеза и глоттогенеза греков.

Греческая религия и мифология. Характер и происхождение древнейших греческих культов и многочисленных греческих мифов могут значительно проясниться в случае углубленной разработки вопросов, связанных с догреческим субстратом. Особенно перспективными в этом плане представляются успешные исследования в области догреческой ономастики: надежное установление ее языковой и этнической принадлежности, безусловно, должно пролить свет на многие вопросы, связанные с происхождением отдельных греческих культов, а также на наличие или отсутствие связей между отдельными мифами и историческими фактами.

Место греческого среди других индоевропейских языков. Наряду с целыми группами близкородственных индоевропейских языков (германские, кельтские, италийские, славянские, балтийские, анатолийские) греческий язык в традиционных классификациях обычно стоит изолированно (Мейе 1938, 93—96; Семереньи 1980, 25). Не исключена возможность (поскольку близость греческого языка и языка (или языков) догреческого субстрата вполне допустима), что греческий язык обретет свое место среди группы близкородственных индоевропейских языков. Но этот вопрос также остается открытым до того времени, когда будут получены более точные результаты в определении характера и языковой принадлежности догреческого субстрата.

⁴ В последних двух работах автор ссылается на разные даты (1956 и 1963 гг.) первой публикации этой своей гипотезы. Если верна вторая дата, то еще до Дж. Чэдуика эту идею выдвинул Ч. Старр.

Отношение греческого языка к «малым» языкам Балкан и Малой Азии. Прежде всего языки фракийский, иллирийский, македонский, фригийский, лидийский, карийский, ликийский и другие являются «малыми» не по количеству их носителей и не по их значимости, а по малому объему письменных памятников, которыми мы располагаем. Значение этих языков в развитии языковой ситуации на Балканах, в Эгеиде (включая Грецию) и в Малой Азии чрезвычайно велико. В последние десятилетия ученые все чаще вынуждены отказываться от господствовавшей долгие годы «эллиноцентрической» точки зрения в оценке взаимоотношений между греками и «варварами», между греческим языком и «малыми» языками Балкан, Эгеиды и Малой Азии. И в этом вопросе проблема догреческого субстрата имеет, несомненно, первостепенное значение.

Догреческий субстрат и диалектное членение греческого языка. Влияние догреческого субстрата на греческий язык проявилось не только в области лексики, но также в фонетике и словообразовании. Характерно, что даже в современных греческих говорах, ареально совпадающих с территорией, некогда заселенной карийцами (южные Спорады), до сих пор проявляется такая исключительно карийская особенность (Heubeck 1959, 19), как звук, передававшийся древними греками посредством $\lambda\delta$; ср. кар. ЛИ $\text{Μαυσσωλδος} = \text{Μαυσσωλος}$ и н.-греч. диал. $\text{ἄλδος} = \text{ἄλλος}$ (Brandenstein 1935, 141). Суффикс догреческого происхождения $-\epsilon\upsilon\varsigma$ ⁵ получил в греческом языке распространение, хотя он был чужд всем диалектам, кроме крито-микенского. И если в ономастике Гомера он встречается только у догреческих имен типа $\text{Ἀχιλλε\upsilon\varsigma}$ или $\text{Ὀδυσσε\upsilon\varsigma}$, то в более позднюю эпоху его можно найти и у чисто греческих имен типа $\text{Πολυδωρε\upsilon\varsigma}$. К сожалению, в вопросе о возможном влиянии догреческого субстрата на формирование отдельных особенностей диалектов греческого языка многое остается неясным из-за слабой изученности догреческого субстрата.

Этимологизирование догреческой ономастики. Это, пожалуй, область, в которой до сих пор господствует полнейший хаос, обусловленный субъективизмом и произвольностью многих этимологических толкований. Вопрос о языковой и этнической принадлежности догреческого субстрата до сих пор остается спорным. Одни исследователи связывают его с неиндоевропейским восточносредиземноморским слоем лексики (А. Мейе), считая этот слой, например, картвельским (Э. Фюрне). Другие связывали или связывают догреческий субстрат с иллирийским (Г. Краэ), пеласгским (В. Георгиев, А. Ван Виндекенс), фракопеласгским (А. Карнуа), хеттским (А. Хойбек), лувийским (Л. Палмер) языками. Естественно, что при таком разнообра-

⁵ См. (Chantraine 1933, 125; Schwyzer 1939, 61; Schachermeyer 1954, 1519; Risch 1957, 65; Ruijgh 1967a, 193).

зи точек зрения предлагаемые этимологии резко расходятся между собой. Очевидно также, что в случае правильности какой-то одной этимологии в большинстве своем все остальные окажутся ошибочными. Причем, во многих случаях у нас нет никакой уверенности в том, что хотя бы одна из предложенных этимологий того или иного слова была верной. Таким образом, и здесь установление языковой принадлежности догреческого субстрата, хотя и не гарантирует правильности той или иной этимологии, может, по крайней мере, дать уверенность в правильности того направления, в котором ведется этимологический поиск. И избавит нас от необходимости придумывать для исконно фригийского слова семитскую или для исконно фракийского — хетто-лувийскую этимологию.

Изучение особенностей языка крито-микенской письменности. В табличках линейного письма Б, как известно, содержится большое количество догреческих топонимов и антропонимов. Язык этого письма испытал на себе сильное влияние догреческого субстрата. Этот факт вынужден признать даже Дж. Чэдвик, отнюдь не склонный отказываться от чисто греческого характера языка линейного письма Б.⁶ Не только в области лексики (как ономастической, так и апеллятивной), но и в фонетике, и в словообразовании язык линейного письма Б разделяет целый ряд важных черт, чуждых греческому языку, с языком (языками) догреческого субстрата (Откупщиков 1983). Продолжающиеся до наших дней споры о том, является ли язык линейного письма Б «чисто греческим», «смешанным» или еще каким-нибудь, не могут быть разрешены до тех пор, пока не будет выяснен вопрос о характере догреческого субстрата.

Дешифровка линейного письма А, кипро-минойского языка и других недешифрованных языков Балкан, Эгеиды и Малой Азии. Общеизвестно, что носители языка линейного письма Б заимствовали это письмо у догреческого населения, которому принадлежат письменные памятники линейного письма А. Очевидно, что для дешифровки последнего нужно знать, какой именно язык скрывается в табличках линейного А. Предпринимавшиеся до сих пор попытки, ориентированные на греческий, семитский, хетто-лувийский, хурритский, пока не дали положительных результатов. То же следует сказать о дешифровке кипро-минойских, этеокритских, карийских и ряда других дошедших до нас надписей. Ясно, что вопрос о языковой принадлежности догреческого субстрата является важнейшим в деле успешного проникновения в тайны недешифрованных языков.

Происхождение и история слоговой и алфавитной письменности на Балканах и на западе Малой Азии. До сих пор оста-

⁶ По его словам, греческий язык этой эпохи воспринял большое количество заимствований, быть может даже некоторые морфологические и синтаксические черты (Chadwick 1970, 99).

ется много неясного не только в вопросе о происхождении крито-микенского и кипро-минойского слогового письма, но и в вопросе о происхождении алфавитной письменности. Согласно традиционной схеме греки заимствовали свой алфавит у финикийцев, использовали ряд его знаков для обозначения гласных, добавили знаки Ф, Х, Ψ, Ω, передали алфавит фригийцам, карийцам, лидийцам и ликийцам. В настоящее время ни одно из положений этой схемы не может быть принято безоговорочно. Здесь также значительную роль в решении целого ряда вопросов должны сыграть факты, связанные с догреческим субстратом.

Приведенный перечень проблем и вопросов, относящихся к объекту настоящего исследования, разумеется, далеко не полон. Но и он дает достаточное представление о значении проблемы догреческого субстрата для решения целого ряда лингвистических, культурно-исторических и иных вопросов, связанных с древнейшими этапами развития древних Балкан, Эгеиды и Малой Азии.

Глава I

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ГИПОТЕЗ ДОГРЕЧЕСКОГО СУБСТРАТА

Уже давно было обращено внимание на то обстоятельство, что наиболее типичные для догреческого субстрата топонимы с суффиксами *-vθ-* и *-σσ-* (типа *Ἰθύνθος* и *Παρνασσός*) не могут быть связаны с теми или иными словообразовательными моделями греческого языка и в значительной своей части не имеют греческой и даже индоевропейской этимологии. Это послужило основанием считать, что язык догреческого субстрата был языком неиндоевропейским.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ГИПОТЕЗА

Сто лет тому назад Г. Мейер попытался доказать индоевропейский характер догреческой суффиксации. Так, суффиксы *-ης* и *-ων* он сопоставил с лат. *-ānus*, *-mus*, *-rus* и *-lus* со слав. *-тъ*, *-гъ* и *-лѣ* и т. д. Но он был вынужден признать, что для наиболее распространенных догреческих образований на *-σσ* нет никаких индоевропейских соответствий (Meyer 1886, 178). К. Паоли, детально рассмотрев ареал догреческих *-σσ*-топонимов, пришел к выводу о неиндоевропейском характере языка, в котором были образованы эти топонимы (Paoli 1885, 44—58). О принадлежности *-σσ*-суффикса к доиндоевропейскому слою писали в той или иной связи многие исследователи.¹ Положение о наличии в греческом языке следов неиндоевропейского средиземноморского субстрата получило широкое распространение среди лингвистов и историков. Последним фундаментальным исследованием с позиций этого направления является книга Э. Фюрне (Furnée 1972), в которой собран богатейший материал отклонений догреческой лексики от обычных норм как

¹ См., например (Kretschmer 1933, 96; 1940, 252 (со ссылкой на Kretschmer 1896 и 1933); Krahe 1939, 194; Гамкрелидзе 1956, 6; Чихарж 1960, 114; Hubschmid 1960, 298—299; Grumach 1962, 82—83; Eire 1967, 135).

греческой, так и индоевропейской фонетики. Далеко не всегда этот материал критически отобран, многие примеры автора более чем сомнительны. Так, Βάχχος он сопоставляет с μάχλος 'похотливый' (о женщине), Ἐνάλλος — с Ἐνάλλος (реки в Акарнании и Фессалии), στῆχον (название растения) с δροχίνιον (Furnée 1972, 209, 211, 230, 135). При сопоставлении двух форм названия города в Лукании — Μέταβον и Μεταλόντιον Э. Фюрне видит в них чередование звонкого β и глухого π (с. 156, 230), хотя в первом случае перед нами — суффиксальное образование, а во втором — словосложение. С таким же успехом «чередование» б/п можно было бы усмотреть, например, в русских словах зло-б-а и зло-памятнѣй. Немало ошибок Э. Фюрне было отмечено в рецензии В. Георгиева (Georgiev 1973a), написанной, правда, очень пристрастно, а также в других рецензиях (о кавказском материале см. (Kuipers 1975) — с большим количеством критических замечаний).

Уже давно было отмечено, что догреческая апеллятивная и ономастическая лексика содержит явные следы доиндоевропейской префиксации. Наиболее убедительными представляются примеры с префиксами ā-, i-, σ-. Так, греч. ἄσταχος = σταχος 'колос', Ἄθιμβρα (город Кари) сопоставим с Θύμβρος (река в Кари), Ἀθύμιος (МИ) — с Τύμιος (город Кари) и т. п.² Необходимо только подчеркнуть, что не во всех случаях догреческое ā- — префиксальное. В положении перед στ, например, оно вполне могло быть протетическим. Так, впрочем, во всех случаях его и трактует Э. Фюрне, что, по-видимому, также является крайностью.

Еще более интересными представляются префиксальные i- и σ-. Примеры типа Καρία — Ἰκαρία, Σμῆνος (река в Лаконике) — Ἰσμηνός (река в Беотии), Σαυρία (город в Акарнании) — Ἰσαυρία (область в Писидии), а также Ὀλυμος (город в Кари) — Σόλυμος (МИ), Ἰδυμος (город в Кари) — Σίδυμος (МИ — Ликия)³ позволяют сопоставить их префиксы с хаттскими префиксами для обозначения множественного числа š-/s и i-; ср., напр.: malhi(p) 'хороший' — i-malhi(p) 'хорошие' (Дунаевская 1954, 76—77). Вместе с тем и здесь нужно отметить, что 'i-mobile' может оказаться не только доиндоевропейским префиксом, но и протетическим гласным: Ἰστέφανος вместо Στέφανος, Ἰσχίμνος вместо Σχίμνος (Zgusta 1964, 205).

Попытки выделить в догреческой ономастике следы также других «префиксов» едва ли можно признать удачными. Так, сопоставление фриг. Ἄνναχος и Νάνναχος (Fick 1909, 16), сопро-

² Другие примеры см. (Kretschmer 1933, 86—90; Schachermeyr 1954, 1520; Furnée 1972, 368—373). Без достаточных оснований допускают индоевропейское происхождение этой префиксации В. Георгиев и Л. А. Гиндин (Georgiev 1941, 115; Гиндин 1967, 86).

³ Ср. (Laumonier 1958, 654 (последних два примера)).

вождаемое двумя совсем сомнительными примерами, едва ли достаточно для выделения «префикса» *v-* (ср., напр.: лат. *ānus* и *pānus*, явно не имеющие между собой ничего общего). Изолированные сопоставления Sedasa (Исаврия) — Pedasa (Кария) или Pīnaga (Ликия) — Kīnagos (остров)⁴ не могут служить доказательством наличия префиксов *si-*, *pi-*, *ki-*, ибо они ничем принципиально не отличаются от сопоставлений типа *Минск* — *Пинск*, *Казань* — *Рязань* или (в апеллятивной лексике) *медаль* — *педадь*, *леченье* — *печенье*. То же, видимо, следует сказать и о сопоставлении Παρνασσός/Λαρνασσός (Kronasser 1960, 51 f.), подкрепляемом ссылкой на Λέρνη (Эгина) — Πέρνη (Фракия). Довольно однообразный тип основ у догреческих образований с суффиксом *-σσ-* путем подобного рода сопоставлений позволяет выделить в качестве «префиксальных» чуть ли не все согласные; ср., напр.: Παρμισσός — Μαρμισσός, Κυμισσός — Τυμισσός, Καρθησός — Σαρθησός, Κάρισσα — Λάρισσα, Θυησός — Μύησος и др. Кстати, для пары Λαρνα/ησός — Παρνα/ησός можно добавить к двум «префиксам» еще и третий: (‘Αλι)καρνασσός, Καρνησός (πολις). То, что Λαρνασσός, согласно Стефану Византийскому, — это старое название Парнаса, в общем, не меняет дела. Тем более, что оба топонима, как мы увидим ниже, имеют разное происхождение.

Все же наличие неиндоевропейских элементов в догреческой фонетике и словообразовании можно считать доказанным. И тезис В. Георгиева о том, что в Греции вообще никогда не было неиндоевропейского населения, кажется весьма странным, а его стремление всей догреческой ономастике дать индоевропейские этимологии выглядит крайне неубедительным.⁵

Значит ли это, однако, что догреческий субстрат, известный из многочисленных топонимов, этнонимов, антропонимов, теонимов и из апеллятивной лексики, был неиндоевропейским? Отнюдь нет. Русские топонимы *Федотово*, *Ольгино*, *Тургеневка* содержат в себе греческую, германскую и тюрко-монгольскую основы. В этих основах мы находим чуждые славянским языкам (начальное *ф-*) или типичные для неславянских языков (гармония гласных) фонетические особенности. Но все три топонима входят в русскую (славянскую) топонимическую систему. *Mutatis mutandis* мы можем признать наличие неиндоевропейских признаков в догреческом субстрате, но это еще не служит доказательством неиндоевропейского характера догреческой ономастической системы. Вот почему, когда Э. Фюрне приводит для греческих фонетических анамалий аналогии из самых различных неиндоевропейских языков — от Атлантического океана до Азии, — с ним во многих случаях можно согласиться. Когда же он попытался поставить вопрос на конкретную почву, огра-

⁴ (Dressler 1964, 112).

⁵ Подробнее об этом см. (Откупщиков 1982, 27—28).

ничив свои сопоставления картвельским материалом (Furgée 1979), очень многие примеры его первой книги утратили свое значение (ибо соответствующих явлений нет в картвельском). Это сказалось и на сравнительном объеме двух книг (461 и 65 страниц), и на убедительности аргументации. И это — несмотря на то, что после критики А. Кейперса кавказский материал был пересмотрен автором в сторону сильного сокращения: 11 грузинских и 2 сванских примера — против 37 грузинских и 7 сванских в первой книге (Bielmeier 1983, 371). Резкой критике вторую книгу Э. Фюрне подверг К. Шмидт (Schmidt 1979, 93—98).

Гораздо более осторожную позицию в этом вопросе занимает Р. В. Гордезиани. Он пишет не о кавказском субстрате в Эгиде, а о кавказско-эгейских контактах (Гордезиани 1983; Gogdesiani 1983); ср., однако (Гордезиани 1985).

В настоящее время многие исследователи признают, что греки не были первыми индоевропейцами, пришедшими в Элладу. Их индоевропейские предшественники встретили здесь неиндоевропейское население, у которого они заимствовали большое количество слов (в частности, очень много названий растений; ср. (Meillet 1920. 1 sq.)). Эту лексику они индоевропеизировали, в результате чего в лексике пришельцев (как апеллятивной, так и ономастической) оказались не только исконно индоевропейские, но и индоевропеизированные неиндоевропейские слова. Таким образом можно объяснить, почему однотипная по своему характеру лексика в одних случаях этимологизируется на индоевропейской и даже на греческой основе, а в других — нет. Так, $\mu\acute{\iota}\kappa\upsilon\theta\omicron\varsigma$ 'маленький' не только легко этимологизируется как индоевропейское слово, но иногда даже признается греческим (Zgusta 1964, 315), хотя оно явно догреческое по своей словообразовательной модели. В то же время однотипное $\lambda\acute{\iota}\kappa\upsilon\theta\omicron\varsigma$ единодушно причисляют к догреческому слою лексики. Догреческий топоним $M\acute{\upsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ также имеет индоевропейскую этимологию, а В. Георгиев его даже считает греческим и относит к греч. $\mu\acute{\upsilon}\lambda\eta$ 'мельница' (Georgiev 1981, 184). Однако словообразовательная модель этого топонима — явно догреческая, да и сама структура корня (вокализм υ рефлекса $\upsilon\lambda$) заставляет некоторых исследователей рассматривать даже греч. $\mu\acute{\upsilon}\lambda\eta$ как догреческое слово (см., напр. (Напр 1983, 12)). Несмотря на это, у топонима $M\acute{\upsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ — достаточно надежная индоевропейская этимология.⁶ В то же время $\Lambda\acute{\omicron}\rho\iota\sigma\sigma\alpha$ и целый ряд других догреческих -σσ-топонимов на индоевропейской почве не имеют удовлетворительной этимологии. Многочисленные противоречия подобного рода будут устранены, если мы примем гипотезу об индоевропейском догреческом субстрате, усвоившем у местного

⁶ Об этимологии догреч. $M\acute{\upsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ см. (Откупщиков 1973, 23), а также ниже.

населения значительное количество неиндоевропейских слов в результате переселения на территорию Эллады.

СЕМИТСКАЯ ГИПОТЕЗА

Гипотезы, связанные с семитским влиянием на древнегреческий язык, не получили широкого распространения. Правда, еще в XIX в. Ф. Моверс пытался все и вся в греческом объяснять из семитского (Movers 1841). Эту тенденцию А. Фик образно охарактеризовал хлестким словом Phoenikomanie (Fick 1909, 4). Не отрицая того очевидного факта, что в греческом языке действительно есть определенное количество семитских заимствований, нужно сказать, что логика рассуждений и методика исследования сторонников семитской гипотезы зачастую оказываются весьма примитивными. Так, в одной из старых работ говорится: поскольку Britannia и Hibernia — не греческие названия, они должны быть (!) финикийскими или карфагенскими (Lewwel 1831, 17). В другой работе утверждается, что догреческий топоним Μαράθων (ср. μάρathon 'укроп') образован от финик. marath 'господин' (Lewy 1895, 144).

В последние 30 лет ту же линию, но уже с учетом дешифровки М. Вентриса продолжают С. Гордон и его ученик М. Эстер. В целой серии своих статей 1957—1967 гг. и в небольшой книжке, вышедшей в 1966 г. (Gordon 1966), С. Гордон пытается доказать, что язык линейного письма А — семитский. Гипотеза эта получила резко отрицательную оценку в рецензиях.⁷

М. Эстер пошел еще дальше своего учителя. Давая всем чисто греческим, догреческим индоевропейскому происхождению и просто неясным именам семитские «этимологии», он заключает свою книгу словами: «Эллинизм явился эпилогом восточных цивилизаций, а семитизм был прологом цивилизации греческой» (Astour 1965, 361). В своей уничтожающей рецензии на эту книгу Дж. Бордмен не находит нужным разбирать «этимологии» автора, он только иронически иллюстрирует их.

ХЕТТО-ЛУВИЙСКАЯ ГИПОТЕЗА

Еще задолго до дешифровки Б. Грозного А. Фик высказал предположение о том, что в результате вторжения из района Ликий на Крит (Fick 1905, 126) в Греции появились носители хеттского языка. Хеттов затем сменили иллирийско-фракийские племена, после чего в Элладу пришли греки (Fick 1909, 7). Идеи о лувийском субстрате в Эгеиде развивал в своих работах также Э. Форрер. Он считал, что -υδ- и -σ-топонимы — лу-

⁷ См., напр. (Pope 1967, 159 sqq.; Bennett 1968, 110 sqq.; Ruijgh 1968, 195 sqq.). Комическое впечатление в связи с этим оставляет спор С. Гордона с Я. Бестом о приоритете «открытия» семитского характера линейного письма А (Gordon 1984); ср. (Best 1982).

вийские, что лувийцы занимали обширную территорию от Адриатики до Персии (Fogger 1921, 23—24), что около 4000 г. они были уже в Эгее и в Малой Азии (Fogger 1930, 241). П. Кречмер, который неоднократно менял свою позицию в вопросе о языковой принадлежности догреческого субстрата (неиндоевропейский, протоиндоевропейский,⁸ лувийский), присоединился к Э. Форреру, сначала — в очень осторожной форме (см. Georgiev 1941, 37)), а затем — весьма решительно. Анатолийское влияние, по мнению П. Кречмера, не было ограничено культурными или торговыми связями, это было «настоящее малоазиатское вторжение» (Kretschmer 1940, 253). Об анатолийской принадлежности догреческой топонимике писали и другие исследователи. Так, К. Бак считал, что в Элладе жило сначала население, родственное населению Придунайской области (до 2500 г.). Затем его сменило «эгейское» население, родственное анатолийцам (2500—1600 гг.), которое и оставило свои следы в топонимике. Наконец, их сменили греки (Buck 1926, 26). В переводе на современную терминологию это дает такую стратификацию: 1) до 2500 г. — язык фракийского типа, 2) 2500—1600 гг. — язык хетто-лувийского типа, 3) с 1600 г. — греческий язык.

В конце 1950-х годов к хетто-лувийской гипотезе почти одновременно вернулись Л. Палмер и А. Хойбек. Формально разница в их позиции сводится лишь к тому, что Л. Палмер догреческий индоевропейский слой, находящийся между неиндоевропейским субстратом и греческим языком, связывает с лувийским, а А. Хойбек — с хеттским языком. Работа Л. Палмера (Palmer 1958) была опубликована на три года раньше (Heubeck 1961), но А. Хойбек специально подчеркивает независимость своей гипотезы (Ibid., 5).

Л. Палмер считает, что около 1900 г. до н. э. лувийцы вторглись в материковую Грецию, а около 1700 г. до н. э. — на Крит (Palmer 1958, 93; 1961, 26). Позднее он анатолийское вторжение в Грецию стал относить ко времени незадолго до 2000 г. (Palmer 1969, 26). Основные аргументы Л. Палмера сводятся к следующему. В недешифрованных текстах линейного письма А, читаемых по правилам М. Вентриса, он нашел слово a-sa-sa-ra-(-me) и сопоставил его с именами хеттской богини Išḫaššara- (Palmer 1958, 80—84; 1961, 237). Опираясь на этимологию Э. Форрера (Παρνασσός — к хетто-лув. parna- 'дом' (Fogger 1930, 242)), Л. Палмер подкрепил ее ссылкой на анатолийский топоним Parnašša⁹ и сделал вывод, что до прихода греков на Парнасе находилось лувийское святилище, ибо parna 'дом' следует понимать в значении 'храм' (Palmer 1958, 90).

⁸ Относительно "Protoindogermanisch" П. Кречмера см. (Katičić 1976, 1, 57—62).

⁹ Сопоставление это принадлежит Э. Ларошу (Laroche 1957, 2, 5).

Эта этимология была принята целым рядом исследователей (Huxley 1961, 26; 1976, 119; Harmatta 1964, 46; Гиндин 1967, 148; 1981, 96—98 и др.). Наконец, Л. Палмер видит подтверждение своей гипотезе в сходстве критских дворцов примерно 1700 г. до н. э. с дворцом в Бейсесултане (Ликия), который, по его мнению, древнее критских дворцов (Palmer 1958, 78). В этих своих выводах Л. Палмер опирался на результаты раскопок 1955 г. и на выводы С. Ллойда и Дж. Мелларта об анатолийских истоках критской архитектуры (Lloyd — Mellaart 1956, 118—123).¹⁰

А. Хойбек, пришедший к своей гипотезе в результате занятий лувийским языком, также считает, что во II тыс. до н. э. на Крит проникли хеттские племена — в отличие от лувийских племен в гипотезе Л. Палмера (Heubeck 1961, 18). Он отмечает ряд фонетических особенностей, характерных для догреческого субстрата, и находит их в хеттском языке. Так, известное колебание d/l типа 'Οδυσσεύς/'Ολυττεύς он сопоставляет с вариантами титула хеттского царя tabarna/labarna и делает вывод, что эта особенность доиндоевропейского происхождения принесена на Крит хеттами (Ibid., 26). В пользу гипотезы Л. Палмера — А. Хойбека в работах целого ряда исследователей приводились различные списки топонимических соответствий между эгейскими и анатолийскими топонимами, причем обычно делался вывод о распространении топонимов из Анатолии в Эгеиду и на Балканы. Этот тезис был положен в основу одной старой, ставшей уже классической работы (Haley—Blegen 1928). Подробный список (71 пример) эгейско-анатолийских сопоставлений приводит Э. Ларош (Laroche 1957, II, 1—7). В этом списке есть несколько сходных имен: Alašša — Αλωσσος, Parnašša — Παρνασσός. Но в основном в Анатолии мы находим имена, не имеющие соответствий в Эгеиде (Hupiggašša, Palappalašša) или представляющие собой совсем иной тип образований (Ušhamul-lunišša).

Важно, что в сопоставлениях подобного типа нет даже намек на какую-то закономерность, обычно связанную с фонетической субституцией в процессе заимствования. Одинаковые по типу топонимы имеют совершенно разные рефлексy в Эгеиде. Так, однотипные образования Kuriwanda, Waliwanda и Millawanda дали якобы догреч. Κόρινθος, Ἀλάβανδα и Μίλητος (во всех трех случаях — разные словообразовательные модели (Georgiev 1961, 41).

¹⁰ Остальные доводы Л. Палмера едва ли достойны внимания. Так, ссылаясь на лувийский суффикс -uwa, он приводит 10 примеров на -wa из линейного письма Б, причем из них — только 2 примера на -uwa (Palmer 1958, 91). Это говорит в пользу лувийского субстрата в Греции ничуть не больше, чем, например, многочисленные литовские топонимы типа Lietuvà, Seduvà и т. д. в пользу балтийского субстрата.

Гипотеза Л. Палмера — А. Хойбека подверглась резкой критике со стороны историков, археологов и лингвистов. В ряде работ содержится уничтожающий анализ археологических аргументов Л. Палмера. Керамика, архитектура, характер погребений и другие археологические данные — против хетто-лувийской гипотезы. Раскопки в Дельфах не содержат ни малейших следов лувийской культуры (Mylonas 1962a, 288—296).¹¹ Очень резко о гипотезе Л. Палмера и А. Хойбека отзывается Ф. Шахермейр. Он пишет о полной неправдоподобности «современных фантазий о лувийской экспансии», о том, что раскопки (особенно — Доро Леви) свидетельствуют о непрерывности развития на Крите от 2100 до 1500 г. — что исключает постулируемое Л. Палмером лувийское «вторжение» около 1700 г. (Schachermeyr 1962a, 81). Однако авторы гипотезы (которых Ф. Шахермейр не очень лестно именует Hypothesenmacher) не заботятся об археологическом материале (Schachermeyr 1968, 306). Критикуя археологические построения Дж. Мелларта — одного из немногих археологов, признающих наличие лувийского субстрата в Греции (см., например, из более поздних работ (Mellaart 1971, 410)), Ф. Шахермейр квалифицирует модные теории, связанные с предполагаемым анатолийским субстратом в Греции, как панлувиализм (Schachermeyr 1966, 20). Касаясь сопоставлений в области топонимики типа Alassos — Alašša, Ф. Шахермейр полагает, что это или “Kling-Klang-Ähnlichkeiten”, или следы общего доиндоевропейского субстрата (Schachermeyr 1962b, 37). Э. Вермёле также подвергла суровой критике археологическую сторону лувийской гипотезы, признав ее полную несостоятельность (Vermeule 1964, 62). Касаясь расхождений С. Гордона и Л. Палмера в интерпретации слова a-sa-sa-ra(-te) из линейного письма А, она пишет, что спор о том, что обозначается ли этим словом лувийская богиня или семитский джентльмен, постоянно вызывает веселое оживление в археологических кругах (Ibid., 334). Дж. Грэм подверг детальному анализу материалы, связанные с сопоставлением архитектуры дворцов Ликий и Крита. Он (как К. Меллинк и Ф. Шахермейр) считает выводы С. Ллойда о «поразительном сходстве» архитектуры этих дворцов слишком поспешными и уверенно заявляет, что архитектура не дает никаких оснований для поддержки гипотезы Л. Палмера (Graham 1964, 203—209). К тому же, как заметил Ф. Шахермейр, минойские дворцы, вопреки утверждению С. Ллойда и Дж. Мелларта, более чем на два столетия древнее дворца в Бейсесултане (Schachermeyr 1962b; 27 f.; 1967, 36).

Из других серьезных аргументов, выдвинутых против хетто-

¹¹ «Конечно, археолог не может нести ответственность за отсутствие археологических данных для доказательства лингвистической гипотезы», — иронизирует в связи с этим автор (Ibid., p. 25).

лувийской гипотезы, следует отметить наличие у суффикса -σσ- варианта -тτ-, что делает неправдоподобной гипотезу, возводящую соответствующие топонимы к лувийскому -ss- (Crossland 1961, 375—376; 1971, 849; Georgiev 1974a, 245). Наряду с полной несостоятельностью археологической базы слабой является и лингвистическая аргументация этой гипотезы, по существу, сводящаяся более чем к сомнительной интерпретации слова из недешифрованного линейного письма А (ср.: Crossland 1971, 849; Jasink 1981, 105). А. Камменхубер отметила, что оба элемента хеттского слова *išhaššara*, с которым Л. Палмер сравнивает лин. А *a-sa-sa-ra*, — неиндоевропейские (Kammenhuber 1961, 45 f.), а М. Поуп опубликовал по этому поводу заметку с «ядовитым» названием «Минойская богиня *Asasara*. Некролог» (Pope 1961, 29—31).¹²

О неприемлемости хетто-лувийской этимологии *Παρνασσός*; речь пойдет в гл. IV.¹³

Критику, подчас весьма резкую, направленную против хетто-лувийской гипотезы и против отдельных ее положений, можно найти также во многих других работах: Kammenhuber 1959, 13; 1968, 794 f.; 1969, 260 f.; Kronasser 1960, 51; Starr 1961, 25 sq.; Puhvel 1962, 303 ("Pan-Luwianism"); Hester 1965, 78; Grumach 1968, 78; 1969, 425 ("Luviomania"); Chadwick 1969a, 11; Caskey 1973, 139; Hopper 1976, 18 и др.

Непреодолимые трудности перед хетто-лувийской гипотезой встают в связи с вопросом о пути, по которому хетты и лувийцы пришли в Анатолию. В этом у специалистов (историков, археологов, лингвистов) нет единого мнения. Одни полагают, что анатолийские племена пришли в Малую Азию с востока — через Кавказ (Sommer 1947, 1 ff.; Kammenhuber 1959, 7; Gimbutas 1960, 549; Hauschild 1964, 18—22, 43), другие — с запада, через Балканы (Десницкая 1952, 15; Harmatta 1964, 42; Гиндин 1981, 29), третьи — оставляют вопрос открытым (Дьяконов 1968, 27 сл.). Однако в любом случае у гипотезы Л. Палмера — А. Хойбека концы не сходятся с концами. Допустим, хетты и лувийцы около 2000 или 1900 г. (обычная дата) пришли с востока. После этого лувийцы (по Л. Палмеру) или хетты (по А. Хойбеку) переправляются на Балканы, около 1700 г. захватывают Крит, после чего лет через 200—250 возвращаются обратно в Малую Азию, оставив после себя на огромной территории от Фракии до Крита и Кипра сотни топонимов «анатолийского» типа, а также сотни антропонимов и теонимов, заполнивших всю греческую мифологию. При этом они почему-то не оставили никаких археологических следов, а также следов в

¹² Дж. Хаксли, правда, считает публикацию этого «некролога» преждевременной (Huxley 1976, 118).

¹³ См. в связи с этим также (Откупщиков 1973, 24; 1986 — с литературой и детальной аргументацией).

апеллятивной лексики — что очень странно и очень... удобно для сторонников хетто-лувийской гипотезы.

В самом деле, любое сопоставление на уровне апеллятивной лексики можно проконтролировать семантически. Так, греч. *δῶμος* и лат. *domus* 'дом' — вполне сопоставимы, а вот лат. *gapa* 'лягушка' и рус. *рана* — нет. А сколько таких этимологических «лягушек» благополучно сопоставляется с «ранами» в исследованиях по ономастике! С позиций гипотезы Л. Палмера и А. Хойбека отсутствие апеллятивной хетто-лувийской лексики среди слов догреческого происхождения совершенно необъяснимо, если учесть то огромное культурное влияние, которое носители догреческого субстрата оказали на греков. Между тем хорошо известно, что прибывшие в Анатолию хетты и лувийцы находились на более низком уровне культурного развития, чем местное население. В ассирийских текстах начала II тыс. до н. э. вновь прибывшие индоевропейцы презрительно именуется «варварами» (пи'а'и), в то время как хурритов ассирийцы считали равными себе (Lewy 1965, 13). На восприятие местной неиндоевропейской культуры, которое, по-видимому, протекало весьма интенсивно, должно было уйти немало времени. Заниматься «культуртрегерством» в XIX в. или даже ранее XX в. хеттам и лувийцам было просто некогда. В итоге хетты заимствовали так много лексики у хурритов, хаттов и других неиндоевропейских народов, что вскоре после дешифровки Б. Грозного один из известных лингвистов заметил, что хеттский язык — индоевропейский по своей словоизменительной системе, но неиндоевропейский по своей лексике (Buck 1926, 9). Все это делает крайне маловероятным допущение о «вторжении» анатолийских племен на Балканы и в Эгеиду при допущении их прихода в Анатолию с востока.

Еще более сложной оказывается ситуация при допущении прихода хеттов и лувийцев через Балканы. Даже сторонники гипотезы Л. Палмера — А. Хойбека признают, что большая часть имен с суффиксом -šš- не может быть объяснена с помощью хеттской или лувийской лексики (Huxley 1961, 28).¹⁴ Общеизвестно, что хетто-лувийская ономастика — почти сплошь заимствована из доиндоевропейского анатолийского субстрата. Каким же образом хетты или лувийцы могли распространять эту ономастику на Балканах еще до того, как они прибыли в Анатолию? Попытка Дж. Мелларта привести лувийцев в Анатолию западным путем (двумя волнами — около 2800 и около 2300 гг.), а хеттов — восточным (около 1900 г.),¹⁵ естественно, была встречена критически. Различия между хеттским, лувий-

¹⁴ «...Анатолийские -šš-топонимы II тыс. до н. э. не являются лувийскими» (Crossland 1961, 376). Ср. также (Иванов 1963, 11).

¹⁵ См. (Mellaart 1971, 409, 703). Эта точка зрения высказывалась и в более ранних работах Дж. Мелларта.

ским и палайским не столь велики, чтобы можно было допустить такую длительную утрату контактов (Crossland 1971, 837—845).

Отход сторонников хетто-лувийской гипотезы от своих позиций начался, по сути дела, уже в первых их работах. Л. Палмер неоднократно подчеркивал, что идея о лувийском субстрате — это «всего лишь рабочая гипотеза» (Palmer 1958, 93; 1961, 237; 1968, I, 351). Об этом же писал Дж. Хаксли (Huxley 1961, 33), причем он неоднократно подчеркивал трудности при объяснении многих фактов (см., например, с. 28, 29, 30—31). Лувийские топонимы, считает Л. Палмер, могли быть перенесены в Эгеиду и на Балканы не лувийцами, а носителями другого языка (Palmer 1968, I, 344). Наши знания лувийского столь отрывочны, что использовать его для дешифровки линейного письма А — это все равно, что носить воду в решете. Он добавил при этом не без (самокритичного) юмора: «Попытка будет еще более тщетной, если окажется, что нет воды» (Ibid., p. 346).

Э. Ларош, который в 1961 г. писал, что в начале II тыс. до н. э. индоевропейский народ анатолийского типа вторгся в Грецию, принеся с собой топонимы типа Παρνασσός, Ἐρύμανθος (Laroche 1961, 98), в 70-е годы резко изменил свою позицию. Теперь он пишет о дробности в центральной Анатолии начала II тыс. до н. э., об отсутствии крупных объединений, которые могли бы привести к обширной экспансии: «Ничто больше не позволяет предполагать присутствие хеттских или лувийских контингентов на Эгейских островах или на „догреческом материке“» (Laroche 1973, XVIII).

Изложенный выше критический разбор хетто-лувийской гипотезы был, в основном, ориентирован на вариант Л. Палмера. Что касается А. Хойбека, то он больше внимания уделял фонетическим сопоставлениям. И здесь обычно наиболее весомым признается его аргумент, связанный с колебанием d/l. На основании нескольких изолированных примеров из анатолийских языков А. Хойбек делает вывод, что эту фонетическую особенность, отмеченную также в текстах линейного письма Б, принесли на Крит хетты (Heubeck 1961, 26). Д. Хестер, возражая А. Хойбеку, справедливо указывает, что смещение d/l лучше засвидетельствовано за пределами анатолийского и линейного письма Б, чем в каждом из них (Hester 1965, 340). Действительно, могут ли лат. *dingua* — *lingua*, *dacruma* — *lacrima*, *se-deo* — *solium*, *odor* — *olere* подтвердить, что хетты и в Италию принесли с собой эту особенность?

Таким образом, можно считать, что гипотеза о наличии хеттского или лувийского субстрата на Балканах и в Эгеиде не выдерживает критики и должна быть оставлена. Конечно, и греческий и анатолийские языки являются языками индоевропейскими. Поэтому они неизбежно должны иметь какое-то количество

изоглосс, как и любые другие индоевропейские языки. Возможны здесь и изоглоссы эксклюзивные, а также заимствования — непосредственные (о чем у нас нет никаких сведений) или опосредствованные. Так, Г. Краэ, сопоставив греч. *iŷar* и хетт. *ešhar, išhar* 'кровь', греч. *ῥαδός* и хетт. *ḫaratiš* 'слуга', высказал предположение о заимствовании из хеттского в греческий. В других приведенных им примерах Г. Краэ предполагал заимствование из общего третьего источника (Krahe 1939, 184). Р. Гусмани, полемизируя с А. Камменхубер, В. Порцигом и Г. Кронассером, писавшими о малом числе хетто-греческих изоглосс и об отсутствии особо тесных связей между соответствующими языками, приводит ряд (до)греческо-хеттских соответствий (Gusmani 1968a, 80—89), которые в одних случаях, видимо, отражают общий доиндоевропейский субстрат, а в других — хеттское посредничество при распространении лексики с Востока на Балканы и в Эгеиду. Но эти изолированные примеры, отражающие обычные языковые контакты, разумеется, ничего не говорят ни об особом родстве догреческого с анатолийским, ни о наличии хетто-лувийского субстрата в Греции.

«ПЕЛАСГСКАЯ» ГИПОТЕЗА

Эта гипотеза выросла на базе гипотезы иллирийской, особенно популярной в 30-е годы. Хотя наши сведения об иллирийском языке крайне скудные, «паниллиристы»¹⁶ повсюду видели следы иллирийцев и их языка. Наиболее яркий представитель иллирийской гипотезы Г. Краэ писал: "Ohne die Illyrier kein Rom und kein Römertum — und ohne die Illyrier kein Sparta und kein Doriertum!" (Krahe 1949a, 14). Увлечение поисками иллирийцев приводило подчас к конфузу. Так, Г. Краэ прочел как иллирийскую одну надпись на кольце греческой надписью IV—VII вв. н. э. или даже X в. н. э. (Огненова 1958, 333 слл.). Иллирийская «богиня» *οηθη* этой надписи оказалась всего лишь частью греческого слова *ΒΟΝΘΗ*. Позднее Г. Краэ преобразовал свою теорию, заменив "Illyrisch" на "Alteuropäisch" (Krahe 1964b). Наиболее обстоятельную критику иллирийской гипотезы можно найти в статье Г. Кронассера «К положению в иллиристике» (Kronasser 1962); см. также (Katičić 1976, I, 165 sqq.).

С «паниллирийских» позиций начинал свои работы по теории догреческого субстрата В. Георгиев. Если Г. Краэ писал, что без иллирийцев не было бы ни Рима, ни Спарты, то В. Георгиев в ранних своих работах считал иллирийцев создателями крито-микенской культуры и отождествлял индоевропейский язык догреческого субстрата с (древне)иллирийским языком

¹⁶ Этот термин употреблял П. Кречмер (Kretschmer 1943, 103) и другие ученые.

(Georgiev 1937, 54). В 1941 г. В. Георгиев пишет как о вариантах одного названия о терминах «древнеиллирийский», «фрако-иллирийский» и «протоиллирийский». Чтобы не было путаницы, он предполагает в дальнейшем пользоваться терминами «догреческий» и «пеласгский». ¹⁷ Позднее В. Георгиев вообще отказался от сближения иллирийского и фракийского, признав, что это два различных индоевропейских языка (см., напр. (Georgiev 1972a, 235; 1972b, 14)), что «по-иллирийски говорили только в Иллирии» (Georgiev 1966a, 290). Кроме терминов «догреческий» и «пеласгский» язык догреческого субстрата в ряде работ назывался также «фрако-пеласгским» (Сапоу 1959a, VII; 1960, 336), «ахейским», и даже «георгиевским» — “die Georgievische Sprache” (Merlingen 1955, 31—32; 1963, I, 8—9); в последнем случае имеются в виду заслуги В. Георгиева в разработке теории догреческого субстрата.

Заслуги В. Георгиева в определении характера догреческого слоя древнегреческой апеллятивной лексики и ономастики, действительно, чрезвычайно велики. Ему удалось доказать, что и по структуре корня, и по словообразовательным закономерностям язык догреческого субстрата индоевропейский. Во многих случаях выдающийся болгарский ученый предлагает оригинальные, а подчас убедительные индоевропейские этимологии догреческих топонимов, антропонимов, теонимов.

Методика В. Георгиева во многом опирается на этимологический анализ. Слабые стороны, связанные с этимологизированием ономастики, он прекрасно понимает. Поэтому наряду с этимологией он уделяет большое внимание фонетическому и словообразовательному анализу, а также структуре корня догреческой лексики. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим методические приемы В. Георгиева, является, пожалуй, сопоставление слов τᾶφος и τῦμβος ‘могила’. Сопоставление с арм. ճամբար ‘могила’ позволяет возвести греческие слова к праформе *dhmbhos. Оба звонких придыхательных должны дать в греческом языке θ и φ, но первый из них утрачивает придыхание по закону Грассмана. Слогообразующий m дает в качестве закономерного рефлекса α. В целом греч. τᾶφος по всем параметрам является логичным продолжением и.-е. *dhmbhos. Что касается τῦμβος, то здесь фонетические изменения не соответствуют нормам греческого языка. Слогообразующий m дает в этом случае рефлекс υμ, чуждый греческому языку, но обычный, например, в германском и хорошо известный в догреческой апеллятивной и ономастической лексике (ср., напр., ἰὺμβη ‘чаша’, Τῦμνησσός (город Кари) и др.). Звонкие придыхатель-

¹⁷ Путаница все равно сохранилась. Так, Э. Фюрне пользуется терминами «догреческий» и даже «пеласгская теория» применительно к неиндоевропейскому субстрату; см. (Furnée 1972; 1979) — уже в заглавиях книг.

ные dh—bh сначала по закону Грассмана изменились в d—bh, а затем в результате передвижения согласных дали t и b (τύμβος). Следовательно, τάφος — это исконное греческое слово, а τύμβος было заимствовано из негреческого, но индоевропейского языка.

Рефлексы индоевропейских слогообразующих сонантов, не совпадающие с греческими, засвидетельствованы не только для слогообразующего m, но и для других сонантов (Σκόλλα, Σμόρνα, Τυνδάρης). Догреч. πύργος 'башня' полностью совпадает по своей структуре с τύμβος. Здесь и.-е. *bhrghos (ср. гот. baúrgs 'башня') претерпело те же самые фонетические изменения (→ πύργος), что и *dhmbhos → τύμβος. В работах В. Георгиева и его последователей приводятся также и другие примеры догреческих слов с явными индоевропейскими, но не греческими признаками. Правда, эти примеры, как правило, не столь четкие и убедительные. Τύμβος и πύργος представляют собой своего рода "Paradebeispielen" сторонников «пеласгской» гипотезы. Впрочем, и в этих примерах не все до конца безупречно. Еще Э. Швицер отметил, что сопоставление τύμβος = τάφος не объясняет греческой диалектной формы τυμός, подкрепленной латинским tumulus (Schwyzer 1939, I, 496). У догреч. πύργος нет греческого соответствия *πάρχος (ср. τύμβος — τάφος), но зато есть параллельная форма φύρκος 'стена', где φ < bh (как в греческом), υρ < r (как в догреческом), а κ < gh, что свидетельствует об утрате аспирации (с последующим оглушением) не первым, как у πύργος, а вторым звонким придыхательным, и не соответствует ни греческому, ни «пеласгскому». Примеров подобного рода достаточно много, и все они убедительно говорят о гетерогенности догреческого субстрата, что не всегда учитывается сторонниками «пеласгской» гипотезы, особенно при составлении таблиц фонетических соответствий «пеласгского» и других индоевропейских языков.

Немало в работах самого В. Георгиева и его последователей откровенно неудачных, натянутых интерпретаций. Например, В. Мерлинген идентифицирует мифологические имена Καλυψώ и Χάρυβδις, постулируя для них соответствия κ/χ, λ/ρ, ψ/πτ > βδ — при разном морфологическом оформлении имен: -ώ и -ις (Merlingen 1967, 80). Он же идентифицирует 'Αχαιοί и Αἰγῆοι (Ibid., p. 44), топонимы с основами Αἰγ- и 'Αργ- (p. 46) и т. п. А. Ван Виндекенс сопоставляет греч. τάφος и θῆμβος 'удивление, страх' (van Windekens 1952, 3, 21, 33, 87), Δαίδαλος и Τάλος, γύγης 'водная птица' и κίβνος 'лебедь' (van Windekens 1960, 6—19). В принципе, последнее сопоставление возможно обосновать или передвижением согласных, или колебаниями глухой — звонкий (ср. лит. gulbis, gulbė — рус. (XVI в.) *коль* 'лебедь' (< *kulpis)). Но в греческом примере в отличие от бал-

то-славянского нам неизвестно, какая именно птица обозначается словом γύγης, и словообразовательное оформление сопоставляемых слов различно. Это всего лишь сопоставление на корневом уровне, что при прочих его недостатках выглядит позволительно.

Тем не менее основы «пеласгской» гипотезы базируются не на этих неудачных или не во всем убедительных примерах, а на достаточно надежно установленных закономерностях индоевропейского характера, которые постоянно проявляются в апеллативной и ономастической лексике догреческого субстрата.

Так, при сопоставлении догреч. πύργος с топонимами Πέρραμον и Παρρασίς четко проявляется хорошо известное индоевропейское чередование е/о/нуль в форме ег/ог/г (van Windekens 1952, 131). Причем, чередование Πέρρ(αμον) : πύργ(ος) полностью совпадает с нем. Berg : Burg. Многочисленные чередования в топонимике типа Λαρνησός 'Парнас': Λυρνησός (город в Троеде), Ἀλίκαρνα = Ἀλίκορνα (МН в Этолии), Παρρασός (и лин. Б ра-па-со) : ру-па-со (лин. Б = Πυρρασός¹⁸) могут быть объяснены отражением разной ступени огласовки корня (ог и г), принадлежностью топонимов к разным языкам с рефлексами г в виде аг (как в греческом) или в виде иг (как в германском и в догреческом). Возможно также, что носители разных языков использовали разные ступени огласовки корня (ср., например, греч. λύχνος 'светильник' — с нулевой ступенью огласовки корня и лат. lupa < *louksna — с полной ступенью).

Признавая несомненные заслуги В. Георгиева в деле обоснования и развития «пеласгской» гипотезы, нельзя не отметить непоследовательность и ошибочность целого ряда его общих выводов. Так, В. Георгиев пишет об «очень сильном сходстве» догреческого языка с греческим (Георгиев 1953, 15), но помещает его в одну группу с хетто-лувийским (там же, с. 14), хотя подчеркивает резкое различие между греческой и хетто-лувийской лексикой и ономастикой (Георгиев 1958, 111). Отмечая исключительную близость догреческого и фракийского языков и допуская чуть ли не их полную идентичность,¹⁹ В. Георгиев пишет также об очень сильном сходстве греческого и фракийского.²⁰ Вместе с тем наиболее близкими к греческому он считает языки фригийский и македонский, которые когда-то составляли с ним один общий язык.²¹ После этого трудно признать не толь-

¹⁸ Обычное прочтение этого имени; см., напр. (Ruijgh 1967a, 176).

¹⁹ «...Прежде гърците Гърция. е била обитавана от население, което е говорило тракийски или един език, много близък до тракийски» (Георгиев 1957, 51).

²⁰ "Diese Ähnlichkeit war so gross, dass es in gewissen Fällen schwierig ist festzustellen, was griechisch und was thrakisch ist" (Georgiev 1966b, 23).

²¹ Эти языки "proviennent d'une langue commune" (Georgiev 1971, 167); ср. также (Georgiev 1966a, 289).

ко убедительным, но и хотя бы просто логичным вывод В. Георгиева о том, что фригийский язык «совершенно отличен» (*totalemment différente*) от фракийского (Georgiev 1972b, 14).

В 1958 г. В. Георгиев относил к одной и той же центральной индоевропейской группе языки греческий, фракийский, фригийский и (под вопросом) карийский (Георгиев 1958, 282). В 1981 г. эти языки он распределяет по трем разным группам: греческий и фригийский — центральная группа, фракийский — южная (эгейская), карийский — анатолийская группа (Georgiev 1981, 363). Вообще в высказываниях В. Георгиева по поводу генетических связей между отдельными древними языками Балкан, Эгеиды и Малой Азии подчас бывает довольно трудно разобраться. Тем более, что относящиеся к разному, а иногда даже к одному времени отнюдь не одинаковые высказывания делаются обычно в одинаково категорической форме.

Трудно признать убедительным и последовательным утверждение В. Георгиева о том, что догреческие топонимы имеют своей северной границей реки Ахелой, Памис и Пеней, а также горную цепь Пинд, что к северу от этой границы типичные догреческие топонимы не встречаются (Georgiev 1966a, 288). Если сам В. Георгиев фактически отождествляет догреческий с фракийским, то как можно исключить из зоны распространения догреческой топонимики Фракию, лежащую к северу от указанной границы и имеющую значительное количество *-σσ-*, *-ϑθ-* топонимов и других типично догреческих имен?

Серьезные возражения вызывают хронологические расчеты В. Георгиева.²² По его мнению, уже в неолитический период (включая ранний неолит) в 6000—2600 гг. в южной Греции и на Крите жили пеласги (Georgiev 1971, 162; 1974a, 249—250). Поскольку термином «пеласги» В. Георгиев обозначает негреческое индоевропейское население, возникает естественный вопрос о правомерности противопоставления «греческого» и «негреческого» в столь отдаленную эпоху (6000 г. до н. э.!) — будь то на этническом или на языковом уровне. Этот явный анахронизм объясняется постоянным стремлением В. Георгиева доказать, что в Греции и Эгеиде до прихода греков вообще никогда не было неиндоевропейского населения, что вся без исключения догреческая ономастика — индоевропейского происхождения.²³ А отсюда — его методическая установка на то, чтобы найти для каждого догреческого апеллятива или имени собственного индоевропейскую этимологию. "Panindogermanismus", — так была охарактеризована эта тенденция в рецензии на одну из книг В. Георгиева (Kronasser 1967, 109).

Затруднения с дальнейшей индоевропейской этимологизацией догреческой лексики, с одной стороны, и популярность хет-

²² См. об этом также (Откупщиков 1982, 28).

²³ См. (Georgiev 1981, 337 sqq.).

то-лувийской гипотезы (несмотря на резкую ее критику) в конце 50-х — в 60-е годы — с другой, привели к новой модификации «пеласгской» гипотезы, которая приобрела вид своеобразной контаминации двух концепций — «пеласгской» и хетто-лувийской. И здесь опять ведущее место принадлежит работам болгарского ученого В. Георгиева.

КОМПРОМИССНЫЕ ВАРИАНТЫ

В сравнительно ранних своих работах В. Георгиев отмечал «коренное различие» между индоевропейской (до)греческой и «почти целиком неиндоевропейской» хеттской ономастикой (Георгиев 1958, 111). Позднее он не только признает наличие анатолийского субстрата в Греции, но «читает» по-лувийски Фестский диск (Georgiev 1976), ранние надписи линейного письма А (Georgiev 1981, 90 sqq.),²⁴ этрусские (1974b; 1981, 229 sqq.) и элимские (Сицилия) надписи (1974c; 1981, 309 sqq.).²⁵ Таким образом, лувийская «экспансия» в трудах В. Георгиева приобретает размах, превосходящий все то, что можно найти у Э. Форрера и его последователей.

Теперь В. Георгиев не противопоставляет догреческий хетто-лувийскому, а, напротив, объединяет их, считая, что язык пеласгов генетически наиболее тесно связан с хетто-лувийским. Но поскольку от тезиса о ближайшем родстве и почти полной тождественности «пеласгского» и фракийского В. Георгиев не отказывается, ему приходится постулировать ближайшее генетическое родство фракийского и хетто-лувийского (Georgiev 1974a, 250). Если учесть, что В. Георгиев признает также исключительную близость «фрако-пеласгского» и греческого (см. выше), то отсюда совершенно естественно должен вытекать вывод о генетической близости греческого и хетто-лувийского. Но здесь мы уже от языков, о которых нам ничего или почти ничего неизвестно («пеласгский», фракийский), переходим в область без иксов и игреков. Нужно полагать, что вряд ли найдется индоевропеист, который будет отстаивать тезис о генетической близости греческого и хетто-лувийского языков.

Попытка В. Георгиева объединить «пеласгскую» гипотезу с хетто-лувийской противоречит его же тезису об отсутствии неиндоевропейского слоя лексики в догреческом. То обстоятельство, что хетто-лувийские языки являются индоевропейскими, в данном случае ничего не значит, ибо, как известно, очень высокий процент хетто-лувийской апеллятивной лексики и почти вся ономастика — неиндоевропейские.²⁶ Поэтому, если допустить,

²⁴ Раньше В. Георгиев их пытался читать по-гречески (Georgiev 1958, 77 ff.).

²⁵ Критический разбор этих чтений В. Георгиева см. (Откупщиков 1982, 21, 25—27).

²⁶ Вполне естественной является реакция индоевропеиста: "The Hittite vocabulary is a jungle" (Messing 1947, 163).

что догреческая ономастика — хеттского или лувийского происхождения, пытаться отыскивать для нее индоевропейские этимологии — достаточно бесполезное занятие. А если эта ономастика — неиндоевропейская, то почему для передачи ее от неиндоевропейского населения грекам понадобилось хеттское или лувийское «вторжение», которое завершилось сразу же после «акта передачи»?

В значительной мере эклектическую позицию, связанную во многом с направлением работ В. Георгиева, занимает Л. А. Гиндин (правда, расходясь в ряде вопросов с болгарским ученым). Он прямо пишет о своем стремлении совместить гипотезы А. Хойбека и В. Георгиева, допустив гетерогенность догреческой топонимики (Гиндин 1967, 40).

Сначала Л. А. Гиндин считал, что догреческий субстрат состоял из двух слоев: 1) анатолийского (или хетто-лувийского) и 2) «пеласгского»²⁷ (Гиндин 1967, 169 сл.); ср. также (Vignbaum 1974, 370 sqq.). Эта реконструкция, с небольшими отклонениями в терминологии повторяет идею А. Фика, который считал, что древнейшим догреческим слоем был хеттский, а более поздним — иллиро-фракийский (Fick 1909, 7); ср. также (Georgiev 1961).

По мнению Л. А. Гиндина, от анатолийского слоя до нас дошли только топонимы, а от «пеласгского» — также и апеллятивы (Гиндин 1967, 169). Подобная «избирательность» в передаче пеласгами анатолийских слов грекам выглядит крайне странной. Тем более, что для разграничения апеллятивной лексики и ономастики в смысле отнесения первой к «пеласгскому», а второй — к более древнему анатолийскому слою у нас нет никаких оснований: однотипность той и другой не вызывает никаких сомнений (Откупщиков 1976, 189 сл.). Понимая неприемлемость подобной позиции, Л. А. Гиндин меняет местами индоевропейские догреческие слои, отказываясь от стратификации А. Фика и примыкая к точке зрения К. Бака (Buck 1926, 26): 1) «пеласго»-фракийский, 2) анатолийский (Гиндин 1976, 54, прим. 15). Иногда он, видимо, забывает об этом изменении, ибо в той же работе (с. 55) пишет о четырех заимствованиях в греческий из хетто-лувийского через посредство «пеласгского», хотя последний теперь он относит к более древнему слою, чем хетто-лувийский.

Не все благополучно у Л. А. Гиндина с хронологией. По его мнению, в конце III тыс. до н. э. носители хетто-лувийских языков контактируют с протофракийскими племенами «на территориях, сопредельных Балканам с северо-востока» (Гиндин, 1981, 29). Около 2000 г., как известно, они — уже в Анатолии, причем в центральной и восточной. Когда же они успели занести в Грецию и на Крит Παρνασσός и другие «хетто-лувийские» топо-

²⁷ Как и В. Георгиев, он считает его близким к фракийскому.

нимы? Или — опять «вторжение»? Но когда? Хеттское царство переживает свой расцвет в XIV—XIII вв. Это слишком поздно, да и интересы хеттов устремлены в сторону Египта, а не Эгеиды (войны с Рамсесом II). Здесь остаются в силе все аргументы, уже приведенные при разборе гипотезы Л. Палмера — А. Хойбека.

Станным представляется утверждение Л. А. Гиндина, повторяемое во многих его работах, что идея о генетической близости «пеласгского» и фракийского языков — это «один частный результат» его работы 1967 г., «развитый в двух специальных статьях (Gindin 1969; Гиндин 1971), доказывающих генетическую близость» этих языков (Гиндин 1981, 5).²⁸ Идея о близком родстве и даже идентичности догреческого «пеласгского» и фракийского языков была высказана еще Д. Дечевым (Detschew 1952, 119), она давно стала *locus communis* в работах по фракологии и по догреческому субстрату. Выше были уже приведены высказывания В. Георгиева на этот счет. Он провел, в частности, тщательный сопоставительный анализ фонетики фракийского и «пеласгского» языков, придя — за 10 лет до появления первой книги Л. А. Гиндина — к выводу (со ссылкой на Д. Дечева): «Фонетика на тракийския език е идентична с фонетиката на пеласгийския (предгръцкия индоевропейски) език» (Георгиев 1957, 65). О близости этих языков неоднократно писал А. Ван Виндекенс (van Windekens 1954, 25; 1956, 59—61). Стронники «пеласгской» гипотезы постоянно пользуются термином "thraco-pelasgique" (Carnou 1959a, VII), "фракийско-пеласгский" (Георгиев 1958, 281). Поэтому в вопросе о близости «пеласгского» и фракийского языков логичнее было бы просто сослаться на результаты работы предшественников, указав на свое согласие с ними.²⁹

Не является новой и мысль (как мы увидим ниже — ошибочная) о генетической близости языков фракийского и «пеласгского», с одной стороны, хетто-лувийского — с другой (ср. (Гиндин 1967, 170; 1981, 29, 31, 183)). В свое время еще Х. Педерсен пытался объединить в единую «анатолийскую» лингвистическую группу хеттский вместе со всеми остальными языками Малой Азии — куда, естественно, входили также фракийский и фригийский языки (Pedersen 1945, 4—7).³⁰ О близком родстве «пеласг-

²⁸ Ср. также: «...Нашу мысль о генетической принадлежности пеласгского догреческого слоя к фракийскому», «...привели нас постепенно к мысли...» (Гиндин 1976, 49, 58); «...оказавшийся, по нашему мнению, в генетическом отношении тождественным фракийскому...» (разрядка моя. — Ю. О.) (Гиндин 1981, 15).

²⁹ В статье 1971 г. в «Вопросах языкознания» Л. А. Гиндин называет своих предшественников, но потом, видимо, привыкает к мысли, что идея о близком родстве «пеласгского» и фракийского принадлежит ему. Кстати, этническое единство «пеласгов» и фракийцев ("thrakisch-pelasgische Stämme") отмечалось еще в работах XIX в.; см., напр. (Giseke 1858).

³⁰ Против этой идеи (Десницкая 1955, 239).

ского» и анатолийского писал А. Карнуа (Carouy 1955, VIII), фракийского и хеттского — Я. Харматта (Harmatta 1964, 46). Об аналогичных высказываниях В. Георгиева по этому поводу речь уже шла выше. Болгарский ученый писал также о хеттском влиянии на фракийцев, в частности о проникновении имени хетто-хурритской богини Hebat во фракийские имена с элементом Hepta-/Epta- (Georgiev 1974d, 7; 1975, 32); сопоставление сделано еще П. Кречмером (Kretschmer 1927, 77).

Все эти идеи легли в основу последней книги Л. А. Гиндина (1981). Две центральные главы этой книги называются «Фрако-хетто-лувийские изоглоссы» (гл. IV) и «Фрако-малоазийские изоглоссы» (гл. V). Этих изоглоссов или «тождеств», как их местами называет Л. А. Гиндин, — очень немного. К тому же, изоглоссы главы IV, по большей части изоглоссами не являются, ибо, по признанию самого автора, они представляют собой заимствования из хетто-лувийского во фракийский. Поэтому они говорят о близком родстве фракийского и хетто-лувийского ничуть не больше, чем русские тюркизмы или топонимы тюркского происхождения в России — о генетической близости тюркских и славянских языков.

Что касается фрако-малоазийских изоглоссов, значительная часть которых была отмечена еще Страбоном (гл. V),³¹ то они, как известно, явились результатом переселения фракоязычных племен с Балкан в Малую Азию и никакого отношения к генетическим связям фракийского и хетто-лувийских языков не имеют.

Из 16 примеров фрако-хетто-лувийских изоглоссов, рассмотренных в книге, 8 сам автор считает «менее надежными» (с. 90), а большинство из 8 «более надежных» считает заимствованиями. Странной представляется попытка выдать за хетто-лувийское заимствование типично фракийский эпитет Геры 'Αρμουληνή (от ΜΗ Αρμουλη (Georgiev 1975, 20)). У этого слова чисто фракийскими являются и первичный суффикс -ουλ- (Vlahov 1968, 271), и вторичный -ην- (Dečev 1936; Schwyzer 1939, I, 69; Gălăbov 1963). Обратный словарь фракийских имен К. Влахова дает более 20 образований на -λ-ηνος и -λ-ηνοί, более 30 — на -ουλος, -ουλας, -ουλη (Vlahov 1963). Фракийское имя из Египта Καδουληνος (Calderini 1935. s. v.) построено точно по той же словообразовательной модели, что и 'Αρμουληνή. Поэтому ссылка на реконструированную хетто-лувийскую форму *Arṁav-l-, а тем более — на корень аг- < *ог- 'двигаться' (А. Гётце, см. (Гиндин 1981, 36)) ничего не дает для доказательства хетто-лувийского источника фрак. 'Αρμουληνή. Фракийско-мало-

³¹ Л. А. Гиндин справедливо замечает, что список Страбона «может быть значительно расширен» (с. 118), но разбирает всего 8 примеров, в основном уже отмеченных Страбоном.

азийская ономастическая основа Арμ³² дала Арμ-ουλ- подобно тому, как фрак. ЛИ Ταρ(αζ) дало Ταρ-ουλ(αζ), Τορκ(ος) — Τορκ-ουλ(αζ), Κερσ(αζ) — Κερσ-ουλ(αζ) и т. д. Тем самым отпадает и второй «надежный» пример Л. А. Гиндина: Τορκουλας — якобы с «хетто-лувийским» суффиксом -l-. Д. Дечев справедливо видел здесь типично фракийский суффикс (Detschew 1952, 514), и возражение Л. А. Гиндина ему (с. 40) — совершенно несостоятельно. Исконность фрак. ЛИ Τορκος подтверждается наличием чередования е/ο на фракийской почве; ср. Ρελτα-τερ-κος наряду с Τορκος. Общность происхождения фрак. Τορκος и имени хетто-лувийского бога грозы Ταηϋ- вполне допустима, но характер отношения между ними остается неясным: к сожалению, мы почти совсем не знаем фракийской апеллятивной лексики, а без этого всякие суждения на этот счет будут гадательны. Необходимо также иметь в виду сравнительно позднюю фиксацію хеттского теонима, который нам известен из иероглифических надписей лишь I тыс. до н. э. (V. Naas 1982, 23).

Фрак. ЛИ Τιαμαουζ Л. А. Гиндин также считает заимствованием: из лув. *Tiua-mauou-. Первую часть имени Τια- он сопоставляет с именем лувийского бога солнца Tiwat-, а во втором компоненте видит имя богини *Mava*. В целом имя почему-то переводится 'имеющий отношение к богине Mav(a)' (с. 49).³³ Л. А. Гиндин считает, что конечная часть фракийского имени имеет «специфически нефракийский облик» (с. 48). Между тем перед нами — обычная греческая передача конечного -a-us, видимо, недифтонгического характера; ср. ЛИ Ουρδαουζ, Siamaus, Γητριστουζ. Кроме того, хорошо известно, что фракийский язык был богат гласными, что подметил Аристофан, пародируя речь фракийца: Ἴαοναῖ, κέρανα (Aristoph., Aves, 1678). Наконец, Τιαμ- — хорошо известная в Эгееде ономастическая основа, и лувийский бог солнца Tiwat- не имеет, по-видимому, никакого отношения к фракийскому ЛИ Τιαμαουζ. Кстати, карийское ЛИ, сопоставимое с фракийским, — Τιαμοζ (Zgusta 1964, 512) никакой богини «Мавы» не содержит (о соотношении α и ου перед суффиксом см. с. 111). По структуре своей основы (ο : ου) фрак. Τιαμ-αουζ относится к кар. Τιαμ-ος так же, как, например, фрак. Ουρδ-αουζ к фрак. Ζβελ-θουρδ-ος. Вообще вычленение в составе ЛИ двух иноязычных теонимов методически трудно признать правдоподобным (разве что — ΜΙ 'Ερμαφροδίτος). Эта операция напоминает выделение у гидронима *Селенга* «теонимов» Σελίνη и Γᾶ. Хорошо еще, что ареал в данном случае полностью исключает подобную интерпретацию. Но поскольку фрак. ЛИ Τιαμαουζ не имеет ничего общего с лувийскими бога-

³² Быть может, с ней связано имя Афродиты у дельфийцев — Ἄρμα (Plut., Amat., 7)?

³³ Спрашивается: куда в переводе делось имя бога солнца?

ми, сама этимологическая процедура оказывается в своей основе совершенно одинаковой.

ЛИ *Magava* Л. А. Гиндин членит на *Ma-gava*, понимая это имя как «жрец Ма — фракийской богини-матери» — к лид. *ka-veś* 'жрец' (с. 51). Прежде всего во фрако-македонской области хорошо засвидетельствована простая ономастическая основа *Μαγ-*: макед. ЛИ *Μαγας* (Hoffmann 1906, 222 f.), фрак. ЛИ *Μάγδις* (о соотношении γ и $\gamma\delta$ см. гл. IV). У этой именной основы имеется много производных в догреческой топонимике, к тому же — с типичным для фракийского языка чередованием *e/a*: *Μάγαρα* — *Μέγαρα*, *Μαγαλασσός* — *Μεγαλασσός*, *Μάγαρρος* — *Μέγαρρος*. Суффиксальным производным от основы *Μαγ(α)-* является *Magaba* (гора в Галатии). Это обстоятельство, а также наличие большого количества типично догреческих суффиксальных производных с этой основой, позволяют считать, что *-v-* в *Magava* — всего лишь латинская передача поздней греческой беты, что *Magava* и малоаз. *Magaba* — это типичная фрако-малоазийская изоглосса, а *-b-* — известный фракийский суффикс. Ср. фрак. ЭН *'Ασται* → *'Αστάβη* (дочь Пеней), фрак. *Θαλης* (= *Ζάλμοξις*) → фрак. ЛИ *Θαλαβης*, фрак. ЛИ *Καρκος* → *Καρκάβος* (сын Триопа) (Σ II., IV, 88), фрак. ЛИИ *Νέστος*, *Ναστας* → *Νεσταβος*, *Nastabus* и мн. др. Следовательно, и здесь у нас нет никаких оснований считать типично фракийское образование заимствованием из хетто-лувийского.

Примеры 5 и 6 в списке Л. А. Гиндина представляют собой обычные случаи интерпретации суффикса (*-л-* и *-δων*, *-δον-*) в качестве значимого второго элемента сложного имени. Эти примеры будут рассмотрены ниже — в гл. III, посвященной принципам и методике анализа ономастического материала.

Вслед за П. Кречмером и В. Георгиевым Л. А. Гиндин выделяет у фракийских личных имен *Ελτα-κενθος*, *Ελτα-πορις* и др. основу *Ελτα-* и видит в ней имя хеттской богини *Hebat* (с. 64—65). Не говоря уже о фонетических неувязках, которые понятны и самому автору (отсутствие в передаче начального хеттского *Н-* или необычное отражение его в виде густого придыхания — с. 79),³⁴ поиски хетто-лувийского источника для широкораспространенной фракийской ономастической основы вообще излишни. Если считать эту основу заимствованной, то естественнее было бы обратиться не к хетто-лувийским «варягам», фракийские связи с которыми в высшей степени проблематичны, а к грекам, которые бесспорно на протяжении многих веков находились в тесных контактах с фракийцами и ономастику которых практически зачастую невозможно отделить от греческой.

³⁴ Очень запутанное объяснение с помощью предположения об «обратной миграции» (*Rückwanderung* — с. 80) не устраняет очевидной фонетической неувязки.

Река в Троаде 'Επτάπορος, имеющая также название Πολύπορος (Strab., XIII, 602—603), бесспорно содержит второй фракийский элемент (ср. Βόσπορος и др.). Ему семантически в греческом языке полностью соответствует ἐπτάστομος (= др.-инд. sapṭāsya) 'семиустый'; ср. также ἐπτάπορος 'семипутный'.³⁵ Для реки, имеющей дельту из нескольких устьев, названия 'Επτάπορος и Πολύπορος вполне естественны. В то же время в догреческой (гесп. фракийской и карийской) ономастике надежно засвидетельствовано соотношение названия рек на -ος и личных имен на -ις: Ἰμβρασσος (река на Самосе) — Ἰμβρασσις (кар. ЛИ); Πανύασσος (река в Македонии) — Πανύασσις (кар. ЛИ); 'Επτάπορος (река в Троаде) — Επταπορις³⁶ (фрак. ЛИ) (ср. также латинскую передачу: Neptaroris. ЛИ Επτα-κενθος вполне сопоставимо с Δεσα-κενθος (ср. греч. δέκα, др.-инд. dáśa 'десять' и др.), а численные обозначения личных имен — с лат. Septimius, Decimus. Второй элемент -κενθος связан генетически с лат. (re)cent-is (g. s.) 'свежий, молодой' (Дуриданов 1976, 94), ср. ст.-слав. ЧАДО 'дитя', а фрак. ЛИ Δεσα-κενθος отчасти этимологически, а отчасти типологически сопоставимо с греч. δέκα-γονία 'десятое поколение'.

Несуществующую (фрако-)хетто-лувийскую основу -pus Л. А. Гиндин пытается вычленил у фрак. ЛИ Επτη-πους (с. 64—65). Ссылка на кар. -πο-, сначала под знаком вопроса (с. 59), а потом уже уверенно (с. 60), основанная на неправильном (отвергнутом в настоящее время) «хетто-лувийском» прочтении одного имени недешифрованного карийского языка (Ursbu) никак не может считаться убедительной. Между тем в греческом языке обычны композиты πεντά-, ἐπτά-, ὀκτά-, δεκά-πους 'пяти-, семи-, восьми-, десятифутовый'. Естественно, что для личного имени пятифутовый рост — плохой «эталон», десятифутовый — нереален, а мужчина семи футов — это очень высокий человек «баскетбольного» роста (выше двух метров). Типологически подобное ЛИ можно сопоставить с болг. *вели* 'большой' и ЛИИ *Велко*, *Вела* и др., а также с подобного рода примерами из многих других языков.³⁷

Вопрос о том, являются ли эти имена древними заимствованиями из греческого или они исконно фракийские — слишком

³⁵ Страбон в указанном выше месте объясняет связь с числительным «семь» иначе, но это в данном случае не столь существенно.

³⁶ Этимологическая связь второго компонента с лат. *pario* 'рождаю' ('рожденный богиней Επτα') представляется менее правдоподобной, ибо для названия реки такая этимология не имеет параллелей. Ср. также фрак. ЛИ Επτε-ζενις и греч. ЛИ Ἐβδομα-γένυς.

³⁷ Впрочем, семантически фракийское ЛИ могло иметь и несколько иное обоснование. Ср. генетически тождественное др.-инд. *sapṭa-pad* 'крепкий, прочный'. К тому же числовая часть в сложном топониме или апеллятиве легко подвергается дестимологизации; ср. рус. диал. *тринога* 'лохань без ножек', *триножичка* 'пристройка на четырех (!) столбах' (Добровольский 1914, 916).

сложен при учете почти полного отсутствия фракийской апеллятивной лексики. Казалось бы, начальное s- у и.-е. *septm должно сохраниться во фракийском. Однако наши знания фракийской фонетики в основном базируются на этимологических сопоставлениях на уровне ономастики, что не всегда достаточно надежно. В. Томашек, например, считал возможным возвести фрак. Елт(α)- к и.-е. *sept-, др.-инд. sápti 'конь, скакун' (Tomasek 1894, II, 2 9). В связи с этим нельзя не отметить расхождения в греческих передачах названия города Фракии Σαλμυθησός и Ἀλμυθησός. Независимо от этимологии и языковой принадлежности этого названия³⁸ греки получили его от фракийцев, и колебания в передаче начального s- или h- могут отражать особенности фракийского произношения.

Наконец, наличие чередования e/a, не свойственного греческому языку, также говорит в пользу исконного фракийского происхождения основы Елт- (ср. Елте-κενθος и Алте-κενθος).

В работах по фракологии слишком привычным стало объяснять все черты сходства между греческим и фракийским «греческим влиянием». Приведенные выше примеры подтверждают идею В. Георгиева об исключительной близости греческого и фракийского языков — вопреки, например, мнению К. Влахова и И. Дуриданова о том, что это — совершенно различные языки (Влахов 1976, 23, 82; Дуриданов 1976, 132).

Последний — восьмой — из числа «более надежных» примеров Л. А. Гиндина трудно признать убедительным прежде всего по фонетическим причинам. В. Н. Топоров в религиозно-мифологическом плане сопоставил имя фракийского бога на коне Ἦρως с хетто-лувийским богом Piḡwa — Peḡua (Топоров 1972, 35). Л. А. Гиндин пытается доказать тождество этих имен. Возникает вопрос: какой индоевропейский звук, отраженный посредством хетт. p-, мог дать во фракийском h-? Ссылка на греч. πῶρ — арм. hiḡ 'огонь' совершенно неубедительна, так как, по свидетельству Платона, у этого слова во фригийском также было p-, и у нас нет никаких оснований считать, что во фракийском было иначе. Кроме того, даже если мы будем реконструировать фракийскую фонетику по армянскому образцу, фракийскому Ἦρως в греческом соответствовало бы *Πῆρως, а не ἦρως. Но главное — Piḡwa не является исконным хеттским богом, относясь к "ein vorhethitisches kappadokisches Pantheon" (V. Naas 1982, 23). Вот почему хетты не могли передать имени этого бога фракийцам во время «хетто-протофракийских лингвистических контактов» «где-то в пределах Центрально-Восточной Европы» (Гиндин 1981, 29, 23). Самый теоним Piḡwa засви-

³⁸ По фонетическим соображениям (отсутствие передвижения согласных) его принято считать индоевропейским, но не фракийским; см., напр. (Дуриданов 1976, 101).

детельствован очень поздно — в ассирийских источниках VIII в. (V. Naas 1982, 23). Поэтому перед нами, скорее всего, неиндоевропейский теоним (Lagochе 1948, 87), не имеющий ничего общего с фрак. *Нρωс.

В своих построениях Л. А. Гиндин весьма свободно обращается с фонетикой. Известно, что для сопоставлений на уровне генетического родства существуют определенные фонетические соответствия, на уровне заимствований — фонетическая субституция. У Л. А. Гиндина не всегда ясно, что он имеет в виду под терминами «изоглосса» и «тождество». Но в любом случае — ни хетт. h-, ни r- не могут соответствовать фракийскому h- (Hebat — Hepta-, Pirwa — *Нρωс). Получается, что одно и то же хеттское r, по усмотрению автора, дает во фракийском то r (-по-, -ловс), то h (*Нρωс).

Что касается фрак. Πέρων, то этот теоним, по-видимому, этимологически связан с хетт. rēpina- 'скала' (с. 88). Но ведь лит. Perkūnas значительно ближе к фракийскому. Если принять во внимание наличие (действительных, а не мнимых) топонимических балто-балканских изоглосс, в большом количестве выявленных в первую очередь благодаря усилиям И. Дуриданова (Duridanov 1969a; 1978), то в данном случае логичнее говорить о фрако-балтийских, чем о фрако-хетто-лувийских связях. Наконец, наличие в одной надписи имен *Нρωετ Πέρωνετ (Georgiev 1975, 46) делает весьма маловероятным предположение о едином источнике того и другого.

В заключение нужно остановиться на одном важном методическом вопросе. В целом ряде работ, в том числе у Л. А. Гиндина, уделяется большое внимание культурно-этнографическому аспекту исследования. Это очень интересная область, важная, в частности, для установления древнейших исторических контактов между племенами и народами. Но не следует преувеличивать роль этого аспекта исследования для выявления языковой принадлежности этноса и генетических связей между языками. Допустим, что Ниоба — хеттская горная богиня (V. Naas 1982, 69 ff.), а *Нρωс или какой-нибудь другой фракийский бог — анатолийского происхождения. Означает ли это, что фригийский или фракийский язык генетически близок хеттскому? Разумеется, нет. Как известно, в финском языке имеется большое количество древних слов балтийского происхождения, включая такие, как taivas (ср. лит. diēvas 'бог'), kaleva (лит. kálvis 'кузнец'), perkele 'черт' (лит. Perkūnas) и мн. др. (Kalima 1936). Это подтверждает тесные культурно-этнографические связи между суомскими и балтийскими языками, но абсолютно ничего не говорит об их генетическом родстве.

Таким образом, ни одно из рассмотренных сопоставлений Л. А. Гиндина не может быть признано убедительным. «Мощность пласта фракийско-„анатолийских” изоглосс» (Гиндин

1972, 16), о которой он так часто говорит в своих работах, на самом деле, может быть приравнена ad Latonae turbam.

Таким образом, хетто-лувийская гипотеза оказывается несостоятельной даже в той ослабленной форме, в которой она предстает в работах Л. А. Гиндина. Он все меньше говорит о генетическом родстве фракийского и хетто-лувийских языков, почти не упоминает о хетто-лувийском субстрате в Греции и Эгееде, заменяя генетическое родство «лингво-этническими контактами» (Гиндин 1981, 29) и фактически вкладывая в термин «изоглоссы» значение «лексические заимствования». Но даже эти весьма немногочисленные примеры предполагаемых «контактов» оказываются в высшей степени сомнительными. Положительная сторона исследований Л. А. Гиндина заключается в том, что он убедительно доказал отсутствие как особо близкого генетического родства фракийского и хетто-лувийского, так и каких-либо тесных контактов между ними.

* *
*

Рассмотрение различных теорий и гипотез, связанных с догреческим субстратом, показало, что вопрос о его характере, а также этнической и языковой принадлежности остается открытым. До сих пор появляются многочисленные работы, в которых обосновывается то индоевропейский, то неиндоевропейский характер догреческого. Среди авторов тех и других работ также нет никакого единогласия. Все это свидетельствует о необходимости поисков каких-то новых путей в решении проблемы догреческого субстрата.

Глава II

ПАЛЕОБАЛКАНСКАЯ ГИПОТЕЗА

В последние 15—20 лет автором настоящей книги была выдвинута и вкратце обоснована гипотеза о характере и языковой принадлежности догреческого субстрата. Ее появлению содействовал целый ряд обстоятельств.

ПРЕДПОСЫЛКИ ГИПОТЕЗЫ

Генетическая изолированность греческого языка в отличие от других индоевропейских языков, относящихся к более или менее обширным группам (кельтские, германские, итальянские, славянские и др.), позволяет предполагать, что и греческий язык входил в группу близкородственных языков, которые или не дошли до нас, или дошли лишь фрагментарно. В то же время, опираясь на отдельные изолированные наблюдения, основанные, однако, на реальных фактах, многие исследователи отмечали исключительную близость греческого языка к тем или иным языкам Балкан и Малой Азии. Уже в XIX в. Э. Курциус предположил, что эллины сначала были лишь ветвью фригийцев (Curtius 1857, 30). Р. Майстер объединял фригийский с эолийским диалектом греческого языка (Meister 1909, 315). В работах более поздних также обычно подчеркивалось особо тесное родство греческого с фригийским.¹ Выше (гл. I, прим. 21) уже приводилось высказывание В. Георгиева о том, что греческий, македонский и фригийский когда-то составляли один язык.²

¹ См., напр. Leaf 1915, 72—73; Friedrich 1941, 880; Kretschmer 1950a, 193; O. Naas 1970, 68; Дьяконов 1972, 3; Джаукян 1977, 216; Diakonoff 1978, 268 sq.). Против (из-за сатемного характера фригийского) — (Gusmanf 1968b, 325).

² Против существования "griechisch-phrygische Grundsprache" см. (O. Naas 1970, 67).

О том, что фракийцы имеют с греками общее происхождение и язык, писал 100 лет тому назад Г. Гертрингер, — со ссылкой на К. О. Мюллера (Gaertringen 1885, 4). В истории известны два случая, когда варвары доказывали грекам свое эллинское происхождение: это македонский царь Александр I (Hrdt., V, 22) и фракийский царь Терей (Thuc., II, 29). Исключительная близость македонского языка к греческому в настоящее время почти никем не оспаривается.³ А вот для фракийского свидетельство Фукидида является весьма существенным: при коренном различии греческого и фракийского претензии Терей быть эллином оказались бы совершенно беспочвенными.

Против близкого родства фракийского и греческого выдвигается обычно тот аргумент, что греки V—IV вв. до н. э. не понимали фракийцев. Но принцип взаимопонимания не может в данном случае иметь решающего значения. Немцы и англичане, русские и чехи также не понимают друг друга, но это не опровергает факта наличия германских и славянских языков. Более того, носители даже одного и того же языка, например немецкого, не всегда достаточно понимают друг друга, если каждый говорит на своем диалекте.

В настоящее время особо близкое родство греческого и фракийского признает В. Георгиев, считающий, что мы далеко не всегда можем провести достаточно четкую грань между этими языками (см. гл. I, прим. 20).

Г. Мейер, детально проанализировав словообразовательную структуру карийских собственных имен, пришел к выводу о том, что «карийский в кругу индоевропейских языков ближе всего стоит к греческому» (Meyer 1886, 200).⁴

Итак, в числе языков, генетически очень близких греческому, в разное время и разными исследователями назывались языки фригийский, македонский, фракийский и карийский. В одних случаях мнение о близком родстве поддерживалось большинством исследователей (фригийский, македонский), в других — меньшинством (фракийский, карийский).

Историки, археологи и лингвисты каждый из этих языков и соответствующих этносов неоднократно связывали с догреческим субстратом. Ч. Погирк, по сути дела, возводил греческий язык к протомакедонскому (см. выше прим. 3). О тесной связи

³ Расхождения обычно сводятся к тому, является ли македонский язык диалектом греческого (Hoffmann 1906, 231; Kalléris 1954, I, 60 sq.; Daskalakis 1965, 91; Merker 1965, 36) или просто самым близким к нему индоевропейским языком (Kretschmer 1896, 228; Harmatta 1964, 47). Ч. Погирк полагает, что македонский — это «язык одного из тех индоевропейских племен, которые образовали впоследствии греческую народность» (Погирк 1959, 15). И. М. Тронский считает македонский единственным языком, близким к греческому (Тронский 1973, 6). Об иных точках зрения см. (Нерознак 1978, 170 сл.).

⁴ О распространенном в наши дни мнении о хетто-лувийской принадлежности карийского языка речь пойдет в гл. VI.

македонского с фригийским и догреческим писал И. Пудич (Pudić 1971, 223). Все сторонники «пеласгской» гипотезы фактически идентифицировали фракийский и «пеласгский» языки. Выдвинутая еще в прошлом веке идея о зависимости крито-микенской и предшествующей ей культуры от фракийской или фрако-фригийской⁵ особенно широкое распространение получила в наши дни; ср. (Best 1978, 221; Renfrew 1978, 201; Trump 1980, 102; Reden—Best 1981).⁶

О проникновении фригийцев на юг во время «эгейского передвижения» — вплоть до Пелопоннеса и Крита — писал еще П. Кречмер (Kretschmer 1950a, 192; 1950b). По свидетельству его ученика О. Хааса, П. Кречмер в разговоре (1943 г.) сообщил ему, что он все чаще думает о связи «догреческого» с фригийским (О. Haas 1959, 44). О тесных связях «пеласгского» и фрако-фригийского много писал А. Ван Виндекенс (van Windekens 1954, 25; 1956, 59 sqq.).

О связи карийцев с крито-микенской культурой и о фактической идентификации догреческого и карийского писали многие исследователи, поскольку данная точка зрения совпадает с античной традицией.⁷

Ф. Сольмсен все догреческие топонимы считал карийскими (Solmsen 1922, 77). По подсчетам разных ученых больше всего догреческих топонимов, в частности с суффиксами -σσ- и -vθ(-vθ-), находится в Карии (Kiepert 1878, 73; Hirsch 1884, 9; Paoli 1894, 46; Blumenthal 1937—1938, 247). В целом ряде работ отмечается, что Кария является главным центром этих образований (Krahe 1925, 10; Buck 1926, 9; Lorimer 1950, 1).

Таким образом, не мифические «пеласги», о языке которых, по признанию самого В. Георгиева, «мы ничего не знаем» (Георгиев 1954, 60), а надежно засвидетельствованные исторически и археологически фракийцы, фригийцы, македонцы и карийцы претендуют, как мы видели, на роль носителей языка догреческого субстрата, хотя, как будет показано ниже, ни одна из изложенных концепций не может объяснить всей совокупности вопросов, связанных с проблемой догреческого субстрата.

⁵ См. (Dümmeler 1886, 258); ср. также (Furtwängler 1900, III, 36; Schmidt 1904, 629, 656; Lichtenberg 1906, 41 ff., Штерн 1907, 14, 49—50).

⁶ О соотношении фракийской и крито-микенской культуры см. (Filov 1937). Обзор современных работ по этому вопросу дан в статье (Katinčarov 1981). См. также материалы IV Международного конгресса по фракологии в Роттердаме (сентябрь 1984 г.), центральным вопросом которого была проблема «Фракия и Микены». Доклады болгарских ученых опубликованы в сборнике С IV СІТН. К. Влахов в своей статье из этого сборника прямо пишет, что крито-микенская культура — фракийская (Vlahov 1984, 118).

⁷ Вот далеко не полный перечень работ, в которых обосновывается или высказывается эта идея (Köhler 1878, 9—11; Dümmeler 1886, 255; Dümmeler—Studniczka 1887, 7; Kretschmer 1896, 407 f.; Reisch 1904, 18; Dorpfeld 1905, 258, 294; Lehmann-Haupt 1907, 68; Karo 1930—1933, 335; Струве 1950, 19; Томсон 1958, 174; Dirlmeyer 1964, 23, 35; Berve 1966, 59; Cook 1961, 15, 23; Hood 1971, 117).

Важно отметить, что маловероятным является уже само предположение о том, что какой-то народ более высокой культуры, чем греки, оказал на них огромное культурное влияние, передал им обширнейшие слои лексики — как апеллятивной, так и ономастической, — а затем внезапно исчез «как обреченный». Кроме того, уже многие исследователи указывали на признаки гетерогенности догреческого субстрата подобно тому, как сами греки были гетерогенны антропологически (Angel 1944, 373 sq.).⁸ В. Бешевлиев на основании ареального распределения топонимов на -vθος и -σσός на территории Фракии приходит к выводу о том, что их создателями были носители двух разных индоевропейских языков — фракийского и карийского (Beševliev 1981, 265 f.).⁹

О гетерогенности догреческого субстрата говорят не только факты типа приведенного выше соотношения τύμβος — τάφος и πύργος — φύργος, но и расхождения типа греч. ῥέμβω 'поворачиваю', ῥόμβος, атт. ῥόμβος 'поворачивание', ῥόμβος 'кривой клюв', ῥάμφη 'кривой кинжал'. Здесь у первых двух примеров мы находим греческое чередование ε/ο, но негреческий рефлекс *bh, у последних двух — обычный греческий рефлекс *bh в виде φ, но негреческое αμ (в греческом должно было бы быть *ῥόμβος или *ῥάφος). И только форма ῥόμβος — закономерная догреческая. Наконец, многочисленные случаи, когда античные авторы сообщают нам по 2—3 и более разных догреческих названий одного и того же географического объекта, также могут свидетельствовать о принадлежности этих названий к разным языкам (ср. *Дерпт, Юрьев, Тарту*).¹⁰

Итак, основные предпосылки, заставившие автора обратиться к новой гипотезе об этнической и языковой принадлежности догреческого субстрата, следующие: 1) генетическая изолированность греческого языка; 2) сходство македонского, фригийского, фракийского и карийского языков с греческим и догреческим, постулируемое рядом исследователей; 3) связь археологических культур носителей перечисленных языков с (до)греческой крито-микенской культурой; 4) гетерогенный характер догреческого субстрата. К этому также следует присоединить многочисленные свидетельства античных авторов и данные ономастики, о чем речь пойдет ниже.

⁸ См., напр. (O. Haas 1959, 41 ff.; Chadwick 1969a, 10 (со ссылкой на более раннюю литературу); 1969b, 82; 1976a, 187; Гиндин 1971, 45; Levin 1972, 132; Hooker 1976, 131).

⁹ О ненадежности такого рода аргументации, о возможности подобной дистрибуции в рамках диалектного членения одного языка см. (Откупщиков 1982, 23).

¹⁰ О гетерогенности догреческого субстрата писал также в своих работах В. Мерлингген (Merlingen 1955; 1963; 1967), но его восстановление «псигреческого» и др. основано на реконструкции весьма спорных фонетических изменений и на сомнительных сопоставлениях.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГИПОТЕЗЫ ¹¹

Греческий язык не стоял одиноко в кругу индоевропейских языков, он был близок к группе родственных палеобалканских языков, носители которых жили в северо-восточной части Балканского полуострова. К этой же группе относился армянский язык, носители которого очень рано переселились на восток. Поскольку речь идет не об исторически засвидетельствованных в более позднюю эпоху языках, вероятно, точнее их было бы назвать протогреческим, протоармянским и т. д. Что касается иллирийского языка, который одно время чуть ли не отождествляли с фракийским, то его генетические связи находились, видимо, западнее (мессапский и, быть может, венетский). В. П. Нерознак справедливо относит иллирийский и мессапский к западному ареалу в отличие от остальных (восточных) палеобалканских языков (Нерознак 1978, 161, 173). Правда, в ономастике того и другого ареала имеются несомненные сходения.

В дальнейшем предки карийцев, фригийцев и фракийцев несколькими волнами и в разное время двинулись на юг Балканского полуострова. Усвоив местную неиндоевропейскую культуру и заимствовав значительное количество неиндоевропейской лексики, они полностью индоевропеизировали последнюю. Однако основная масса фригийцев и фракийцев направилась не на юг, а на юго-восток — в Малую Азию (по пути, проложенному армянами). Вот почему античная традиция говорит в основном о карийцах как о догреческом населении Эллады и Эгейских островов и об их вытеснении греками в Малую Азию.

Греки направилась на юг отчасти вместе с палеобалканскими племенами, но в основном — вслед за ними.¹² В процессе длительного совместного проживания в условиях двуязычия (как это позднее было в Галикарнасе и других приморских городах Карии) греки многое заимствовали у своих предшественников в области языка и культуры. Роль двуязычия в процессе заимствования столь обширных слоев лексики очевидна. Этот момент отмечался в литературе неоднократно (Krahe 1949b, 12 f.; Гиндин 1967, 72). Об этом говорил Р. Катичич, выступая на Международном конгрессе по изучению стран юго-восточной Европы (Бухарест, 1974 г.). Греко-фракийское, -фригийское, -карийское и -македонское двуязычие на территории Эллады и западной Малой Азии нам хорошо известно из античных источников. Греко-картвельское, -семитское или -хетто-лувийское трудно себе даже представить в том же ареале, особен-

¹¹ Они также базируются на целом ряде идей, уже высказанных ранее, а в некоторых случаях даже общепризнанных.

¹² Носители македонского языка, как и значительная часть фракийцев, остались на своей прежней территории или же несколько продвинулись на юг.

но в тех широких масштабах, которые предполагает имеющийся в нашем распоряжении материал ономастики и апеллятивной лексики.

Важно отметить также постепенный и в основном мирный характер проникновения греков на территорию Эллады, что, видимо, должно напоминать преимущественно мирные отношения греков с карийцами в Малой Азии в более позднюю эпоху (Wilamowitz-Moellendorff 1937, 170 f.; J. Cook 1961, 22). На первом Международном конгрессе по микенологии (Рим, 1967 г.) Ф. Трич в выступлении по докладу Ф. Шахермайра весьма остроумно высмеял теории, связанные с разного рода разрушительными «вторжениями», особенно, когда в результате «вторжения» победители усваивают культуру и лексику побежденных. Очевидно, говорил Ф. Трич, греки, разрушив микенские дворцы, должны были обратиться к своим детям со словами: «А теперь внимательно посмотрите на памятники архитектуры, которые мы разрушили, и тщательнейшим образом запомните названия и терминологию. Это — *κίων... θρίψος... γείσον... μέγαρον*. Мы не будем строить в камне на протяжении 500 лет, но затем мы должны будем снова знать эти архитектурные термины...» (цит. по: Schachermeyr 1968, III, 315).¹³ Эту же идею в полемике с Э. Грумахом подчеркивает Дж. Хукер, высказываясь в пользу медленного мирного проникновения греков, а не внезапного разрушения (Hooker 1976, 142 sq.).

При рассмотрении вопроса о разностороннем влиянии носителей догреческого субстрата на греков нужно иметь в виду одно широко распространенное заблуждение, восходящее к самим грекам. Хорошо известно то колоссальное влияние, которое оказали фракийцы, фригийцы и карийцы на греческую религию и мифологию.¹⁴ В историческую эпоху фригийцы, карийцы и часть фракийцев жили в Малой Азии. Поэтому естественно, что древние греки воспринимали их как «малоазийцев», представляя себе, что, например, различные фригийские культы пришли к ним из Малой Азии, откуда они также выводили и Пелопса. Между тем, как правильно отметил еще П. Кречмер, Пелопс пришел не с востока, из Малой Азии, а с севера, с той волной фригийцев, которые направились не на юго-восток, в Анатолию, а на юг — в Элладу (Kretschmer 1950a, 187; 1950b, 39). В литературе отмечалось также, что религия Аполлона, Диониса и Орфея соотносится обычно с Востоком, а между тем Аполлон и Орфей опосредованно связаны с севером (гиперборейцы).¹⁵

¹³ Правда, Ф. Трич принимает слишком позднюю дату прихода греков в Элладу и на Крит. К тому же, мирные, в основном, отношения греков с негреками часто нарушались военными столкновениями.

¹⁴ См., напр.: (Grégoire 1949; Kretschmer 1950a; Laumonier 1958; Gérard-Rousseau 1968; Gusmani 1969; Gočeva 1985).

¹⁵ О северном негреческом происхождении культа Аполлона и о его связи с гиперборейцами см. (A. Cook 1925, 452 sqq.). См. также (Gočeva 1982; Jordanov 1984, 104 sq.).

Фракия). Этот факт, вызывающий иногда недоумение (Dörrie 1972, 149), также можно объяснить, исходя из двух направлений миграции фригийцев. Причем это понимал уже Страбон, когда, говоря о проникновении фригийских культов в Элладу, писал, что они были принесены фригийцами не из Малой Азии, а с севера — тогда, когда они еще жили во Фракии (Strab., X, 471).

Представляется весьма правдоподобной точка зрения, согласно которой Зевс, Афина и Аполлон были общими богами греков и фригийцев до их (частичного) разделения где-то во Фракии (Leaf 1915, 261). Н. Йокл и Й. Фридрих предполагали интенсивный культурный и лексический обмен между фригийцами и греками еще в доисторический период (возможно, в Македонии), причем греки, особенно в области религии, не всегда были «дающей стороной» (Jokl 1928, 152; Friedrich 1941, 880).

Наконец, та однотипная догреческая топонимика, которая была принесена в Малую Азию карийцами и фрако-фригийскими племенами, также стала восприниматься как малоазийская, анатолийская, и она в работах современных исследователей очень часто стала отождествляться с хетто-лувийской ономастикой.

Поскольку определить более или менее точно количество, время и последовательность миграций палеобалканских племен в Грецию и на острова практически, при уровне наших знаний, невозможно,¹⁶ отметим, что самый термин «догреческий субстрат» оказывается весьма условным, так как контакты греков с фригийцами, фракийцами, карийцами и македонцами могли быть, судя по источникам, и субстратные, и суперстратные, и адстратные.¹⁷ Суть не в этом. Главное — мы имеем здесь дело не с каким-то таинственным языком, не оставившим после себя никаких самостоятельных следов, а с реальными языками, сохранившимися и в исторический период.

Разумеется, контакты между палеобалканскими языками и греческим языком (обычно адстратные) продолжались и в исторический период. И совершенно прав Дж. Девото, когда он, критикуя В. Георгиева, замечает, что некоторые его примеры отражают не *lingua peregrea*, а *postgrea* (Devoto 1943, 364); ср. также (Gomme 1956, I, 98). Особенно, когда речь идет об ономастике, отраженной у поздних авторов или, например, о глоссах Гесихия.

Выдвижение гипотезы о том, что в языковом аспекте догреческий субстрат представляет собой сложный конгломерат, в состав которого входит большая группа близкородственных

¹⁶ Подчас вызывает удивление, с какой уверенностью отдельные ученые датируют "the coming of Greeks" то началом III, то концом II тыс.

¹⁷ В. Мерлинген считал «георгиевский язык» суперстратом и называл его «ахейским» (Merlingen 1967, 2, 9).

языков (фригийский, македонский, карийский и фракийский) требует аргументации. Необходимо показать, что эта гипотеза не противоречит сообщениям древних авторов об этих языках и народах, проанализировать относящийся к этому вопросу археологический материал, опираясь не на какую-то одну изолированную концепцию того или иного археолога, а на признанные среди археологов положения. Нужно проанализировать черты сходства и различия в фонетическом строе и словообразовании этих языков, показать близость или даже идентичность ономастической системы этих языков.

Пример с хетто-лувийской гипотезой, вызвавшей наиболее решительный отпор со стороны историков и археологов, показал, сколь важно при обосновании той или иной лингвистической гипотезы иметь под ногами твердую археологическую почву.

Нельзя при решении вопросов, связанных с догреческим субстратом, пренебрегать сведениями о догреческом населении Эллады, Эгейских островов и Малой Азии, которые в изобилии рассыпаны в произведениях античных авторов. Тем более, что эти сведения обычно подтверждаются данными археологии. Вот один из многих случаев, когда исторические сведения, почерпнутые из сочинений античных авторов, находят полное подтверждение в результате археологических исследований: «...Сфера микенского влияния или заселения в юго-западной Малой Азии и на прилегающих островах почти точно соответствует региону, который в античной традиции ко времени ионийской колонизации был занят карийцами» (J. Cook 1961, 15).

Наконец, при изучении догреческой ономастики произвольное этимологизирование, направленное на отыскание каких-нибудь корней или имен богов и богинь в заранее определенном ареале (семитском, хетто-лувийском или любом другом) должно быть заменено методикой исследования, сводящей к минимуму элементы субъективизма.

В целом только комплексный анализ с учетом историко-филологической (анализ античных источников), археологической и лингвистической (в первую очередь — анализ ономастики) сторон даст возможность объективно осветить многоаспектную проблему догреческого субстрата.

Примером объединения историко-филологического и археологического аспекта может служить только что приведенный пример с расселением карийцев в Малой Азии к началу ионийской колонизации. Уже давно было замечено совпадение ареала - $\nu\theta$ - и - $\sigma\sigma$ -топонимов с местами находок древних поселений ранних минойского, кикладского и элладского периодов.¹⁸ Объединение всех трех аспектов анализа может дать, по всей видимости, вполне обнадеживающие результаты.

¹⁸ Д. Хестер пишет, что первым это наблюдение сделал К. Блеген (Hester 1957, 115), однако последний сам ссылается на предшественников (Haley — Blegen 1928, 152).

СВИДЕТЕЛЬСТВА АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Среди историков и языковедов иногда имеет хождение мнение о том, что свидетельства античных авторов, особенно поэтов, а также сведения, содержащиеся в многочисленных греческих мифах, — чуть ли не сплошной вымысел. «Поэт — ни географ, ни историк», — пишет один из них (Dregur 1915, 173). «Гомер — псевдоисторик», — называет одну из глав своей книги Дж. Чэдуик (Chadwick 1976с, 180 sqq.), а в другой своей работе пишет: «Я не верю, что можно реконструировать историю из мифа» (Chadwick 1976d, 116).

Другие ученые придерживаются прямо противоположной точки зрения, в частности в вопросе о догреческом населении Эгеиды. «Древнегреческие предания, касающиеся этих древнейших народностей Эгейского мира, не могут быть отброшены как плод народного невежества или вымыслы любителей древностей. Соединение фрагментов дает стройную картину, которая вполне гармонирует с рисунком, возникающим в результате археологических и лингвистических изысканий» (Томсон 1958, 174.) Если принять во внимание, что Г. Шлиман раскопал Трою и Микены, точно следуя предписаниям «псевдоисторика» Гомера, который не является «ни географом, ни историком», можно понять позицию историков и археологов в этом вопросе. В одной из работ по истории Микенской Греции, где говорится о достоверности свидетельств античных писателей — свидетельств, постоянно подтверждаемых археологией, авторы пишут: «*Илиада* дает в Каталоге кораблей политическую карту Микенской Греции, которую раскопки только подтвердили, мало что к ней прибавив» (Desborough — Hammond 1962, 22); ср. также (Гордезиани 1978, 161 слл.; Андреев 1984).

Тем более надежными являются сообщения историков — Геродота, Фукидида, Страбона (Gallet de Santerre 1958, 52). Впрочем, и поэзия Гомера является как бы связующим звеном (ein bindendes Glied) между археологическими и эпиграфическими данными, наглядно оживляя то, что мы находим во время раскопок (Bockisch 1978, 31). Передача топонимических данных в поэмах Гомера отличается высокой степенью достоверности (Bredow 1984, 48).

В то же время было бы наивностью принимать на веру все то, что античные писатели рассказывают о догреческом населении Эллады. И здесь очень важно найти критерий, по которому можно с какой-то степенью надежности отделить реальность от вымысла. Взять хотя бы карийцев и делегов. Тщательный анализ источников показывает, «что делеги целиком принадлежат мифическому времени, тогда как карийцы в историческое время постоянно находились в тесной связи с греками» (Алу 1909, 439). То же самое относится к пеласгам. Уже постоянный эпитет δῖοι переносит пеласгов из мира реальности в мир мифа.

В отличие от сильных государственных объединений Фригии, Карики, Фракии и Македонии, хорошо известных и в историческое время, мы ничего не знаем о государстве *Пеласгии. Очень правдоподобным представляется предположение о том, что пеласгами когда-то называли просто негреческие племена независимо от языковой и этнической принадлежности (Mahlov 1926, 7; Hutchinson 1962, 58). Это напоминает случаи, когда западные германцы все чужие народы называли *Welsche*, а в древнерусском языке в этом же смысле употреблялось слово *Нѣмьци*.

В отличие от реальных палеобалканских языков от «лингвистического» языка до нас не дошло ни надписей, ни глосс. «Лингвистически пеласги — это фикция» (Hester 1968, 231), «пеласгский» язык "is a mere name to us" (Chadwick 1976c, 62).¹⁹ Вот причины, по которым мы должны отнести пеласгов и «пеласгский» язык к области «мифа», а не реальности. Совершенно иная картина предстает перед нами в случае с фракийцами, фригийцами и карийцами.

Античная традиция о фракийцах в Элладе. Обзор всех античных источников, связанных с пребыванием негреческого населения в Элладе — задача, не выполняемая, в рамках данной главы. Поэтому остановимся лишь на наиболее важных аспектах.

Прежде всего обычным в античной традиции является утверждение о негреческом характере населения всей Греции (Strab., VII, 321) и отдельных ее частей (например, о Крите — см. (Hrdt., I, 173). Что касается фракийцев, то это, по общему признанию, «самый многочисленный народ» — после индийцев (Hrdt., V, 3) или после кельтов (Paus., I, 9, 5), они имеют «бесконечную землю» (Dionys. Perieg., 323 сл.). О силе фракийцев писали Фукидид (II, 98) и Плиний (IV, 18, 40—41): "inter validissimas Europae gentes".

О древних следах пребывания фракийцев в Греции сообщают многие авторы. Гекатей Милетский пишет о том, что Македония и часть Фессалии — фракийские (Fr. Hist. Gr., I, fr. 119). Особенно много свидетельств сохранилось о пребывании фракийцев в центральной Греции (ссылки даются выборочно): в Фокиде (Thuc., II, 29; Strab., VII, 321), Беотии (Strab., X, 471; Lys., 755), Аттике (Гекатей, см. (Fr. Hist. Cr., fr. 119); Strab., VII, 321; Paus., I, 38, 2), на Эвбее (Strab., X, 445 — со ссылкой на Аристотеля). В Мегарах, по свидетельству Павсания, показывали могилу фракийского царя Тероя (Paus., I, 41, 8). Дио-

¹⁹ Наиболее правдоподобную этимологию ЭН Πελασγοί можно найти уже у древних авторов. Так, Страбон (V, 221; VIII, 397) сопоставил Πελασγοί с ΜΗ в Аттике Πελαργοί (что означает 'ансты'). Наличие фрак. ЭН Γόυδραι — к лит. gaidrai 'ансты' (Tomaschek 1894, II², 88) косвенно подкрепляет эту этимологию (букв. πελαργός; означает 'черно-белый'). Таким образом, когда-то именем Πελασγοί/Πελαργοί могло обозначаться какое-то (фракийское?) племя, быть может, даже то же самое, что и Γόυδραι.

дор отмечает в Дельфах род $\Theta\rho\alpha\chi\acute{\iota}\delta\alpha\iota$ (Diod., XVI, 24, 3). Согласно Лукиану, элевсинские мистерии были учреждены фракийцем Эвмолпом (Luc., *De mon.*, 34). Пребывание фракийцев в Греции отражают мифы об Алоадах, о Терее. Совершенно прозрачная этимология имени $\text{E}\mu\mu\lambda\lambda\omicron\varsigma$ ('хорошо поющий') невольно заставляет вспомнить нас о знаменитых фракийских певцах Музее, Орфее и Фамирисе, а также о тех местах, с которыми предание связывает пребывание фракийцев во главе с Эвмолпом в центральной Греции: Пиерия, Парнас, Геликон.

Очень важны свидетельства древних авторов о заселении фракийцами островов. Не говоря уже о Фасосе и Самофракии, расположенных недалеко от фракийского побережья, а также об Эвбее, куда они переправились из Беотии и Аттики, можно указать на Скиафос и Скирос (Skymn., 584). Фракийцы жили даже на Наксосе (Diod., V, 20), Хиосе (Paus., VII, 4. 8—9), Самосе (Diod., V, 47).

По-видимому, у нас есть все основания считать, что минии были фракийского происхождения. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, нестандартная структура явно догреческого этнонима $\text{M}\iota\nu\acute{\iota}\alpha\iota$ полностью совпадает по своему типу с фрак. ЭН $\text{B}\iota\theta\acute{\iota}\alpha\iota$. Во-вторых, традиция считала лемносских миниев потомками аргонавтов, прибывших сюда из Фессалии (Hrdt., IV, 145); ср. также (Σ Apoll. Rhod., I, 230 и др.), а Фессалию в древности населяли фракийцы. Сами аргонавты тоже постоянно называются $\text{M}\iota\nu\acute{\iota}\alpha\iota$ (Pind. Pyth., IV, 122; Ap. Rhod., *passim* и др.). Связь миниев с Орхоменом в Фессалии и Беотии также указывает на их фракийскую принадлежность. В-третьих, фракийский «эпицентр» лучше всего объясняет наличие топонимов $\text{M}\iota\nu\acute{\iota}\alpha$ в Фессалии, на Пелопоннесе (миграция на юг) и во Фригии (миграция на юго-восток).

Минийцы, согласно традиции, проникают в Трифилию (Пелопоннес) и на о-в. Феру (Hrdt., IV, 145; Paus., VII, 2, 2 и др.). Показательно, что легенду о смерти фракийца Фамириса Гомер (II, II, 594 слл.) локализует в Пелопоннесе (Mihailov 1984, 26). Топонимические следы пребывания фракийцев мы находим у побережья Кари: о-в $\text{M}\iota\nu\acute{\iota}\alpha$ в Икарийском море. Эти и другие подобного рода сведения античных писателей хорошо объясняют бесспорное наличие явных фракийских следов не только в топонимике Греции, но, как мы увидим ниже, даже на Крите (включая таблички линейного письма Б).

В последние годы вопросу о древнем присутствии фракийцев в Греции уделялось немало внимания в целом ряде работ.²⁰ Нужно только подчеркнуть, что античные авторы сообщают нам о прибытии фракийцев не до греков, как считает, например,

²⁰ См. (Soesbergen 1979). На III Международном фракологическом конгрессе (Вена, 1980 г.) на эту тему было сделано несколько докладов (М. Сакелларну, Э. Кирстен, И. Вендиков). См., напр. (Sakellariu 1980, 196); см. также (Откупщиков 1984).

П. Сусберген (Soesbergen 1979, 26), а после них. Соответствующие события имели место, по всей видимости, в конце микенской эпохи, едва ли ранее XIII в. В то же время в сообщениях древних авторов говорится, в частности, об установлении ряда культов, древность которых документируется текстами линейного письма Б, а фракийское происхождение является общепризнанным в современной науке. Следовательно, греческая традиция связала факт заимствования фракийских культов с последней волной фракийцев, вторгшихся в Беотию, Аттику и в другие районы Эллады уже после прибытия туда греков. О более ранних волнах фракийской миграции греки, естественно, могли и не знать, а соответствующие культы заимствовать еще во время совместного пребывания на северо-востоке Балканского полуострова.

Поскольку обычно считается, что греки прибыли в Элладу, скорее всего, в самом начале II тыс. до н. э., ранняя волна (или волны) фракийцев должны были появиться здесь во второй половине или в конце III тыс. Нужно думать, что миграция фрако-фригийских племен на юго-восток — в Малую Азию также проходила несколькими волнами, из которых греческая традиция знает только о последней. Трудно согласиться с Ф. Шахермейером, который неоднократно повторяет в своих работах, что фригийцы переселились в Малую Азию только после 1200 г. до н. э.; см., напр. (Schachermeyr 1983, 60). Согласно Гомеру, фригийцы пришли на помощь троянцам τῆλ' ἐξ Ἄσχαίνης (II, II, 863), т. е. из самых глубин Анатолии. На рубеже XIX—XX вв. в ряде археологических работ была высказана мысль о том, что фригийцы проникают в Малую Азию очень рано, быть может, даже в III тыс. (Köhler 1897, 271; Lichtenberg 1906, 41 f.; Lehmann-Haupt 1907, 124). Ф. Кассола возвращается к этой идее, отметив, что фригийцы переселились в Малую Азию не в конце II тыс., но "a epoca molto più antica" (Cassola 1954, 195).

Г. Б. Джаукян, ссылаясь на фрак. ЭН Σαραπάραι 'за Арменией' (Strab., XI, 531), на упомянутый в ассирийских надписях IX в. до н. э. топоним Ispilibria (ср. фрак. -bria 'город'), а также на ряд других аргументов, приходит к выводу, что уже в середине II тыс. фракийцы проникали в самые глубинные районы Малой Азии (Джаукян 1984, 11—12). К сожалению, мы ничего или почти ничего не знаем о языке таких малоазийских племен, как пафлагонцы, каппадокийцы, ликаонцы, писидийцы, киликийцы (Gall 1967, 585). В некоторых античных источниках пафлагонцев относят к числу фракийцев (Σ Ar. Rhod., II, 181), Страбон отмечает сходства в ономастике фригийцев, пафлагонцев и каппадокийцев (ср. (Strab., VI, 304 и XII, 533)). Если окажется, что эти языки, действительно, родственные, то мы будем иметь сплошную этническую и лингвистическую «непрерывность» от Фракии до Армении.

Как бы то ни было, свидетельства античных авторов о фракийцах не только не противоречат изложенной выше гипотезе, но, напротив, находятся в полном согласии с ней.

Античная традиция о фригийцах. Прежде всего нужно отметить, что античные писатели подчеркивают большую близость фригийцев и фракийцев. Особенно ценно свидетельство Страбона, который сам был родом из Малой Азии и дядя которого носил фригийское имя. Согласно Страбону, фригийцы — это $\Theta\rho\acute{\alpha}\mu\acute{\iota}\nu\ \tau\iota\ \epsilon\theta\nu\omicron\varsigma$ (VI, 295), $\omicron\iota\ \Phi\rho\acute{\alpha}\gamma\epsilon\varsigma\ \Theta\rho\acute{\alpha}\mu\acute{\iota}\nu\ \acute{\alpha}\pi\omicron\iota\kappa\omicron\iota\ \epsilon\iota\sigma\iota\nu$ (IX, 471). Об этом же пишет Стефан Византийский (s. v. $\Phi\rho\acute{\iota}\gamma\epsilon\varsigma$): $\epsilon\theta\nu\omicron\varsigma\ \Theta\rho\acute{\alpha}\mu\acute{\iota}\nu$. Нужно полагать, что Страбон, непосредственно общавшийся с фригийцами и фракийцами, мог лучше судить о характере этнических и языковых связей между ними, чем современные ученые. Вот почему позиция тех исследователей, которые, следуя античной традиции, считают фригийский и фракийский языки генетически близкими,²¹ представляется мне более убедительной, чем противоположная точка зрения об отсутствии тесного родства между этими языками (Дечев 1942, 106; Duridanov 1972, 236—244).

Пребывание фригийцев в доисторической Элладе, в основном, связано с именем фригийца Пелопса, который, согласно сообщению Эфора, пришел из фессалийской Фтиотиды (Fr. Hist. Gr., I, fr. 118). Страбон в одном месте также говорит о прибытии Пелопса из Фтиотиды (VIII, 365), а в другом пишет о его прибытии из Фракии (VI, 321; ср. X, 471). Здесь очень существен тот момент, что во времена Эфора и Страбона фригийцы жили на востоке — в Малой Азии, а фригинец Пелопс прибывает в Лаконику с севера — из Фракии (или из Фтиотиды). Это свидетельствует, по всей видимости, как о древности, так и о надежности традиции. Надежность эта подкрепляется весьма знаменательным совпадением имени сына Пелопса $\text{'}\text{Α}\text{τρ}\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ с именем фригийского царя — $\text{'}\text{Ο}\text{τρ}\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ (II, III, 186), а также с MN во Фригии $\text{'}\text{Ο}\text{τρ}\acute{\upsilon}\alpha\iota$ (по типу образования ср. фрак. ЭН $\text{B}\eta\acute{\theta}\alpha\iota$, фракко-фриг. $\text{M}\eta\nu\acute{\iota}\alpha\iota$ и, возможно, фрак. ЭН $\text{'}\text{Ο}\delta\rho\acute{\upsilon}\sigma\alpha\iota$). Эта старая идентификация $\text{'}\text{Α}\text{τρ}\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma = \text{'}\text{Ο}\text{τρ}\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ ²² созвучна другому сообщению о пребывании фригийцев на Пелопоннесе. Павсаний (VIII, 4, 3) пишет о фригийцах в Аркадии — в местности $\text{'}\text{Α}\zeta\alpha\nu\acute{\iota}\alpha$. И опять надежность сообщения подтверждается топонимической изоглоссой: $\text{'}\text{Α}\zeta\alpha\nu\omicron$ (город Фригии).

П. Кречмер отмечает, что, согласно свидетельству античных авторов, по всему Пелопоннесу, особенно же в Лаконике, можно видеть огромные курганы, которые называют могилами при-

²¹ (Jokl 1928, 150; Wagner 1969, 214; Crossland 1971, 857; Дьяконов 1972, 7—8).

²² В одной из своих последних работ ее признает Ф. Шахермейер (Schachermeyr 1983, 60), странно, правда, что он при этом Пелопса считает... «хеттом» (Ibid., S. 109).

шедших с Пелопсом фригийцев (Kretschmer 1950a, 185). Он считает фригийским имя первого победителя на Олимпийских играх — Κρόιβος (Paus., V, 8, 6 и VIII, 26, 3), так как греческое имя должно было иметь форму *Κρόιβος (там же, с. 191). П. Кречмер даже пытается, опираясь на топонимические данные, проследить путь фригийцев с севера — через Фессалию и Беотию — до Арголиды и Элиды (Kretschmer 1950b, 39). Он опирается при этом на ΜΗ Φρύγια в Фессалии и на границе Аттики и Беотии, γ. Μίδεια в Беотии; ср. также Κολοί-φρυξ (гора в Беотии).

По мнению П. Кречмера, фригийцы были могущественнейшим народом (Kretschmer 1950a, 173), и только «возвращение Гераклидов» положило конец их господству на Пелопоннесе (Ibid., S. 193 f). Можно соглашаться или не соглашаться с теми или иными толкованиями сообщений античных авторов в работах П. Кречмера, но сама античная традиция о наличии фригийского населения в доисторической Элладе, подтверждаемая данными ономастики и, как мы увидим ниже, археологии, представляется вполне надежной. Эта традиция свидетельствует о реальности адстратного и суперстратного воздействия фригийского языка на греческий; она не исключает также возможностей более ранней волны (или волн) фригийской миграции на юг — в Элладу, а не на юго-восток (в Малую Азию). Тем самым вполне реальной становится возможность видеть в языке фригийцев важный компонент того гетерогенного языкового комплекса, который и составлял догреческий субстрат.

Карийцы в античной традиции. Особенно много сведений дошло до нас о пребывании в доисторической Элладе карийцев. Традиция связывает их с Критом и Миносом, при котором они были самым знаменитым народом (ἔθνος λογιότατον τῶν ἑθνῶν ἀπάντων — Hrdt., I, 171). Карийцы населяли большую часть островов (τὸς πλείστας τῶν νήσων φηισαν — Thuc., I, 8); ср. также (Hrdt., I, 171; Strab., XII, 537; XIV, 661). Античные авторы сообщают о пребывании карийцев на Скиросе — недалеко от Эвбеи (St. B.), на самой Эвбее (Skymn. 571—2), на Кеосе — близ Аттики (Callim. Ait., 60—2), на Делосе (Hrdt., I, 4; Thuc., I, 8), на самом крупном из Кикладских островов — Наксосе (St. B.). Причем, на Наксос карийцы явились совсем не из Малой Азии,²³ а с северо-запада — из Фессалии (Diod., V, 51).

Острова вдоль всего западного побережья Малой Азии — от Лемноса на севере²⁴ до Родоса на юге — также были почти сплошь заселены карийцами: Лемнос (Corn. Nep. Milt. 2), Хиос

²³ Весьма распространенная в современной науке точка зрения (Kretschmer 1940, 240; Treuil 1983, 516 и мн. др.), идущая, однако, вразрез и со свидетельствами античных авторов, и с данными археологии.

²⁴ Нужно обратить особое внимание на то, что Лемнос расположен далеко на севере — между Троадой и Херсонесом Фракийским.

(St. B.), Самос (Strab., XIV, 637), Кос (St. B.), Калимна, Нисирос (Diod., V, 54). Западное побережье Малой Азии также было карийским до самой Фокеи, и во всей позднейшей Ионии жили карийцы (Strab., XIV, 632; VI, 321). Иногда авторы пишут о карийцах и лелегах или пеласгах, но чаще говорится только о карийцах. Их пребывание отмечено в городах: Эритры (Paus., VII, 3, 4), Теос, Лебедос, Колофон (Paus., VII, 3, 1—3), Эфес (Strab., XIV, 640; Paus., VII, 2, 4). Эпиграфически в более позднее время (VII в.) пребывание карийцев документируется для таких городов, как Смирна и Сарды (Jeffery 1964, 43, 47; Pedley 1974, 96). Удивление, высказанное Л. Джеффри по этому поводу (она называет это «загадкой» — с. 43), едва ли оправдано, если учесть зону распространения карийцев в Малой Азии до ионийской колонизации.

Пребывание карийцев засвидетельствовано также и в материковой Греции: Эпидавр, Гермiona (Strab., VIII, 374 — со ссылкой на Аристотеля), Мегара (Paus., I, 39—40). Когда-то карийцы занимали часть Аттики (Zenob., IV, 33). Давно уже было замечено, что Каталог кораблей не знает Кикладских островов. Очевидно, там жило еще негреческое население (Dümmler 1886, 257), которое лишь позднее было вытеснено на восток. О направлении миграции с запада на восток, а не в обратном направлении, также говорят многочисленные свидетельства древних: догреческое население прибыло на Хиос из Фессалии (Strab., XIII, 621), кариец Левкипп приводит критян в долину Меандра (*Σ ad Apoll.*, I, 584), фракиец (см. Vlahov 1963, 283)) *Τεῦταμος* — эолийцев и пеласгов из Фессалии на Крит (Diod., IV, 60, 2; V, 80, 1) и др.

Масштабы расселения карийцев в доисторической Элладе отражают также многочисленные свидетельства античных авторов о распространении карийских культов. В Мегаре почитался *Ἀπόλλων Καρίνος*, сын Зевса Карийского (Paus., I, 44, 2), в Афинах — родственники Исагора *θεοῦσι Δι Καρίῳ* (Hrdt., V, 66). Уникальный случай произошел в Беотии, когда во время греко-персидских войн оракул Аполлона Птоя заговорил по-карийски (Hrdt., VIII, 135; Paus., IX, 23, 3). На этом основании, а также по ряду других причин А. Ломонье считает, что оракул Аполлона *Πτόιος* в Беотии — карийского происхождения (Laumonier 1958, 22 sq.).

В литературе отмечалась близость культов Фессалии, Беотии и Аркадии к культам, распространенным в Милете (Sakellariou 1958, 75—76), говорилось о карийском происхождении культа Гекаты (Gallet de Santerre 1958, 156). Имя карийской богини Ифимедии читается в табличках линейного письма B: *i-pe-me-de-ja* (Ventris — Chadwick 1956, 288; Gérard-Rousseau 1968, 116 sqq.). Павсаний (X, 28, 4) сообщает о том, что Ифимедия почиталась карийцами в Миласах. Очевидно, перед нами — догреческое божество (Laumonier 1958, 137 sqq.; Зайцев

1975, 9 сл.). Показательно, что здесь, как и во многих других случаях, догреческое совпадает с карийским.²⁵ О спорных этимологиях имени см.: Neumann 1985.

Традиция сохранила также следы гетерогенности фракийско-фригийско-карийского субстрата. Так, фракийцы и фригийцы во главе с Пелопсом почти одновременно прибывают в Грецию (Kretschmer 1950a, 192). Фракийцы и карийцы до греков находились в Аттике, которая была эллинизирована не в результате завоевания, а путем длительного и постепенного притока греческого населения — при мирном (в основном) характере отношений между греками и негреками. Традиция, как мы видели, отмечает пребывание и карийцев, и фракийцев также в Беотии, на Эвбее, Скиросе, Лемносе, Хиосе, Наксосе, Самосе. В ряде случаев с ними вместе жили и греки. Отношения между этими племенами, естественно, не всегда были мирными. Так, Павсаний — со ссылкой на поэта Иона — говорит о почти одновременном прибытии на о-в Хиос карийцев, абантов (фракийское племя) и греков. Как и во время Троянской войны, где фракийцы и карийцы в союзе с троянцами и фригийцами воевали против греков, здесь также абанты и карийцы выступили против греков, но были разбиты ими (Paus., VII, 4, 6).

Этот эпизод показателен во многих отношениях. Здесь и возможность появления гетерогенного субстрата даже в узкоограниченном ареале (не вспыхни война, эти племена могли жить вместе, как это засвидетельствовано для других случаев), и направление миграции (с Эвбеи на Хиос), и противопоставление негреков грекам. Наконец, перед нами — наглядная картина того, как греки в отдельных случаях могли вытеснить догреческое население с островов.

Общепризнанным является то положение, что заимствование широких слоев лексики, будь то апеллятивной или ономастической, возможно только в условиях длительного контактирования языков при совместном проживании в условиях двуязычия. В современной лингвистической науке это — аксиома. Страбон, цитируя Анакреонта и Алкея, говорит о всеобщем смешении карийцев и греков перед вытеснением карийцев с островов (Strab., XIV, 661—2). Он же пишет, что в Эпидавре после возвращения Гераклидов ионийцы поселились совместно с карийцами (Strab., VIII, 374). Ту же картину в более позднее время (ок. 465 г. до н. э.) мы наблюдаем в прибрежных городах Карии, которые Эфор делил на чисто греческие и двуязычные (Diod., XI, 60). И если в классическую эпоху, когда греки стояли на более высоком уровне культурного развития, двуязычными (δ'ῶλωστοι) обычно являлись карийцы (Hrdt., VIII, 133; Thuc., VIII, 85; Хе-

²⁵ Предположение Ф. Дирлмейера о карийском происхождении мифа о Лабдаке и Эдипе (Dirilmeyer 1964, 40, 63) остается недостаточно аргументированной гипотезой.

porh. Anab., I, 2, 17), то в эпоху доисторическую картина могла быть совершенно иной.²⁶

Об уровне знания второго языка двуязычными карийцами можно судить по тому, что египтяне в VII в. до н. э. отдавали учить греческому языку своих детей не только греческим, но и карийским наемникам (Hrdt., II, 154), а персидский сатрап Тиссаферн направил карийца Гавлита послом на переговоры в Спарту (Thuc., VIII, 85, 2), что говорит, видимо, о его знании языка и греков, и персов; ср. (Bockisch 1969, 120).

Таким образом, свидетельства античных авторов дают нам все основания видеть в карийцах один из компонентов гетерогенного догреческого субстрата. Учитывая то обстоятельство, что в историческую эпоху карийцы жили на сравнительно небольшой территории в юго-западной части Малой Азии, древним писателям естественнее было бы объяснить очевидные совпадения в топонимике и в культах Малой Азии и Эллады каким-нибудь «анатолийским вторжением» (что и делают некоторые современные исследователи), чем «придумывать» столь единую и совпадающую в деталях версию о движении карийцев с Балканского полуострова на Эгейские острова и на Крит, а оттуда — в Малую Азию. Нужно подчеркнуть, что античные авторы, сообщая о древнейшем расселении и о передвижениях догреческого населения, не могли руководствоваться предвзятыми идеями, связанными с той или иной теорией догреческого субстрата. Именно поэтому их единодушные показания вполне заслуживают доверия, и едва ли имеет смысл строить какие-либо лингвистические или археологические гипотезы, если они коренным образом противоречат данным античных писателей.

СВИДЕТЕЛЬСТВА АРХЕОЛОГИИ

С каждым годом все новые и новые археологические открытия подтверждают правильность и надежность тех сведений о догреческом населении Эллады, которые нам оставили античные авторы. К сожалению, по сравнению с Грецией фрако-фригийская культура бронзового и железного века до последнего времени была еще мало изучена (Gimbutas 1960, 551). Предшествующая ей неолитическая культура Македонии и Фракии также еще совсем недавно представляла собой terra incognita

²⁶ Нужно отметить, что греки отнюдь не афишировали своего знания «варварских» языков. Тем не менее ответ оракула Аполлона Птоя был произнесен скорее греческим, чем карийским; во время переговоров между Ксенофонтом и фракийским царем одрисов Севтом II тот и другой имели своих переводчиков. См. в связи с этим интересные наблюдения Ю. Вернера о языковой ситуации в отношениях между греками и варварами (Werner 1981; 1985). Платон уверенно оперирует примерами из фригийского языка (Plat., Crat., 410), а то, что Геродот, как считают многие исследователи, знал карийский язык, а Фемистокл — фракийский, является вполне естественным уже в силу их происхождения; см., напр. (Томсон 1958, 164).

(Schachermeug 1964, 4). Даже после неожиданных для многих раскопок в Варне болгарский археолог И. Венедиков отмечал, что в археологическом отношении "la Thrace était encore une région inconnue" (Venedikov 1976, 56). То же самое относится к Кари и Ликии (Bittel 1950, 55). В то же время блестящие результаты раскопок на Крите, в Микенах, Тиринфе и других центрах крито-микенской Греции невольно заставляют к любимым находкам за пределами Эгеиды относиться как лишь к «отблескам» богатой крито-микенской культуры. Сенсационные результаты раскопок последнего времени в Румынии и Болгарии, особенно в Варне, показали, насколько ошибочной может оказаться подобная точка зрения.

Фракийский «эпицентр». Согласно М. Гимбутас, в конце неолита, до наступления раннего бронзового века (до 3500 г.) в юго-восточной Европе довольно четко прослеживается область автохтонной европейской цивилизации от среднего Днепра на северо-востоке до южной Италии и Сицилии на юго-западе. Эта область включает в себя весь Балканский полуостров (кроме его северо-западной части), Крит и западное побережье Малой Азии (Gimbutas 1974, 16, map 1). Одновременно с ней другой известный археолог К. Брейниген, исследуя период раннего и среднего бронзового века (3000—1700 гг.), в основном в том же ареале (исключая самую северную его часть), отмечает «широкий культурный континуум» ("the Aegean"), который простирается от Македонии до Крита и от Трояды до Левкады (Blegen 1974, 1 sq.). О «культурно-историческом единстве» (в археологическом аспекте) Балкано-эгейской области и западной Малой Азии начиная от глубокой древности вплоть до I тыс. до н. э. писал болгарский ученый В. Попов (1975, 7).

Если соответствующие карты, которые почти совпадают в своих основных границах, сопоставить с картой Хеттской империи эпохи ее расцвета (Bittel 1970, 12, fig. 2), то окажется, что карты не только не накладываются одна на другую хотя бы в какой-то их части, но соответствующие ареалы нигде даже не соприкасаются. На другой карте археологических находок (хеттских и крито-микенских) последние расположены лишь в узкой полосе островов и западного побережья Малой Азии. Между ними — широкая полоса «ничейной земли» (Bittel 1950, Karte 5). К. Биттель пишет о коренном различии культуры внутренней Анатолии (хетты) и западной Малой Азии (Bittel 1950, 71 f.). Резкое различие между хеттской и эгейской цивилизацией отмечают все историки и археологи.²⁷ Даже торговые связи между микенским миром и внутренней Анатолией практиче-

²⁷ См., напр. (Lichtenberg 1906, 48; Dussaud 1914, 445; Leaf 1915, 65; Cassola 1954, 188; Hencken 1955, 41; Goetze 1957, 19; Blegen 1963, 37, 58; Finley 1970, 61; Попов 1975, 10). О полном отсутствии археологических связей между западным побережьем Малой Азии и внутренней Анатолией см. (Hauptmann 1948, 147; Weickert 1959, 193).

ски равны нулю (Mellaart 1968, 188; Мее 1978, 150). Несколько случайных изолированных находок не идут ни в какое сравнение, например, с находками микенской керамики в Египте, включая даже район к югу от Абидоса (Buchholz 1974, 361 ff.).

Более того, в греческой литературной традиции не сохранилось ни малейших следов того, что греки вообще что-нибудь знали о хеттской цивилизации, а хетты не проявляли никакого внимания к микенской Греции, ибо их главные интересы были сосредоточены на востоке и на юге (Muhly 1974, 9—10). Примерно в одно и то же время хетто-лувийцы и минойцы пользовались совершенно различной системой письменности (Peruzzi 1955, 118 sqq.; Friedrich 1956, 117 ff.; Grumach 1968, 78). Что касается языковых связей, то прав Р. Хаушильд, когда он, отметив генетическую близость фригийского и фракийского языков, пишет: «Сегодня совершенно ясно, что фригийский не имеет ничего общего с хетто-лувийской языковой группой» (Hauschild 1964, 79). Противоположная точка зрения о тесных генетических связях фригийского с хетто-лувийскими языками (Barnett 1967, 21) была подвергнута А. Хойбеком справедливой критике (Heubeck 1969, 168).

Археологи давно обратили внимание на многочисленные черты сходства между памятниками крито-микенской культуры и культурой бронзового века во Фракии. Большинство ученых видело в этом результат влияния крито-микенской культуры, рассматривая Фракию как периферию эгейского мира. Однако уже в конце XIX в. была высказана прямо противоположная мысль о зависимости древнейшей греческой культуры от фрако-фригийской (Dümmler 1886, 258). В начале XX в. ряд ученых выдвинули идею о ведущей роли фракийцев и фракийской культуры в процессе формирования культуры крито-микенской (Schmidt 1904, 656; Lichtenberg 1906, 41 ff. (применительно к культуре Кипра); Штерн 1907, 14, 43 слл.). Причем Э. Р. Штерн, впервые выступив против идеи микенского «отражения» в 1902 г., внес важную поправку в эти идеи: мы должны говорить не о фракийцах или карийцах (там же, с. 49), а, видимо, о каком-то языковом состоянии, предшествовавшем их четкому вычленению. Эти идеи у большинства археологов не встретили сочувствия, но споры о направлении влияния или о независимом развитии культур продолжались; см. (Филовь 1920).

Исключительной важности открытия последних лет вновь остро поставили вопрос о характере связей между культурами Трансильвании — нижнего Дуная и Эгеиды (Fol 1984, 7), заставив вспомнить о некоторых почти забытых теориях. Особенно большое значение имеет раскопанный в 1973—1976 гг. в Варне некрополь IV тыс. (Ив. Иванов 1978; Best 1980). В захоронениях были обнаружены тысячи золотых бусинок и других золотых и медных предметов. Это — самые древние золотые изделия в мире (Ренфрью 1978, 19). По мнению историков, некро-

поль в Варне может свидетельствовать о прямой связи с минойской цивилизацией и позволяет предположить «волну миграции "населения Фракии" как один из компонентов создателей эгейского бронзового века» (Fol 1976, 11).²⁸ А. П. Манцевич также считает возможным предполагать, что культура Фракии «пришла в Микены и Трою с севера, с Балканского полуострова» (Манцевич 1975, 125). Л. Пресс, допуская возможность того, что эгейская культура обязана своим появлением миграции из области Варны, подчеркивает, что подобная гипотеза нуждается в подтверждении (Press 1980, 189).

Конечно, в эпоху расцвета культуры Варны на северо-востоке Балкан жили предки не только фракийцев, но также карийцев, греков, фригийцев и армян.²⁹ Поэтому когда сейчас во многих работах говорится о недооценке в западноевропейской историографии XIX—XX вв. роли фракийских племен, то это справедливо применительно к рубежу раннего и среднего бронзового века. А по отношению к эпохе культуры Варны лучше говорить, как это делает, например, В. Попов, о недооценке роли балканского населения при изучении древнейшей истории Балкан, Эгеиды и западной Малой Азии (Попов 1975, 9).

Основой расцвета древней культуры на территории будущей Фракии явилось бурное развитие металлургии. В 1971 г. близ Ст. Загоры были обнаружены древнейшие в Европе рудники IV тыс. Археологи отмечают поразительные масштабы разработок (Мерперт — Черных 1974, 213 сл.). Уже в V тыс. на территории Венгрии, Румынии и Болгарии в неолитических памятниках появляются первые металлические орудия (там же, с. 212; Ренфрью 1978, 19). При раскопках в Эзеро оказалось, что нижние культурные слои Эзеро древнее Трои I (Мерперт 1966, 115; Черных 1974, 388). И это при общем разительном сходстве обеих археологических культур.

Но если раньше лишь отдельные ученые высказывались против того, чтобы считать территорию древнейшей Фракии «провинцией» эгейской культуры (Childe 1956, 45 sq.; Мерперт 1966, 114), а в основном говорилось об эгейском влиянии на Фракию (Gimbutas 1965, 62 sq.) и даже о возможности «иммиграции с юга» (Bouzek 1966, 258 sq.),³⁰ то после археологических открытий 70-х годов картина существенно меняется. Археологи отмечают, что металлургия не распространилась по всему миру

²⁸ Ср. применительно к более поздней эпохе конца III тыс. (о догреческих -vθ-, -σσ- и других топонимах): «... В составе раннеэладских народов, оставивших нам эти топонимы, видное место занимали карийцы и племена фракийского происхождения» (Откупщиков 1973, 27).

²⁹ В. Георгиев пишет о том, что фракийцы жили в этом регионе уже в эпоху раннего неолита, т. е. в VII—VI тыс. (Georgiev 1981, 153), но это — явный анахронизм.

³⁰ Впрочем, и в последнее время иногда высказываются идеи об эгейском или микенском влиянии на фракийскую культуру; см., напр. (Бонев, 1980, 131).

из Анатолии, как полагали раньше, мы знаем теперь о существовании древних инициативных центров в Румынии, Болгарии, северной Югославии (Schachermeyr 1976, I, 141). Как пишет К. Ренфрю, Балканы, а не Эгеида явились эпицентром металлургии (Renfrew 1978, 201); ср. (Trump 1980, 102). Он же подчеркивает, что «не нужно больше объяснять европейскую пред историю связями с древними цивилизациями восточного Средиземноморья» (Ренфрю 1978, 19). В последнем издании "Cambridge Ancient History" говорится о влиянии индустриальных центров Трансильвании и нижнего Дуная на восточное Средиземноморье — вплоть до XIII в. до н. э. (Sherbatt 1984, 3).

В литературе появилось немало работ, прослеживающих влияние балканской керамики на керамику Греции эпохи бронзы разного времени (Rutter 1975;³¹ Катинчаров 1979, 48). Далеко на севере Греции обнаружено свыше 40 микенских поселений, причем керамика такая, «что трудно решить, где кончается „микенское” и где начинается просто „поздний бронзовый век”» (Hope Simpson 1965, 197). Мегарон и сводчатые структуры ("apsidal forms") явно распространяются в Эгеиде и Анатолии из фракийско-фессалийского ареала (Warner 1979, 143—147).³² Эти и другие факты привели некоторых археологов к выводу о том, что в конце VI тыс. в районе будущей Фракии сложился один из древнейших в Европе раннеземледельческий центр, просуществовавший до начала II тыс. до н. э. В поселениях — непрерывный культурный слой до 15 (!) м, число только выявленных поселений в восточной Болгарии — свыше 400 (Мерперт — Черных 1974, 208).

Говоря о культурах Эзеро и Македонии, Н. Я. Мерперт пишет, что именно с ними и с передвижениями населения к югу и юго-востоку связано само формирование культур раннебронзового века в Эгеиде и Анатолии (Мерперт 1978, 27). Это утверждение не является чем-то изолированным и единичным в археологической литературе. Более того, тезис об общности миграции из области Дуная на юг и на юго-восток, но на основании главным образом свидетельств античных авторов, выдвигался уже давно; см., напр. (Thallon 1919, 192 sq.). Особенно единодушны археологи в вопросе о миграции с севера на юг Балканского полуострова, причем обычно здесь отмечаются две волны: одна — более ранняя (раннеэлладский период) и другая — более поздняя (микенская эпоха).³³

³¹ Дальнейшую полемичку с Г. Валберг см. в AJA, 1976, vol. 80, p. 186—188.

³² Подробную библиографию работ о связях Эгеиды, крито-микенской культуры и области Дуная, Фракии см. (Katinčarov 1981; Buchholz 1983, 44—46).

³³ См. (St. Casson 1926, 155 sq.; Schachermeyr 1935, 8—9; Lorimer 1950, I; Cassola 1954, 194; Starr 1961, 30; Rutter 1975; Best 1976, 165 sq. (со ссылками на работы Д. Гарашанина, Л. Б. Поповича и Р. Хауэлла); 1978, 221; 1980, 13; Bankoff — Winter 1984).

Что касается движения на юго-восток, в Малую Азию, то сравнительно поздняя миграция фрако-фригийских племен хорошо документирована в античных источниках и надежно подтверждается археологическими данными. Но археологи постулируют также более раннюю волну миграции в этом направлении, относящуюся к III тыс. до н. э. В. Чайлд отмечает отсутствие каких-либо передвижений населения из Анатолии на Балканы в это время (Childe 1947, 66). П. Боев, ссылаясь на работы Р.-П. Чарльза (Charles 1958), пишет о том, что по своему антропологическому типу население западной Малой Азии представляет собой переселенцев из северной Греции, что этот же тип населения мы находим на Кипре. Он не имеет ничего общего с расовым типом населения внутренней Анатолии: это пришельцы из областей Македонии и Фессалии (Боев 1972, 126). На карте М. Гимбутас мы находим две волны миграции с северо-восточной части Балканского полуострова в Анатолию: около 2300—2200 гг. и около 1230—1180 гг. до н. э., причем в обоих случаях не отмечается никакого обратного движения (Gimbutas 1965, 22, map 1, 25, map 3); ср. также (Мерперт 1984, 235 сл.).

Таким образом, в обоих направлениях археология констатирует наличие двух миграционных волн из одного и того же очага на северо-востоке Балкан. Вторая волна нашла свое отражение в многочисленных свидетельствах античных писателей, первая — лишь смутные намеки в мифах о гиперборейцах, Девкалионе и др., а также в многочисленных рассказах о таинственных пеласагах, населявших Элладу до греков. Естественно, что первая миграционная волна послужила базой догреческого субстрата в Элладе, вторая — привела к сравнительно более поздним адстратно-суперстратным связям.

По поводу первой из этих волн болгарский археолог В. Попов пишет: «... Во второй половине III тыс. Балканский полуостров стал основой грандиозной миграционной волны, проявившейся последовательно в хронологическом и территориальном аспекте в двух направлениях — к Малой Азии и к югу, к материковой Греции» (Попов 1975, 13). В работе 1973 г., написанной еще до начала раскопок в Варне, автор настоящей книги пришел к аналогичному выводу на основании анализа топонимического материала. Большое количество совпадений в топонимике Балкан и Анатолии раньше объяснялось «анатолийским влиянием»; «топонимы малоазийского типа» — было обычным их названием, которого многие исследователи придерживаются и теперь. В статье 1973 г. мною была выдвинута идея о том, что «эпицентром» распространения совпадающей на Балканах и в Малой Азии догреческой топонимики была Фракия (Откупщиков 1973, 14, прим. 16). Из этого «эпицентра» одна волна раннеэлладских носителей догреческой топонимики направилась на юг — в Грецию, другая — на юго-восток, в Малую Азию. В составе этих раннеэлладских племен были фракийцы, фри-

гийцы, карийцы (там же, с. 26—27). Это объяснение причин появления балкано-малоазийских топонимических изоглосс движением из единого очага в северо-восточной части Балкан, находящееся в полном согласии с сообщениями античных писателей, получило теперь надежную археологическую поддержку.

Выглядит совершенно парадоксальным тот факт, что авторы статьи, ставшей уже «классической», — Дж. Хейли и К. Блеген ("The Coming of the Greeks") на своей карте догреческих топонимов дают только южную часть Балкан. Северная Греция (в том числе Фессалия) здесь обозначена почти сплошным белым пятном. Большая часть Македонии и Фракии вообще отсутствует на карте, а южная полоса этих областей, захваченная картой, осталась совсем нетронутой авторами несмотря на то, что именно в этих областях сосредоточено особенно большое количество топонимов с догреческими суффиксами, а также полностью совпадающих с малоазийскими топонимами. Иначе говоря, в статье о прибытии греков в Элладу и о происхождении догреческих топонимов оказалась «за кадром» именно та область, откуда распространились эти топонимы и откуда пришли греки (Откупщиков 1973, 5—6).³⁴

Данные археологии о карийцах. Относительно этнического происхождения карийцев учеными в разное время высказывались самые различные предположения. Одни считали карийский язык семитским (Movers 1841, 17; Lassen 1856, 329 f.; Kämpel 1869, 46), другие — иранским (Lagarde 1866, 267 sq.;³⁵ Autran 1920, 73), третьи — вообще неиндоевропейским (Jensen 1958, 446 sq.). Еще до дошифровки Б. Грозного А. Фик высказал мысль о том, что карийцы — "echt hettische" (Fick 1909, 7). О лувийской принадлежности карийского языка писал П. Кречмер (Kretschmer 1940, 247). После того как В. Георгиев отнес карийский к числу хетто-лувийских языков, этот взгляд на него стал почти общепризнанным среди лингвистов (Georgiev 1960, 607; 1968, I, 375; 1971, 157; Heubeck 1961, 18 — со ссылкой на В. Георгиева; Hauschild 1964, 53 — с такой же ссылкой; Carruba 1965, 558; Гиндин 1973, 73; Katičić 1976, I, 23). Даже "Indogermanische Chronik" журнала "Die Sprache" (Вена) помещает работы о карийском языке в разделе «Малые индоевропейские анатолийские языки».

Между тем никем никогда не доказанная гипотеза об анатолийской принадлежности карийцев и карийского языка не только идет вразрез со всей античной традицией о сравнительно позднем прибытии карийцев в Малую Азию, но также решительно противоречит данным археологии. Поскольку карий-

³⁴ За то, что Дж. Хейли и К. Блеген не включили в свою работу фракийский материал, их упрекает также П. Сусберген (Soesbergen 1979, 37).

³⁵ Кстати, он же высказал мысль о близком родстве фракийского, фригийского и карийского. Правда, все эти языки он относил к иранским (Lagarde 1866, 276 ff.).

цы переселились из материковой Греции и с островов в Малую Азию сравнительно поздно, археологические следы этой миграции сохранились достаточно хорошо. Прежде всего мы ничего не знаем о карийской керамике (Mellaart 1968, 188), ибо у карийцев — та же самая керамика, что и у греков, как в историческую эпоху, так и до нее. «Карийская керамика... идентична с обычной микенской» (Hore Simpson 1965, 197). Микенская керамика и микенские поселения с удивительной последовательностью фиксируются археологами в тех самых местах, где, согласно античной традиции, жили карийцы:³⁶ Эпидавр, Гермюна, Скирос, Делос, Наксос (три поселения), Кеос, Хиос, Самос, Калимна, Кос, Родос (Hore Simpson 1965, fig. 3 — карта в приложении). На малоазийском материке это будут: Милет, Книд, Смирна, Сарды, Колофон, Эфес, Миласы, Стратоникея, Галикарнас, т. е. или города Карии, или те, в которых, по свидетельству античных авторов, раньше жили карийцы (там же). Эти находки (поселения и погребения) относятся, например на Книдском полуострове, на Родосе и на Косе³⁷ к XV—XIV вв. до н. э. (J. Cook 1961, 18), т. е. ко времени, когда греков в Малой Азии еще не было. Более того, Гомер не упоминает Хиос, Самос, Кикладские острова, он не знает никаких греческих городов в Эолии и Ионии (Hanfmann 1948, 148). В Милете также было обнаружено критское поселение, существовавшее начиная с XVI в. (Weickert 1959, 181), найдена минойская, микенская и субмикенская керамика (Starr 1961, 51; Hanfmann — Waldbaum 1968, 52). А жили там, по свидетельству Гомера (II, II, 867 слл.), карийцы, причем в Милете все это время наблюдаются следы постоянной культурной преемственности и расцвета (Logimer 1950, 30).

Из этих фактов были сделаны естественные выводы о том, что микенскую культуру в Малую Азию принесли с собой карийцы. Особенно последовательно эту идею проводит в своих работах Дж. Кук (J. Cook 1960, 40; 1961, 14 sqq.;³⁸ 1966, 50), его поддерживает Дж. Мелларт (Mellaart 1968, 192). С. Худ также считает карийцев народом "with an Aegean Bronze Age background" (Hood 1971, 117).³⁹ Карийские погребения Ассарлыка с микенской керамикой также свидетельствуют о принадлежности карийцев к эгейской культуре (Long 1958, 303). Именно благодаря карийцам некоторые микенские мотивы сохранились в искусстве малоазийских греков (Boardman 1964, 46).

³⁶ Этот факт был отмечен Дж. Куком (САН, 3d ed., vol. 2, pt. 2, 787).

³⁷ На Косе также минойская керамика засвидетельствована примерно с 2000 г. (Mellink 1978, 321).

³⁸ Перепечатано в 38-й главе САН, 3d ed., vol. 2, pt. 2, p. 787).

³⁹ Идею о том, что эгейско-микенская культура представляет собой смешение греческой и карийской, высказывалась еще в начале века (Lehmann-Haupt 1907, 68). Мысль о том, что именно карийцы принесли с собой в Милет эгейскую культуру, также не является новой; см. (Хогард 1914, 41).

В Сардах, на месте будущей Стратоникеи, в древней Смирне и в ряде пунктов внутренней части Карии и прилегающих к ней областей обнаружено много протогеометрической и некоторое количество субмикенской керамики (Snodgrass 1971, 67). Это свидетельствует о постепенном проникновении карийцев в глубь малоазиатского материка, а также в те города, в которых, по свидетельству античных писателей, до греков (и лидийцев) жили карийцы (Смирна, Сарды). До середины II тыс. до н. э. побережье Малой Азии не имело никаких городов,⁴⁰ а внутренние области Карии, как указывает Дж. Кук, были вообще необитаемы (САН, ed. 3, vol. II, pt. 2, 795). Это неизбежно приводит к выводу о прибытии карийцев с Балкан и с Эгейских островов.

Некоторые ученые, как пишет Дж. Кук, склонны рассматривать карийцев как народ лувийской языковой группы, занявших юго-западную Малую Азию в конце бронзового века, придя из внутренних районов Анатолии. Это противоречит и греческой традиции, и археологическим данным, которые заставляют видеть в карийцах «народ критского и ахейского мира, вытесненный в Карию под давлением греческой экспансии» (J. Cook 1961, 22—23).

Можно было бы приводить частные примеры, связанные с архитектурными совпадениями, со сходством погребальных конструкций и т. д. Например, было отмечено поразительное сходство (the striking similarity) обычных в Карии, но уникальных для Греции архитектурных конструкций с конструкциями на Эвбее (Dragon-Houses); см. (Carpenter — Boyd 1977, 193—194 (со ссылкой на свидетельства античных авторов о пребывании карийцев на Балканах)).⁴¹

Итак, данные археологии, как и свидетельства античных авторов, подтверждают основное положение гипотезы о том, что население северо-восточных Балкан в эпоху раннего бронзового века мигрировало на юг и юго-восток. Эти раннеэлладские племена явились создателями догреческой топонимики. Они распространили ее в Греции, затем — по мере расселения — на островах, а в более позднюю эпоху карийцы, вытесненные с островов, перенесли ее в западную Малую Азию, где Кария в историческую эпоху явилась местом их основного средоточия.

⁴⁰ В то же время У. Виламовиц и Р. Леонгард отмечают, что ни один крупный город в Ионии не был основан греками (Leonhard 1915, 326). Как известно, в соответствии с хронологией Эратосфена, начало ионийской колонизации относят к XI в. до н. э. (1044 г.). Некоторые ученые считают, что первые поселения греков в Малой Азии (Самос, Хиос) появляются примерно к 800 г. до н. э., а на побережье Малой Азии — не ранее VIII в. до н. э. (R. Cook 1946, 67 sqq.). Магнесия стала греческой не ранее VII в. до н. э. (Boardman 1964, 48).

⁴¹ О микенских и карийских погребальных сооружениях речь пойдет в разделе «Свидетельства этнографии».

Часть топонимов принесли с собой в Малую Азию также мигрировавшие на юго-восток фрако-фригийские племена (а в более раннюю эпоху, быть может, и армяне). Что касается многочисленных, по всей видимости, фрако-фригийских групп, направившихся не в Малую Азию, а в Элладу, то они, нужно полагать, были ассимилированы греками.⁴²

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭТНОГРАФИИ

О некоторых этнографических данных, в частности об антропологических аргументах Р.-П. Чарльза и П. Боева в пользу балканского происхождения населения западной Малой Азии и Кипра в эпоху ранней бронзы речь уже шла выше. Но это важно лишь в плане общего направления миграций того времени. С этнографической точки зрения интереснее, пожалуй, вопрос о цвете волос греческих богов и героев. Насколько мы знаем из греческой вазовой живописи, древние греки как этнический тип — черноволосы. Согласно Ксенофану (fr. 16), эфиопы изображают своих богов черными, фракийцы — голубоглазыми и рыжими (γλαυκὸς ἔς καὶ πύρροϋς). Видимо, это наблюдение Ксенофана относительно образа и подобия изображаемых богов справедливо и по отношению к греческой вазовой живописи. Однако греческая поэзия сохранила более древнее представление о совсем ином типе богов и героев. Так, сын Ахилла Неоптолем — Πύρρος 'Рыжий', сам Ахилл имеет ξανθὴ κόμη (II, I, 197); ξανθοί были Менелай, Мелеагр, Радаманф, Одиссей, Агамеда, Ариадна, Гармония. «Златовласыми» (χρυσό-κόμης, -πλόκαμος, -χαίτης и др.) были Аполлон, Дионис, Афина, Деметра, Латона, Эрот, Хариты. Таким же, видимо, было происхождение эпитета Афродиты Χρυσώ.⁴³ Нужно думать, что применительно к ξανθὰ Ἀθήνα ее эпитет γλαυκῶπις также первоначально употреблялся в том же смысле, что и γλαυκοί у Ксенофана применительно к фракийцам.

Как уже давно было отмечено, главные боги Греции живут не в Греции: трон Зевса — Ида, трон Посейдона — на Самофракии, Олимп — в южной Македонии (на границе с Фессалией). Все это — фракийская периферия; между Олимпом, с одной стороны, Самофракией и Идой — с другой, находится фракийская Халкидика. Принимая также во внимание общеизвестный факт колоссального фракийского влияния на греческую религию и мифологию, можно высказать предположение, что столь

⁴² В связи с изложенной концепцией, я никак не могу согласиться с категорическим утверждением моего коллеги А. И. Зайцева, который пишет: «...Было бы решительно невозможно предполагать для Греции раннеэладской эпохи население, генетически эквивалентное малоазийскому рубежа II—I тысячелетия до н. э.» (Зайцев 1985, 15).

⁴³ Ссылки на авторов к приведенным примерам см.: Liddell — Scott 1883, s. v. ξανθός, χρυσός и πύρρος.

широкое распространение среди греческих богов и героев в целом совсем не типичных для греков ξανθοί — также одно из проявлений этого влияния.

Страбон, перечисляя признаки родства между племенами, обычно начинает с погребальных обрядов. Как известно, Солон в споре с мегарцами обосновывал права афинян на Саламин ссылкой на обряд погребения (Plut. Sol., X, 4—11). Современные археологи также придают большое значение анализу погребального обряда, который «может рассматриваться как один из важнейших этнических признаков. Он... слабо подвержен изменениям» (Лапин 1966, 168).

Основным признаком похоронного обряда догреческого населения ранне- и среднеэлладского периода было, безусловно, скорченное положение погребенного (Blegen — Wace 1930, 31; Childe 1945, 13; Mylonas 1962a, 289; Hood 1971, 140).⁴⁴ Греческих предшественников в Элладе даже называли народом «боевых топоров и скорченных погребений» (Fürst 1930, 125 f.). Конечно, скорченные погребения типичны не только для догреческого населения южных Балкан. Они встречаются также в Египте, на Кавказе и во многих других местах. Важно не это, а то, что захоронения в скорченном положении практикуются на всей территории Греции, включая острова на всем протяжении эпохи бронзового века, т. е. до конца II тыс. до н. э. Причем уже для раннего железного века этот тип погребений не так характерен, как для микенского периода (Shear 1975, 372), следы его вытеснения заметны уже в XII—XI вв. (Kurtz — Boardman 1971, 32). Для геометрического периода скорченные погребения зафиксированы в виде единичных примеров в Фессалии, чаще — в Ароглиде и Коринфе. Коринф вообще в этом плане представляет собой исключение, но и здесь с VI в. до н. э. практика погребения в скорченном положении прекратилась. Поэтому следует считать скорченные погребения негреческим типом захоронения (Kurtz — Boardman 1971, 192 sq.). Вот почему, когда в Греции рядом с раннегреческими погребениями (в обычном вытянутом положении) находят скорченников, их признают остатками догреческого населения, ибо греки так не хоронили (Caskey 1959, 204 sq.)

Большую литературу, в связи с особенностями похоронного обряда, вызвал вопрос о пурификации Делоса. По сообщению Фукидида (I, 8), афиняне во время очищения Делоса от древ-

⁴⁴ См. также (Xanthoudides 1924, 128 sqq.; Lorimer 1950, 10; Vermeule 1964, 56 sq.; Vermeule — Travlos 1966, 71; Hood 1967, 64; Branigan 1970, 87; Renfrew 1972, 179; Long 1974, 75 sq. (Крит.); Dietz 1975, 160 (Мессения); Schachermeyr 1976, 60 f. (Фессалия); Doumas 1977, 37, 54, 70, (Киклады); "Archaeological Reports for 1980—1981", 1981, № 27, p. 16, 18, fig. 25 (Спарта)) и др. К. Ренфрю при сходстве погребений на Кикладах и западной Анатолии отмечает большую древность погребений кикладских (Renfrew 1972, 167).

них погребений на этом острове обнаружили, что более половины из них — карийские. Это было установлено по типу вооружения и по способу захоронения, которым карийцы пользовались еще во время Фукидида. Р. Кук, автор статьи «Фукидид как археолог», считает, что речь должна идти не о типе вооружения, а о самом факте наличия оружия в погребении, ибо вооружение у карийцев и у греков было одинаковое (Hrdt., VII, 93), а оружие в погребения греки в отличие от карийцев не клали (R. Cook 1955, 267 sq.). Так, в субмикенском некрополе Керамика уже в XII в. до н. э. — сплошь вытянутые погребения и, как правило, без оружия (Kraiker — Kübler 1939, 8—9). Однако речь у Фукидида, очевидно, идет о типично карийских *δρέπανα* (Hrdt., I, 171) — небольших серповидных мечах, которые еще 100 лет тому назад были обнаружены в карийских погребениях субмикенского периода в Ассарлыке (Paton 1887, 68 sq.). а также среди следов описанной Фукидидом пурификации Делоса — на соседнем о-ве Ренее. Там было найдено особенно много этих серповидных мечей (R. Cook 1955, 268).⁴⁵ Неясным оставался второй аргумент Фукидида о способе захоронения, поскольку мы ничего не знаем о соответствующих карийских погребениях (Ibid., p. 268).⁴⁶ Но вот в 1964 г. итальянский археолог Доро Леви опубликовал результаты раскопок карийского некрополя в городе Иас (примерно между Милетом и Галикарнасом). Выяснилось, что карийцы хоронили своих умерших в скорченном положении. Этим, как справедливо считает Д. Леви, окончательно подтверждается правильность сообщений и выводов Фукидида (Levi 1964, 13).

В результате раскопок на самом Делосе были обнаружены микенские погребения. Получается так, что там, где Фукидид говорит о карийцах, современные археологи находят следы микенской культуры. Еще до раскопок Д. Леви, Ш. Лонг, сопоставив эти противоречивые факты, пришла к выводу: «Если мы отождествим „карийское“ с микенским, то окажется, что свидетельство Фукидида о способе погребения карийцев очень хорошо согласуется с археологическими данными» (Long 1958, 304). Аналогичная мысль о том, что если мы признаем карийцев микенцами, «исчезнут все исторические парадоксы», была высказана еще сто лет тому назад (Dümmler — Studniczka 1887, 7).

В шахтовых могилах в Микенах и в других погребениях среднеэлладского периода (1900—1550 гг.) также были обна-

⁴⁵ Не было принято в науке странное предположение У. Виламовица, что это — не *δρέπανα* (ср. миф о Кроносе, Персее), а... деньги (Wilamowitz-Moellendorf 1937, 520 sq.).

⁴⁶ Один из археологов в связи с этим пишет: «Многие интересные погребения в Карию никогда не освещались в печати, не описывались, не посещались, не упоминались и даже не были обнаружены» (Roos 1972, 13). Он же сообщает о том, что проф. П. Арстром собрал обширный неопубликованный материал о карийских погребениях типа "rock-tombs" (Ibid., p. 98).

ружены скелеты в скорченном положении. Первым это, указав на небрежность Г. Шлимана, отметил, по-видимому, А. Эванс (Evans 1929, 12), затем также и другие исследователи Mylonas 1957, 143 sq.; 1964, 3—4; Vermeule 1964, 400 и Pl Xa; Vermeule — Travlos 1966, 70). В более позднюю эпоху (X в. до н. э.) на карийском о-ве Косе также мы находим микенский тип погребения с костяками в скорченном положении (Kurtz — Boardman 1971, 174).⁴⁷

Возвращаясь к собственно Карию, нужно сказать, что совпадают у микенцев и у карийцев доисторической и исторической эпохи также многие другие особенности погребального обряда: обычай класть оружие в погребение (не говоря уже о типе оружия), керамика (Long 1958, 303 sq.). Коллективные, точнее многократные, погребения, типичные для Крита и для микенской Греции (Xanthoudides 1924, 134; Long 1958, 302), вытесняются, например, на Крите к концу XV в. до н. э. (Hood 1971, 147), но зато появляются в Карию — в ранних погребениях Ассарлыка (Termera) и в некрополе Иаса (Snodgrass 1971, 157; Wheeler 1974, 418 sq.). Этот обычай «коллективных» погребений отсутствует в центральной Анатолии (Childe 1950, 61), но он сохранился помимо Карию также в Фессалии. В этих двух регионах «обычай многократного погребения пережил падение Микенского могущества» (Snodgrass 1971, 157).

Наконец, все археологи единодушно отмечают удивительное сходство, а во многом — идентичность микенских погребальных сооружений бронзового века и карийских — железного века и исторической эпохи.⁴⁸ В Карию начиная с 1962 г. раскопано не-

⁴⁷ Спорным остается вопрос о происхождении скорченных погребений Северного Причерноморья. Поскольку инвентарь этих погребений ничем не отличается от греческих и они одинаковы в Ольвии, Херсонесе, на Боспоре и в западной части Понта, где жили скифы, тавры, меоты, фракийцы — с разными обрядами погребения, — это не может быть «туземное влияние» (Козуб 1963, 10, 18; 1974, 21 слл.; Лапин 1966, 217; Кадеев 1973). Но «Ляпину не удалось показать, что скорченные погребения являются греческими» (Шелов — Брашинский 1969, 170). Не удалось этого сделать и В. И. Кадееву, ибо греки так не хоронили. Его ссылки на аналогии в Греции относятся, как правило, к догреческим погребениям, иногда даже неолитического (!) периода; ср. (Кадеев 1973, 100) — со ссылкой на (Томсон 1958, 42, прим. 48), где речь идет именно о таком погребении. Недавно по этому поводу было высказано более осторожное предположение о принадлежности ранних скорченных Херсонеса к «негреческому этносу» — без указания на его местное происхождение (Зедгендзе — Савеля 1981, 7). В 1975 г. мною была предложена гипотеза о принадлежности скорченных погребений Северного Причерноморья карийцам (Откупщиков 1975а, 19). Как известно, подавляющее большинство древнейших колоний в Причерноморье было основано выходцами из Милета — города — значительным процентом карийского населения, которое, как теперь твердо установлено, хоронило своих умерших в скорченном положении. Об ономастических следах пребывания карийцев в Причерноморье см. (Откупщиков 1980).

⁴⁸ Вот лишь несколько выборочных примеров (Paton — Myres 1896, 264; Lehmann-Haupt 1907, 121; Long 1958, 304 ("the chamber tumulus... in Caria... reproduces almost exactly the Mycenaean built and rock-cut tombs with

сколько типов погребений, просуществовавших от микенской эпохи до классического периода (Boysal 1970, 92). Эта преемственность, с одной стороны, и сходство — с другой, несомненно, свидетельствуют о перенесении карийцами практики постройки погребальных сооружений с Балкан и Эгейских островов в западную Малую Азию. Причем нужно отметить, что карийские монументальные погребения, как и микенские, резко отличаются от обычных греческих погребений (Long 1958, 304). Сопоставим ряд важнейших черт погребального обряда у микенцев, карийцев (с древнейших времен до исторического периода включительно) и греков архаической и классической эпохи (табл. 1).

Таблица 1. Особенности погребального обряда у микенцев, карийцев и греков

Отличительные признаки	Микенцы	Карийцы	Греки
Монументальные сооружения	+	+	--
Множественность захоронений	+	+	—
Скорченность положения костяка	+	+	—
Оружие в погребениях	+	+	—

Разумеется, в табл. 1 отражена обычная многовековая практика, а не единичные примеры типа марафонского погребения начала V в. до н. э. Можно было бы говорить также и о ряде других особенностей похоронного обряда карийцев — отличного от греческого (архаическая и классическая эпоха) — трупосожжения наряду с трупоположением (Long 1958, 302), жертвенной пище⁴⁹ и др.

Приведенный археологами диахронический анализ ареала фолосных гробниц и погребений в камерах привел к очень интересным результатам. Эти погребения широко распространены на материке, особенно в районе Арголиды в позднеэлладский I период (около 1500 г.). Затем они захватывают Аттику, Эвбею, Киклады (Наксос, Аморгос), а в позднеэлладском IIIA периоде (около 1300 г.) они появляются в Карию, а также на островах Кос и Родос. В то же время их количество на греческом материке резко сокращается, а к концу II тыс. они вообще исчезают (Mee — Cavanagh 1984, 50 sqq., fig. 2—11). В соответствии со всем вышеизложенным, а также в полном согласии с

their dromoi, doorways, and sepulchral chambers”); J. Cook 1961, 23; Bass 1963, 358; Bittel 1942, 70 f.; Boysal 1970, 93 — субмикенские погребения в Карию — это «продолжение типов микенских сводчатых и шахтных могил») и др.

⁴⁹ Во время раскопок Мавзолея в Галикарнасе в 70-е годы были обнаружены остатки жертвенной пищи у входа в погребальную камеру: 4 быка, 27 овец или коз и т. д. (Mellink 1978, 324). О “funeral meal” в древних Микенах см., напр. (Mylonas 1964, 4).

античной традицией, этническая принадлежность переселившегося в Малую Азию народа едва ли может вызывать сомнение: это были карийцы.

Очень много общего с микенскими и карийскими погребениями имеют погребения фракийские. Во Фракии мы также встречаемся с обычаем, восходящим здесь к неолитической эпохе: хоронить умерших в скорченном положении (Gimbutas 1977, 46; Николов 1982, 195). Этот обычай сохранился здесь на протяжении бронзового века (Katinčarov 1980, 168), раннего железного века (Kurtz — Boardman 1971, 185), в погребениях VIII—VI вв. до н. э. (Кисьов 1985, 54) и в более позднее время (Венедиков 1963, 346). Здесь, как и в Кари, наряду с труположением распространено трупосожжение — как в эпоху поздней бронзы (Katinčarov 1980, 171), так и в исторический период (Мелюкова 1979, 119 сл.). Обряд трупосожжения у фракийцев (Hrdt., V, 8) уже давно сопоставлялся с похоронами Патрокла в «Илиаде» Гомера (Myres 1930, 394); трупосожжение — обычный способ похорон у карийцев той же самой эпохи (некрополь Ассарлыка).

Но особенно удивительным (étonnante) является сходство купольных гробниц Фракии VI—III вв. с микенскими гробницами XVI—XII вв. (Venedikov 1976, 56). Это сходство, как и сходство фракийских и микенских погребальных сооружений с карийскими и фригийскими монументальными гробницами, уже давно отмечалось многими исследователями.⁵⁰ Однако в отличие от карийских сооружений, сохранивших преемственность традиции от бронзового века до исторической эпохи, фракийские гробницы фолосного типа относятся к исторической эпохе. Между ними и микенскими фолосами — хронологический разрыв, составляющий более 500 лет. Эта загадка остается до сих пор нерешенной (Delev 1984, 186). И. Венедиков в осторожной форме высказал предположение, что более древние археологические памятники подобного типа остаются неизвестными в связи с очень слабой изученностью территории Фракии (идея, высказанная еще Б. Филовым), но сам признает, что нельзя строить гипотезы на том, что не засвидетельствовано (Venedikov 1976, 56).

Быть может, в качестве связующего звена между погребальными сооружениями Фракии и микенской Греции может выступить Фессалия. По свидетельству античных авторов, в этой области в древности жили фракийцы, отсюда Пелопс привел фригийцев в Пелопоннес, а карийцы прибыли на Наксос. Сами греки, во всяком случае в эпоху греко-персидских войн, рас-

⁵⁰ Кроме литературы, указанной в прим. 5 и 6, см. также (Rostovzeff 1922, 78 sq.; Hauschild 1964, 75 f.; Kurtz — Boardman 1971, 277; Snodgrass 1971, 194; Китов 1980, 107; Delev 1984) и др.

считывали Фессалию как область, находящуюся вне Эллады, ср. *Θεσσαλίη τε καὶ ἡ σὺνπλασα Ἑλλάς* (Hrdt., VII, 172, 2), Фермопилы Геродот называет *ἔσθοδος ἐς τὴν Ἑλλάδα* (Hrdt., VII, 176, 2), исключая тем самым Фессалию из состава Эллады (Weiler 1968, 28).

Для археологов оказалось неожиданностью, что древнейший датированный фолос во всей Греции был обнаружен не в Арголиде (Микены, Аргос, Тиринф), а в Фессалии (Stubbings 1963, 17). В Фессалии, как и в Карию, мы находим фолосные погребения раннего железного века (очень редкое явление), к тому же с костяками в скорченном положении (Kurtz — Boardman 1971, 184 sqq). В фессалийских погребениях микенского времени также найдены скорченники (Schachermeyr 1976, 60 ff.), а в более позднее время — «коллективные» погребения (Snodgrass 1971, 157). Все это, как и тот факт, что погребения фолосного типа встречаются в Фессалии вплоть до архаического и классического периодов (Kurtz — Boardman 1971, 277), очень напоминает Карию. Наконец, именно фессалийско-фракийский ареал является той областью, где засвидетельствованы формы, предшествующие мегарону и сводчатым конструкциям (Warner 1979, 147).

Что касается фригийских похоронных обрядов, то, к сожалению, археологи здесь располагают еще более скудным материалом. Тем не менее и здесь наиболее типичен монументальный характер гробниц. Во Фригии и в соседней с ней Пафлагонии обнаружены купольные и скальные гробницы (Kuppelgräber, Felsgräber), см. (Körte 1898, 127; Leonhard 1915, 280 f.; Bossert 1942, 85; Gall 1967, 590). Близость к микенскому миру здесь проявляется не только в монументальности сооружений, но и в изобразительном искусстве. «Львиная гробница» во Фригии настолько напоминает «львиные ворота» в Микенах, что один из первых исследователей этих памятников У. Рамсей даже высказал предположение о том, что микенские художники или были фригийцами, или научились у фригийцев. На этом основании он ошибочно датировал «львиные ворота» VIII в. до н. э. (Ramsey 1888, 369 sq.). Конечно, фригийские львы — значительно моложе микенских (Körte 1898, 134). Но весьма показателен тот факт, что опять микенские традиции, от которых у греков мы не находим надежных следов, сохраняются во фригийском искусстве исторической эпохи и даже распространяются на соседние племена, ср. ликаонские скальные гробницы — с тем же фригийским «львиным» мотивом (Bossert 1942, 292, Abb. 114—115).

Итак, один из самых важных и наиболее устойчивых этнических признаков — погребальный обряд — во всех его аспектах указывает на несомненную связь, а порой и на полную идентичность способов захоронения и постройки погребальных сооружений у древних микенцев, карийцев, фракийцев и фри-

гийцев (а также македонцев, которые, возможно, до Филиппа и Александра не проникали на территорию Эллады, а поэтому вопрос об их погребальных обычаях здесь не рассматривался); см. в связи с последними (Andronicos 1984).

В полном соответствии со свидетельствами античных авторов и археологии, этнографические данные также подтверждают мысль о том, что догреческое население Греции («догреческий субстрат») представляло собой совокупность племен карийского, фракийского и фригийского происхождения. В историческую эпоху это население, вытесненное с территории материковой Греции и с островов Эгейского моря, а частично ассимилированное греками, оказалось на периферии греческого мира: во Фракии, Фригии, Карию.

НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ

Для того чтобы представить себе фракийцев, фригийцев и карийцев в качестве того субстратного населения, которое оказало мощное воздействие на развитие греческой культуры, а также на греческий язык, нужно прежде всего отказаться от той привычной для нас «эллиноцентрической» точки зрения, согласно которой греки — это народ, стоящий у истоков европейской цивилизации (что, разумеется, верно), а фракийцы, фригийцы и карийцы вошли в историю и чего-то добились исключительно благодаря греческому влиянию. Так, Ф. Шахермейр полагает, что карийцы — это небольшой варварский народ где-то на периферии эллинского мира, сыгравший в истории лишь весьма второстепенную роль (Schachermeyr 1968, I, 310). Подобного рода высказывания можно встретить и в связи с ролью фракийцев и фригийцев в истории. Конечно, в классический и эллинистический период Фракия, Фригия и Кария подверглись сильной эллинизации, причем интенсивная эллинизация Карию, например, начинается в основном лишь в IV в. до н. э. (Hogblower 1982, 11 sqq). Факты здесь весьма многочисленны и неоспоримы. Но когда сквозь призму этих фактов освещаются гораздо более древние отношения между греками и их соседями исторической эпохи, — легко впасть в заблуждение.

В гомеровскую эпоху фракийцы находились на одном культурном уровне с греками (Tomaschek 1893, I, 112 f.; Филонъ 1920, 50; Катинчаров 1979, 46). Еще Фукидид отметил отсутствие противопоставления греков и варваров у Гомера (Thuc., I, 31). Троянская война была войной внутри одного и того же мира — с одними и теми же богами, установлениями, отношениями гостеприимства, формой семьи (Benveniste 1969, II, 94). В историческую эпоху греки иногда тщательно избегали употреблять термин «варвары» по отношению к македонцам и фракийцам. Это не такого рода «варвары», как, например, персы (St. Casson 1926, 202 sqq.). Греки и карийцы сначала также не

противопоставляли себя друг другу, отношения между ними обычно были дружественными (Wilamowitz-Moellendorff 1937, 170; J. Cook 1961, 22). В субмикенскую и раннюю геометрическую эпоху материальная культура греков и их соседей на востоке — карийцев и фригийцев — находилась примерно на одинаковом уровне (Hanfmann 1945, 580). Более того, к VII в. до н. э. ситуация в Малой Азии сложилась так, что «греки должны были многому учиться у своих восточных соседей и мало чему могли научить их» (Dunbabin 1957, 25).

Показательно, что первые шаги ионийской культуры неразрывно связаны с именами карийцев. «Отец истории» Геродот был сыном карийца по имени Λύξης. Его дядя, известный эпический поэт, также носил карийское имя Παύλασσις. У основоположника ионийской философии Фалеса не только отец (Ἐξαμύης), но и сын (Κίβιστος) носили карийские имена. На знаменитой архаической статуе Геры Самосской, стоящей у истоков греческой скульптуры, мы находим опять-таки карийское имя — Χηραμύης. Создателем жанра биографии явился кариец Σκύλαξ из Карианды, написавший первую известную нам биографию (тирана Миласс Гераклида). Пародийно-сатирическая струя в истории греческой литературы восходит к поэмам «Маргит» и «Батрахомиомахия», автором которых считают брата карийской царицы Артемисии Пигрета.⁵¹ Этот список можно было бы и продолжить.⁵² Но уже и он вполне достаточен для того, чтобы считать все эти факты не случайным совпадением, а продолжением древней традиции культурного влияния на греков со стороны догреческого населения.

Историки уже давно обратили внимание на то, что традиционные даты основания городов в Малой Азии древнее ионийской миграции (Sakellariou 1958, 310 sqq.). Например, дата основания Милета по Евсебию — 1288 г., по армянской версии хроники — 1302 г., а миграция греков в Ионию относится к первой или ко второй половине XI в. до н. э. Отсюда делается справедливое заключение о том, что дата основания Милета предполагает общий карийско-греческий счет. Здесь также перед нами — явное продолжение древней традиции, у истоков которой находятся карийцы.

Однако все это — сравнительно поздние примеры, явившиеся

⁵¹ Интересную мысль о том, что в основе «Батрахомиомахии» лежат события карийской Vorgeschichte (война с-легегами), высказал А. Фик (Fick 1909, 42). Карийцы — это мыши; ср. карийское ΛΙ Μύς и целый ряд имен на -μύης, а также Λέλεγες 'лелеги' и λάλαγες 'лягушки'. Миф о превращении ликийцев в лягушек (Овидий) также, видимо, восходит к этой игре слов. Впрочем, имеются серьезные аргументы в пользу поздней датировки «Батрахомиомахии». См. (Ярхо 1985, 53 сл. — со ссылками на литературу).

⁵² А. И. Зайцев (1985, 13) приводит еще имена Ферекида Сиросского, Пифагора и других эллинских философов и поэтов «варварского» происхождения.

своего рода отзвуком более ранних культурно-исторических отношений. Что касается фракийцев и фригийцев, то у них на рубеже II—I тыс. до н. э. в отличие от карийцев прямых контактов с греками, видимо, не было. А когда в начале греческой колонизации эти контакты восстановились, культурное влияние шло уже преимущественно в обратном направлении. Влияние же фрако-фригийских племен на греческие относится к эпохе бронзового века, причем начаться оно могло еще в период пребывания всех этих племен на северо-востоке Балканского полуострова (где их, по-видимому, точнее было бы назвать, как это делают некоторые исследователи, протогреками, -фракийцами, -фригийцами, -карийцами).

Это хронологическое различие во времени наиболее интенсивных культурных контактов объясняет, почему карийцы Паниассис и Пигрет относятся к исторической эпохе, а фракийцы Орфей, Мусей, Фамирис и Эвмолп — к области мифа. Именно в религии и мифологии влияние фракийцев и фригийцев на греков оказалось наиболее сильным, но об этом речь уже шла выше. К тому же вопрос этот достаточно ясен и не нуждается в каких-либо доказательствах.⁵³

И фракийцы, и фригийцы, и карийцы оказали большое влияние на развитие греческой музыки. Страбон пишет, что по мелодии, ритму и инструментам вся греческая музыка — фракийская и азиатская (фригийская): Strab., X, 471, 9—11. Конон отмечал исключительную музыкальность фракийцев и македонян (Майстренко 1984, 94 сл.). Интересно здесь распределились «сферы влияния»: в области игры на струнных инструментах законодателями мод были фракийцы, в игре на флейте — фригийцы, в области пения (преимущественно похоронных песен) — карийцы. Φρύγιοι ἀόλοί, νόμοι, μέλη — обычная терминология у греков. Дифирамб, сопровождаемый игрой на флейте, также Φρύγιος (Aristot., Pol., VIII, 7, 10). Более поздние контакты греков с карийцами оставили такие следы в греческой музыкальной (и стихотворной) терминологии, как Καρικὴ μὀσα — вид похоронной песни (Plat., Leg., 800 E), Καρικὰ ἀλλήματα (Aristoph., Ran., 1302), Καρικὸν μέλος (Plat., Com. Lach., I, 12) и Καρικὰ μέλη или Καρικὸς ρυθμὸς — размер, состоящий из соединения трохея и ямба (Hesych.), Καρίναι 'исполнительницы погребальных песен' (Hesych.). О карийских гимнах в позднейших греческих культурах см. (Wilamowitz-Moellendorff 1920, 450 ff.).

Как известно, значительная часть лексики догреческого происхождения в древнегреческом языке связана со строительным

⁵³ Из последних отечественных работ по этому вопросу см. (Топоров 1977б). Остроумную этимологию имени 'Ορφεύς предложил В. Георгиев (Georgiev 1972c, 245 f.): из *wḡr-eus — к греч. ρ λ-τω 'шью', т. е. это — фракийский апеллятив, означающий 'рапсод', 'спявающий (песни)'. Против (Влахов 1976, 68 сл.) (необъяснимо исчезновение начального *w-).

делом. И, видимо, такое догреческого происхождения слово, как $\kappa\alpha\iota\sigma(\sigma)\omega\nu$ 'карниз, перекрытие стены', представляет собой карийское заимствование (ср. карийскую глоссу $\kappa\iota\sigma\sigma\alpha$ 'камень' — St. B., s. v. Μονόκλισσα). Кстати, изобретение фриза (лат. *phrygium*) традиция приписывает фригийцам (Barnett 1967, 16).

Традиционный «эллиоцентризм» нередко приводит к тому, что, наблюдая те или иные общие черты культурной или общественно-политической жизни у греков и «варваров», исследователи склонны повсюду видеть в этих сходствах греческое влияние. Между тем, как известно, греки и их противники в Троянской войне практически неразличимы в этом отношении. То же самое в какой-то мере наблюдается и в историческую эпоху. Вот что, например, пишет А. Г. Периханян по поводу сходных социально-политических институтов у карийцев и греков: «Карийские названия сингений и фил и их тесная связь с храмами уже говорят о том, что мы имеем дело с какими-то местными, давно существовавшими на данной территории организациями, а не с искусственным заимствованием греческих полисных форм местным населением» (Периханян 1959, 11); ср. (Круглов 1985, 65). О невозможности датировать произведения фригийского искусства по греческим аналогиям, так как фригийское искусство развивалось независимо от греческого и древнее его, писал еще в прошлом веке У. Рамсей (Ramsay 1888, 367). В наши дни раскопки полностью подтвердили это. Так, в Гордионе в погребении VIII в. до н. э. были обнаружены сосуды, типичные для Греции VII—VI вв. до н. э. До середины VII в. до н. э. в Гордионе нет никаких следов греческого импорта. Поэтому, а также по ряду других аналогичных причин Р. Янг и Дж. Кук делают вывод о независимом от Греции развитии фригийского искусства (J. Cook 1960, 36 — со ссылкой на Р. Янга).

Геродот пишет, что льняные хитоны ионийцев карийского происхождения (Hrdt., V, 87), самое слово $\chi\iota\tau\acute{\omega}\nu$ также, по-видимому, карийское (Akurgal 1962 — со ссылкой на Р. Янга (AJA, 1960, vol. 64, 385)). Греч. $\chi\lambda\alpha\mu\acute{\iota}\varsigma$ представляет собой слово, известное как македонская глосса (Pudić 1971, 218). Подобного рода примеры можно было бы продолжить. Но особенно сильное влияние, корни которого явно восходят к доисторической эпохе, греки испытали со стороны своих предшественников и соседей в области военного дела и мореплавания.

Согласно античным источникам, карийцы первыми стали служить наемниками (Σ Plat. Lach., 187 В). Вместе с ионийцами они были наемниками в Египте, причем в египетских источниках те и другие обозначались одним и тем же именем $\text{H}^{\prime}\text{w}^{\prime}\text{p}^{\prime}\text{b}^{\prime}\text{w}^{\prime}\text{t}$ (Vercoutter 1956, 29). Во времена Александра тысяча карийских и сто греческих наемников составляли персидский гарнизон в одном из укреплений Фригии. Карийцы участвовали на стороне Дария в битве при Гавгамелах (Arr., I, 29, 1; III, 11,

5).⁵⁴ Фракийцы также широко использовались в качестве наемников — во время Пелопоннесской войны, в войске Филиппа и Александра Македонского (Кацаровъ 1912, 33 сл. — со ссылками на источники). Этот воинственный характер карийцев и фракийцев находится в полном соответствии с тем, что нам известно из античных авторов об их влиянии на развитие военного дела у греков.

Геродот (I, 171) и ряд других источников сообщают, что карийцы изобрели султаны на шлемах (λίφοι), изображения на щитах (τὰ σημίια) и рукоятки щитов (ἔχανα). Страбон (XIV, 661) при этом ссылается на авторитет Анакреонта (fr. 87) и Алкея (fr. 22); ср. также Aristoph., Av., 290 слл.; Plin., Nat. hist., VII, 200.⁵⁵ Карийское вооружение мы находим у фригийского воина на одном из рельефов VII в. до н. э. (Ramsay 1888, 350). Фригийцы, как и греки, первоначально не отличались особой воинственностью и также, по-видимому, в развитии своего военного дела испытали влияние со стороны своих соседей — карийцев.

Серповидные мечи (δρέπανα), как уже говорилось выше, были обнаружены в карийских погребениях конца II тыс. до н. э. (Ассарлык). Это обычное карийское оружие (Hrdt., VII, 93), которое греки не употребляли в сражениях. Об этих мечах речь еще пойдет ниже — в связи с фракийским вооружением.⁵⁶

Двойная секира (λάβρος) представляла собой символ власти Зевса Лабрандского (Кария), особенно долго и прочно λάβρος в историческое время удерживался в Карии (Bittel 1967, 415). Эгейское происхождение двойной секиры у исследователей не вызывает сомнений (Launey 1949, 451, N 4; Bittel 1967, 419), ибо на Крите она относится еще к III тыс. (Kretschmer 1940, 245; Пендлбери 1950, 136). То, что Плутарх (Quaest. Gr., 45) называет λάβρος лидийским словом, говорит лишь о том, что в его время это слово имелось в лидийском языке, но оно с Крита пришло в Карию, а затем в Анатолию (Logimer 1950, 2). Косвенным подтверждением древности не только реалии, но и слова λάβρος на Крите является засвидетельствованное в табличках линейного письма Б слово da-ru₂-ri-to, которое представляет собой не что иное, как Λαβρίνθος, по общему признанию, производное от λάβρος (объяснение Макса Мейера; см. (Kretschmer 1896, 404; 1952, 154; Evans 1902, 103; Hirt 1927, 575;

⁵⁴ О карийцах-наемниках см.: Hrdt., I, 171; Strab., XII, 564; Σ II, VIII, 193; Σ Thuc., VI, 8 и др.

⁵⁵ Сомнения А. Снодграсса в достоверности соответствующей традиции (Snodgrass 1964a; 1964b, 184 sq.) представляются совершенно неосновательными.

⁵⁶ Подобные мечи встречаются и за пределами Балкан и Эгеиды, например в Египте (Erman 1934, 105, Abb. 47).

Heubeck 1961, 25; Hutchinson 1962, 104; Vermeule 1964, 293 и др.).

Из античных источников нам довольно хорошо известно вооружение фракийцев. В ряде важных пунктов оно оказывается аналогичным карийскому. Причем здесь опять, как и в случае с карийцами, греки заимствовали у фракийцев некоторые виды вооружения. Общим с карийцами является у фракийцев кривой меч: ἄρπη· μάχαιρα καμπύλη, Θρακῶν εὐρεσις (Clem. Alex. Strom., I, 307); sica· Θρακικὸν ξίφος ἐλικαμπές (Corp. Gloss. Lat.). Из других видов фракийского вооружения нам известны фракийские мечи — σάλαμη· μάχαιρα Θρακία (Hesych.), ρομφαία (Launey 1949, 395); копьа — ἀκόντιον (Xenoph., Memor., II, 9, 2), ἄλογχον δόρυ, τὸ σιδῆριον, Θρακικῶς (Etym. Mag.), σάρισ(σ)α македонское копье (Polyb., II, 69, 18); щиты — πάρμη (Tomaschek 1893, I, 120; Кацаровъ 1913, 32), πέλτη· Θρακίον ὄπλον (Suida). Двойная секира — также обычное оружие фракийцев, ее изображение встречается на фракийских монетах (Kazarov 1916, 71), как, кстати, и на монетах карийских (Akurgal 1961, 166, Abb. 114).⁵⁷ Практика изображения τὰ σημήια на щитах наряду с карийцами, которые, согласно Геродоту, изображали ее, известна также и фракийцам (Ognepova 1963, 27 sq.). Фракийское влияние на греков в области вооружения отразилось во введении при Писистрате фракийского щита πέλτη и формировании соответствующих подразделений легковооруженных пелтастов. Это нововведение было, видимо, связано с появлением в Афинах конца VI в. до н. э. наемников из Пеонии (Snodgrass 1967, 78 sq.). Другой инновацией был фракийский шлем, взятый греками на вооружение во время Персидских войн (Ibid., p. 95, pl. 53).

Однако гораздо важнее бросающиеся в глаза факты, связывающие карийские и фрако-фригийские типы вооружения с вооружением крито-микенской эпохи. Карийские λόφοι известны уже в древних Микенах (Starr 1961, pl. 3). Шлем с султаном мы находим у изображения микенского воина с мраморной плиты, обнаруженной на о-ве Кеос (Caskey 1981, pl. 79b). При раскопках в Аркалохори (Крит) в 1934 г. были найдены мечи свыше 1 м длиной (без рукояток). Один из них имеет 1,055 м в длину, это самый большой меч в «доисторической» Европе, его дата — XVI в. Гомер (II., XIII, 576 сл.) называет большие мечи фракийскими (ξίφεϊ... Θρηκίφ μεγάλφ); именно подобного типа мечи и были найдены на Крите (Marinatos 1935, 252 и Abb. 5, где изображено 9 таких мечей).

Кривые мечи, типичные как для карийцев, так и для фракийцев, были найдены не только в карийских погребениях на

⁵⁷ Этот вид оружия распространен также у фригийцев и других малоазиатских народов (Dussaud 1914, 204). Во Фракии двойные секиры встречаются уже в погребениях из Варны (IV тыс.).

Делосе и в Ассарлыке, но также и в Микенах (Mylonas 1962b, pl. 121, fig. 3; fig. 5 — двойная секира). Именно *ἄρπη* в мифе о Кроносе заставляет некоторых исследователей видеть в Кроносе догреческого бога (Kretschmer 1950a, 178 ff.; Dirlmeyer 1964, 33 — со ссылкой на М. Поленца). На одном из сосудов из греческого погребения изображен Персей в битве с Химерой. Персей в крылатых сандалиях и с мечом в виде серпа (Stackelberg 1837, Taf. 39). Мозаика, открытая в 1976 г. на Родосе (ВСН, 1977, т. 101, II, р. 641, fig. 301), представляет нам другого мифического героя Беллерофонта, поражающего копьем ту же Химеру. Беллерофонт предстает здесь перед нами во фригийской шапочке. Геракл в битве с амазонками изображен на глиняном щите из Тиринфа (ок. 700 г. до н. э.) также во фригийской шапочке. В том же головном уборе представлены не только амазонки (Schachermeyr 1983, 336 ff., Taf. 9), Бендис, Сабадзий, Орфей, Парис, но и Одиссей (Seiterle 1985, 3, 10 f.). Все это — несомненно догреческие черты, находящие свои ближайшие аналогии в исторической Фракии, Фригии, Кари. Греческие художники, по-видимому, осознавали негреческое происхождение соответствующих мифов. Изображение греческих героев во фригийской шапочке и с серповидным мечом в руках выглядело бы не менее странным, чем изображение русского солдата второй половины XVIII в. с чалмой на голове и с ятаганом в руках.

В настоящее время считается общепризнанным, что греки первоначально не были морским народом (Schwyzer 1939, I, 71 ff.). В то же время раннеэлладский народ, оказавший сильное влияние на греков, был морским народом, что видно из преимущественно прибрежного расположения древних поселений, из самого факта его появления на островах и на Крите (Logier 1950, 3), а также из большого количества лексических заимствований в области морского дела в греческом языке.

В настоящее время можно считать установленным, что древнейшие истоки мореплавания в Эгеиде уходят далеко в глубь веков. Называется даже такая полуфантастическая дата, как VIII тыс. (!) до н. э. (Camps 1976, 168). Наиболее древние датировки обычно устанавливаются на основе находок обсидиана с о-ва Мелос в Кноссе, на Хиосе, Самосе, в Никомедии (Johnstone 1980, 56; дата: рубеж VII и VI тыс.). В эпоху ранней бронзы активный торговый обмен между Дунайско-Карпатской областью и Эгеидой ведется морским путем, причем одним из важных портов, видимо, была Варна (Gimbutas 1977, 51.) Сведения античных авторов о фракийской талассократии, относящиеся, конечно, к более позднему времени, могут таким образом приобрести весьма глубокие исторические корни.⁵⁸ Во

⁵⁸ О древнем фракийском мореплавании см. (Карайотов 1976; Порожанов 1984 — со ссылками на литературу).

время раскопок было обнаружено немало изображений эгейских судов III—II тысячелетия. Так, в одном из погребений в районе Мраморного моря был найден серебряный клинок, на котором изображены суда раннего бронзового века, одно из них — с мачтой, квадратным парусом, 16 рядами весел и с рулевым колесом ((Gray 1974, 38 f. и Abb. 5); в книге собран богатый материал и обширная библиография).⁵⁹

Но наиболее яркое представление о мореплавании бронзового века дает фреска, на которой мы видим флот из 8 военных кораблей XVI или XV в. до н. э., обнаруженная в 1972 г. во время раскопок С. Маринатоса на о-ве Санторин (Фера). Не касаясь вопроса о том, изображено ли на фреске посещение Ливии критским флотом, как это считал сам С. Маринатос (Maginatos 1973, 59 f.), или какие-то иные события (см., напр. (Warren 1979; Morgan 1985)), факт наличия в Эгеиде середины II тыс. крупных кораблей (около 35 м длиной) с 20 рядами весел и мачтой не может вызывать никаких сомнений. Судя по находкам якорей весом в 0,5 т, уже около 1800 г. в восточном Средиземноморье имелись суда водоизмещением не менее 200 т и длиной не менее 20 м (Klengel 1978, 16). Кто были эти эгейские мореходы начала II тыс. до н. э.? Сравнительно недавно прибывшие на Крит греки? Но когда, где и у кого они успели научиться морскому делу? Скорее всего, они могли научиться этому в течение II тыс., проживая совместно с догреческим индоевропейским населением в прибрежных районах материковой Греции, а также на Крите и на других островах Эгейского моря.

Совершенно очевидно, что это не были сугубо сухопутные хетты или лувийцы, не могли ими быть и семиты, начало морской активности которых в восточном Средиземноморье падает, в лучшем случае, на конец II тыс. Скорее всего, это были те раннеэлладские племена, которые пришли на юг Балканского полуострова раньше греков, многое усвоили от местного неиндоевропейского населения, а позднее многому научили греков. Эти племена, вооруженные двойными секирами и кривыми серповидными мечами, хоронили своих умерших в скорченном положении, строили монументальные погребальные сооружения, которые использовались для многократных захоронений. Что из этих обычаев они принесли с собой с севера, а что переняли у доиндоевропейских аборигенов, — определить сейчас трудно. Но греки, усвоив многое у своих предшественников в области строительства, музыки, военного и морского дела, сохранили и свои старые обычаи, в частности в области похоронного обряда.

Одним из народов, входящих в тот сложный комплекс, который именуется догреческим субстратом, были карийцы. Они

⁵⁹ Классификацию изображений судов III—II тыс. см. (Петере 1977); в книге не нашли отражения раскопки 1972 г. на о-ве Фера.

издавна были народом опытным в морском деле (J. Cook 1961, 23). Античная традиция приписывает им (наряду с мифическими Прометеем и Дедалом) изобретение паруса (Plin., Nat. hist., VII, 198), а также грузовых судов (L. Casson 1973, 159—со ссылками на источники). Традиция сообщает нам также о карийцах-пиратах (Athen., XV, 12) и о карийской талассократии — то сразу же после взятия Трои (Diod., V, 84), то в VIII—VII вв. (см. (Gallet de Santerre 1958, 41 sq.)).

Морские деяния карийцев надежно засвидетельствованы также и в более позднее время. Так, в войске Ксеркса было 70 кораблей карийцев (Hrdt., VII, 93), в битве при Саламине особенно отличилась возглавлявшая карийцев их царица Артемисия (Hrdt., VIII, 87—88). Александр Македонский во время своего похода на Восток использовал карийцев в качестве матросов (Arrian., Anab., VI, I, 6). Авторы древних периплов Скилак и Скимн были карийцами. Особенно велика была роль карийских мореплавателей в империи Ахеменидов. Э. Герцфельд в своей книге «Персидская империя: исследования по географии и этнографии древнего Ближнего Востока» целую главу посвящает этому вопросу.⁶⁰ Кариец Скилак из Карианды стоял во главе персидского флота при Камбисе и Дарии. Выполняя приказ Дария, он спустился по Инду в Индийский океан, исследуя возможности мореплавания вдоль его побережья. Он плывал по Средиземному, Черному и Каспийскому морям, его считают прототипом знаменитого впоследствии Синдбада-морехода (Herzfeld 1968, 287). А. Шультен, детально исследовавший следы карийских мореплавателей в западном Средиземноморье, в одной из своих работ пишет о настоятельной необходимости создания монографии о карийцах — выдающемся народе, широко распространившем свое влияние на суше и особенно на море (Schulten 1936, 293). Даже если во всем этом есть некоторое преувеличение роли карийцев в развитии морского дела, основные факты, известные нам в этой связи из античных источников, остаются бесспорными.

У нас есть все основания считать, что карийцы проложили основные морские пути, по которым впоследствии направилась греческая колонизация. Для ученых XIX в. это было почти аксиомой: "vetustissimis in temporibus Cares colonias deduxisse omnes in partes orbis terrarum in aperto est" (Hirsch 1884, 10). До нас дошли свидетельства о том, что карийцы основывали колонии вместе с ликийцами и кавнийцами (Nonn., XIII, 546—549). Но таких свидетельств мало. Археологически подобные колонии было бы невозможно отличить от греческих в силу того, что керамика и другие предметы материальной культуры у карийцев в основном те же, что и у греков. Кроме того, в древности, по свидетельству Эратосфена, морские путешествия

⁶⁰ Гл. XIII «Мореплавание, роль карийцев» (Herzfeld 1968, 275 ff.).

совершались с целью торговли и грабежа (Strab., I, 48), а не для основания колоний. Поэтому следы пребывания карийцев, в частности в Причерноморье, дает главным образом топонимика. Эти следы на южном берегу Понта, например, столь многочисленны, что Р. Леонгард считал карийцев выходцами именно из этой области (Leonhard 1915, 326). Плавания карийцев вдоль берегов Черного моря, сначала самостоятельные, затем в составе греческих колонистов в настоящее время признаются большинством исследователей.⁶¹ Интересные наблюдения над особенностями фонетической субституции в греческих передачах гидронимов Северного Причерноморья привели Г. Шрамма к выводу о карийском посредничестве в этих передачах (Schramm 1973, 189, а также 169 f. и Anm. 437—438).

Ю. В. Готье в 1925 г. писал: «Путешествия греков по Черному морю представляются нам таким же культурным наследием эгейцев, как и многие другие явления ранней жизни эллинов» (Готье 1925, 143). Приведенные выше факты говорят о том, что это эгейское влияние в доисторическую и раннюю историческую эпоху реализуется в виде более конкретного карийского влияния. Здесь также карийцы, как и во многом другом, явились наследниками и продолжателями традиции той крито-микенской культуры, важным ингредиентом которой они были.

* *
*

Многочисленные свидетельства античных авторов о пребывании фракийцев, фригийцев и карийцев на территории Эллады до греков и об их влиянии на последних надежно подтверждаются данными археологии и этнографии. Весьма показателен тот факт, что многие типичные особенности (табл. 2) крито-микенской культуры, которых мы не находим у греков исторической эпохи, являются неотъемлемой частью фрако-фригийской и карийской культуры того же времени.

Таблица 2. Особенности крито-микенской культуры сравнительно с культурой фракийцев, карийцев и греков

Отличительные признаки	Крито-микенская эпоха	Историческая эпоха		
		Фракийцы	Карийцы	Греки
Монументальные погребения	+	+	+	—
Скорченные погребения	+	+	+	—
Многочратные захоронения	+	+	+	—
Кривые мечи	+	+	+	—
Двойные секиры	+	+	+	—

⁶¹ См. специально об этом (Откупщиков 1980 — с подробной библиографией). Сомнения Р. Карпентера о возможности плавания по Черному морю ранее VII в. до н. э. (в связи с особенностями конструкции судов — Carpenter 1948) — неосновательны. См. (Drews 1976, 18 sqq.). Об участии карийцев в плаваниях греков см. также (J. Cook 1982, 214 sqq.).

Эти и другие изложенные выше факты позволяют считать, что не мифические «пеласги», не семиты и не хетто-лувийцы составляли основу догреческого субстрата, а предки исторических фракийцев, фригийцев и карийцев.

Глава III

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДИКА ОНОМАСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Наши сведения о палеобалканских языках ограничены главным образом ономастическим материалом, поэтому и сами эти языки иногда называют «ономастическими» (Нерознак 1977, 28). Это говорит о большой роли, которая принадлежит ономастическому материалу, в частности его этимологической интерпретации в процессе лингвистической реконструкции каждого из этих языков. Хорошо известно крайне отрицательное отношение А. Мейе к этимологизации ономастики. «Вообще, — писал он, — этимологии собственных имен, как правило, недостоверны вследствие того, что из двух решающих факторов — звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков — можно использовать лишь один — звуковой. Языковеды, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требования метода» (Мейе 1954, 40). Вот почему, обращаясь к столь «скользкой» области исследования, мы должны начать с рассмотрения методических вопросов, определить свое отношение к ряду методов, распространенных в современной ономастической науке. Тем более, что и в работах последнего времени, посвященных теоретическим вопросам ономастики, постоянно подчеркивается крайняя ненадежность ономастических этимологий (см., напр. (Суперанская и др. 1986, 78)).

Сложность анализа ономастического материала общепризнанна. Мы до сих пор не знаем, например, каково происхождение топонимов *Москва* и *Волга*, хотя нам хорошо известны славянские, финно-угорские, балтийские и другие языки, на базе которых делались многочисленные попытки их этимологизации. Дело осложняется еще более, когда речь идет об анализе догреческой ономастики, ибо мы не знаем, какому языку или каким языкам она принадлежит. Если же эта ономастика является

фракийской, фригийской, иллирийской или карийской, трудно-сти нисколько не уменьшаются в силу того, что мы не знаем этих языков. В этом — одна из специфических особенностей и одно из самых больших препятствий, связанных с изучением догреческой ономастики.

Кроме того, когда мы сопоставляем, например ЛИ Μακηδόνιος (имя одного из поэтов) с топонимом Μακηδονία, у нас не возникает ни малейших сомнений в полной корректности сопоставления. Между тем примеры из апеллятивной лексики типа ἀηδόνιος 'соловьиный' и ἀηδονία 'отсутствие удовольствия' показывают, что даже при самых надежных ономастических сопоставлениях мы не гарантированы от ошибок, вызванных отсутствием очень важного семантического критерия при анализе имен собственных.

В работах, посвященных анализу догреческой топонимики и антропонимики, очень распространен атомарный подход к материалу. Берется, например, какое-то изолированное имя из табличек линейного письма А, сопоставляется с каким-нибудь семитским или хетто-лувийским именем и строится очередная гипотеза. Между тем если это действительно два близко звучащих имени, то нужно найти целую серию таких же соответствий в именах, построенных по одной и той же словообразовательной модели. Иначе это будет простое совпадение, каких в ономастике не так уж мало. Л. Згуста приводит в одной из своих работ пример с мужским именем из Киликии Μονύμφερης, разумеется, не имеющим ничего общего с маршалом Montgomery (Zgusta 1965, 94). В греческих источниках из Египта можно найти имена Κέλλερ, Πετῆφι-, Περό, Μαω, Σαντισίτζε и др. (Preisigke 1967, s. v. v.). Новозаветный Μαγαδάχ, очевидно, никак не связан с дальневосточным Магаданом. В именах более кратких подобные совпадения не только встречаются значительно чаще, но они просто неизбежны. Так, при наличии многих десятков топонимов на -αῖῃα в Анатолии и на -αῖσος, -αῖσα в Эгееде совпадение между ΑΙ-αῖῃα и ἸΑλ-αῖσος, само по себе, абсолютно ни о чем не говорит.

СУФФИКСАЦИЯ И СЛОВΟΣЛОЖЕНИЕ

Одним из наиболее сложных и спорных вопросов изучения как догреческих, так и греческих собственных имен является вопрос об их членении на составные элементы. Выше речь уже шла о чрезмерном увлечении в поисках разного рода «префиксов» у догреческих имен. Л. Згуста, приведя несколько примеров типа Κ-οὔης: Μ-οὔης, задает вопрос: что это — префиксация или случайное совпадение? (Zgusta 1964, 561). Думается, что подобные примеры, если отсутствуют какие-либо дополнительные аргументы, нужно рассматривать как случаи типа *Д-аша, М-аша, С-аша*, а не как примеры с префиксацией.

Но особенно много трудностей доставляет разграничение имен, образованных путем словосложения, и суффиксальных производных. Как следует правильно делить имена: Ἄρακυνθος или Ἄρακ-υνθ-ος, Δι-ζαλας (Д. Дечев) или Διζ-αλας (К. Влахов)? Трудность усугубляется тем, что от одной и той же ономастической основы могут быть параллельно образованы имена и посредством словосложения, и путем суффиксации, причем оформлены они могут быть с помощью близких по звучанию или даже идентичных фонем.

При изучении греческой (resp. догреческой) ономастики до сих пор сильны тенденции раннего периода в истории сравнительно-исторического метода в индоевропейском языкознании, когда всю суффиксацию стремились свести к словосложению и каждому суффиксу найти соответствующий значимый корень. Это очень четко проявляется в работах А. Фика и Ф. Бехтеля. Они, как правило, стремятся свести ономастику к одному типу — к типу словосложения. Характерно также, что в двух своих фундаментальных работах по греческой и индоевропейской антропонимике Т. Милевский сосредоточил все свое внимание только на именах, образованных с помощью словосложения (Milewski 1959; 1969). В. Георгиев, давая классификацию фракийских личных имен, выделяет имена: а) двусосновные, б) сокращенные двусосновные и в) одноосновные (Георгиев 1977, 40). Причем суффиксальные производные одноосновных имен в его книге встречаются редко, ибо во многих случаях он возводит суффиксы к значимым корням, интерпретируя одноосновные имена как двусосновные. И эта тенденция в работах по (до)греческой ономастике имеет очень широкое распространение.

В догреческой топонимике и антропонимике часто встречается суффикс -υνθ-. Будучи присоединен к именной основе на -α-, он дает производные с исходом на -αυνθος. Поскольку в греческом языке есть слово ἄνθος 'цветок', естественно, появляются многочисленные «цветочные» этимологии. Дело осложняется тем, что конечное -αυνθος может быть и суффиксальной частью имени, и вторым элементом словосложения, а отдать предпочтение тому или иному толкованию далеко не во всех случаях бывает просто. Тем более, что именно в подобного рода примерах всегда нужно считаться с возможностью народноэтимологического переосмысления непонятого имени.

В работах по исторической ономастике тенденция к «значимой» интерпретации суффиксальной части имени в какой-то мере, по-видимому, определялась большей «яркостью» подобного рода этимологических толкований сравнительно со «скудным» вычлениением того или иного суффикса. В итоге — изобилие «романтических» этимологий, весьма далеких от реальной истории имен. Так, Г. Краэ вычленяет у топонима Δαμάστιον (Эпир) основы δᾶ 'земля' и μαστός 'грудь, сосок' (Краэ 1925,

1). Однако наряду с приведенным топонимом имеется также простое ЛИ *Δαμας, Δαμης* (Zgusta 1964, 142), от которого посредством присоединения суффикса -στ- был образован и топоним *Δαμάστιον*, и ЛИ *Δαμάστης* (ср. также *Κωμάστης, Διζάστης* и др.). Выделяя в качестве второго компонента исходную часть основы вместе с суффиксом (-μαστης κμαστίς), мы можем с таким же успехом у ЛИ *Δαμάλος* «выделить» *μάλος* = *μύλη* 'мельница', у *Δαμάρης* — *μάρη* 'рука', у *Δάμητος* — *μήτος* = *μήτις* 'мудрость' и т. п. В принципе, это равносильно выделению у топонима *Черновцы* двух основ: *черно-* и *овцы*, или членению *Голо-вино, Черно-уха, Верх-овина, Rom-ānus, Arpi-ānus* (ср. *ānus* 'заднепроеходное отверстие') и т. п. Классическим образцом такого рода «этимологий» является средневековое *Dominicani*, интерпретируемое как *Domini canes* 'псы гóспода'. Такой этимологический анализ, напоминаящий игру в шарады, едва ли можно признать удовлетворительным. Между тем он до сих пор имеет весьма широкое распространение.

В догреческой ономастике весьма часто встречаются образования с суффиксальным -β- типа *'Αστάβη* МИ, *'Εκάβη* МИ, *'Ιόβας* МИ, *Κολδύβας* кар. ЛИ, *Κόρυβος* ЛИ, *Πόλυβος* МИ и др. Когда от них образуются производные со вторичным суффиксом -(ι)λος, в конце слова, естественно появляется -βιος, жен. род -βια. Очень часто эти суффиксальные образования интерпретируются как вторые компоненты сложных имен со значениями «жизнь» и «сила» (см., например: *Bechtel — Fick 1894, 384*). Именно так объясняются имена *Πολύβιος* и *'Ορόβιος* (*Ibid.*, p. 377, 404; *Bechtel 1917, 353*). Между тем Стефан Византийский четко ощущал производность имени *Πολύβιος* от *Πόλυβος* (s. v. *Σίβυρος*) и отсутствие в нем компонента со значением «жизнь». Что касается *'Ορόβιος*, то при всей заманчивости связать это имя с «жизнью в горах», нужно иметь в виду, что очень высокий процент догреческих и греческих топонимов и антропонимов (их количество исчисляется сотнями) образован от названий растений, реже — животных. Слово *ὄροβος* 'вид гороха' послужило основой для образования топонима *'Οροβίς* (о-в у Карию). Второе название этого острова — *Λέβινθος* (ср. *λέβινθος* 'горох') надежно подтверждает связь топонима с апеллятивом *ὄροβος*. Типологически *'Ορόβιος* ← * *ὄροβος* 'горох' можно сравнить с ЛИ *'Αρακος — ἄρακος* 'вид гороха', лат. *Cisego — ciseg* 'вид гороха' и др.

Приверженцем «романтической» этимологии проявил себя В. Георгиев уже в самых ранних своих работах. Так, имя богини Артемиды, образованное с помощью суффиксального -μ-, он членил на *'Αρτ-αμ-ς*, сопоставляя первую часть с греч. *ἄρκτης* 'медведь', а вторую — с лат. *amo* 'люблю' (*Georgiev 1937, 36—40*). Ту же методику В. Георгиев применяет и в более поздних своих работах — как при этимологизации имен собственных, так

и апеллятивной лексики. Например, у греч. φύλαξ 'сторож' он выделяет две основы: *pul- (к греч. πόλη 'дверь, ворота' и *okw- (к лат. oculus 'глаз'), игнорируя явно суффиксальный характер слова (Georgiev 1966d, 269). Фрак. ЛИ Καρῶσος. В. Георгиев сопоставляет с лат. cārus 'дорогой' и с тем же *okw- 'глаз', а ΜΗ Ἰδαῖος — с ἰδη и с *экwā 'вода', Γενιακός — с лит. genù, ginti 'защищать' и с и.-е. *akwo- 'плохой, злой' (Георгиев 1977, 82 сл., 59, 72), хотя с помощью -(ι)ακός образуется более 100 производных главным образом от догреческих основ: Βακχιακός, Σιντιακός, Φρυγιακός, Σαμιακός, Ναξιακός и мн. др.

Любопытная ситуация получается, когда один и тот же суффиксальный элемент разные исследователи интерпретируют по-разному. Например, В. Георгиев принимает старую этимологию (предложенную еще в XIX в.) топонима Καλυδών 'eau belle' (к греч. κάλος и ὕδωρ (Georgiev 1973b, 94)). Продолжая в том же духе, можно, например, город Кариι Κάλυνδα(τά) интерпретировать как 'прекрасная волна' (лат. unda), ΜΙ Καλυψώ как 'прекрасная высь' и т. п. В отличие от В. Георгиева Л. А. Гиндин видит в суффиксе -δων- не 'воду', а 'землю' (Гиндин 1974, 13; 1980; 1981, 65 слл.). Вода или земля — это, конечно, не одно и то же, но методика исследования в обоих случаях — та же самая. Предлагались и другие интерпретации суффиксального -δων. Так, греч. ἀνθηδών 'пчела' предлагалось понимать как 'Blumenesserin' — к греч. ἄνθος (что, видимо, верно) и ἔδω 'ем' (а это уже — третий вариант интерпретации суффикса). Из этих трех возможностей на первый взгляд более аргументированным представляется объяснение Л. А. Гиндина, ибо он опирается на давно уже сделанное надежное сопоставление Μυγδων -ία = Μυ-χθων-ία (St. В.). Однако само сопоставление имен типа Καλυδών, Σαρπηδών и т. д. с Μυγδών неправомерно. В последнем случае мы действительно имеем дело со словосложением, где второй элемент -γδών = греч. χθών 'земля'. Но если у имен типа Καλυδών — та же самая словообразовательная модель, то почему мы имеем Καλυδών, а не *Καλυγδών или почему Μυγδών, а не *Μυδών?

Неверным является утверждение Л. А. Гиндина о том, что все образования на -δων — за единственным исключением — топонимы (Гиндин 1981, 65). Как личные имена или как этнонимы употребляются Κορυδών ЛИ (ср. κορυδών 'жаворонок'), Μαγιδών кар. ЛИ, Μακεδών (и Μακηδών) ЭН и ЛИ, Μυρμιδών ЭН и ΜΙ, Παλαδών ЛИ (Ольвия), Τευθρηδών ΜΙ, Σειρηδών ΜΙ и др. Какое же из этих имен является «единственным»?

Суффиксальный характер догреческого и греческого -δων был давно установлен в индоевропеистике. Так, Ф. Шпехт иллюстрировал вторичный характер -δων сопоставлением κελά-

δ-ων : κέλα-δ-ος и στενά-χ-ων : στένα-χ-ος (Sprecht 1935, 93). Примеры типа κορυδές = κορυδών 'хохлатый жаворонок', Μακέ-τ-ης = Μακε-δών = Μακε-δν-ός (ср. μακε-δν-ός = μακ-ρ-ός), Καλυ-δών ~ Καλυ-δν-ός выявляют суффиксальный характер -δών с достаточной очевидностью. Отчетливо выступает и составной характер этого суффикса, ср. κινάδ-ε-ίς 'лисенок': Κινάδ-ων ЛИ = Βρισ-εύς ΜΙ : Βρίσ-ων макед. ЛИ. Суффиксальное -δ- плюс суффиксальное -ων дает сложный суффикс -δών, подобно тому как -μ- плюс -ων дает -μων или -θ- плюс ων дает -θων.

Наделив суффикс -δών значением 'земля'. Л. А. Гиндин первую часть имени Σαρπηδών сопоставил с позднешетто-лув. *s(a)г-ра/i 'darauf, dafür' и дал перевод 'высокая местность' (Гиндин 1981, 73 сл.). Не говоря уже об уязвимости семантической стороны этой этимологии и сомнительности корректности обращения к хетто-лувийским «варягам», объяснение Л. А. Гиндина отличается атомарностью подхода — без всякого учета многочисленных греческих и догреческих образований на -δών — как в ономастической, так и в апеллятивной лексике. Между тем образования с суффиксом -δών имеют достаточно надежные этимологические связи. Случай с ἄνθος, ἄνθη → ἄνθη-δών 'пчела', Ἀνθηδών (город в Беотии) — достаточно ясен и на греческой почве. Неясного происхождения слово χάλλη 'вид цветка', κάλλη 'раковина', 'пурпур', 'название травы' (последнее = χάλλη) → χαλλη-δών 'драгоценный камень' и топонимы Καλληδών, Χαλληδών (город в Вифинии); μύρμος и μύρμηξ 'муравей' → μυρμη-δών 'муравейник', 'муравей' и Μυρμιδών (ЭН в Фессалии) — все это достаточно простые примеры.

Несколько сложнее случаи с первичным суффиксом -ρ- плюс -δών: ἄνθος, ἄνθη → ἄνθη-δών = ἀνθη-δών = ἀνθη-δ-ων 'шершень', τένης 'гурман' → τενθη-δών = τενθη-δ-ων 'оса'. Наличие приведенных синонимичных образований с суффиксами -δών и -ν- позволяет сопоставить глоссу ἄσπλη-ν-ος 'название травы' (Diosc.) с топонимом Ἀσπλη-δών (город Фокиды). Наконец, название одной из рыб τεῦθος дает (с первичным суффиксом -ρ-) ΜΙ Τεῦθη-δών. В этот словообразовательно-семантический ряд совершенно естественно вписывается и производное названия другой рыбы — σόρπη: Σαρπη-δών.¹ Таким образом, в одном и том же палеобалканском ареале мы находим и апеллятивную основу, и словообразовательную модель, и семантическую тенденцию (название растения, животного → имя собственное), и, наконец, самое ЛИ и ΜН Σαρπηδών.

Не лучше обстоят дела и с другими суффиксами. Например, у имени Μεγάρη выделялся компонент ἄρη 'Unheil', у Κέρβερος — ἔρος 'шерсть' (Bechtel — Fick 1894, 399, 467), у фракийских топонимов на -ωρος суффикс интерпретировался на основе

¹ Ср. также глоссу σερῆν· οὐράν ('хвост' — Ariatta 1960, 32) и Σερη-δών 'сирена'.

сопоставления с дор. ὄρος 'гора' (Detschew 1957, 535). Между тем МИИ 'Αλω-εύς, 'Αλω-άδαи, о-в у Кизика 'Αλω-ν-η, ΜΗ в Кари 'Αλω-σσ-ος заставляют видеть в 'Αλω-ρ-ος обычное суффиксальное образование.² Таким же способом сведения суффикса к значимому слову, но из разного рода «экзотических» языков пользуются А. Тромбетти и Л. А. Гиндин. Первый из них связывает суффиксальную часть названия города Фригии Κῶρορα с тамильским ūr 'город', переводя топоним в целом как 'Черный город' (Trombetti 1940, 226 sq.), второй — с угаритским -ига 'великий', понимая это название как 'великий Кар' (Гиндин 1967, 112).³ Кстати, оба не учитывают того, что τᾶ Κῶρορα — это множественное число.

Выше приводился пример с вычленением у ΜΗ Δαμάστιον (resp. ЛИ Δαμάστης) второго компонента μαστός ('грудь земли'). Оказывается, суффикс -(α)στ- можно интерпретировать и по-другому: фрак. ЛИ Διζᾶστης 'Ziegenhirt', где суффиксальная часть -αστης возводится к и.-е. *ag- 'гнать' (<*ag-tas — Vlahov 1984, 121), или — к ἄστυ 'город' (Георгиев 1977, 74). Д. Бояджиев колеблется в вопросе о членении последнего имени, считая, что его в равной мере можно рассматривать и как композиту, и как результат суффиксации (Бояджиев 1980, 94 сл.). Однако такие пары, как м.-аз. ЛИ Δαμας — фрак. ЛИ Δαμάστης, Διζας — Διζᾶστης, греч. κέρας 'рог' — κεράστης 'рогатая змея', этимологически прозрачные ЛИИ Κωμᾶς (Эфес) — Κωμάστης (Крит) и др. говорят скорее в пользу суффиксации, нежели словосложения. К тому же, как и в ряде других случаев, мы здесь наглядно убеждаемся в близости и даже идентичности фракийских и греческих словообразовательных моделей.

П. Кречмер вслед за А. Поттом и Г. Курциусом выделил у топонима Μεσσαλία две основы: *medhio->μεσσο- 'средний' и *ār- 'вода', ср. Μεσ(σ)ολοταμία 'Междуречье' (Kretschmer 1925, 93). Аналогичным образом А. Фик, а за ним и В. Георгиев интерпретировали гидроним 'Αν-αλος (Акардания) как 'безводный' (Georgiev 1964, 20 sq.). Все это выглядит весьма правдоподобным. Но когда имя нимфы 'Αβα и все фракийские имена на -αλα (-αβα), -ηλος, -ола, -олес начинают возводить к и.-е. *ab-/ār- 'вода' (Detschew 1957, 19), это уже представляется весьма сомнительным. Так, касаясь сопоставления названия крепости 'Αξιόπλα на р. 'Αξιός (Македония) с *ара 'вода', В. Бранденштейн отмечает интересный парадокс: в названии реки нет значения «вода», а в названии крепости — есть! (Brandenstein 1936, 408 сл.). Едва ли правомерно также сопоставление

² Относительно гласных перед суффиксом см. с. 106 слл.

³ Критику этой этимологии см. (Откупщиков 1973, 17). В последних своих работах Л. А. Гиндин, кажется, данной этимологии более не упоминает.

р. Ἄσωπιός (Беотия) с литовским гидронимом Āsupis (Schmid 1982—1983, 9 ff.; 1984, 5). Долгое *ō* и краткое *i* не участвуют в известных и.-е. чередованиях, *As-* представляет собой слишком краткую основу, чтобы говорить о тождестве, а не о совпадении. Различаются здесь и словообразовательные модели: лит. *ūrė* 'река' в словосложениях приобретает флексию *-is*, чего нет у догреческого гидронима. Тезис о независимом образовании балтийского и (до)греческого имени — из одних и тех же элементов (Schmid 1982, 12) — не спасает положения и не доказывает идентичности *ur-* и *ωλ-*. Даже Г. Краэ, видевший всюду следы корня *ар- 'вода' (включая сюда, например, русский гидроним *Ока*), признает, что нужно считаться также с наличием суффикса *-ar-*, не имеющего ничего общего со значением «вода» (Краэ 1937, 30). К тому же, дело осложняется наличием омонимичных корней, ср., например, *Γλαυκῶπις* 'голубоглазая' или 'с блестящими глазами'.

К. Влахов членит МН Ὀρβηλος на *ога 'холм, гора', и *bēl- 'белый, блестящий' (Vlahov 1980, 120); ср. (Георгиев 1977, 33). Думается, однако, что наличие ЛИ Ὀρβος = Ὀλβος при той же вариативности топонима Ὀρβηλος = Ὀλβηλος дает все основания считать Ὀρβ-ηλος обычным суффиксальным производным типа Ῥάκ-ηλος (город Македонии), Τόρβ-ηλος (гора на Имбросе) и др. Формами жен. рода с тем же суффиксом являются Κυβήλη (гора во Фракии) (также МИ), Σπορτ-ηλα фрак. МН. В плане словообразования ЛИ Ὀρβος → Ὀρβ-ηλος = фрак. ЛИ Τάρβος → Τάρβ-ηλος = фрак. ЛИ Κοθός → фрак. ЛИ Κοθήλας и т. д.

Имя прадеда Энея Ἀσσάρακος предельно четко членится на словообразовательные морфемы: простая ономастическая основа выступает у имен Ἀσσα (город Фракии, м.-аз. ЛИ), Ἀσσος МН в Троеде, производное с первичным суффиксом *-p-* представляет собой город Фракии Ἀσσαρα и кносское A-sa-ro (= Ἀσσαρος; ср. (Landau 1958, 29)), с помощью вторичного суффикса *-k-* образовано имя Ἀσσάρακος. Это имя троянца уже давно было сопоставлено с троянским же топонимом Ἀσσος (Maas 1888, 621). Сопоставлялось оно и с кносским A-sa-ro (Landau 1958, 29). Таким образом, словообразовательная история имени может быть реконструирована как Ἀσσ-ος → Ἀσσ-αρ-ος → Ἀσσ-άρα-κος.

В то же время Д. Дечев вычленяет в этом имени корень *σαρα-*, а В. Георгиев реконструирует сложное слово, первую часть которого он сопоставляет с хетт. *assu-* 'хороший', а вторую — с этрусским ἄρακος 'ястреб, сокол', которое он, в свою очередь, возводит к хетт. *ḫara-š* 'орел' (Georgiev 1973c, 5). Ф. Шпехт приводит интересный пример с последовательным «наслоением» суффиксов на древнеиндийское притяжательное местоимение: *tāva-* 'твой' → *tāva-k-ā-* 'твой' → *tāva-k-in-a-* 'твой'.

Если последнюю форму расчленить по принципу «романтической» этимологии, то получится *tāva kīna* 'твое мясо' (Sprecht 1944, 191). Но здесь произвольность подобного членения легко устанавливается с помощью семантики. В области же ономастической лексики подобный контроль обычно невозможен или, по крайней мере, представляется невозможным авторам предлагаемых этимологий.

Приведенные примеры, число которых легко можно было бы умножить, говорят о том, что перед нами — не набор изолированных этимологических парадоксов, а широкораспространенная тенденция в методике словообразовательного членения палеобалканской (догреческой и греческой) ономастики. Подобный подход ведет к значительному усилению субъективного элемента в исследовании, существенно искажает реальную картину и отрицательным образом сказывается на этимологическом аспекте ономастического анализа.

РОЛЬ ЭТИМОЛОГИИ

При решении важнейших вопросов, связанных с этнической и языковой принадлежностью догреческого субстрата, ряд исследователей, в частности В. Георгиев и Л. А. Гиндин, первостепенное значение придают этимологическому анализу ономастического материала. Так, Л. А. Гиндин пишет, что при установлении древних этнических связей «краеугольным камнем и базой, вне всякого сомнения, является этимологический анализ» (Гиндин 1973, 70). О своей последней книге он сам пишет, что «вся работа носит сугубо этимологический характер», полагая при этом, что она «выполнена в рамках методики современной этимологии» (Гиндин 1981, 5).

Л. А. Гиндин считает автора настоящей книги противником этимологического анализа «в его современном понимании» (Гиндин 1981, 13). В своей статье (1973, 17), на которую при этом ссылается Л. А. Гиндин, я, действительно, пишу о сложности этимологизации топонимов неизвестного нам языка и критикую этимологии типа *Károura* 'великий Кар'. Именно против таких этимологий (некоторые из них были приведены выше), а не против этимологизирования ономастики вообще, возражал я в этой статье. Ибо такие этимологии полностью оправдывают скепсис А. Мейе в приведенном в начале этой главы высказывании. Кстати, в той же моей статье опубликована этимология догреческого топонима *M'λασσα* (Откупщиков 1973, 26), а в сборнике, одним из редакторов которого является Л. А. Гиндин, напечатана моя статья «Догреческие -ss-топонимы и антропонимы (словообразовательный и этимологический анализ)», написанная на основе доклада на ту же тему, сделанного в 1978 г. на симпозиуме «Античная балканистика 3»; см. (Откупщиков 1978; 1983б).

По моему глубокому убеждению, этимология должна не начинать, а завершать ономастическое исследование, отправным пунктом и базой которого должен быть словообразовательный анализ. Выше были приведены достаточно многочисленные примеры ономастических этимологий, основанных на насилии над словообразованием. В. Георгиев уже в ранних своих работах признавал слабой стороной ономастической этимологии ее субъективизм (Georgiev 1941, 4, 62). Корневые этимологии (*Wurzeletymologien*) он справедливо считает ненаучными (Георгиев 1977, 27). «Весьма зыбкими» называет корневые ономастические этимологии (разумеется, у других авторов) и Л. А. Гиндин (1981, 52). Д. Хестер считает, что интерпретация собственных имен "is largely a matter of guess-work" (Hester 1958, 24). Какие же можно найти средства объективизации результатов ономастического исследования?

Л. А. Гиндин уже в статье 1972 г. поставил перед собой задачу «предпринять сплошное этимологическое обследование фракийского материала на предмет выявления фракийско- и (более широко) восточнобалканско-, анатолийских» лексико-ономастических тождеств» (Гиндин 1972, 15—16); ср. (Гиндин 1978, 26). Иначе говоря, перед нами — задача с заранее данным ответом, что едва ли может привести к объективизации анализа. При такой постановке вопроса невольно приходит в голову мысль: а если этих «тождеств» нет или их очень мало? Почему фракийскую ономастику нужно «сплошь» этимологизировать на базе хетто-лувийских языков? А если она не этимологизируется на этой базе (что, кстати, и показали работы Л. А. Гиндина)? Восемь «более надежных» примеров (по определению самого автора), которые, как мы видели, не выдерживают критики, при самом оптимистическом подходе никак нельзя признать за «внушительный пласт»; ср. (Гиндин 1978, 27). Можно с уверенностью утверждать, что, например, кельто-фракийских ономастических изоглосс будет значительно больше, не говоря уже о степени их надежности. Балто-фракийские (и шире: балто-балканские) ономастические изоглоссы, начиная от параллелей, приведенных В. Томашеком и Н. Йоклем (см. (Jokl 1929, 289, 295)), до работ И. Дуриданова и В. Н. Топорова (Duridanov 1969 a, b; Топоров 1964; 1972; 1973, 1977a), не идут ни в какое сравнение с изолированными и спорными фрако-анатолийскими сопоставлениями, подобно тому, как изоглосса фрак. *Perkōwē* (Dat. Sing.) — лит. *Perkūnas* не может быть поставлена в один ряд с мнимым тождеством фрак. *Ἦρωσ* — хетт.-лув. *Piḡwa*.

Подчеркивая ненадежность этимологии в качестве «краеугольного камня» ономастических и этногенетических исследований, Д. Хестер указывает на многочисленные несовместимые расхождения при этимологизировании одних и тех же назва-

ний.⁴ Это свидетельствует о том, что многие из предложенных этимологий неизбежно должны быть ошибочными. А какие из них ошибочные и какие (если таковые вообще есть) верные, определить очень трудно (Hester 1967, 173). Р. Катичич справедливо отмечает удивительное сходство этимологий многих современных ученых с самыми рискованными народноэтимологическими толкованиями (Katičić 1976, 1, 48). Дж. Чэдуик, выступая в прениях по докладу В. Георгиева на Международном коллоквиуме по микенологии в Шеффилде, заявил: «Я не склонен принять ни одной из индоевропейских топонимических этимологий профессора Георгиева» (Bronze Age Migrations in the Aegean. London, 1974, p. 254).

Конечно, этот отзыв Дж. Чэдуика излишне суров. Однако те критерии надежности ономастической этимологии, которые применительно к гидронимии выдвигает В. Георгиев, не могут быть признаны в достаточной мере удовлетворительными. Эти критерии таковы: 1) наличие апеллятива, который можно обнаружить в названии реки (например, Ἄλφειός — к ἄλφός 'белый'); 2) действительный или мнимый перевод, когда этимология гидронима подтверждается более поздним и этимологически прозрачным его переводом (Ἐρῦων называется сейчас Срна (reka), следовательно — к и.-е. *(e)regw- 'темный, черный');⁵ 3) наличие точных соответствий в гидронимии других и.-е. областей Ἀχελῷος — лит. Akėlė — итал. Aquilo, фриг. Ἀχλῆς или Ἀκέλῆς, все — к и.-е. *ək^w-el- 'вода'); 4) этимология на основе какой-либо типичной черты у реки, например, горная река Ἄθρος — к и.-е. *ētru-s 'быстрый' (Georgiev 1981, 348 sq.).

Однако при внимательном рассмотрении можно заметить, сколь шаткими являются эти критерии. Правда, калькирование имени собственного, действительно, может служить одним из доказательств правильности предлагаемой этимологии. Убедительным примером этимологии, опирающейся на этот критерий, может служить объяснение гидронима Ἄφινθος, предложенное И. Дуридановым: к и.-е. *apsā, лтш. arse, нем. Espe 'Populus tremula', ср. турецкое название этой же реки: Kavak-çay 'тополиная река' (Duridanov 1972, 236). Столь же правдоподобной является этимология В. Георгиева, объясняющая происхождение названия притока Марицы Ἀρζος посредством сопоставления с греч. ἄργός 'белый'. Само по себе это сопоставление не может считаться убедительным, так как греческое слово означает и 'быстрый' и 'медленный'. Но ссылка на турецкое и болгарское название этой реки Ak-dere = Бяла река (Георгиев 1977,

⁴ Ср., напр., МИ Ἀχιλλεύς: 1) к лат. aquila 'орел' (Georgiev 1937, 54 ff.); 2) к лат. aqua 'вода' (внук Нерее! — van Windekens 1952, 144; 3) к и.-е. *qel- 'гнать' (Merlingen 1955, 15).

⁵ Ср. аналогичный методический прием у Л. Згусты: этимология Σίπυλος — к σιλή 'vas' подтверждается более поздним названием Κουζινάς — к κούζος 'olla' (Zgusta 1982, 462).

65) является серьезным аргументом в пользу предложенной этимологии. К сожалению, однако, это — не столь уже широко распространенный случай. Кроме того, предполагая перевод, исследователь может направить свой поиск в неверном направлении, если на самом деле перевода в этом случае нет. Например, античные авторы сообщают, что острова Саламин и Хиос, а также город Милет назывались этимологически прозрачным именем Πιτωόσσα ‘изобилующая сосной’. Значит ли это, что для всех трех неясных названий мы должны непременно отыскивать «сосновую» этимологию?

Остальные критерии В. Георгиева еще менее надежны. Так, приток Дуная Μάρυος на основе первого критерия он сопоставляет с лат. *marco, marginis* ‘край, граница’ и интерпретирует как ‘пограничная река’ (Georgiev 1981, 352), так же это имя объясняет Л. А. Гиндин (1978, 30). Но где аналогии подобной номинации гидронима? И почему нужно ориентироваться на корневое сопоставление с латинским существительным, а не на цельнолексемное — с греч. μάρυος ‘неистовый’, лит. *maĩgas* ‘пестрый, многоцветный, красивый’ или еще с каким-нибудь индоевропейским словом? Здесь, кстати, можно было бы опереться и на третий критерий (лит. р. *Márg-upis*, оз. *Márgis* и др.), и на четвертый (характеристика гидронима).

В большинстве случаев имя собственное допускает разные этимологические толкования на базе разных языков. Языковая принадлежность имени определяется при этом самим автором этимологии (ср., например, целенаправленный поиск хетто-лувийских этимологий для фракийской ономастики в работах Л. А. Гиндина). Мотивация того или иного названия во многом зависит от остроумия исследователя или от его общей концепции. Так, В. Георгиев город в Троаде Ἐνδείρα сопоставляет с ἔνθερος ‘цветущий’, ссылаясь на Э. Швицера при объяснении εἰ=η (Georgiev 1945, 212 f.). Однако Ἐνδείρα фактически совпадает с апеллятивом τὰ ἔνδεια ‘высокий берег, дамба, насыпь’, что дает гораздо более правдоподобную этимологию; см. (van Windekens 1952, 31). Но при этом варианте этимологии у В. Георгиева не было бы еще одного примера на соотношение греч. θ: догреч. δ. Вот чем, по существу, был определен выбор менее правдоподобной этимологии. Иначе говоря, здесь не концепция опирается на факты, а факты подводятся под концепцию.

”Ohne Sachforschung keine Wortforschung mehr” — эти слова Р. Мерингера (цит. по кн. (Ullmann 1957, 211)), сказанные применительно к этимологизации апеллятивной лексики, вполне подходят также и к этимологическим исследованиям в области топонимики. Если первую часть топонимов Ἄκρῶ-πόλις или *Выш-город* мы будем этимологизировать, исходя из слов со значением «низкий», то мы вне всякого сомнения совершим грубую

этимологическую ошибку. Природные особенности географического объекта должны приниматься во внимание в процессе этимологизации соответствующего топонима.⁶ Между тем, увлекаясь поисками корневых сопоставлений в заранее намеченном направлении, исследователи нередко игнорируют этот важный принцип ономастического анализа. Так, Л. А. Гиндин, опираясь на сопоставление А. Гетце лув. *im-ga-aš-ša* и др. с кар. ЛИ *Ἰμβρασις*, а также на словарь Э. Лароша (лув. *imtagi-* 'поле, степь, равнина'), предлагает анатолийскую этимологию названия островов *Ἰμβρος*, *Ἰμβρασος* (древнее название Самоса) и реки на Самосе *Ἰμβρασος* соответственно как 'равнинный степной остров, богатый возделанными полями и пастбищами' и 'равнинная степная река' (Гиндин 1981, 109); ср. (Sagumba 1980, 281). Трудно придумать какую-нибудь более неудачную этимологию для гористого Самоса, высота которого над уровнем моря достигает 1436 м, и для маленькой горной речки на этом острове. «Лирическая» часть этимологии, связанная с «возделанными полями и пастбищами», также противоречит реалиям. Страбон дважды отмечает, что самосцы пасут свои стада на находящейся в 20 км Икарии (Strab., X, 488; XIV, 639), что едва ли было бы целесообразным при наличии достаточного количества пастбищ на самом Самосе.

Гористый характер (*ὄρεινῆ* — Strab., XIV, 637) был не только у карийского, но и у фракийского Самоса. С горной вершины лесистой Самофракии (1800 м) Посейдон видит Троию (II., XIII, 12—13). Таким же гористым и скалистым (*παλαλῶσσα* — II., XIII, 33; XXIV, 78) был Имброс. Иначе говоря, острова, для которых предполагается «равнинная» и «степная» этимология, четко представляют собой прямо противоположную картину: это обычно покрытые лесом (*ὄλιγῆσσα*), т. е. непригодные для пастбищ, гористые (*ὄρεινῆ*) и скалистые (*παλαλῶσσα*), а отнюдь не равнинные и не степные острова. И объяснение Страбона, согласно которому острова с названием *Σάμος* названы так догреческим населением по признаку их высоты (*σάμοις ἐκάλουν τὰ ἔψη* — Strab., VIII, 346), во всяком случае, не противоречит реалиям — в отличие от «равнинной» этимологии Л. А. Гиндина — О. Каррубы.

Столь же неправдоподобной в плане реалий является этимология названия острова *Προαλόννησος*: «очень, в высшей степени плодородный, цветущий остров» (Гиндин 1972, 13); ср. (Гиндин 1981, 60). Речь идет о маленьком (менее 2 км в длину) скалистом острове в Керамическом заливе (Kiepert 1892, карта), для которого подобная этимология совершенно не подходит, а самое его имя, по-видимому, является поздним, ибо еще у Арриана (I, 19, 4) это — *νησίδα τινα ἀνώνυμον* 'некий безымянный островок' (Herter 1932, 48). Но главное даже — не

⁶ См. пример с названием острова Мелос (Белецкий 1972, 21 слл.).

в этом. Здесь мы переходим к другой весьма распространенной методической ошибке в ономастических исследованиях.

Л. Згуста справедливо замечает, что хотя Paris — топоним кельтского происхождения, для топонима Paris в США кельтская этимология является совершенно иррелевантной (Zgusta 1964, 13 f.). Mutatis mutandis — этот принцип применим и к данному случаю. Конечно же Πριαλόνησος — это остров Приапа, как, например, Πελοπόννησος — остров Пелопса, причем этимология имен Приапа и Пелопса здесь не имеет никакого значения. Иначе мы должны были бы этимологизировать название острова *Воронин* в Карском море (данное по имени капитана Воронина) как 'очень, в высшей степени изобилующий воронами', а г. *Пушкин* связать прямо с пушками. Категорическое утверждение о невозможности «цельнолексемного употребления» имени бога в качестве топонима или антропонима (Гиндин 1981, 57) опровергается многочисленными примерами: Ἄρτεμις — ЛИ, Διόνυσος — ЛИ, ΜΗ, Ἀθήνη — ΜΗ, Ἀθηναία — ЛИ и мн. др. (массу подобных примеров можно найти, например, в кн. (Sittig 1911)). Применительно к названию Πριαλόνησος ср. Ἐκατόνησοι — к 'Ἐκατος 'Аполлон', Βακχονησίτης и др. (Fick 1897, II, 30). Для фракийского ареала можно назвать старое название Самофракии — Σα(Φ)όννησος 'остров Диониса' — к Σάβρος = Σαβάξιος эпитет Диониса (Hesych.).⁷

Неприемлемой является также этимология самого теонима Πρίαλος как «обладающий высшей степенью животворной силы», где При- якобы представляет собой хетто-лувийское rāgi- (почему не фракийское rgi- или вообще индоевропейское? — Ю. О.), а кар. (?) -ло- интерпретируется как и.-е. *bhū- (Гиндин 1981, 58—60). Как и.-е. *bhū- дало в карийском (или любом другом) языке -ло-, остается загадкой. Раньше Л. А. Гиндин ссылался на ошибочное прочтение в одной карийской надписи имени Uрsbu с ее интерпретацией 'высшая степень качества, выраженного элементом -bu' (Шеворошкин 1965а, 215). Когда же это чтение не было принято, Л. А. Гиндин просто заменил несуществующее кар. -bu на -ло-. Между тем еще В. Томашек указал на суффиксальный характер -ло- у фракийского теонима Πρίαλος, сопоставив его с вифинским теонимом Πρίετος и вифинским названием месяца Πριελαῖος (Tomasek 1894, II, 42). Обычным является также сопоставление имен Πρίαλος и Πρίαμος (Herter 1932, 46). Иначе говоря, перед нами — все тот же прием, состоящий в интерпретации суффикса как значимого второго элемента словосложения.

Нужно сказать, что этимологии типа Πριαλόνησος 'цвету-

⁷ Очень странным представляется утверждение Л. А. Гиндина об отсутствии указания на туземный культ Приапа в Малой Азии (Гиндин 1972, 19). См. перечень "In quibus regionibus Priapus cultus sit" (Herter 1932, 256 sq.), а также указание на то, что древнейшие следы Приапа и его культа прослеживаются в Вифинии (Ibid., p. 42).

щий остров' (вместо правильного: 'остров Приапа') типичны не только для работ Л. А. Гиндина. Их можно встретить и у других исследователей. Так, И. Руссу фракийский этноним Βέβρωξες возводит к и.-е. *bhe-bhro- 'коричневый' (Russu 1969, 110), хотя на самом деле к этой индоевропейской основе восходит название бобра (ср., например, ст.-слав. БЕБРЪ, лат. fiber, лит. bebrùs, уменьшит. bebriukas), и только отсюда был образован этноним тотемного происхождения Βέβρωξες (правильно: (Георгиев, 1958, 118 сл.; Georgiev 1981, 111)).

Иногда на основании одного спорного или весьма сомнительного этимологического сопоставления делаются далеко идущие исторические выводы. Выше мы уже видели, что сопоставление лин. А a-sa-sa-ra с лувийским «соответствием» явилось одним из ключевых аргументов Л. Палмера в пользу наличия анатолийского субстрата в Греции, а такое же сопоставление с «соответствием» семитским привело С. Гордона к выводу о семитском характере линейного письма А. Л. А. Гиндин, присоединяясь к идентификации П. Кречмера Κίττιοι = хетты (см. также (Huxley 1959, 281 sq.; Pugliese-Carratelli 1971, 406)), пишет об «участии хеттоязычных племен в Троянской войне в числе союзников Приама» (Гиндин 1981, 147). Что мы знаем о кетейцах и какие у нас могут быть основания считать их хеттами? Прежде всего нигде во всей античной литературе хетты ни разу не упоминаются. В конце II тыс. до н. э. Хеттское царство пало под ударами фригийцев. Трудно себе представить уже a priori, чтобы в том же конце II тыс. хетты выступили войной против кого бы то ни было в союзе с фригийцами. Но главное не в этом. В «Одиссее» (Od., XI, 519—521) рассказывается о том, как Неоптолем убил племянника Приама—Эврипила (сына Телефа), вместе с которым пали πολλοὶ... ἑταῖροι Κίττιοι. Эврипил — мисийский царь, его владения находились к югу от Троиady — напротив острова Лесбос в области реки Каик. В бассейне этой реки находится также река Κίττιος, по которой кетейцы, согласно Страбону и Плинию, получили свое имя (Strab., XIII, 616; Plin., V, 31, 33). Этнонимы, названные по реке, насчитываются десятками. Как обычно, и гидроним, и этноним имеют широкие мифологические связи: Κητεύς — отец нимфы Каллисто, Κητώ — дочь Геи и имя nereиды (оба имени — с догреческой суффиксацией). Причем здесь хетты, живущие в глубинах Анатолии?

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов высказали предположение о невозможности ранних плаваний греков в Колхиду ввиду несудоходности Мраморного моря. Этот тезис они подкрепляют ссылкой на хетт. marmaḡga- 'болото', являющееся, по их мнению, этимомом топонима Мраморное море (Гамкрелидзе—Иванов 1979, 20 сл.). Но все дело в том, что ни античность, ни — тем более — доисторическая эпоха не знали географическо-

го названия *Мраморное море*, его греки называли *Пропонтидой*, причем уже само это название говорит о их знакомстве с Понтом. Море названо *Мраморным* по *Μάρμαρα* (*νῆσος*), находящемуся в этом море, и названо так в послеантичную эпоху. Таким образом, у приведенного этимологического объяснения — неустранимые хронологические «ножницы»: пока были хетты, не было названия *Мраморное море*; когда же возникло это название, от хеттов уже не осталось и следа. Наконец, если бы даже приведенная этимология была верной, она не исключала бы возможности судоходства в Мраморном море. Финский залив между Кронштадтом и Ленинградом, как известно, называется *Маркизовой лужей*, но эта «лужа» — вполне судоходна. Здесь также перед нами — очень важный исторический вывод со ссылкой на этимологическое сопоставление, которое нельзя признать корректным.

Итак, когда «краеугольным камнем» при решении вопроса о характере догреческого субстрата выступает этимология, мы невольно оказываемся в плену у субъективных устремлений авторов отдельных этимологий. Одно и то же имя или даже целые слои ономастики В. Георгиев может интерпретировать как хеттские, Э. Фюрне — как кавказские, С. Гордон — как семитские. В. Георгиев не принимает этимологий Э. Фюрне, последний не принимает этимологий В. Георгиева, оба они считают неприемлемыми этимологии С. Гордона. Таким образом, «краеугольный камень» оказывается весьма шатким, а поэтому нужно искать какую-то более надежную опору для ономастических исследований — опору, которая позволила бы сделать выводы менее субъективными, а саму этимологию — более правдоподобной и убедительной. Этой опорой, мне кажется, должен стать словообразовательный анализ.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Как справедливо отметил А. А. Белецкий, этимологический анализ ономастики следует начинать со словообразовательного анализа (Белецкий 1972, 55), а не с отыскивания корней с именами богов и богинь. На первый взгляд может показаться, что словообразованием в работах о догреческом субстрате занимались достаточно много. В самом деле, мы знаем, сколько написано, например, о топонимах с типичными догреческими суффиксами *-vθ-* и *-σ-*. И все же именно словообразование представляет собой ту область, в которой сделано еще далеко не все. Для старых работ вообще типично пренебрежительное отношение к суффиксальному словообразованию. Д. Хестер приводит в связи с этим 5 догреческих топонимов с суффиксом *-vθ-*, из которых, согласно А. Фику, *Ἐρέμανθος* является хеттским, *Βερέχωνθος* — кидонским, *Ἄψωνθος* — пеласгским, *Ἀμάρωνθος* — лелегским, *Λέβωνθος*, возможно, — греческим (Hester

1957, 107, 117). Какими же методами пользуются исследователи, устанавливая подобным образом (на базе все того же «краеугольного камня» этимологии) языковую принадлежность имени собственного?

Начнем с процедуры вычленения корня или простой ономастической основы. Возьмем пример В. Георгиева: кар. ЛИ Σαμωος. Какова словообразовательная структура этого имени? По мнению В. Георгиева, перед нами — словосложение: Σαμωος — к хетт. *muwa-* 'Korpersaft' (Georgiev 1960, 615 f.). Однако наличие простой ономастической основы у догреческого топонима Σάμος,⁸ карийского ЛИ Σαμασις — с типичным для догреческой ономастики суффиксом -σσ-, а также топонима Σαμυλία (город Карию) заставляет отказаться от объяснения В. Георгиева. С ним можно согласиться лишь в том, что интервокальное υ в греческой передаче карийского имени отражает звук w: Σαμ-ωφος и Σαμωος (L. et J. Robert 1954, 78) ← Σάμος = Lesbōos (Horat., Od., I, 1, 34) ← Λέσβος.⁹ Конечно, здесь было бы заманчивым, учитывая догреч. *σάμος* 'высота', дать соответствующую этимологию карийским личным именам. Но поскольку мы не знаем карийского языка, подобное этимологизирование может оказаться слишком поспешным. Нам неизвестно, образованы ли эти имена непосредственно от апеллятива или от топонима, однозначным или многозначным было слово *σάμος* (ср. лат. *altus* 'высокий' и 'глубокий'), было ли оно в карийском языке исконным или заимствованным, не говоря уже о том, что слово это вообще могло отсутствовать в карийской апеллятивной лексике, встречаясь лишь в ономастике. Хорошо зная славянские языки, мы далеко не всегда можем определить, каким значением мотивированы многочисленные южнославянские гидронимы с основой *Бистр-*: 'быстрый' или 'чистый, прозрачный'. Этот пример (а их привести можно немало) должен предостеречь нас от «сплошного» этимологизирования ономастики, язык которой нам совсем или почти неизвестен. При отсутствии контроля со стороны семантики это легко сделать на базе чуть ли не любого языка, однако убедительность подобных этимологий практически будет близка или равна нулю.

Когда вычленение корней основывается на этимологической базе, неизбежен атомарный подход к каждому имени. Таков только что приведенный пример с кар. ЛИ Σαμωος, такова интерпретация фрак. ЛИ Δαλοσηος: к осет. *dāl-os-äg* 'находящийся в подчинении у жены' (Абаев 1949, 152), такова этимология фрак. ЛИ Τιαμαος = лувийский бог солнца *Tiwat-* плюс имя анатолийской богини *Mawa-* (Гиндин 1981, 49). Все эти этимоло-

⁸ Употребляется в Карию также как личное имя (L. et J. Robert 1954, II, 77).

⁹ Ср. близкий по своей функции суффикс порядковых числительных: греч. *ὄγδοος* < **ὄγδοφος* (Шантрен 1953, 126), лат. *octāvus*, кар. *δουφος* (см. гл. VI).

логии, основанные на принципе шарады, представляют собой объяснения ad hoc, исключаящие анализируемое имя собственное из ономастической системы.

Правда, существует точка зрения, согласно которой имена собственные системы не составляют (Milewski 1965, 78). Однако это не относится к словообразовательной системе ономастики. Анализ последней в подавляющем большинстве работ сводится к составлению разного рода списков, главным образом топонимов с догреческими суффиксами -σσ-, -νθ/-νδ-, -ρ- и др. Топонимы с этими суффиксами распространены от Кавказа до Венгрии, Сицилии и Испании. Ф. Шахермейр в прениях по докладу Л. Палмера на I Международном конгрессе по микенологии задал в связи с этим вопрос: должны ли мы и здесь всюду видеть лувийцев? (Palmer 1968, 352). Типично «догреческие» или «анатолийские» -nd-образования можно в большом количестве найти, например в Африке: Luanda, Roanda, Uganda, Vamenda, Wagunda, Jaunde, Kirundu. Топоним *Мелекесс* (город Ульяновской обл.) структурно мало чем отличается от догреч. *Микалесс* (Μυκαλήσσος), *Миасс* (город и река в Челябинской обл.) — от *Миэсс* (Μήσσορ ΜΗ в Карию), *Карасса* (река в бассейне Сев. Двины) от *Кáρισσα* (город в Испании) и т. д. Совершенно очевидно, что образования с одним и тем же суффиксом (точнее: с одной и той же конечной частью имени собственного) могут быть гетерогенными по своему происхождению. Ясно, что, например, *Дубл-ин*, *Пек-ин*, *Салам-ин*, *Пушк-ин*, *Берл-ин*¹⁰ генетически не имеют между собой ничего общего.

Примеры подобного рода говорят о необходимости четкого разграничения омонимичных формантов с целью вычленения той ономастической лексики, которая относится к одной и той же словообразовательной системе. Как известно, всякая система представляет собой не простой набор элементов, а их совокупность, объединенную внутренним взаимодействием этих элементов. Поэтому для анализа той или иной ономастической системы мы должны брать не любые топонимы (антропонимы, теонимы и др.) с какими-то суффиксами, а только те, в которых постоянно к одним и тем же основам (независимо от степени их этимологической прозрачности) присоединяются одни и те же суффиксы (независимо от их функциональной ясности). Иначе говоря, суффиксальный анализ не должен сводиться к составлению перечней типа *Καράνδα*, *Λάρανδα*, *Πέσσανδα*, *Σάσανδα* (ΜΗΝ Карию и Малой Азии), ибо в такой перечень могут попасть образования, относящиеся к другим ономастическим системам (например, Luanda, Uganda).

¹⁰ Топонимы даны в русской транскрипции. Но и гетерогенные догреческие топонимы нам известны также, в основном, в одной — греческой — транскрипции.

Однако если мы возьмем пары топонимов типа Καρύανδα (остров и город Кари) — Καρύασσος (город Кари), Λάρανδα (МН в Ликаонии) — Λάρυμνα (город в Кари), Πάσανδα (МН в Кари) — Πάσσαλα (остров у Кари), Σάσανδα (МН в Кари) — Σασσωμος (кар. ЛИ), то здесь мы обнаружим такое взаимодействие суффиксальных образований, характерных и для других догреческих топонимов и антропонимов, которое в полной своей совокупности не встретится ни в каком другом ареале. В самом деле, мы имеем пары Καρύανδα — Καρύασσος, Λάρανδα — Λάρυμνα, но нет пар Luanda — *Luassos, Uganda — *Ugumna и т. д. Тем более, если мы возьмем не два, а целый комплекс суффиксальных образований типа: Ἰμβρος (фракийский остров), Ἰμβρεὺς (МИ), Ἰμβραλος (лик. ЛИ), Ἰμβραμος (карийский теоним), Ἰμβρανος (лик. ЛИ), Ἰμβρασις (кар. ЛИ). Очевидно, что такой серии (-ος, -εὺς, -λος, -μος, -νος, -σις) не даст ономастика какого-либо другого ареала. Так же, как, например, типичные для русской антропонимики фамилии Чернов, Чернин, Черняев, Черныш, Черных, Черняк в сумме своих словообразовательных моделей неповторимы в антропонимике других языков.

Единичные сходные примеры всегда можно найти в неродственных ономастических ареалах. Например, в урартской ономастике имеются топонимы ԵրԱբισσα, ԵրԱԳիլισσα (ср. Ἰβυσσος и Κίλισσα), но сумма словообразовательных моделей и их взаимодействие у урартских собственных имен не имеют ничего общего с эгейско-балканской ономастикой; см. (Арутюнян 1985). Недавно опубликованная шумерологическая картотека В. В. Струве также дает картину, в корне отличную от картины словообразовательных моделей догреческого субстрата (Струве 1984), хотя и здесь при желании можно найти какие-то изолированные сходства. То же самое относится к хетто-лувийскому ареалу. Достаточно, например, внимательно просмотреть список анатолийских личных имен (Tischler 1982), чтобы убедиться в том, что перед нами — ономастическая система, не имеющая ничего общего с эгейско-балканской.

Именно словообразовательная система ономастики, а не этимология отдельных топонимов или антропонимов может указать путь при определении ее языковой принадлежности. В самом деле, если мы возьмем в русской топонимике образования на -ск, то здесь мы встретим *Каменск* и *Ангарск*, *Кисловодск* и *Днепропетровск*, *Загорск* и *Архангельск*. Легко заметить, что именные основы вторых примеров из каждой пары не имеют русской или славянской этимологии. Более того, они вообще могут не иметь установленной этимологии (например, *Саранск*). Тем не менее все эти примеры, бесспорно, из русской топонимики. Мы не можем, опираясь на этимологию имен русских царей, сделать вывод о том, что русский язык — греческий или о наличии дославянского, греческого субстрата на Руси. Точно так

же несколько изолированных и весьма шатких ономастических сопоставлений, приводимых в доказательство семитской, хетто-лувийской, кавказской или еще какой-нибудь этимологии отдельных догреческих имен собственных не могут считаться доказательством соответствующей языковой принадлежности догреческого субстрата. Как справедливо отметил Дж. Чэдуик, даже в тех случаях, когда два догреческих суффикса могут соединиться с одним корнем (например, Κορησσίς и Κόρινθος), мы еще не можем говорить о том, что корень принадлежит тому же языку, что и суффиксы (Chadwick 1969b, 85). Образованные с помощью наиболее продуктивных русских суффиксов фамилии *Кирилл-ов* и *Кирилл-ин* имеют греческую основу. Можно привести сотни русских фамилий на *-ов* и на *-ин*, которые образованы от имен тюркского, греческого, германского, финно-угорского и т. д. происхождения. У нас нет никаких оснований считать, что в догреческой ономастике картина была принципиально иной.

Мы можем без всякой опоры на сомнительные этимологии констатировать достаточно большое количество бесспорных совпадений, например, во фракийской и иранской антропонимике. По этому вопросу имеется обширная литература — с явной тенденцией в сторону «паниранизма» (термин О. Н. Трубачева (1976, 39)). Но в любом случае эти совпадения ничего не говорят в пользу особо близкого генетического родства фракийского с иранским (Vlahov 1978). В частности, династические имена мало что дают для определения языковой и этнической принадлежности их носителей (Zgusta 1955, 18). К тому же и здесь обычно господствует этимология, которая базируется на вычлениении всевозможных корней, а не на анализе словообразовательной структуры имени. В одном из таких династических имен Καμασαρῶη (Κομοσαρῶη) В. И. Абаев выделяет иранский корень *sar- 'голова' (Абаев 1949, 180 сл.), а О. Н. Трубачев — незасвидетельствованное индоар. *sar- 'женщина' (Трубачев 1976, 56). Обе эти типично корневые этимологии различаются по своей конкретной интерпретации, а также по языку, на базе которого они построены, но метод исследования в обоих случаях — абсолютно одинаков.

Между тем у ЛИ Καμασαρῶη совершенно четко вычленяется конечное -ωη, хорошо известное во фракийской ономастике (Δοιδῶη, Βιζῶη, муж. род. Βιθῶας, мн. число Βιθῶαι). Столь же обычным во фракийском ономастическом словообразовании является суффикс -ρ-, присоединяемый к корневому или суффиксальному -σ(σ)-: Ἄσσα (город Фракии) → Ἄσσαρα (город Фракии), Σαῖοι (фрак. ЭН) → Σαι-ξ-αι¹¹ → Σαι-σ-αρ-α (МИ), Μανης (фриг. ЛИ) → Μανι-σ-ας (также фриг. ЛИ) → ЛИ Μανι-σ-αρ-ας, а это последнее позволяет таким же образом членить

¹¹ Фрак. Διόνυξος = Διόνυσος, кар. Βρύξις = Βρύσσις и др. позволяют реконструировать форму фрак. ЭН*Σαισ(σ)αι.

фрак. МН Παδι-σ-αρ-α. Ср. также Μαω-σ-αρα ЛИ из Пантикалея, где суффиксальный характер -σ- подтверждается структурной этнонимом Μαίω-τ-αι, Μαίω-ν-ες (ср. Παίω-ν-ες), а фракийское (не иранское и не индийское!) происхождение ЛИ Μαίωσα-ρα вытекает, помимо прочего, из факта наличия простой ономастической основы Μαία (город Вифинии, МИ) именно во фракийском ареале (ср. также ЛИ догреческой словообразовательной структуры Μαίω). Как вторичный суффикс -(α)ρ- присоединялся к фракийским образованиям не только на -(σ)σ-; ср. Σεύθης (фрак. ЛИ) → Σευθ-αρ-ιον (фрак. ЛИ).

Наличие этника Καμασσηνός (Suida) — с вариантом (в качестве МН) Καμισσηνή — позволяет восстановить ономастическую основу с суффиксальным (первичным) -(σ)σ- в двух формах: Καμασ(σ)- и Καμισ(σ)-, ср. во фракийском ареале Σπίρταμος и Σπάρτικος (Tomaschek 1894, II,² 44) — с теми же гласными α и ι перед суффиксом. От основы Καμισ(σ)- было образовано кар. ЛИ Καμισσάρης, а от Καμασ(σ)- — фрак. ЛІ Καμασαρή — в обоих случаях с одним и тем же вторичным суффиксом -(α)ρ- (об этимологии имени см. гл. IV). Таким образом, не произвольное вычленение двух суффиксов в качестве «корня» *sar- (ср. Черн-ов-ц-ы), а типичная догреческая словообразовательная модель¹² говорит об исконно фракийском происхождении фрак. ЛИ Καμασαρή.¹³

Нужно сказать, что не только простое «коллекционирование» суффиксов или произвольное (с опорой лишь на собственную интуицию) вычленение «корней», но и последовательное «отсечение» вторичных и первичных суффиксов, постоянно повторяющихся в одном и том же ареале, может привести к ошибочной интерпретации имени собственного. Если мы у слов *курение* и *курятник* последовательно отсечем их суффиксальную часть, у нас останется один и тот же «корень» *кур-*, хотя мы знаем, что перед нами — всего лишь омонимы. Здесь омонимии можно установить с помощью семантического контроля, который отсутствует в случае с ономастическими единицами на незнакомом языке. Значит ли это, что всякое сопоставление типа Αἰγίλα : Αἰγίνα может оказаться ошибочным в плане вычленения

¹² Примеры приводились, в основном, фракийские, но антропонимы и топонимы того же самого типа характерны вообще для догреческих имен собственных, а не только для фракийских и карийских имен.

¹³ С какой легкостью можно создавать корневые этимологии, видно из того факта, что др.-инд. sarva-kāma 'преисполненный желаний', учитывая хорошо известный факт метатезных преобразований индоевропейских имен собственных (тип. Δωρό-θεος : Θεό-δωρος) можно представить в виде *kāma-sarva (ср. kāma-rīga 'полный желаний'), а это звук в звук будет совпадать с фрак. Καμα-σαρη (принимая конечное -η за -va). Разумеется, я не собираюсь всерьез предлагать подобную этимологию, хотя она базируется на реальных древнеиндийских словах, а не на проблематичной реконструкции корня *sar- 'женщина' (кстати, есть ли вообще женские личные имена, в состав которых входило бы слово 'женщина': γυνή, mulier, жена и т. д.?).

корня? По-видимому, все-таки нет. В приведенном выше примере два корня *кур-*, как правило, имеют разные производные: *курение, курилка, курильщик...*, но *курятник, курица, куриный* и т. д. Случаи пересечения образований от омонимичных корней — сравнительно редки (ср. шутивное: *курятник* 'место для курения'). Кроме того, нет такого рода чередований, в который бы входили слова *курение* и *курятник*. А в случае $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\lambda\alpha$: $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\nu\alpha$ мы можем привести целую серию подобных же пар типа $\text{'A}\rho\gamma\iota\lambda\alpha$ (город Кари) : $\text{'A}\rho\gamma\ \nu\omicron\nu$ (мыс в Ионии), $\text{'E}\rho\gamma\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ (ЛИ—Эпидавр) : $\text{'E}\rho\gamma\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ (река Фракии), $\text{K}\alpha\rho\acute{\iota}\lambda\alpha\varsigma$ (ЛИ—Милет) : $\text{K}\alpha\rho\acute{\iota}\nu\eta$ (гора на Крите), $\text{K}\omicron\theta\acute{\iota}\lambda\alpha\varsigma$ (фрак. ЛИ) : $\text{K}\omicron\theta\iota\nu\alpha\varsigma$ (фрак. ЛИ), $\text{K}\upsilon\tau\acute{\iota}\lambda\eta\varsigma$ (фрак. ЛИ) : $\text{K}\acute{\upsilon}\tau\iota\nu\alpha$ (город Фессалии) и т. д.

Кроме того, основа $\text{A}\acute{\iota}\gamma\text{-}$ соединяется не только с $\text{-}\lambda\text{-}$ и $\text{-}\nu\text{-}$, но и с другими типичными догреческими суффиксами: $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\nu\theta\omicron\varsigma$ ЛИ (Suida), $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\sigma\theta\omicron\varsigma$ (МИ), $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\rho\omicron\varsigma$ и $\text{A}\acute{\iota}\gamma\epsilon\iota\rho\omicron\varsigma$ (МНН), $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\sigma\omicron\varsigma$ (город Фракии), $\text{A}\acute{\iota}\gamma\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ (МИ). Таким образом, $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\lambda\alpha$ входит в целый комплекс суффиксальных образований догреческого типа. Для сравнения можно взять, например, город Ассирии $\text{M}\acute{\epsilon}\sigma\pi\iota\lambda\alpha$ (Хероф., Ап., III, 4, 10) или ЛИ $\text{\Delta}\alpha\lambda\acute{\iota}\lambda\eta$ — имена, явно не относящиеся к той же самой ономастической системе. И для них мы не найдем ни одного соответствия с суффиксальными $\text{-}\nu\text{-}$, $\text{-}\nu\theta\text{-}$, $\text{-}\sigma\theta\text{-}$, $\text{-}\rho\text{-}$, $\text{-}\sigma\sigma\text{-}$, $\text{-}\epsilon\upsilon\varsigma$.

Основа $\text{A}\acute{\iota}\gamma\text{-}$, вычленяемая на основании приведенных выше имен собственных, была выбрана специально, ибо она показывает слабые стороны анализа даже в таком случае, где сумма суффиксальных производных совершенно определенно указывает на догреческое происхождение соответствующих образований. Дело в том, что нам известны именные основы $\alpha\acute{\iota}\gamma\text{-}$ со значениями 'коза' и 'волна' ($\alpha\acute{\iota}\gamma\epsilon\varsigma$ 'волны' — Artemid., 2, 12). Еще Ф. Зоммер спрашивал: неужели все топонимы и антропонимы на $\text{A}\acute{\iota}\gamma\text{-}$ образованы от $\alpha\acute{\iota}\gamma\epsilon\varsigma$ 'волны'? (Sommer 1932, 260). П. Шантрэн считает слово $\alpha\acute{\iota}\gamma\epsilon\varsigma$ у Артемидора подозрительным (Chantraine 1933, 248). В. Георгиев образования с основой $\text{A}\acute{\iota}\gamma\text{-}$ признает греческими и связывает их с греч. $\alpha\acute{\iota}\xi$, $\alpha\acute{\iota}\gamma\acute{\iota}\varsigma$ 'коза' (Георгиев 1957, 62). Не исключена также возможность, что ономастическая основа $\text{A}\acute{\iota}\gamma\text{-}$ имела значение, нам неизвестное, являясь элементом какого-нибудь неиндоевропейского языка. Наконец, часть приведенных выше образований могла быть образована от одной, а часть — от другой (омонимичной) основы.

Возможные здесь ошибки существенны для этимологии рассматриваемых имен (если $\text{A}\acute{\iota}\gamma\iota\nu\alpha$ 'Козий остров', то $\alpha\acute{\iota}\gamma\epsilon\varsigma$ 'волны' здесь не при чем — и наоборот), но они не имеют значения при определении языковой принадлежности субстратной ономастики. То, что фамилия *Бирюков* имеет тюркскую основу (кстати, без тюркской этимологии), *Федоров* — греческую, а *Воронов* — русскую, не исключает ни одной из них из русской оно-

мастической системы. Вот почему в данном случае неважно, будет ли именная основа *Aiγ-* греческой, фракийской, хеттской, кавказской, средиземноморской или семитской. Важно то, что сумма ее суффиксальных производных входит в догреческую словообразовательную систему, которая не является ни греческой, ни хеттской, ни семитской. Так как в состав догреческого субстрата входит несколько языков, не исключена возможность, что одни из суффиксальных производных были более продуктивны в одном из этих языков, другие — в другом. А поскольку сам греческий язык был генетически близок к языкам догреческого субстрата, отдельные образования могут считаться в равной мере как догреческими, так и греческими.

Наконец, случаи возможной омонимии также не могут отрицательно отразиться на результатах анализа. Если перед нами две омонимичные основы, то все равно сумма их производных входит в словообразовательную систему языка, а поэтому здесь также возможна лишь этимологическая, но не словообразовательная ошибка.

Следовательно, мы должны выделить тот ареал, в котором к одним и тем же ономастическим основам разного происхождения присоединяются постоянно одни и те же суффиксы. И это — не механическое присоединение, а динамическое взаимодействие, которое и составляет самую сущность ономастической системы.

ЧЕРЕДОВАНИЕ СУФФИКСОВ

Эта динамика системы проявляет себя в том взаимодействии между отдельными производными, которое в лингвистической литературе получило не совсем удачное название «чередование суффиксов».¹⁴ В индоевропейском языкознании вопрос о чередовании суффиксов был наиболее детально исследован в работах Э. Бенвениста и Ф. Шпехта (Бенвенист 1955; Specht 1944). «Хрестоматийным» примером суффиксального чередования является греч. *δῶρον*: лат. *dōnum*, где на основе одного и того же индоевропейского корня **dō-* образованы производные со значением 'дар, подарок' — в одном случае с помощью суффикса *-g-*, а в другом — *-n-* (ср. также ст.-слав. ДАРЪ и ДАНЬ). Подобного рода чередования — это не единичные изолированные примеры, а широкораспространенная закономерность индоевропейского словообразования. Так, чередованию *g : n* посвящена целая глава упомянутой выше книги Э. Бенвениста (1955, 27—46). Чередование *n : t* представлено у отглагольных образований целого ряда индоевропейских языков, ср. лат. *plēnus : implētus*, лит. *pilnas : įpiltas* 'наполненный', др.-инд. *bhinnāḥ : bhittāḥ* 'разбитый', ст.-слав. П ъ НИю : П ъ ТИю, нем. *gewoben : ge-*

¹⁴ О недостатках этого термина см. (Откупщиков 1967, 111, прим. 40). Сохраняем, однако, этот общепринятый термин.

webt и др.; подробнее (Откупщиков 1967, 18 слл.). Это же чередование хорошо известно и за пределами отглагольных образований: лит. *bálnas* — *báltas* 'белый', лит. *alkūnė* 'локоть': ст.-слав. ЛАКЪТЬ. Чередование *bh:n* обнаруживается при сопоставлении греч. *ἄρρυφος* и др.-инд. *árjuna-* 'серебристый' или лит. *gaĩbas* : *gaĩpas* 'пестрый' (Sprecht 1944, 113—115).

В чередованиях могут участвовать не только два, но также три и большее количество суффиксов, например: лтш. *šļaubs* : *šļauks* : *šļauns* 'косой, скошенный' (Ibid., p. 262). Примеры суффиксальных чередований весьма многочисленны, по каждому из них можно составить обширный словообразовательный ряд. Хотя общее количество суффиксов в каждом индоевропейском языке достаточно велико, далеко не каждые два (или более) суффикса находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. В этой избирательности чередований и проявляется взаимодействие словообразовательной системы. Взять хотя бы латинские суффиксы *-n-*, *-t-* и *-l-*. Здесь мы обнаружим образования типа *Romulus* — *Romānus* (*l:n*), но не встретим **Romātus* или **Romitus*. В то же время при наличии **sek-n-om* > *>signum* и **sek-t-om* > *sectum* (*n:t*) мы не найдем формы **seclum*.

Избирательность чередований определяется в первую очередь характером основы — отглагольная или именная, тематическая или атематическая, основы на *-a-*, *-e-*, *-u-*, *-i-*, на согласный и т. д. Причем, в последнем случае один и тот же суффикс в сочетании с разными гласными основы (включая не только качественные, но и количественные различия) может отражать разные словообразовательные модели. Так, в балто-славянском ареале *-īn-* является суффиксом существительных (их также — несколько типов), а *-īn-* образует имена прилагательные: лит. *vakarūnė* = рус. диал. *вечерина*, лит. *geležinis* = др.-рус. *железьнѣш*. В других случаях ни грамматическое, ни лексическое значение слова существенно не меняется при разных гласных основы, например: др.-рус. *новакѣ* = *новикѣ*, где глубокая древность чередования гласного основы подтверждается такими соответствиями, как греч. *νέαξ*, *νέακος* (ср. *новакѣ*) и лат. *novicius* (ср. *новикѣ*).

Важным моментом, ограничивающим количество возможных суффиксальных вариантов, является преимущественное сочетание того или иного суффикса с тем или иным гласным основы. Так, в литовском языке суффикс *-b-*, как правило, следует за долгим *ī* (*agrūba* 'пахота'), а в славянском — за кратким *ĭ* (рус. *орьба*); для обозначения названия шкур животных в тех же языках употребляются суффиксы *(e)n-* и *-(ī)n-*: лит. *avikėna* = др.-рус. *овьчина*, лит. *karvenà* = рус. диал. *корovina*. Таким образом, в отдельных индоевропейских языках проявляются ин-

дивидуальные особенности словообразования, позволяющие разграничить лексический материал даже в рамках генетически родственных образований, причем одни словообразовательные модели в родственных языках совпадают полностью, другие — частично, третьи — расходятся между собой.

К сожалению, суффиксальные чередования — слабо разработанная область индоевропейского словообразования. Изучены лишь отдельные изолированные виды чередований (например, г : п и л : п у Э. Бенвениста). Богатая фактическим материалом книга Ф. Шпехта дает этот материал очень разбросанно, не выделяя особенностей словообразования отдельных языков. Перечень суффиксальных производных в Grundriß'e К. Бругмана дан без учета внутренней динамики, взаимодействия между отдельными словообразовательными моделями, хотя именно эта внутренняя динамика создает то единство, которое позволяет отличить словообразовательную систему одного языка от другого. Простой перечень суффиксов еще не составляет этой системы, ибо количество фонем в разных языках ограничено, а поэтому во многих языках можно обнаружить суффиксы типа -п-, -т-, -л-, -г-, -s-, -t-, -st-, -nt- и т. д. Вот почему, когда Р. Катичич, дав выборочные списки с наиболее типичными догреческими топонимами, затем перечисляет хетто-лувийские топонимы с аналогичными суффиксами (Katičić 1976. I, 47 sqq.), это, по сути дела, ничего не доказывает — тем более, что основная масса хетто-лувийской ономастики — вообще неиндоевропейская. Подобные сходства говорят лишь о том, что даже у явно неродственных языков набор суффиксов может быть достаточно близким.

По той же самой причине едва ли правомерно (как это делают многие исследователи) приписывать тот или иной суффикс какому-то определенному языку. Не говоря уже о том, что здесь на каждом шагу возникают расхождения;¹⁵ утверждать, например, что суффикс -ю- у фракийских личных имен — иранского происхождения (Vlahov 1968, 277), было бы слишком категоричным. Прежде всего, «наслаивание» суффиксального -л- на имена, содержащие суффикс -х- (тип Βειθη-х-ειλ-ας), совсем не говорит об иноязычном происхождении первичного суффикса, а лишь о его сравнительно большей древности у данного имени. Фракийская ономастика знает случаи также и обратного «наслаивания» суффиксального -х- на -л-; ср. фрак. ЛИИ Πιττα-χός — Πιτταλος и Πιττῆ-λ-αх-ος. О древности фракийского суффикса -х- свидетельствует сопоставление KN A-sa-ro и фрак. (II., XX, 232) Ἀσσῆραχος (Landau 1958, 29), ср. также фрак. город Ἀσσῆρα.

Столь же категоричным и односторонним является, напри-

¹⁵ Так, Г. Михайлов считает топоним Ἐβεσσα македонским, В. Георгиев — фракийским, А. Майер — иллирийским (Vlahov 1963, 246).

мер, утверждение Ю. Б. Циркина о том, что все топонимы с суффиксом *-ακ-* в разных районах античного мира — греческие и грецизированные (Циркин 1984, 59). Во-первых, значительная часть греческих апеллятивов и имен собственных с суффиксом *-ακ-* представляет собой догреческий слой греческого языка. Во-вторых, вопрос можно поставить несколько иначе: в каком языке нет образований с суффиксом *-ακ-?* Греч. $\nu\acute{\epsilon}(F)\alpha\xi$, $\nu\acute{\epsilon}(F)\alpha\kappa\omicron\varsigma$, др.-рус. *новакѣ*, лит. *паујокас* и др. свидетельствуют об индоевропейском происхождении наиболее древнего слоя этих образований. В то же время совершенно очевидно, что имена собственные с суффиксом *-ακ-* могут принадлежать самым различным языкам; ср. (в русской транскрипции): *Спартак*, *Аршак*, *Бальзак*, *Спивак*, *Кончак* и т. д. Коллекционировать эти суффиксы совершенно бесполезно. Кажется, только А. Тромбетти считал возможным сопоставлять имена *Βάτακος* или *Τίμακος* с авар. *wacako* 'fratellino', ненецк. *jahako* 'fiumicello'. груз. *suliko* и др. (Trombetti 1940, 210).

Возьмем для сравнения несколько женских ЛИ, оформленных по догреческому типу образований на *-ῶ*:

Χαρι-κῶ	—
Χαρι-ξῶ	Μελι-ξῶ
Χαρι-στῶ	Μελι-στῶ
Χαρι-τῶ	Μελι-τῶ
—	Μελι-νῶ

У основы *Χαρι-* не засвидетельствовано имя с суффиксом *-ν-*, у основы *Μελι-* нет производного с суффиксом *-κ-*. Как известно, язык обычно реализует не все возможные варианты. Кроме того, не все они могли дойти до нас. К приведенным двумя рядам можно было бы без труда добавить и другие. Совершенно ясно, что перед нами — элементы единой словообразовательной системы, и вычленять в ней «иранский» суффикс *-κ-* или «иллирийский» *-στ-* едва ли было бы уместным (разумеется, это не исключает того очевидного факта, что в иранском ономастике также есть суффикс *-κ-*, а в иллирийском *-στ-*).

Излишне категоричными представляются также утверждения об отсутствии того или иного суффикса в ономастике отдельных языков, особенно — если эти языки нам почти неизвестны. Так, К. Влахов считает, что в малоазийском регионе нет надежных примеров личных имен с суффиксом *-l-* в форме *-αλο-* (Vlahov 1968, 271). Однако лик. ЛИИ *Ἄρσαλος*, *Ἰμβραλος*, кар. ЛИИ *Κόνδαλος*, *Μαμαλον* и др. говорят об обратном. Л. А. Гиндин в связи с ΜН *Πέρραμον* предполагает «незасвидетельствованность то-производных в ортодоксальных фракийских лексемах» (Гиндин 1977, 122=1981, 174). Это автору потребовалось для доказательства «чужеродности» топонима *Πέρραμον*, который был якобы заимствован из хетто-лувийского. Однако суффикс *-μ-* вполне обычен во фракийской ономастике: фрак.

ЛИ Ἀδάμας, -αντος, Asamus (приток Истра), фрак. ΜΗΝ Ὀρύμη, Σαδύμη, фрак. ЛИ Στρώμος и др. Фракийское (resp. догреческое), а не хетто-лувийское происхождение топонима Πέρραμον едва ли может вызвать сомнение.

Говоря о чередованиях суффиксов, нужно также иметь в виду, что они могут быть различными не только в плане возможной сочетаемости с основами разного типа, но также и в семантическом плане. Так, в случае с др.-рус. *да-н-ъ* 'данный' и *да-р-ъ* (ср. лат. *dōnum* = греч. *δῶρον*) чередование *n* : *r* имеет место в лексемах со сходной или идентичной семантикой. Но если мы вместо корня **dō-* 'давать' возьмем корень **stā-* 'стоять', то образованные с помощью тех же суффиксов лексемы др.-рус. *ста-н-ъ* и *ста-р-ъ* будут обладать совершенно различной семантикой. Прилагательное *старъ* претерпело весьма серьезные семантические изменения. Ближе к его исходному значению 'устойчивый, крепкий' будут такие соответствия, как лит. *stóras* 'толстый', др.-исл. *stórr* 'большой, сильный'. Подобные изменения значений слова обычны в истории языка. Они также должны предостеречь исследователя ономастики от чрезмерного увлечения этимологизированием собственных имен. Даже если мы правильно определим языковую принадлежность, к примеру, какого-нибудь топонима и правильно найдем его апеллятивную основу, у нас еще не будет достаточной гарантии в правильности установленной этимологии, так как во время формирования топонима то слово, посредством которого мы пытаемся объяснить его этимологию, могло иметь совсем не то значение, которое нам известно из более поздних источников.

Именно поэтому представляются слишком прямолинейными такие этимологические истолкования собственных имен, как Χρεμίλος и Χρέμης, -ητος — «от названия рыбы χρέμης, -ητος» (Bechtel 1917, 588). Это объяснение еще можно принять для второго имени,¹⁶ но для первого (или для Χρέμων, -ωνος) оно неприемлемо. Иначе с таким же успехом мы могли бы утверждать, например, что Romulus было образовано от Romānus.

Непонимание фактов, связанных с чередованием суффиксов, нередко приводило к ошибочным заключениям весьма авторитетных специалистов по греческому и индоевропейскому языкознанию. Так, А. Неринг, анализируя словообразовательные отношения между словами догреческого происхождения τίταξ 'царь' и τίτηνη 'царица', пришел к выводу о неиндоевропейском характере соответствующей модели (Nehring 1925, 153 ff.). Между тем чередование суффиксов -ж- и -v- надежно засвидетель-

¹⁶ Но и здесь нужно считаться с возможностью полисемии. Ср., напр., русское прозвище *Вьюн* и рус. диал. *вьюн* — с разными значениями: несколько названий рыб, «хохлатый жаворонок», «вихор», «повилика» (растение) и др., не говоря уже о глаголе *вить*. То же, в известной мере, относится и к ΜΙ «Ελίξ — с близкой суммой значений апеллятива.

ствовано в греческих словах индоевропейского происхождения, ср. $\nu\acute{\epsilon}\alpha\chi\acute{\iota}$, $\nu\acute{\epsilon}\alpha\mu\omicron\varsigma$ и $\nu\epsilon\acute{\iota}\nu$, $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$. Но особенно широкое распространение это чередование получило в догреческой (resp. фракийской и малоазийской) ономастике. Ср. "Ατραξ, "Ατρακος (МИ, связанное с Фракией—Plut., Fluv., 3, 1)—'Ατρύνη (МИ—дочь Фригии), Κύραξ ('ворон', МН в Этолии)—Κορίνη (город в Элиде), Κορδακα (эпитет Артемиды—Элида)—Κορδηνός (эпитет Героса—Фракия), Κύραξ (имя собаки)—Κυρήνη (МИ—Фракия), Μαρακοί (ЭН—Этолия)—Μαρίνη (область Фракии), Μυάκης (ЛИ)—Μυηνον (МН—Этолия), Πύρρακος (ЛИ)—Πύρρηνη (МИ—дочь фракийского царя бибриков), Σιδάκη (город в Ликии)—Σιδύνη (город в Ликии) и др. Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с фракийской в данном чередовании широко отражена также ономастика Этолии и Элиды.

П. Шантрен, справедливо возражая против того, чтобы сопоставлять вторую часть греч. $\nu\epsilon\alpha\lambda\acute{\iota}\varsigma$ 'молодой, свежий' с лат. *alo* 'кормлю', сам связывает ее с греч. $\acute{\alpha}\lambda\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$, интерпретируя греческое прилагательное как 'nouvellement pris' (Chant-gaine 1975, 75 sq.). Однако уже давно и достаточно надежно было установлено наличие в греческом языке суффиксального $-\alpha\lambda\text{-}/\eta\lambda\text{-}$, особенно широко представленного в догреческой лексике: $\kappa\acute{\iota}\beta\delta\alpha\lambda\omicron\varsigma$ 'ложный, фальшивый', $\phi\acute{\alpha}\sigma\eta\lambda\omicron\varsigma$ 'фасоль', кар. ЛИ $\kappa\upsilon\delta\rho\eta\lambda\omicron\varsigma$ и др. (Renisch 1877; Huber 1921, 21; Locker 1932—1933, 60 ff.; Kretschmer 1933, 92; Schwyzer 1939, I, 484). Хорошо известен этот суффикс во фракийской ономастике (Vlahov 1968, 271 ff.). Если взять сумму производных индоевропейского корня **neu-*/**nou-*, нашедших свое отражение в греческом языке (независимо от их исконного или заимствованного происхождения), то можно отметить чередование суффиксов $-\kappa\text{-} : -\lambda\text{-} : -\nu\text{-} : -\rho\text{-} : -\tau\text{-}$ ($\nu\acute{\epsilon}\alpha\mu\omicron\varsigma$ (gen. sing.) : $\nu\epsilon\alpha\lambda\acute{\iota}\varsigma$: $\nu\epsilon\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ (gen. sing.) : $\nu\epsilon\alpha\rho\acute{\omicron}\varsigma$: $\nu\acute{\epsilon}\alpha\text{-}\tau\omicron\varsigma$). Та же самая картина наблюдается в догреческой ономастике, ср. фрак. ЭН $\Sigma\alpha\beta\alpha\kappa\acute{\alpha}$: фриг. ЛИ $\Sigma\alpha\beta\alpha\lambda\alpha\varsigma$: МН в Пафлагонии $\Sigma\alpha\beta\alpha\nu\acute{\iota}\varsigma$: писид. ЛИ $\Sigma\alpha\beta\alpha\rho\iota\alpha\varsigma$: фрак. МН *Sabatium*. Простая ономастическая основа: фракийский теоним $\Sigma\alpha\beta\omicron\varsigma$ 'Вакх'. И если для греческого языка подобный сложный комплекс чередований представляет собой явление редкое, то для догреческой ономастики эти чередования и составляют самую основу словообразовательной системы.

Отдельные элементы этой системы уже давно отмечались в литературе. Так, К. Паоли сопоставлял кар. ЛИ $\Sigma\alpha\mu\alpha\sigma\iota\varsigma$ и кар. город $\Sigma\alpha\mu\upsilon\lambda\acute{\iota}\alpha$ ($-\sigma\text{-} : -\lambda\text{-}$), кар. ЛИ $\Sigma\alpha\sigma\sigma\omega\mu\omicron\varsigma$ и кар. МН $\Sigma\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\delta\alpha$ ($-\mu\text{-} : -\nu\delta$) и др. (Paoli 1885, 63). Отмечались чередования $-\mu\text{-} : -\nu\text{-}$ (Hesselmeyer 1885, 8), $-\rho\text{-} : -\sigma\text{-}$ (Leonhard 1915, 293), $-\nu\delta\text{-}/-\nu\theta\text{-} : -\sigma\text{-}$ (Schachermeyr 1954, 1512) и др. Обращалось внимание также на случаи «комплексных» чередований типа $\text{'Ιδ}\alpha\kappa\omicron\varsigma : \text{'Ιδ}\upsilon\mu\alpha : \text{'Ιδ}\upsilon\rho\omicron\varsigma : \text{'Ιδ}\acute{\iota}\rho\eta\eta : \text{'Ιδ}\alpha\sigma\sigma\alpha$; ср. $\text{'Ιδ}\eta$ (van

Windekens 1952, 93 сл.); Αἴγιλος: Αἴγιμος: Αἴγιών: Αἴγινοθος: Αἴγισθος: Αἴγιος (Георгиев 1957, 62), по мнению автора, — к греч. αἴξ, αἴγιος 'коза'.

В догреческой апеллятивной лексике наблюдается те же в основном суффиксальные чередования, что и в ономастике. Возьмем несколько примеров. Ορυβης (писид. ЛИ): Ορυμας (фриг. ЛИ), Πόλυβος (МИ): Πόλυμος (ЛИ) (-β-: -μ-) = κίκωβος: κίκωμος 'вид совы', σκόλυβος 'лук-порей': σκόλυμος 'артишок (?)'; Ἄρβαβα (МН в Иллирии): Ἄρβων (город в Иллирии) (-β-: -ν-) = σῶραβος: σῶρων 'pudenda muliebria' (Sprecht 1944, 267). Та же картина наблюдается и в случаях с другими чередованиями. Это — одно из важных свидетельств в пользу общности происхождения догреческой апеллятивной и ономастической лексики.

Что касается происхождения суффиксальных чередований, то наряду с обычной для индоевропейских языков вариативностью суффиксов, следует отметить также и иные случаи. Прежде всего разная продуктивность отдельных словообразовательных моделей у разных языков догреческого субстрата могла привести к тому, что в греческой ономастике появлялись параллельные образования, заимствованные из разных, хотя и близкородственных языков (ср. *Петр-ов, Петр-енко, Петр-ич, Петр-овский* и т. п.).

Близок к этому случай, когда принадлежность слова к разным языкам проявляется в фонетических расхождениях; ср. βρόκος = βρουχός 'κῆρυξ' (Hesych.), κορυδός 'хохлатый жаворонок': κέρυθος 'хохлатая ржанка', καραβίς = κηραβίς 'краб'. Видимо, сюда же следует отнести более сложный случай ὄρακος 'вид гороха' и ῥορος 'горох (пример В. Георгиева; см. (Merlingen 1955, 6)), где κ и β, возможно, представляют собой рефлексы индоевропейского *g^u. В качестве источника чередования в отдельных случаях можно предполагать изменения, связанные с асиммилацией или диссимилацией. Таково, по-видимому, происхождение чередования суффиксов в случае Ἄραλος (город во Фракии): Ἄραρίς (приток Истра). Чередования -νθ: -μβ- и νθ: μλ- являются назализованными вариантами чередований -θ: -β- и -θ: -π-. Это видно из сопоставлений Κόρυνοθος (эпитет Аполлона): Κόρυμβος (ЛИ) и Κόρυθος (МИ): Κόρυβος (фриг. ЛИ), Ὀλυνοθος (город Фракии): Ὀλυμβος 'Олимп' и Γόρυθος (ЛИ): Γόρυμβος (ЛИ; gen. sing.).

ГЛАСНЫЙ ПЕРЕД СУФФИКСОМ

Вопрос о гласных перед разными суффиксами в догреческой ономастике обычно рассматривался лишь вкратце, подробно он как будто бы нигде не анализировался, если не считать отдельных частных сопоставлений. Прежде всего нужно отметить, что при передаче средствами греческого языка гласных того

или иного негреческого языка неизбежны были существенные колебания, которые могли усугубляться наличием словообразовательных вариантов в самом языке-источнике. Так, эпитет карийского Зевса *Λαβραυνδός* засвидетельствован в отношении гласного перед суффиксальным *-νδ-* в восьми (!) различных вариантах: *αυ, ααυ, αυυ, αιυ, αι, αε, ε, α* (Kretschmer 1896, 303). Малоазийское имя *Κενδηβας* передается средствами греческого языка то с *η*, то с *α*. *ε, αι* перед суффиксом *-β-* (Zgusta 1964, 222 ff.). Карийское ЛИ *Υσελδομος* встречается с гласными *ε, α* и *ω* перед *-λδ-* (Sundwall 1911, 480). Фракийский город *Ἀσβαρα* в разных греческих источниках имеет гласные *α, η, ο* перед суффиксом (Detschew 1957, 31). Город Фракии *Πίστυρος* наряду с *υ* может иметь перед суффиксом также *ι* и *ει*. Имя *Σλάρακιος* встречается с гласными *ο* и *ι* перед *κ* (Tomaschek 1894 (II,² 44)). Эти примеры можно было бы продолжать и далее.

Тем не менее в распределении гласных перед суффиксами имеются определенные закономерности. Прежде всего наиболее частотным является гласный *α*, долгота или краткость которого не во всех случаях может быть определена с достаточной надежностью (сюда, в частности, входит альфа, отражающая слоогообразующие носовые **m* и **n*). Поскольку *η* обычно является лишь вариантом долгого *α* (ср. *Παρνασσός* и *Παρνησσός*), можно сказать, что более чем в половине случаев перед суффиксом выступает гласный *α* или *η* (свыше 1 тысячи из 2 тысяч выборочных примеров). На втором месте идут гласные *υ* и *ι*, составляющие в сумме в полтора раза меньше примеров, чем гласный *α*. Еще реже встречаются гласные *ω, ε, ο* (соответственно 109, 92 и 54 примера).

Сочетаемость отдельных суффиксов с теми или иными гласными весьма различна. Естественно, что значительная часть суффиксов присоединяется преимущественно к гласному *α*. Однако суффикс *-σκ-*, например, соединяется с *α* только в одном случае (обычно он стоит после *ι*). Суффиксы *-ντ-*, *-ρν-*, *-π-* никогда не ставятся после *ι*, а первые два — и после *η*. Сравнительно часто суффикс *-π-* оказывается после гласных *ω* и *ο*,¹⁷ суффикс *-μν-* встречается преимущественно после *υ*. Лишь однажды после *α* засвидетельствован суффикс *-δων-*, ему чаще всего предшествует гласный *η*. Напротив, суффикс *-ζ-* никогда не употребляется после *η*. Суффиксы *-νθ* и *-νδ-* встречаются почти исключительно после *α, ι, υ* и никогда — после *η*. Нужно отметить также достаточно высокий процент образований на *-υλ-* и *-ων-* при весьма незначительном количестве примеров с *-ωλ-* и *-ον-*.

¹⁷ Именно на том основании, что перед *β* обычно не ставится *ω*, а перед *π* омега встречается достаточно часто, делался вывод о правильности формы топонима *Καβωπος*, а не *Καβωβος* (Et. Magn., 489, 25).

Эта выборочность сочетаний определенных суффиксов с теми или иными гласными, а также выборочность чередований, о которой речь шла выше, и создает ту специфику словообразовательной системы догреческой ономастики, которой она отличается от других систем.

Индоевропейский характер догреческой суффиксации проявляется во многом. Об этом прежде всего свидетельствуют соответствия в родственных индоевропейских языках: греч. *μῆτραξ* 'юноша' — др.-инд. *maṅyākāḥ* 'Männchen', фрак. ЭН Βέβρυκες — лит. *bebriūkai* 'бобрики' — др.-инд. *bábhrukaḥ* 'ихневмон' (ср. *bábhrukāḥ* 'коричневатый'), греч. ἄσταμος=ὄσταμος 'омар' (к ὀστέον 'кость') — др.-инд. *an-ásthakaḥ* 'бескостный' (к *asthán-kite*), греч. *λεῖμαξ*=лат. *limax*=др.-рус. *слимакъ* (с *s-mobile*) 'улитка' и др. (Wackernagel 1954, 516 f., 539; Schwyzer 1939. 56; Ewald 1924, 10; Locker 1932—1933, 97).

Производность образований с суффиксальным *-κ-* отчетливо видна на примерах типа *λόβρος* 'прожорливый' → *λόβραξ* 'прожорливая морская рыба', *οἶσος*=*οἶσαξ* 'ива', *μίλος*=*μίλαξ* 'тис', *ὄροβος*=*ὄρβραξ* 'вид гороха' и др. (Frisk 1970, 749). То же — при сравнении материала родственных языков: греч. *άλυκός*=рус. *солкий* (из **salukos*), др.-инд. *śunakāḥ* — лит. *šuniūkās* 'собачка' (во всех четырех случаях имеется простая основа — без суффикса *-k-*). В литературе отмечается чужеродный и изолированный характер производных с суффиксом *-κ-* в греческом языке (Chantraine 1933, 384), их широкое распространение во фракийском языке (Vlahov 1968, 262), указывалось также на возможность присоединения этого индоевропейского суффикса к неиндоевропейским основам (Chantraine 1933, 378).

Показательны и совпадения между гласными, стоящими перед суффиксом в разных индоевропейских языках. Так, если взять ономастику с суффиксом *-κ-*, то окажется, что варианты с *-ακ-* (редко *-ηκ-*), *-ικ-* и *-υκ-* составляют более 95% всех обследованных примеров (общее их число — 140). Те же три основных варианта *-ακ-*, *-ικ-*, *-υκ-* мы находим в древнеиндийском (Wackernagel 1954, 515—545), древнерусском (*-ак-*, *-ыц-*, *-ѣк-*), литовском (*-ák-*, *-ik-*, *-ūk-*) языках. Иногда разные гласные перед *κ* можно обнаружить в одном и том же языке, например: др.-рус. *юнакъ*, *юница*, *юньць* (*-āk-* : *-ik-* : *ik*). В других случаях разные языки используют формы с разными гласными перед суффиксом: лат. *calix*=греч. *κάλυξ* 'чаш(к)а' (Specht 1944. 146), чеш. *pták*=рус. *птица*, др.-инд. *vártikā*=греч. *ῥτυξ* 'перепел' (Wackernagel 1954, 540), греч. *βόρμαξ* 'муравей' (Hesyuch.)=лат. *formica*, умбр. *cornaco* (acc. sing.)=лат. *cornix* 'ворона' и др. Специфически фрако-македонской особенностью является гласный *ο*, спорадически встречающийся перед суффиксальным *κ* наряду с обычным *α*: фрак. ЛИ *Dinosus*, но *Dipasion* у Плавта (*Stichus*), фрак. ЛИ *Βιστοκος*, *Σάδοκος*, *Σίνδο-*

жос и др., ср. также первичный суффикс -ж- у фрак. ЛИИ Βαστακίλας и Βαστοκείλας (-ακ- : -οκ-) и македонскую глоссу βίρροξ·δασύ (Hesych.).

Индоевропейский характер производных с суффиксальным -λ- подтверждается такими соответствиями, как греч. (F) εἰδουλῖς 'осведомленный' — др.-прус. weidulis 'зрачок' — др.-инд. viduḡaḥ 'понятливый', все — к и.-е. *ueid- 'видеть, знать' (Бенвенист 1955, 66). С одной стороны, греч. ἀγκύλος 'кривой, изогнутый' имеет такие соответствия, как др.-в.-н. angul 'рыболовный крючок' и лат. angulus 'угол', а с другой — в самом греческом языке есть производное с тем же суффиксом, но с другим гласным перед ним: ἀγκύλη 'согнутая рука, локоть'. Суффикс -αλ-, -ηλ-, -υλ- широко представлен во фракийской (Vlahov 1968, 271) и карийской (Kretschmer 1933, 92 и др.) ономастике; ср. фрак. ЛИ Σαμυλος и кар. МН Σαμυλία, причем имена с гласными α и η перед λ обычно в греческом не встречаются — в отличие от фракийского, фригийского и карийского; ср.: фрак. ЛИΙ Βουβαλος, Πίτταλος — кар. ЛИΙ Κόνδαλος (видимо, = фриг. ЛИ Κόδαλος), Μάνδαλος (ср. Μάνταλος (город Фригии)); фрак. МН Σπορτηλα — кар. ЛИ Κυδρῆλος и др. Совпадают в догреческом (в частности, во фракийском и карийском) также и другие гласные перед суффиксальным -λ-, отсутствующие в греческих именах: фрак. Σπάρτωλος — кар. Ὑσσωλος, фрак. Ὀρολος — кар. Μαυσολος, ср. также фрак. Κοσωλος — кар. Σαμωος. Во фракийской ономастике часто встречаются имена на -ειλας, -ειλος, не засвидетельствованные в греческом и карийском ареале.

Один из наиболее характерных догреческих суффиксов -vθ-/-vδ- наряду с гласным α чаще всего употребляется после ι и υ (примерно в половине всех имеющихся случаев). Типичная особенность этого суффикса — частые колебания между гласными ι и υ перед суффиксом: Κόρινθος — Κόρυθος, Ὑάκινθος — Ζέκινθος, фрак. МН Ζήρινθος = Ζήρυθος, кар. МН Κάλινδα = Κάλυνδα и др. Было высказано весьма правдоподобное предположение о связи этих двух типов образований с древними -i- и -u-основами (Kretschmer 1940, 270 f.); ср. (Sprecht 1944, 155). Подобные же колебания гласных надежно засвидетельствованы также в апеллятивной лексике, особенно среди названий растений (Huber 1921, 18; Deroo 1956).

Против отождествления суффиксов -vθ- и -vδ-, которое было предложено еще в XIX в. и поддерживалось, в частности, П. Кречмером, выступил Дж. Чэдуик. С его возражениями можно согласиться в той их части, где он говорит, что суффиксы -vθ- и -vδ- принадлежат разным языкам (Chadwick 1976a, 187 f.), но не в том, что это вообще — разные суффиксы (1969b, 86). В последней работе (1969b) Дж. Чэдуик утверждает, что нет ни одного надежного примера, где эти суффиксы соединя-

лись бы с одним и тем же корнем (*ibidem*). П. Кречмер дает всего лишь два не очень убедительных примера: Πύρανθος — Buranda и Οἰάνθεια — Oeandenses (Kretschmer 1940, 247). Между тем можно привести целый ряд примеров, где -vθ- и -vδ- явно выступают как фонетические варианты одного и того же суффикса: Πύρινθος (город Карии) — Πυρινθεύς (его житель); Κανθόριον (МН — Самос) — Κάνδαρα (город Пафлагонии); (Про) βάλινθος (МН — Аттика) — (Εύρυ) βάλινθος (эпитет Диониса); Κόλυνθος ЛИ — Κάλυνδα (город Карии). Случаи подобной же вариативности встречаются не только в суффиксальной, но и в корневой части имени: Σίνθος = Σίνδος (город Македонии); ЛИИ Πάνθαρος, Πίνθαρος — Πόνδαρος, Πίνδαρος. Та же картина наблюдается и в апеллятивной лексике, где, в частности, греч. θ = макед. δ. Все эти факты говорят в пользу того, что -vθ- и -vδ- представляют собой фонетические варианты одного суффикса, а не два разных суффикса.

Колебания между ι и υ возможны и при других суффиксах, причем результаты этих колебаний могут быть противоречивыми, например: μορφός — μύρυχος 'темный', но κόσσυφος — κόψιχος 'черный дрозд'. Причем наличие этих же колебаний в корне догреческих имен говорит, видимо, о передаче звука типа ü, ср.: Τύνδαρ- и Τυνδαρ-, кар. ЛИ Σιδυλημις = Συδυλημις (Zgusta 1964, 464).

Имена с суффиксом -μ- чаще всего имеют перед суффиксом гласные α или υ, реже — ι: карийский теоним Ίμβραμος, фрак. МН Πέργαμον, МИ Πρόαμος, но города Карии Ίδυμος, Όλυμος, город Фракии Αἰσύμη, фриг. ЛИ Ορυμας, фрак. ЛИ Κοσιμος, ЛИ (Милет) Αἰδιμος. Среди апеллятивов негреческого происхождения с суффиксом -(α)μ- имеется большое количество названий растений и животных (Hesselmeyer 1885, 6—8; Huber 1921, 19, 9; Schwyzer 1939, 493 f), как, впрочем, и в случаях с другими догреческими суффиксами.

Много догреческих названий растений, имен собственных и других слоев лексики образовано с помощью суффикса -v- (Huber 1921, 19; Schwyzer 1939, 487 ff.). Здесь также гласный перед суффиксом может зависеть от гласного основы, ср. фрак. ЛИИ Μαντα и Μαντανις, Μαντις и МИ Μαντινεύς, МН Μαντίνεια (Аркадия). Для суффиксального -v- типичны такие словообразовательные связи, как ЛИИ Δάμων — Δαμήν, Αύσων — Αυσήν (Bechtel — Fick 1894, 28), Σιδάνη = Σιδήνη (Ptol., V, 6, 5), Κορώνη (город в Мессении) — Κορήνη (город в Элиде). Производным мужского рода с суффиксом -ων часто соответствуют производные женского рода на -αινα (Solmsen 1922, 130; Fraenkel 1935, 1638). Среди образований на -ην помимо фракийских имен типа Κεβρήν следует отметить фригийские апеллятивы έσρήν 'правитель, царь', κερήν 'трутень', ατήν 'раб', άζήν 'борода' (O. Haas 1966, 163). Во фракийской ономастике засвиде-

тельствовано около 200 образований на *-ανος, -ηνος*, не считая соответствующих форм женского рода (Vlahov 1963).

Для догреческих образований с суффиксом *-σσ-* наиболее частотными являются гласные *α, η, ι*, реже — *υ*. Весьма типичными у этих образований являются колебания типа *Παρνασσός* — *Παρνησσός* 'Парнас', *Τῶννησσός* — *Τῶννισσός* (город Карики), *Ὀδησσός* — *Ὀδυσσός* (город Фракии), а также *Ὀδυσσ-/Ὀδισσ-* (Fiesel 1928, 49). Реже встречается колебание между *α* и *ω* типа *Κερασός* (МН в Беотии) — *Κερωσσός* (о-в у Иллирии). О происхождении догреческого суффикса *-σσ-* речь пойдет в гл. IV.

Необходимо отметить также наличие в догреческой топонимике и антропонимике параллельных суффиксов *-αν-* и *-αιν-*, *-αθ-* и *-αιθ-*, *-αρ-* и *-αιρ-*, *-αστ-* и *-αιστ-*. Выше уже говорилось о неприемлемости попыток толкования некоторых из этих суффиксов как значимых слов. Э. Риш. греч. *μέλαινα* с полным на то основанием возводит к **melania* (Risch 1979, 269).¹⁸ Таково же было соотношение *νεαρός* и *νείαιρα*, *χίμαρος* 'козел' и *χίμαιρα* 'коза'. Наличие подобных пар, а также вариантов суффикса *-i-ος* и *-i-ι-ος*, видимо, находится в одном ряду с такими словообразовательными вариантами, как лик. ЛИИ *Ερμαστα* и *Ερμαιστα*, *Ερμασχος* и *Ερμαίσχος*. В этой связи едва ли верным будет выделение корня *αιθ-* у имен на *-αιθος* (вариант суффиксов *-αθος* и *-ηθος*). Ср. кар. ЛИ *Δύμαιθος*: ЛИ *Δύμαντος* (gen. sing.): ЛИ *Δύμαλος* и *Δύμηθος* (город в Сицилии): фриг. ЛИ *Δύμαντος* (gen. sing.): ЛИ *Δύμαλας*. В совершенно аналогичном словообразовательном ряду мы встречаем варианты суффикса *-αιθ-* и *-ηθ-*, первый из которых просто совпадает с корнем *αιθ-* 'гореть, пылать'.

Поскольку каждый суффикс обладает определенной спецификой сочетаемости с предшествующими гласными и тенденции этой сочетаемости могут как совпадать, так и расходиться, возможны два типа суффиксальных чередований: с одинаковыми и с разными гласными перед суффиксами. Эта особенность характерна для суффиксальных чередований во всех индоевропейских языках: лат. *veterānus* — *veterātus*, но *patālis* — *pativus*; др.-рус. *звѣрьныи* — *звѣрьскыи*, но *писарь* — *письць* и т. д. Та же картина наблюдается в догреческой ономастике: *Μυρσίχη* (МН во Фракии) — *Μυρσίχος* (ЛИ), но *Ἄρταχος* = *Ἄρτισχός* (река во Фракии). Полную аналогию для последнего чередования (*-ak-*: *-isk-*) мы находим в др.-инд. *mastakāḥ* 'черепа' — *mastīskāḥ* 'мозг'.

Чередование *υ*: *ρ* также засвидетельствовано не только в виде *Παλαμνος* эпитет Зевса (Вифиния) — *Παλαρος* (кар. ЛИ),

¹⁸ В отличие, например, от Ф. Бехтеля, который всюду у образований на *-ανος* стремится видеть греч. *αἶνος* 'похвала' (Bechtel 1917, 27).

Τίτανος (гора в Фессалии) — Τίταρον (город Фессалии), но также: Πίστων (ЛИ — Крит) — Πίστειρα (город Фракии), Κάμων (ЛИ — Лесбос) — Κάμειρος (город на Родосе). Ср. из апеллятивной лексики: πέπων m. — πέπειρα f. 'зрелый, -ая', πῶν m. — πείρα f. 'жирный, -ая' (Бенвенист 1955, 43). Аналогичная картина наблюдается при чередованиях λ:ν. С одной стороны, фрак. ЛИΙ Διζαλας — Διζανος, лик. ЛИΙ Ιμβραλος — Ιμβρανος, кар. ЛИ Μανδαλος — город Киликии Μανδάνη, с другой: Μανδρόλος (ЛИ — Эфес) — Μάνδρων (фрак. ЛИ), Νοσσόλος — Νόσσων (ЛИИ — Кос), Σαμυλος (фрак. ЛИ) — Σαμώνιον (ΜΗ — Крит). Имя отца Вакхилида засвидетельствовано в двух формах: Μειδύλος и Μείδων. И все это — не единичные примеры, а лишь образцы тех чередований, которые были типичны для палеобалканской ономастической и апеллятивной лексики (ср. для последнего чередования: греч. ἄγκύλος 'кривой' и ἄγκών 'локоть, изгиб').

Таким образом, выборочная сочетаемость отдельных суффиксов с теми или иными гласными вместе с выборочным характером суффиксальных чередований и с различием словоизменительных моделей (ср. Μειδύλος и Μείδων) создают ту специфическую картину, которая и отличает словообразовательную систему палеобалканской ономастики от любой другой системы.¹⁹

ГРЕЧЕСКОЕ И НЕГРЕЧЕСКОЕ

Изложенная выше гипотеза, согласно которой греческий язык генетически был близок к группе родственных палеобалканских языков, заставляет пересмотреть целый ряд вопросов, связанных с отношением греческих и негреческих элементов в апеллятивной и ономастической лексике греческого языка.

Прежде всего в лингвистических работах о догреческом субстрате помимо образований с суффиксальными -νθ/-νδ- и -σ-к догреческому слою лексики относятся производные с суффиксами -κ-, -λ-, -μ-, -ν-, -ρ- и др., причем эти суффиксы подчас так и именуются «догреческими». Возникает естественный вопрос: что же в таком случае остается от греческого языка, от греческого словообразования и лексики? В то же время едва ли можно сомневаться в том, что такие названия растений с перечисленными суффиксами, как ὄλυνθος, κυλάρισσος, σμίλαξ, φάσηλος, κόμπος, κόστανον, κόλπειρος и др., действительно, являются негреческими. Списки негреческих образований подобного типа — весьма обширны и отнюдь не ограничены названиями растений. Но это совсем не значит, что в греческом языке не было своих исконных образований, например, на -αξ, -ηλος,

¹⁹ Ср., например, в литовской гидронимике: Beržiena, Beržinis, Beržūnà, Beržuonà, Beržuolė, Beržėlis, Beržytė, Beržotis, Beržūtė и др. (Vanagas 1970, 300), где мы также не найдем адекватной сочетаемости суффиксов и предсуффиксальных гласных за пределами литовского (балтийского) ареала.

αμος, -ανος, -αρος. Отдельные суффиксальные модели могли и, видимо, даже должны были иметь разную продуктивность в греческом и в палеобалканских языках. Это явление хорошо известно даже в языках, находящихся в очень близком генетическом родстве, ср., например: рус. *сеятель* — укр. *сіяч, проситель* — *прохач, деятель* — *діяч* и др. Значит ли это, что агентивный суффикс *-ач* является «нерусским»? Конечно, нет (ср. *толчач, трепач, ткач* и др.). Несколько иной случай: рус. *осиротевший* — укр. *осиротілий, помертвевший* — *помертвілий* и др., где в украинском языке отсутствуют соответствия русским причастиям на *-вший*. Также и русские причастия типа *несомый*, имеющие точные соответствия в балтийских языках (лит. *pėšamas*), утратили свою продуктивность в украинском языке, хотя в нем и остались отдельные его реликты типа *знайомий*.

Если даже у двух таких близких языков, как русский и украинский, имеются существенные расхождения в продуктивности разных словообразовательных моделей, то расхождения между отдельными палеобалканскими языками и греческим языком, по-видимому, были еще более значительными. В то же время, как и у всякой другой индоевропейской группы родственных языков, у них должна была быть общая греческо-палеобалканская словообразовательная основа, на базе которой сформировалась словообразовательная система греческого и каждого отдельного палеобалканского языка. При такой постановке вопроса некорректными оказываются все попытки установить, что является «истинно греческим», а что — «негреческим» в ономастике Балкан, Эгеиды и западной Малой Азии. Ибо это было бы равносильно попыткам установить, что является «русским», а что — «нерусским» в лексике, например, литовского или чешского языка. Дело усугубляется еще и тем, что нам известны родственные русскому славянские и балтийские языки, а из древних языков Балкан нам хорошо знаком только греческий. Поэтому мы сравнительно легко можем отделить собственно русские слова от восточнославянских, общеславянских и балтийских, чего нельзя сделать применительно к греческому языку по отношению к палеобалканским языкам из-за фрагментарности наших сведений о последних.

Между тем «эллиноцентрический» подход к изучению палеобалканской ономастики приводит обычно к тому, что разграничение «истинно греческого» и «негреческого» провозглашается основной задачей ономастических исследований данного региона.²⁰ Естественно, что при этом, как и в археологических ра-

²⁰ "The capital problem will be whether the name in question is Greek or not" (Zgusta 1956, 94); "Unsere Hauptaufgabe war das Echthgriechische vom Vorgriechischen zu schieden" (Georgiev 1966d, 266).

ботах, провести грань между греческим и негреческим оказывается делом очень трудным, а подчас невозможным.²¹

В последние десятилетия особенно четко стала проявляться тенденция безоговорочно объявлять «греческим» все то, что совпадает в греческом и негреческом, что, согласно изложенной выше концепции, может быть также и палеобалканским. При этом основанием для этого обычно служит наличие «греческой» этимологии у имени или засвидетельствованный в греческом языке (включая словарь Гесихия!) соответствующий апеллятив. Так, О. Массон полагает, что многие из имен, традиционно считавшихся карийскими, на самом деле являются греческими. Например, *Καλαβότης* — к греч. *ἑσκαλαβότης* 'вид ящерицы', *Γρίσων* — к *γρίσωνος* (Hesych.), *Μίκθος* — к группе *μικρός* (Masson 1959, 162). В. Георгиев считает греческими еще более обширные слои явно негреческой ономастической лексики: "Ακανθος, "Ολυθος, Μυρίνα, Σικύον, Καλυδών, Κάλυμα и мн. др. Основанием для подобного вывода также служит возможность греческой этимологизации у этих топонимов или наличие соответствующих апеллятивов: *ἄκανθος* 'акант', *ὄλυθος* 'зимняя фига', *μυρίς* 'гриб', *σίκυος* 'огурец' и т. д. (Georgiev 1961, 40—50; 1973b; 1974a, 246 и др.). Ту же тенденцию мы находим в работах других исследователей (например (Robert 1963; Zgusta 1964, 680—684)).

Однако всякие ссылки на «греческую» этимологию догреческих имен и на явно заимствованную апеллятивную лексику нельзя признать убедительными даже в тех случаях, когда и словообразовательная модель не чужда греческому языку. Иначе с таким же успехом можно было бы, например, ЛИ *Розина* объявить «русским» и дать ему «русскую» этимологию, ибо в русском языке есть слово *роза* и суффикс *-ин(а)*. Вообще ссылаться на словарь Гесихия для доказательства «греческого» происхождения имени в какой-то мере равносильно ссылке на словарь иностранных слов для доказательства «русской» этимологии слова.

Уже давно было замечено, что греки героической эпохи носили почти исключительно негреческие имена (см., например (Myres 1930, 310)). В классическую эпоху большая часть греческой ономастики также была негреческой (Chadwick 1967, 273). В Греции было «очень мало чисто греческих имен» (Chadwick 1969a, 10). Даже те личные имена и топонимы, которые по-гречески что-то значат, могут оказаться догреческими, в какой-то мере переосмысленными под воздействием народной этимологии (Chadwick 1969a, 10; 1969b, 83).²²

²¹ См., например (Long 1958, 303; Boardman 1964, 240 (археология); Zgusta 1964, 181 (о малоаз. Πλάζ — греч. Πλάζ)).

²² Здесь всюду даны ссылки на Дж. Чэдунка, ибо этот ученый отнюдь не склонен преувеличивать роль догреческого субстрата в формировании греческого языка.

Но еще важнее другое. Очень часто там, где нам имя представляется «чисто греческим», оно на самом деле является палеобалканским. И это имя предстало бы в совершенно ином свете, будь нам хорошо известны такие языки, как фракийский, фригийский, македонский, карийский. Если бы из всех славянских языков мы знали бы только один русский, а в остальном располагали бы только определенным количеством собственных имен, нам, естественно, сербохорв. ЛИ *Миланка* представлялось бы «чисто русским» именем, ибо в русском языке имеются и корень *мил-*, и суффиксы *-ан-* и *-к(а)*. То же самое можно сказать об именах *Болеслав*, *Драгомир* и о многих других западно- и южнославянских личных именах, не говоря уже об апеллятивной лексике.

Иногда «эллиноцентризм» при рассмотрении догреческой ономастики принимает утрированные формы. Так, ЛИ *Ἐριμᾶς* объявляется «греческим», образованным от имени бога (Robert 1963, 38 sq.; Zgusta 1964, 684), хотя самый теоним, от которого произошло это имя, — негреческий. Для доказательства «греческого» происхождения типично карийского ЛИ *Ἀρβυλῆς* Л. Робер и Л. Згуста ссылаются на позлвную глоссу (Suida) *ἄρβυλῆ τὸ ἄλδῆμα* (Robert 1963, 38; Zgusta 1964, 680). Бесспорно-фракийские ЛИИ *Κέθων* и *Κοθινᾶς* Л. Згуста считает «греческими» из-за глоссы Гезихия *κοθῶ βλαβή* (Zgusta 1964, 390). С таким же успехом можно было бы объявить «греческим» топонимом *Πρυμνησσός* (город Фригии) (ср. греч. *πρῶμνη* 'корма', *πρῦμνός* 'крайний', *πρῦμνήσιον* 'причальный канат'). Однако структура корня у слова *πρῶμνη* — типично догреческая (**ṛ* > *υ*), ср. кар. ЛИИ *Τύμνης*, *Συόμνος*, кар. МНН, *Τύμνησσός*, *Κάλυμνα*. МИ *Πρυμνῶ* и имя корибанта *Πρυμνεύς* являются догреческими как по структуре корня, так и по словообразовательным моделям.

Сквозь греческую призму рассматривается обычно также и фригийский материал. Так, по мнению В. Порцига, «особые соответствия греческого с фригийским, которые не были бы подозрительно похожи на заимствования, отсутствуют» (Порциг 1964, 229). И. М. Дьяконов неоднократно писал о большом количестве грецизмов во фригийском языке (Дьяконов 1968, 205; 1972, 7; Дьяконов — Нерознак 1977, 182, прим. 72; 185, прим. 88). Причем в число фригийских «грецизмов» попадают нередко слова явно негреческие: *wanakt-*, *πέλτα* и др. Так, греч. *πέλτη* 'фракийский щит' — это, по-видимому, палеобалканское слово. Возможно, что оно было заимствовано фригийцами и греками у фракийцев. Фриг. *Arkiaewais* И. М. Дьяконов и В. П. Нерознак считают заимствованием из греческого — от ЛИ на *-εως* (loc. cit.). Но все дело в том, что личные имена на *-εως* являются догреческими по своему происхождению (см. Введение, прим. 5), т. е. направление заимствования скорее могло быть обратным. Кстати, во многих работах отмечается тот факт,

что Платон в «Кратиле» (409D—410A) пишет о наличии во фригийском языке слов, звучащих сходно с греческими словами (πῶρ, ὄδωρ, κῶων). Но при этом обычно не обращается внимания на то, что Платон считал эти слова заимствованными из фригийского в греческий, а не наоборот.

Вообще получается довольно странная картина: все признают, что значительная часть греческой апеллятивной и ономастической лексики была заимствована из негреческого языка (или языков), когда же мы встречаем одинаковые слова в греческом и каком-то негреческом языке, у нас сразу же возникает мысль о заимствовании из греческого. Психологически это вполне объяснимо стремлением идти от известного к неизвестному. Поскольку нам известен греческий язык, а неизвестны палеобалканские языки, мы невольно стремимся объяснить последние исходя из греческого, хотя при этом реальная историческая перспектива предстает в явно искаженном виде. Если бы исторические судьбы греков и фригийцев сложились иначе, если бы до нас дошла богатая фригийская литература, а от греков сохранились бы лишь отдельные собственные имена и несколько десятков кратких надписей, мы невольно заняли бы «фригоцен-трическую» позицию, объясняя все греческое из фригийского. На самом же деле, с точки зрения излагаемой гипотезы, многие общие черты, присущие греческому и, например, фригийскому языку, должны объясняться не только взаимным (не односторонним!) влиянием, разнонаправленным в различные исторические эпохи, но и исконным родством греческого и фригийского, т. е. общие черты могут оказаться не греческими и не фригийскими, а греческо-палеобалканскими.

Именно этим можно объяснить и «чисто греческие» имена троянских героев. Вопрос об этих именах уже давно вызывал недоумение у исследователей. В самом деле, имена троянцев и троянских союзников выглядят чуть ли не «более греческими», чем имена ахейцев (J. Cook 1967, 107). «Или поэты сознательно подменяли чужие имена греческими, или правители Трои были греками», — говорилось в одной из старых работ, причем автор был склонен принять последнее предположение (Vigu 1916, 18); ср. (Chadwick 1967, 273). Эта точка зрения получила довольно широкое распространение (Probonas 1976, 215; Bryce 1977, 27), в том числе среди сторонников малоазийского происхождения греков.

Однако фрако-фригийская, а не греческая принадлежность языка троянцев в настоящее время едва ли может вызывать сомнения.²³ Что касается имен собственных, то Гомер очень точен в передаче фракийских, фригийских и других «варварских» топонимов и этнонимов. Поэтому было бы странным, если бы

²³ В этой связи вызывает удивление утверждение В. П. Нерознака о том, что троянцы — народ «хетто-лувийского происхождения» (Нерознак 1978, 21).

соответствующие антропонимы и теонимы он заменял бы греческими. Только общность греческого и троянского пантеона, греческо-палеобалканская общность теонимов могут объяснить, как «греческие» боги Афродита, Аполлон и Арес могли оказаться на стороне греческих врагов — троянцев.

Уже давно было обращено внимание на частое совпадение македонских личных имен с троянскими. Что касается македонских династических имен (Ἀλέξανδρος, Κάσσανδρος), то еще О. Гофманн, возражая У. Виламовицу-Мёллендорфу, отметил, что их нельзя рассматривать как стремление македонского царского дома давать своим правителям греческие имена, ибо ни "Weiberheld" Александр—Парис, ни "Unglückseherin" Кассандра не считались греками—ни в Греции, ни в Македонии (Hoffmann 1906, 119). Как уже было отмечено в литературе, особенно часто личные имена, совпадающие с троянскими, встречаются не в Аттике и не на юге, а на севере Греции и в Македонии (Macurdy 1919, 63 sqq.). Здесь так же, как и в случае с греческо-малоазийскими топонимическими изоглоссами, в качестве «эпицентра» следует рассматривать район Фракии (ср. Macurdy 1919, 67) — в полном соответствии со свидетельствами античных авторов и с археологическими данными.

Подобный подход к вопросу позволяет, как мне кажется, устранить крайности суждений, сводящиеся к признанию троянских личных имен вымыслом поэта или к тому, чтобы считать троянцев греками.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЙ

Многочисленные совпадения между топонимикой Эллады и западной Малой Азии были замечены давно. Теоретически эти топонимические изоглоссы можно объяснить тремя разными способами: 1) миграцией с запада на восток; 2) переселениями с востока на запад; 3) передвижениями населения из общего третьего источника. Господствующей среди лингвистов является вторая точка зрения. В соответствии с изложенной выше гипотезой эти изоглоссы — результат миграции догреческих индоевропейских племен из области северо-восточных Балкан на юг (в Грецию) и на юго-восток (в Малую Азию), а также — итог вытеснения карийцев греками из Эллады и с Эгейских островов в Малую Азию.

Однако все эти общие соображения нуждаются в подкреплении конкретными аргументами. Этимология в данном случае является слишком субъективным и малонадежным орудием. Так, «дежурный» пример с хетто-лувийской этимологией топонима Παρφασσός приводит Л. Палмера к выводу о лувийском «вторжении» из Малой Азии, а Дж. Чэдвик считает, что каппа-

докийский топоним того же имени вполне мог быть принесенным в Малую Азию греками, как и одноименный топоним в Бактрии (Chadwick 1969b, 85).

Иное дело — если обратиться к словообразованию. Наряду с топонимическими изоглоссами, представляющими собой цельнолексемные совпадения имен, имеется немало таких случаев, когда в одном ареале мы находим простую, а в другом — производную топонимическую основу. При сопоставлении балканского (в первую очередь — фрако-македонского) и малоазийского (в значительной мере — карийского) ареалов обращает на себя внимание тот факт, что во многих случаях простую основу мы находим на Балканах, а производную — в Малой Азии: Ἄσσα (город Фракии) — Ἀσσησσός (город Карики), Βῆβαι (город Фракии) — Βῆβασσος (город Карики), Σίνδος (город Македонии) — Σινδησσός (город Карики). Та же картина наблюдается и у производных с другими суффиксами: Πάσσα (город Фракии) — Πάσσανδα, Πάσσαλα (МНН в Карики) (подробнее об этом см. (Откупщиков 1973, 21 сл.)). Поскольку вторичный характер производных топонимов сравнительно с простыми не вызывает сомнений, можно выявить направление миграции носителей языка этих топонимов, не прибегая к рискованным этимологическим догадкам, которые на каждом шагу противоречат одна другой. Имеющийся в нашем распоряжении топонимический материал вполне однозначно указывает на распространение догреческой топонимики из фрако-македонского ареала в двух направлениях: в сторону западной Малой Азии и на юг — в Элладу и на Эгейские острова.

* *
*

Анализ ономастической словообразовательной системы, а не атомарный и произвольный набор корневых этимологий, поиск которых заранее направлен в сторону того или иного языка, должен привести к максимальной объективизации исследования и, в конце концов, — к установлению этнической и языковой принадлежности носителей языка или языков догреческого субстрата. Поскольку в настоящей книге суммируются результаты многолетней работы автора и часть ее выводов была уже опубликована в серии статей, структура книги, естественно, не повторяет самый ход работы, а основные ее выводы были даны уже во «Введении».

Вместе с тем изложенные принципы ономастического анализа останутся всего лишь общими принципами до тех пор, пока с их помощью не будут приведены аргументы в пользу предлагаемой гипотезы о том, что основой догреческого субстрата послужила группа родственных палеобалканских языков.

Глава IV

ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ДОГРЕЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

О генетической близости фракийского и фригийского, греческого и македонского, а также всех этих языков, вместе взятых, писалось уже неоднократно (см., напр. (Беввеннет 1959, 105 — автор добавляет также армянский язык)). Более того, еще в середине XVIII в. Н. Фрерэ, детально проанализировав свидетельства античных авторов и данные мифологии, высказал идею, близкую той, которая лежит в основе настоящей книги.¹ Он пришел к выводу, что фракийский, фригийский, македонский, карийский и некоторые другие малоазийские языки представляли собой диалекты одного языка, распространенного от бассейна Дуная до Сирии на юге и до Мидии на юго-востоке. Греческий язык был только одним из этих диалектов (Fréret 1809, 69 sq., 101, 106 sq., 122). Историки отмечали исключительную близость или даже идентичность материальной культуры древних фракийцев, фригийцев и греков (Hood 1973, 50). Высказывалось также мнение о близком родстве карийского и фригийского языков (Meyer 1886, 200; Ramsay 1888, 350, 370). Однако в последние годы господствующей стала гипотеза об анатолийской принадлежности карийского языка. Именно поэтому в дальнейшем особое внимание будет уделено фракийско-карийским и греческо-карийским соответствиям. Ибо доказывать наличие балкано-малоазийских изоглосс фрако-фригийского происхождения — значит ломиться в открытую дверь: эти изоглоссы были хорошо известны еще Страбону.

¹ Работа Н. Фрерэ, оформленная сначала в виде лекции (1746 г.), была полностью опубликована только в 1809 г.

СТРУКТУРА КОРНЯ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Одной из наиболее заметных, бросающихся в глаза особенностей фонетики языков догреческого субстрата являются рефлексы $\upsilon\rho$, $\upsilon\lambda$, $\upsilon\mu$, $\upsilon\nu$ соответствующих слогообразующих сонантов. Это придает специфическую окраску самой структуре корня в области как ономастической, так и апеллятивной лексики. Здесь наиболее четко прослеживается граница между греческим и негреческим, ибо в греческом языке слогообразующие сонанты отражаются (без учета метатезных форм) в виде $\alpha\rho$, $\alpha\lambda$, α . Если учесть известное индоевропейское чередование $*e/*o$ /нуль, то варианты корня, например, с чередующимся сонантом $*eg/*og/*g$ приобретут в греческом языке форму $e\rho/or/\alpha\rho$, а в негреческом — $e\rho/\alpha\rho/\upsilon\rho$. Аналогичной будет картина и с другими сонантами.

Ясно, что рефлекс $*eg$ совпадает в обоих случаях, $*og$ дает разные результаты вследствие изменения $*o > a$, типичного не только для палеобалканских, но и для других индоевропейских языков. В то же время нулевая ступень огласовки ($\alpha\rho$) в греческом совпадает с рефлексом $*og$ в палеобалканских языках. Это, естественно, осложняет общую картину, «размывая» в ряде случаев границу между греческим и негреческим и затрудняя словообразовательный и этимологический анализ. Нужно также иметь в виду, что не каждое $\upsilon\mu$ или $\upsilon\nu$ представляет собой отражение слогообразующего сонанта. Как показывает сопоставление глагола $\tau\acute{o}\pi\text{-}\tau\text{-}\omega$ 'бью, ударяю' и существительного $\tau\acute{o}\text{-}\mu\text{-}\pi\text{-}\alpha\nu\omega\nu$ 'бубен, барабан', лат. $fu\text{-}n\text{-}d\text{-}us$ и $\pi\acute{o}\text{-}\nu\text{-}\delta\text{-}\alpha\xi$ 'дно', μ и ν здесь являются инфиксами, а не частью рефлексов $\upsilon\mu$ и $\upsilon\nu$.

Полностью чередование $*eg : *og : *g$ засвидетельствовано в случаях: $\text{Перу-} : \text{Паρυ-} : \text{πυρυ-}$ (van Windekens 1952, 131); $\text{Κερ-}\nu\alpha\varsigma$ (писид. ЛИ) : $(\text{Άλι})\kappa\alpha\rho\nu\alpha = (\text{Άλι})\kappa\upsilon\rho\nu\alpha$ (МН в Этолии); Λέρνη (озеро в Арголиде) : Λαρνησσός 'Парнас' : Λυρνησσός (город в Троеде) (ср. $gu\text{-}na\text{-}so$ в табличках линейного письма Б); Μερμησσός (город в Мисии) = Μαρμησσός = Μυρμησσός . Соотношение между негреческим и греческим отчетливо проявляется в глоссе Гесихия $\kappa\prime\rho\nu\alpha : \kappa\rho\nu\nu\prime\alpha$ 'кизиловое дерево', а также в ономастических основах типа $\Theta\upsilon\rho\sigma\text{-} : \Theta\alpha\rho\sigma\text{-}, \Theta\rho\alpha\sigma\text{-}$. Причем индоевропейский характер чередований, засвидетельствованный также для корней с другими сонантами, едва ли может вызывать сомнения.²

Очень важно, что рассмотренные особенности структуры сонантного корня типичны не просто для «догреческой», а кон-

² Два изолированных примера с чередованием $e : \upsilon$ в положении не перед сонантом, разумеется, не может служить доказательством неиндоевропейского характера этого чередования; см. (Furgée 1972. 65. Апп. 270).

кретно для фракийской, фригийской и карийской ономастики, являясь общей чертой всех этих языков. Так, во фракийской ономастике мы имеем Ζεμδρηνός и Ζυμδρηνός, во фригийской — Τέμβριον=Τύμβριον (город Фригии), в карийской — Θεμβρία:Θυμβρία (МНН Кари). В ряде случаев разные ступени огласовки корня распределяются между разными языками: фрак. ЛИ Σκέμνας — кар. ЛИ Σκόμνος;³ кар. ΜΗ Θεμβρία — фриг. ΜΗ Θύμβρα. Характерно, что наряду с фракийскими, фригийскими и карийскими именами в общих с ними чередованиях участвуют мифологические имена: Πρεμνουσία (имя нимфы) — Πράμνος (МН на о-ве Икария, к западу от Кари) — Πρυμνεός. (ЛИ феака, имя корибанта (Фригия)), Πρυμνησσός (город Фригии); Τέρτα (город Фракии) — Τέρταρος (река в Фессалии, ΜΙ) — Τυρταίος (ЛИ). См. также кар. ЛИ Σκόλαξ и ΜΙ Σκόλλα, Λάρυμνα (города Беотии, Локриды и Кари) — ΜΙ Λάρυμνος и мн. др.

Одним из наиболее сложных и запутанных вопросов при изучении палеобалканских языков является вопрос о сатемной или кентумной принадлежности фракийского и фригийского языков. Ответы на него до сих пор остаются неоднозначными, причем все чаще повторяется идея о непоследовательной сатемности языков палеобалканского региона.⁴ Видимо, следы этой непоследовательности можно обнаружить и в догреческой ономастике, где едва ли можно объяснить только случайным совпадением такие пары, как 'Αλίκαρνα (МН на Эвбее) — 'Αλίσαρνα (город Мисии), 'Αλίκυρνα (МН в Этолии) — Σύρνα (город Кари), Κάλυνθος (ЛИ) (ср. Κάλυνδα — город Кари) — Σαλύνθιος (ЛИ — Акарнания), Σῶκος, Σωκόλος, Σώκιλος — Σῶσος, Σωσύλος, Σώσιλος (ЛИИ) и др.

Одной из наиболее характерных особенностей палеобалканской фонетики было обилие гласных, о чем мы можем судить и по свидетельствам античных авторов, и по надписям, и по дошедшим до нас в греческой передаче именам. Так, об обилии гласных во фригийском и карийском языках пишут Цицерон (Orator, 25, 27, 57) и Евстафий (Eustath., Dion., 791). Эти свидетельства и анализ карийских имен в греческой передаче привели исследователей карийского языка к выводу о том, что он был богат гласными (Sundwall 1927—1928, 336: "vokalreich"; Brandenstein 1935, 140: "vokalreich"; Kretschmer 1940, 243: "Sehr vokalreich"; Heubeck 1961, 29).⁵

³ Ср. апеллатив σκόμνος 'львенок'. Σκέμνας: Σκόμνος=Πέργαμον: Πύργος (чередование *e: нуль). ЛИ Σκόμνος широко представлено в надписях Кари (L. et J. Robert 1954, 182 sq.).

⁴ В частности, В. П. Нерознак считает, что колебания с отражением палатальных перед сонантом — это «самый существенный палеобалканизм» (Нерознак 1978, 18).

⁵ Совершенно несостоятельным является голословное утверждение о «явном преобладании» согласных над гласными в карийском языке (Шевошкин 1965а, 164 сл.), ср. (Дьяконов 1967, 243, прим. 16).

Обилие гласных в карийском языке надежно подтверждается греческими передачами карийских имен, а также, как мы увидим ниже (см. гл. VI), карийскими надписями. В. Бранденштейн в качестве примера, подтверждающего *Vokalreichtum* карийского языка, приводит имя $\Upsilon\sigma\omega\iota\eta\varsigma$ (Brandenstein 1935, 141). Однако здесь йота вполне могла обозначать согласный звук. Поэтому более показательно, например, название карийской сингении $\Sigma\alpha\omega\upsilon\epsilon\iota\varsigma$ (Laumonier 1958, 156, № 1). Поскольку нам неизвестно реальное произношение карийских, фракийских и фригийских имен и мы знаем лишь их письменную фиксацию средствами греческого языка, быть может, в отдельных случаях точнее было бы говорить не о звуках в самом языке-источнике, а о буквах в греческих передачах этих имен. И здесь преобладание гласных во многих случаях будет несомненным; ср. кар. ЛИ $\Sigma\alpha\omega\upsilon\omega\varsigma$, $\text{O}\omega\omega\eta\epsilon\upsilon\varsigma$, кар. МН $\Lambda\acute{\upsilon}\epsilon\iota\alpha$ и др.

Та же особенность фракийского вокализма нашла свое отражение в «Птицах» Аристофана, где фракийский трибалл греч. $\kappa\acute{\omicron}\rho\eta\nu$ произносит $\kappa\acute{\omicron}\rho\alpha\nu\alpha$ (Aristoph. Av., v. 1678), ср. также $\iota\alpha\upsilon\alpha$ (Aristoph. Acharn., v. 104). Во фракийской надписи из Езерова количество гласных превосходит число согласных (см., например, (Георгиев 1977, 105 сл.)); на крупнейшей надписи с о-ва Самофракия — 26 гласных и только 19 согласных (Bonfante 1955, 102). Свидетельство Цицерона о характере фригийского вокализма также подтверждается эпиграфическим материалом: фриг. -eiwais, ewio, kakuio (Нерознак 1978, 82 сл. — независимо от правильности или ошибочности принятого автором словораздела). Хорошо известно, что и греческий язык также содержал большое количество гласных. Примеры типа $\gamma\omicron\omega\omega\sigma\alpha$ (II., XXIII, 106) или $\acute{\alpha}\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon$ (II., XIV, 271) отнюдь не чужды греческому языку. Конечно, подобные скопления гласных стали результатом ряда фонетических изменений, в первую очередь — следствием выпадения интервокальных υ , ι , ϵ в греческом языке. В отличие от греческого υ между гласными сохранялось в карийском (ЛИ $\Sigma\alpha\omega\upsilon\omega\varsigma$ = * $\Sigma\alpha\omega\upsilon\omega\varsigma$), не вполне последовательно отражалось во фракийском (Дуриданов 1976, 99; Георгиев 1977, 168) и фригийском, где старофригийские надписи, видимо, сохраняют интервокальное υ , а в новофригийских текстах оно исчезает (ср. ст.-фриг. $\acute{\alpha}\epsilon\omega\omega\varsigma$ и н.-фриг. $\acute{\alpha}\epsilon\omega\omega\varsigma$; Нерознак 1978, 82).

Сложным является вопрос о судьбе интервокального ϵ в палеобалканских языках. Во фракийском, кажется, можно говорить о его озвончении (Дуриданов 1976, 104 л.; Георгиев 1977, 173), но в одной из фракийских надписей засвидетельствовано слово $\epsilon\tau\epsilon\sigma\alpha$ = греч. $\acute{\epsilon}\tau\eta$ < * $\epsilon\tau\epsilon\sigma\alpha$, где интервокальное ϵ в отличие от греческого сохраняется, причем не озвончаясь. Одни исследователи считают, что во фригийском языке ϵ между гласными сохранялось ($\epsilon\upsilon\epsilon\sigma\iota\tau$, $\zeta\epsilon\mu\epsilon\lambda\omega\sigma\iota$, $\delta\iota\sigma\iota\nu$; О. Haas 1966, 217),

другие же полагают, что «интервокальное *-s- безусловно исчезло» (без примеров: (Дьяконов — Нерознак 1977, 172, прим. 14)). Правда, приведенные О. Хаасом примеры относятся к случаям, когда и в греческом языке удерживается интервокальная сигма; ср. фриг. εγεσιτ и греч. τελέσω (будущее время), фриг. διισιν и гомер. θεοῖσιν (Dat. Plur.).⁶ Во всяком случае, общая тенденция палеобалканских языков к преобладанию гласных была, по-видимому, обусловлена сходными причинами, связанными с общностью их происхождения.

Важно подчеркнуть, что палеобалканские языки объединяет не только самый факт обилия гласных, но и общие типы их сочетаний. Так, фрак. Ἀχελῶος (река), прилагат. Θρακῶος (омега — с подписной йотой и без нее) совпадают по типу образования с кар. ЛИ Σαμῶος; ср. также Кῶος (от названия карийского острова Кῶς). Засвидетельствованное у Аристофана фракийское произношение κῶραυνα (=дор. κῶραν) сходно с кар. ΜΗ Λάβραυνδα (=Λόβραυνδα) и с фриг. κακουν (=греч. κακόν). Вообще дифтонг αυ широко представлен как во фракийской, так и в карийской ономастике (ср., напр., фрак. ЛИΙ Τιταμαυος, Siamaus и кар. ЛИ из Египта Σαμαυς). Редкий для греческого языка и новый для него дифтонг υι; ср. μυῖα < *μυῖα (Blass 1888; 20; Schwyzer 1939, 73), надежно засвидетельствован во фригийском (ст.-фриг. kakuioi, см. (О. Haas 1966, 181)) и в карийском (Еκωιω — надпись F 13а). Этот же дифтонг мы находим у кар. ΜΗ Καδύιη (Fick 1905, 18) и кар. ЛИ Θεκωιλος (Sundwall 1950, 20). Сходное скопление гласных, отражающее близкие словообразовательные типы, можно отметить у ст.-фриг. kanut-ieiw-ais (A 14) и кар. Ат-ιει F-εω (F 19).

Палеобалканские языки объединяет также целый ряд фонетических особенностей, суть которых заключается в колебаниях («чередованиях») гласных а/о, а/е, е/і.

КОЛЕБАНИЯ МЕЖДУ а и о (ō)

Фракийские примеры: Λευκανία = Λευκωνία (Самофракия), ЛИ Δαλεπορις = Δωλεπορις, Ἄρδησσός = Ὀρδησσός (приток Истра), ΜΗ Σπορτηλα : ЛИ Σπάρτωλος, ЛИ Καμασαρβη = Κομοσερβη.⁷

Фригийские примеры: Κολασσαί = Κολοσσαί (город Фригии), ЛИ Νάγνα : Νόγνης, ЛИ Ἄτρεός : Ὀτρεός (царь фригийцев — II, III, 186), δοκετ : (αδ)δακετ (Jokl 1928, 145).

Карийские примеры: ЛИ Αρτημος = Ορτημος, ΜΗ Κρησσα =

⁶ Об интервокальном s в карийском см. гл. VI «Дешифровка карийского письма».

⁷ Высказывалось предположение, что колебания а/о отражают разные диалектные ареалы: а — у фракийцев и даков, о — у гетов (Simeonov 1980, 118). О мене а/е во фракийском см. также (Poghirc 1961; Vlahov 1966).

=Κρήσσω, ΜΗ Κυμαρία=Κυμωρία (Brandenstein 1935, 142), ΜΗ Λάρυμνα : Λόρυμα; ср. λωρυμνόν· βαθύτατα, κατώτατα (Hesyeh.). Но особенно интересно распределение гласных а и о в случае кар. Καλαβώτης : Κολοβάτος (река в Писидии) (Arkwright 1918, 59, п 113). Здесь соотношение между α и ο очень напоминает балто-славянский или германо-славянский ареал (ср. лит. karóti и рус. копать).

Подобного рода примеры широко представлены также в «догреческой» апеллятивной лексике: ἄστακος=ἄστακος 'морской рак', μαλάχη=μολάχη 'мальва', καρίς=κωρίς 'креветка', καθαρός=дор. κοθαρός 'чистый', κάμαρος 'морской рак': макед. κομάροι 'креветки' (мн. ч.) и др. В надписях Милета засвидетельствована форма γλῶσσα=γλῶσσα (Scherer 1934, 10). В аттических надписях вместо φάσκαλος встречается φάσκωλος 'кожаный мешок, сумка' (Meisterhaus 1900, 17). Последний случай особенно характерен для палеобалканской ономастики: Ἰδαμενέος=Ἰδομενέος (Fick 1909, 12). Это колебание очень часто имеет место перед суффиксом: Μεγαλασσός (ΜΗ в Каппадокии)—Μεγαλωσσός (город в Понте), Μυανεύς=Μυονεύς (житель города Μύων—Локрида), Θέσσαλος (ΜΙ, основатель Коса, где жили карийцы): кар. ΛΙ Υσσωλος и др. Частным и весьма распространенным случаем колебаний а/ο является положение гласного перед суффиксальным -κ-: фрак. ΛΙΙ Σίνδαξ и Σίνδοκος, Σπάρτακος и Σπάρτοκος, а также суффикс апеллятивов -ακ-, которому в македонском нередко соответствует -οκ- (примеры были даны выше).

Общность происхождения этих «чередований» подтверждается случаями, когда родственные имена в разных палеобалканских языках оказываются в этом плане в отношениях дополнительной дистрибуции. Например: Δαιδύλων (τόπος) (ΜΗ в Кари) и Δοιδαλ-ός (фрак. ΛΙ); Castab-ocae (но также и Costob-ocae; вторичный суффикс -k-; фрак. ЭН) и Κωστοβ-αλον (вторичный суффикс -λ-)—кар. ΛΙ (Sundwall 1911, 479);⁸ ср. также фрак. ΛΙ Δειδας : фриг. ΛΙ Δείδως и лик. ΛΙ Εκατομ-ας : кар. ΛΙ Εκατομως.

КОЛЕБАНИЯ МЕЖДУ е и а

Фракийские примеры: ΛΙ Σαδάλας=Σεδαλας (Robert 1954, II, 79); Νέστος=Νέστος (город и река Фракия);⁹ Μεσαμβρία=Μεσεμβρία (город Фракия); Δανθηλιται=Δενθηλιται (фрак. ЭН—Kretschmer 1896, 221), Σαβρδιος=Σεβάδιος (фрак. теоним 'Вакх'); Ρασκουлорис=Ρεσκουлорис (фрак. ΛΙ) и др.; см. также (Mihailov 1943, 8 sqq.).

⁸ Простая ономастическая основа: фрак. ΛΙ Castus; производное с первичным суффиксом -b-: фрак. ЭН Κύστοβοι и город в Херсонесе Κύσταβος.

⁹ Н. Йокль приводит этот пример как фригийский (Jokl 1928, 146).

Карийские примеры: ЛИ Υσσαλδωμος=Υσελδωμος (Sundwall 1911, 480), ЛИ Σάσκως=Σέσκως (Haussoullier 1880, 317), Μαλία=Μελία (город Кари — Brandenstein 1935, 131) и др.

Многие примеры с колебаниями e/a выходят за рамки какого-то определенного палеобалканского языка, в целом ряде случаев «привязать» тот или иной теоним, антропоним или топоним к какому-то одному палеобалканскому языку затруднительно, особенно если речь идет о мифических именах. Например: Κασσάνδρα (МИ), Κάσανδρος (макед. ЛИ) — Κεσ(σ)άνδρα (надпись на коринфской вазе (Schmidt 1893, 360 f.)), Φανάβα=Ἐνάβη (ibid.), Ἄρταμις=Ἄρτεμις и др. Возможно, сюда же можно отнести Κάρβερος (крепость во Фракии) — Κερβέριοι (ЭН — «киммерийцы»)¹⁰ Ср. также ЭН Μακεδόνες=Μεκεδόνες.

Те же колебания a/e встречаются и в апеллятивной лексике: γαβαλά (без указания этникона — Hes.) — макед. κεβαλή 'голова' (Et. Magn.), κ'λαίρος=κ'πειρος 'болотная трава', ὕαλος=ὕελος 'прозрачный камень, стекло', μ'γάρον=μέγαρον 'зал, помещение'; ср. Μάγαρσος=Μέγαρσος (МН в Киликии) и др. Таким образом, «эгейское чередование» (Schwyzer 1939, 59, Anm. 2) a/e охватывает фракийский, карийский и македонский языки, причем кар. ЛИ Νάστης (II. II, 867) и название реки во Фракии Νέστος свидетельствуют о палеобалканском происхождении этого «чередования».

КОЛЕБАНИЯ МЕЖДУ e и i

Эти колебания также обычно считаются «догреческими» (Ruijgh 1967, 48, № 32).

Фракийские примеры: Μένδη=Μίνδη (город Фракии — Kretschmer 1896, 210), Βρέα (город Фракии) — фрак. βρία 'город', фрак. ζελας — ζιλαи 'вино' (Furnée 1972, 353 ff.).

Македонские примеры: ὄργελλα=ὄργιλλα 'белая глина', βερρός=βίρροξ 'чаша' (Hes.), макед. ἰνδέα,=греч. ἐνδία μεσημβρία 'полдень' (Hes.), макед. ἰν=греч. ἐν (Hoffmann 1906, 242, 64 f.).

Фригийские примеры: αββερετ — αββιρεтор, Μεδάειον = Μιδαιον (город Фригии); ср. Μίδας (Jokl 1928, 145 f.), Κυβέλη—matar Kubile (Kretschmer 1950a, 177), τεαμα=τιαμα 'с'γμα' (O. Haas 1966, 206) и др.

Карийские примеры: ЛИ Εδριεус=Ιδριεус, Εδυμος=Ιδυμος (город Кари — Sundwall 1911, 466), ЛИ ΗδεαΓεω (Gen. Sing.)=ΗδιαΓεω (надписи; см. гл. VI).

В случае Εμβρομος : Ιμβρομος первое из имен представляет собой македонское и ликийское ЛИ, второе — эпитет Гермеса у карийцев. Таким образом, опять в рамки одного «чередования»

¹⁰ Согласно довольно распространенной точке зрения, киммерийцы — фракийский этнос.

оказываются вовлеченными несколько палеобалканских языков.¹¹ Наконец, колебание e/i встречается также в «догреческой» топонимике неясного происхождения (Σεχρόνιος = Σιχρόνιος) и в греческих диалектах; см., напр. (Meisterhans 1900, 115).

Из других фонетических особенностей, объединяющих фракийский, фригийский и карийский языки, можно отметить наличие краткого гласного перед двойным согласным, но долгого — перед одинарным: фрак. ЛИ Κωτς — Κοτς, фриг. и кар. ЛИ Κωχος — фрак. ЛИ Κοχχος. Ср. (Sundwall 1913, 120; Arkwright 1918, 51 sq. (там же — другие примеры), Detschew 1957, 251).

Разумеется, каждая из рассмотренных фонетических особенностей встречается не только в палеобалканских языках.¹² Но вся совокупность этих явлений, постоянно повторяющихся в том же самом ареале, — весьма показательна. Э. Фюрне, например, стремясь доказать неиндоевропейскую принадлежность догреческого субстрата, для каждого случая, аномального с точки зрения норм греческого языка, приводит аналогии из самых различных языков — от Атлантического океана до Кавказа. Здесь же перед нами — достаточно компактный ареал, причем общие фонетические закономерности не только объединяют палеобалканские языки, но часто выступают в рамках родственных или идентичных ономастических лексем (фрак. Σχέμνας — кар. Σχόμνος, фрак. Δοιδάσις — кар. Δαιδάλα, фрак. Νέστος — кар. Νάστης, фрак. Κοχχος — кар. Κωχος и др.).

Еще более общих черт палеобалканские языки имеют в области консонантизма.

ЗВОНКИЙ ~ ГЛУХОЙ

В греческих передачах негреческих палеобалканских имен, в глоссах и отчасти в надписях проявляются постоянные колебания между звонкими и глухими согласными.

Фракийский: ЛИИ Σάδοχος = Σατοχος (d : t), Βρυγός = Βρυχός (g : k), Βηρισάδης = Παρισάδης, Βίστιρος (город Фракии) = Πίστιρος (b : p) и др.

Македонский: Γορδυνία = Γορτυνία (город Македонии) (d : t), γαβαλά = χεβαλά (= греч. κεφαλή 'голова' (g : k), Μηρόβερνα = Μηρόπερνα (город Македонии) (b : p) и др.

Фригийский: Βερεχόνδαι (фриг. теоним) — Βερεχόνται (фриг. ЭН) (d : t), ЭНН Βρόγοι — Βρόκαι (g : k), фриг. βαλήν — лув. παλήν 'царь' (b : p) и др.

¹¹ Ликийское ЛИ, возможно, было заимствовано у соседей-карийцев, если только ликийский не заключал в себе наряду с лувийским также эгейского компонента («термилский» язык).

¹² Ср., в частности, применительно к последнему примеру: Κοχχος — Κοχχος и лат. *basa* — *bassa*, нем. *Reiter* — *Ritter* и т. п.

Карийский: ЛИИ Πιξίδαρος=Πιξίταρος (d:t), Πίγρης=Πικρης (g:k), Βαβης — Παλας; ср. в греческих надписях Βαβύλος и Παπύλος (b:p).¹³

Та же картина наблюдается в ономастике и в апеллятивной лексике, относимой обычно к «догреческому» слою: Πύδνα=Πύτνα (город на Крите) (d:t), Γαῦδος=Καῦδος (остров у Крита) (g:k), βάλσαμον=πάλσαμον 'бальзамовое дерево' (b:p) и др. Таким образом, опять то, что обычно признается «догреческим», надежно представлено во всех палеобалканских языках.

Частным случаем колебаний между звонким и глухим является передача одного и того же имени то с s, то с z: фрак. Ζήμιος=Σήμιος (верховное божество гетов), фриг. ЛИ Κουσιλος=Κουζιλος, кар. город Βάργασα=Βάργαζα. Среди александрийских грамматиков даже велись споры о том, следует ли малоазийский топоним Σμόνα писать с начальной сигмой или дзетой (Sext. Emp., Adv. gramm., 173—174). Эти колебания (s:z) привели к тому, что и фракийские, и фригийские, и карийские имена как в греческой транскрипции, так и в оригинальных надписях передаются с помощью одного и того же орфографического средства, а именно сочетанием σz: фрак. ΛΙ Γασζα, н.-фриг. σζεμελωс (см. (O. Haas 1966, 219), где даны аналогичные примеры из греческих надписей Фригии), кар. Σζαιт (Откупщиков 1966, 28), Σζηθω (см. гл. VI). Наконец, как и в других случаях, колебания s:z в рамках одной ономастической лексемы объединяют разные палеобалканские языки; ср., напр.: фрак. ЛИ Πηδιζας (Detschew 1957, 365): кар. ЛИ Πηδισας (Zgusta 1964, 426).

Подобное же распределение можно наблюдать и в случаях с другими «догреческими» фонетическими явлениями. Так, для колебаний d:z наиболее типичны примеры 'Αμυδών (город Пэонии): 'Αμυζών (город Карии); для d:s — фрак. теоним Κάδμιλος: Κάσμιλος и кар. ΜΗ Κάδμος: ЛИ Κάσμος. После губных и заднеязычных в палеобалканских языках нередко встречаются дентальные, в результате чего мы находим здесь сочетания bd, pt, kt. Так, γδ имеется у фрак. ЛИ Μάγδις, фриг. ΜΗ 'Αγδος, у теонима 'Αγδιστις и у кар. ЛИ Αύγδαμις. Αύγδατος; как личное имя засвидетельствовано только в Карии и на Самосе; фрак. ΜΗ 'Αλαπτα и теоним Δηλόπτης также содержат «догреческое» сочетание πт. ΜΙ Αβδα и город Карии Σίβδα имеют сочетание βδ, чуждое греческому языку. Фрак. ЛИ Κοσσύφη (Detschew 1957, 258) и ЛИ Κοξυφίον (Эвбея — Bechtel 1917, 583) отражают мену -σσ:-ξ-, типичную для карийской ономастики; ср. кар. ЛИИ Αρυασσις: Αρυάξις, Βρύασσις: Βρύαξις, а также «догреч.» (F)άνασσα и фриг. ЛИ Ουαναξος. И здесь

¹³ В последнем случае сложность заключается в том, что в карийских надписях, как и в некоторых локальных алфавитах Греции, отсутствует знак для обозначения b (Откупщиков 1966, 14; Masson 1977, 89).

опять — в который уже раз — «догреческое» совпадает с фракийским, фригийским и карийским.

Необычное сочетание $\lambda\delta$ в греческих передачах карийских имен ($\Upsilon\alpha\lambda\delta\epsilon\mu\iota\varsigma$, $\Upsilon\sigma\sigma\omega\lambda\delta\omicron\varsigma$ и др.), принимаемое обычно за исключительно карийское явление (Heubeck 1959a, 19), засвидетельствовано также во фракийском: ЛИ $Z\alpha\lambda\delta\alpha\beta\alpha$, $Z\alpha\lambda\delta\alpha\lambda\alpha$. Нужно думать, что эта фонетическая особенность находится в тесной связи с известным «догреческим» чередованием $\delta : \lambda$ типа $\Upsilon\omicron\delta\upsilon\sigma\sigma\epsilon\upsilon\beta\acute{\iota}\varsigma : \Upsilon\omicron\lambda\upsilon\sigma\sigma\epsilon\upsilon\beta\acute{\iota}\varsigma$, лин. Б $da-ru_2-gi-to- : \lambda\alpha\beta\acute{\omicron}\rho\iota\nu\theta\omicron\varsigma$ и др.¹⁴ Во всяком случае, перед нами — еще одна фрако-карийская фонетическая изоглосса, связанная с явно негреческими фонетическими особенностями.

Уже давно были отмечены многочисленные случаи мены $b : m$ в лексике догреческого происхождения: $\beta\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha\acute{\xi} : \mu\acute{\omicron}\rho\mu\eta\acute{\xi}$ (Hes.) 'муравей', $\beta\acute{\omicron}\lambda\upsilon\beta\delta\omicron\varsigma : \mu\acute{\omicron}\lambda\upsilon\beta\delta\omicron\varsigma$ 'свинец', $\zeta\acute{\alpha}\beta\alpha\tau\omicron\varsigma : \zeta\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ (Hes.) 'рыбный поднос', $\kappa\acute{\iota}\kappa\upsilon\beta\omicron\varsigma : \kappa\acute{\iota}\kappa\upsilon\mu\omicron\varsigma$ (Hes.) 'вид совы' (см. (Theander 1915, 133 sq.; Carnoy 1955b — автор дает также и другие примеры)). Э. Фюрне для доказательства неиндоевропейского характера мены $b : m$ приводит примеры из баскского и из африканских языков (Furnée 1972, 206 f.). Однако с таким же успехом можно было бы дать ссылки на лат. $Sabi\text{-}ni : Sam\text{-}nium$, рус. *берлога* : белор. *мерлога* и др.

Особенно широко чередование $b : m$ представлено во фракийском языке. Оно было отмечено еще В. Томашеком ($\Delta\acute{\omicron}\beta\eta\text{-}\rho\omicron\varsigma : \Delta\acute{\omicron}\mu\eta\text{-}\rho\omicron\varsigma$ (город в Пэонии), $\Upsilon\alpha\upsilon\delta\acute{\omega}\nu : \Upsilon\alpha\mu\delta\acute{\omega}\nu$ (город в Пэонии) — Tomaschek 1893, I, 20), позднее — Н. Йоклем ($\beta\epsilon\upsilon\delta\iota\varsigma : \mu\epsilon\upsilon\delta\iota\varsigma$ (фракийская Артемида¹⁵), $\beta\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\iota\text{-}\rho\alpha : \mu\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\iota\text{-}\rho\alpha$ (город Фракии) — Jokl 1929, 291) и другими исследователями (напр. (С. Poghirc 1963)). А. Карнуа считал это фонетическое явление фрако-фригийским (Carnoy 1959b). Однако оно засвидетельствовано также и в карийской ономастике ($\beta\omicron\upsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma : \mu\omicron\upsilon\mu\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$ (город Кари) — Kretschmer 1896, 390; $\Sigma\alpha\lambda\beta\acute{\alpha}\kappa\eta$ (кар. MH) — L. et. J. Robert 1954, 430; $\Sigma\alpha\lambda\mu\alpha\kappa\iota\varsigma$ (город Кари) — Newton 1863, 676). Таким образом, перед нами — еще одна фракийско-фригийско-карийская (resp. палеобалканская) фонетическая особенность, которая, по общему признанию, типична для догреческого слоя греческой ономастической и апеллятивной лексики.

¹⁴ Наличие мены $d : l$ в эгейском ареале ($\delta\acute{\alpha}\phi\eta\eta : \lambda\acute{\alpha}\phi\eta\eta$ и др.), в лидийском ($Sfarda\text{-} : Sfar\lambda\text{-}$ 'Сарды'; см. также (Milani 1966, 423)), хетто-лувийском ($tabarna : labarna$; см. (Heubeck 1961, 26)), не говоря уже о латинском ($odog\text{-} : ol\grave{e}g\text{-}$ и др.), заставляет видеть в этом явлении влияние какого-то доиндоевропейского субстрата (ср. (Furnée 1972, 387 f.)), скорее всего — гетерогенного, но обладающего данной фонетической особенностью. В связи с этим не следует полностью исключать возможность того, что глосса Гесихия $\lambda\acute{\epsilon}\beta\alpha\text{-}\rho\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma$ $\acute{\omicron}\pi\acute{\omicron}$ $\Theta\eta\rho\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$ — не ошибка (см., напр. (Vlahov 1978, 3)), а отражение все той же мены $d : l$ ($\delta\acute{\epsilon}\beta\alpha : \lambda\acute{\epsilon}\beta\alpha$).

¹⁵ Это — фрак. богиня, а не «бог», как пишет Л. А. Гиндин (1981, 47, 77).

Хорошо известно, сколь сложны рефлексы индоевропейских лабиовелярных в греческом языке. Они различаются и позиционно ($\tau\acute{\iota}\nu\omega$ 'плачú', но $\rho\acute{o}\iota\nu\acute{\eta}$ 'плата, возмездие'), и диалектно ($\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, но ион. $\kappa\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ 'который', дор. $\tau\acute{\eta}\nu\omicron\varsigma$, но эол. $\kappa\acute{\eta}\nu\omicron\varsigma$ 'тот'). Если же учесть случаи, когда диалектные особенности переплетаются с позиционными ($\rho\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon$: эол. $\rho\acute{\epsilon}\mu\mu\eta$ 'пять' — Schwyzer 1939, 81; $\tau\acute{\epsilon}\iota\sigma\alpha\iota$: фесс. $\rho\acute{\epsilon}\iota\sigma\alpha\iota$ 'заплатить'), то в греческом языке оказываются возможными чередования рефлексов и.-е. лабиовелярных $t:p$ (позиционный и диалектный вариант), $t:k$, $p:k$. Те же самые чередования мы находим в «догреческой» апеллятивной лексике и ономастике.

Так, параллелью к $\tau\acute{\epsilon}\iota\sigma\alpha\iota$ — фесс. $\rho\acute{\epsilon}\iota\sigma\alpha\iota$ может служить $\tau\epsilon\rho\mu\eta\sigma\acute{o}\varsigma$ = $\rho\epsilon\rho\mu\eta\sigma\acute{o}\varsigma$ (река в Беотии; ср. еще $\rho\alpha\rho\mu\iota\sigma\acute{o}\varsigma$ (река в Фессалии)), а также $\tau\acute{\iota}\tau\alpha\nu\omicron\varsigma$ (гора в Фессалии, река и город в Эолиде), $\tau\acute{\iota}\tau\acute{\alpha}\nu\eta$ (МН в Сикионии) : $\rho\acute{\iota}\tau\acute{o}\nu\eta$ (эолийский город в Малой Азии). Глосса Гесихия $\kappa\acute{\iota}\tau\tau\alpha\nu\omicron\varsigma$ ἢ $\kappa\omicron\nu\iota\alpha\kappa\acute{\eta}$ $\tau\acute{\iota}\tau\alpha\nu\omicron\varsigma$ 'известковый мел' отражает чередование $t:k$ (ср. (Osthoff 1937, 7)). Быть может, сюда же можно отнести $\kappa\acute{\iota}\mu\omicron\lambda\omicron\varsigma$ один из Кикладских островов — $\tau\mu\tilde{\omega}\lambda\omicron\varsigma$ (гора в Лидии) (с вариантами $\tau\acute{\iota}\mu\omicron\lambda\omicron\varsigma$ и $\tau\acute{o}\mu\omicron\lambda\omicron\varsigma$ — Fick 1909, 15). Эти сравнительно немногочисленные примеры отражают как внутрикентумные ($t:p$), так и кентумно-сатемные чередования ($t:k$). По всей вероятности, кентумно-сатемными являются и чередования $p:k$, ср. греч. $\rho\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$: ст.-слав. КОТЕРЫЙ, лит. $katar\grave{a}s$, др.-инд. $katar\acute{a}h$ 'который'. К их числу можно отнести $\kappa\lambda\alpha\zeta\omicron\mu\epsilon\nu\acute{\alpha}\iota$ = $\rho\lambda\alpha\zeta\omicron\mu\epsilon\nu\acute{\alpha}\iota$ (город в западной Малой Азии), $\kappa\acute{o}\rho\nu\omicron\psi$ = $\rho\acute{\alpha}\rho\nu\omicron\psi$ 'саранча', $\kappa\upsilon\alpha\nu\epsilon\psi\acute{\iota}\omega\nu$ (Кизик) : $\rho\upsilon\alpha\nu\epsilon\psi\acute{\iota}\omega\nu$ (Афины) — название осеннего месяца, $\kappa\acute{\iota}\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\nu$ = $\rho\acute{\iota}\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$ (город Фессалии — ср. (Chadwick 1969b, 95 sq.)), ср. $\rho\acute{\iota}\epsilon\rho\acute{\iota}\alpha$ (МН в Македонии).

Обращает на себя внимание связь большинства рассмотренных примеров с Фессалией и Беотией, где по свидетельствам античных авторов, как мы видели выше, в древности жили фракийцы и карийцы, а также с фрако-македонской областью и с западной Малой Азией. Эта связь особенно четко проявляется при сопоставлении топонимов $\kappa\acute{\iota}\delta\nu\alpha$ = $\rho\acute{o}\delta\nu\alpha$ (город Македонии) и $\kappa\acute{o}\delta\nu\alpha$ = $\rho\acute{o}\delta\nu\alpha\iota$ (город Ликии). Наконец, из негреческой по своему происхождению апеллятивной лексики можно привести $\kappa\acute{o}\beta\alpha\mu\omicron\varsigma$ = $\rho\acute{o}\beta\alpha\mu\omicron\varsigma$ 'боб' (Kretschmer 1934, 115, Anm. 2).

ВЛИЯНИЕ СУБСТРАТА

Приведенные лишь выборочно примеры целого ряда фонетических особенностей, объединяющих древние палеобалканские языки, говорят в пользу общности их происхождения. В то же время целый ряд черт, общих фракийскому, фригийскому и карийскому языкам, оказываются явно чуждыми греческому языку, хотя они полностью совпадают с теми особенностями ономастической и апеллятивной лексики, на основании которых ее

обычно относят к догреческому субстрату. Это обстоятельство — важный аргумент в пользу изложенной выше гипотезы о том, что гетерогенный догреческий субстрат состоял из названных языков, причем отношения между этими языками и греческим были весьма сложными — не только субстратными, но также адстратными и суперстратными.

Близость большого числа фонетических особенностей фракийского и фригийского или фрако-фригийского и македонского языков неоднократно отмечалась исследователями. Для большинства лингвистов неожиданным окажется лишь большее количество фракийско-карийских фонетических изоглосс, ибо сейчас почти общепризнанной является гипотеза о принадлежности карийского языка к анатолийской ветви индоевропейских языков.¹⁶ В свое время В. Бранденштейн отметил ряд фонетических явлений, совпадающих во фракийском и карийском языках (Brandenstein 1936, 411 ff.), но эти его наблюдения были вскоре забыты. Детальный анализ материала показывает, как мне кажется, что В. Бранденштейн был прав. Примечательна также несомненная связь, прослеживаемая между фонетическими особенностями греческих диалектов и других палеобалканских языков. Помимо уже приведенных примеров можно отметить еще два типично палеобалканских явления, которые нашли свое отражение в греческих диалектах. Так, ионийско-аттическое изменение $\alpha > \eta$ уже давно объяснялось воздействием эгейского субстрата (Mahlov 1926, 3 и. а.; Schwyzer 1939, 62; Bartoněk 1966, 101) или более конкретно — карийского языка (Fick 1909, 6 f.; Brandenstein 1935, 141). В греческих надписях из Галикарнаса в названии этого города и его производном засвидетельствована мена $\alpha : \eta$ перед $-\sigma-$ (Bondesson 1936, 7). В надписях из Милета широко распространенное в Карию имя $\text{Ἡδῆ}\alpha$ встречается как с Ἡ , так и с Ἡ . Это же имя и его производные засвидетельствованы в карийских надписях Африки ((Откупщиков 1966, 27, 34); см. также гл. VI). Переход $\bar{a} > \bar{e}$ известен, видимо, также и во фракийском языке (Георгиев 1977, 161). Во фригийском, напротив, отмечены случаи перехода $\bar{e} > \bar{a}$ (* $\text{māter} > \text{фриг. matar}$, * $\text{dhē-} > \text{фриг. e-da-es}$ — Jokl 1928, 146). Все это говорит как будто бы в пользу открытой артикуляции \bar{e} в палеобалканских языках, а также, скорее всего, о карийском субстратном влиянии на ионийско-аттическое изменение $\bar{a} > \bar{e}$.

Влиянием субстрата объяснялось и другое ионийско-аттическое изменение в области вокализма: $u > \ddot{u}$ (Bartoněk 1966, 115 sq.). Выше уже говорилось о частых колебаниях гласных i и u

¹⁶ Кажется, только О. С. Широков готов принять идею о близком родстве карийского и греческого, а также других палеобалканских языков (Широков 1981, 7; 1985, 241). Более того, он считает возможным включить и греческий в число палеобалканских языков (Широков 1986, 148); ср. (Fréret 1809, 69).

перед суффиксальной частью догреческих топонимов и антропонимов; ср. *Ολισσευς* и *Ολυττευς* (надписи на вазах — Brommer 1983, 92). Но эти колебания встречаются и в корне: *Ἰάκωνθος* = *Ἰάκινθος* (Laumonier 1958, 658, прим. 7) или (в апеллятивной лексике) *κινάρα* = *κυνάρα* 'вид артишока'. Типологически эти случаи могут быть сопоставлены с латинскими вариантами типа *maximus* = *maximus*. Но для латинского языка мы имеем прямое свидетельство Квинтилиана о наличии в подобного рода примерах звука среднего между *u* и *i* (Quintil., *Inst. orat.*, I, 4, 8), т. е. звука *ü*. Аналогичные колебания между *u* и *y* хорошо известны в латинских транскрипциях греческих слов, содержащих ипсилон. Вот почему, когда в греческих передачах палеобалканских имен мы встречаемся с колебаниями *ι : υ*, это обычно служит доказательством наличия звука *ü* в соответствующем имени.

Так, параллельные формы карийских имен *Μαισωλος* — *Μαυσωλος*, *Σιδυλημις* — *Συδυλημις* привели Л. Згусту к вполне обоснованному выводу о том, что на месте *ι/υ* произносился звук *ü* (Zgusta 1964, 306, 464). Следы этого мы находим также в карийских надписях (см. гл. VI). Варианты фракийских имен: *Διλιπορις* — *Δυλλπορις*, *Διμαε* — *Δυμη*, *Ζιλοΐτης* — *Ζυλοΐτης* (Vanpert 1976, 169), *Zimidrenus* — *Zυμδρηνος* (Георгиев 1977, 166). Последний пример В. Георгиева дан для иллюстрации синкопы, но автор признает наличие в дако-мизийском переходе *ü > ü* (там же, с. 208). Фриг. ЭН *Βρ'γες* = *Φρ'γες*, *Κοτιάειον* = *Κοτυάειον* (город Фригии) также, по-видимому, отражают звук *ü* во фригийском (Jokl 1928, 146). Поскольку звук *ü* надежно засвидетельствован во фракийском, фригийском и карийском языках, об изменении *u > ü* можно говорить как об общем палеобалканском фонетическом явлении. Наличие перехода *u > ü* только в ионийско-аттическом ареале греческого языка, а также совпадение этого ареала с ареалом перехода *ā > ē* позволяет высказать предположение о карийском субстратном влиянии на ионийско-аттическое изменение *u > ü*. Изложенные факты также находят наиболее правдоподобное объяснение в рамках той гипотезы, обоснованию которой посвящена настоящая книга.

ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИЗОГЛОССЫ

Вся сумма словообразовательных моделей в палеобалканских языках объединяет фракийский, фригийский и карийский, отчасти противопоставляя эти языки греческому. Особенно показательна внутренняя динамика этих моделей, отраженная в суффиксальных чередованиях. Но и идентичность самих словообразовательных типов — в достаточной мере убедительный показатель общности происхождения палеобалканских языков.

Суффикс -β-: *Καλῶβη* (город Фракии), *Κόρυβος/Κόροιβος*

(фриг. ЛИ), Φέρυβος (река в Македонии), Κάνδυβα (город Ликии), Κάνδηρα (город Карики).

Суффикс -δων-: Σαρπηδών (город Фракии), Μακηδών и Μακεδών (макед. ЭН и ЛИ), Μαγιδών (кар. ЛИ) (Robert 1945, 15, № 3).¹⁷

Суффикс -θ-: Γέργιθες (ЭН в Троаде; класс населения в Милете); Λίκυθος (укрепление в Македонии; ср. λίκυθος 'лекиф'), Μίκυθος (кар. ЛИ), Σμικύθης (фрак. царь); ср. греч. μικρός = σμικρός 'маленький', а также кар. ЛИ из надписей — Μακυθω и греч. μακρός 'большой'.

Суффикс -κ-: Βειθακος, Μινακος (фрак. ЛИИ); Μιμακος, Τατακος (фриг. ЛИИ); Ίδακος, Μαμμακος (кар. ЛИИ); Αΐσακος, Ύρτακος (троян. ЛИИ); ср. также Πάναξ (ручей во Фракии), Λαναξ (кар. ЛИ), Μίλαξ (фриг. ЛИ, κ μίλαξ 'тис'), макед. ἱλαξ 'падуб'.

Суффикс -λ-: Σέρβαλος (фрак. ЛИ), Πάταλος (МН в Карики) — Πάταλος (макед. ЛИ), Μάνταλος (город Фригии) — Μάνδαλος (кар. ЛИ), Κόδαλος (фриг. ЛИ) — Κόνδαλος (кар. ЛИ), Δαρξάλας (фрак. ЛИ), Καλβαλας (кар. ЛИ); Βιθυλος (фрак. ЛИ), Μότυλος (кар. ЛИ); Σπύρωλος (город Македонии), Μασσωλος (кар. ЛИ), Πακτωλός (река в Лидии, текущая с Тмола, находящегося недалеко от границ Фригии и Карики). Здесь совпадают не только словообразовательные типы, но (как и в случаях с другими суффиксами) также цельные ономастические лексемы.

Суффикс -μ-: Πέργαμον (фрак. МН), Λασ(σ)αμος (фриг. ЛИ), Δατζμης (кар. ЛИ); Αϊσίμη (город Фракии), Δινδύμη (фриг. МИ) — Δίδυμα (кар. МН), Ήλυμος (макед. и троян. ЛИ), Ήλυμος (город Карики). Отсутствие соответствий карийскому типу на -ωμος в других палеобалканских языках, видимо, может быть объяснено изоглоссой Σασσωμος (кар. ЛИ) — Σασαμας (фрак. ЛИ).

Суффикс -ν-: Ἀδρόνη (город Фракии), Ανδανη (фриг. ЛИ), Κίλλανη (кар. ЛИ), Δόρδανοι (фрак. ЭН), Ήλυανος (река в Македонии); Μαρήνη (фрак. МН), Δοριμηνη (фриг. ЛИ), Πριήνη (город Карики); Κόθων (фрак. ЛИ), Αΐσων (река в Македонии), Μχσων (фриг. ЛИ), Πύργων (кар. ЛИ; ср. Πυργώ — няня детей Приама).

Суффикс -νθ-: Ἄκανθος (города Фракии и Карики; ср. ἄκανθος 'акант'); Ὀλυνθεός (ср. город Македонии Ὀλυνθος) — Πυρινθεός (житель карийского города Πύρινδος); Πάσσανδα (город Карики; ср. Πάσσα (город Фракии)), Θαρσάνδαλα (МН Фракии), Κόλλανδος (город Карики), Λάλλανδος (МН Фригии).

Суффикс -ντ-, широко представленный во фракийской и фри-

¹⁷ Л. Згуста на основании корневого сопоставления (к μαγίς 'вид хлеба') считает имя греческим (Zgusta 1964, 278).

гийской ономастике, кажется, отсутствует в греческих передачах карийских имен.

Суффикс -π-: Ἄλμωπες (макед. ЭН), Εἰρωπός (город Македонии и Карики), Αἴσωπος (фриг. ЛИ); Αἴσηπος (троян. ЛИ), Δανηπη (фрак. ЛИ); Διζαπη (фрак. ЛИ; без суффикса — Διζας).

Суффикс -ρ-: Κόκκαρος (фрак. ЛИ) — Κωκκαρος (фриг. ЛИ), Ἰκκαρος (царь Карики), Μάζαρος (макед. ЛИ) — Μασσαρης (кар. ЛИ); Ταλουρα (фрак. ЛИ), Κάρουρα (город Фригии), Κόλουρα (город Карики); Ζειπυρος (фрак. ЛИ), Κίβυρα (город Фригии), Νίσυρος (остров у побережья Карики); Δάειρα (фрак. ЛИ), Κάειρα 'кариянка'.

Суффикс -σх-: Ἄρτισκός (река во Фракии), Βέρτισκος (гора в Македонии), Βορίσκος (фриг. ЛИ), Αραισκος (кар. ЛИ). По-видимому, суффикс имел то же самое уменьшительное значение, что и в греческом языке.

Суффикс -σσ-: Καζασσός (город Фракии), Ἄβασσός (город Фригии), Πανάσσος (река в Македонии), Ἰγασσός (город Карики). Та же картина — с другими гласными перед суффиксом: Ἀγησσός (город Фракии), Ἀδησσός (город Карики); Ἀγγισσός (МН Фракии), Κίβισσος (кар. ЛИ); Πανυσσός (река во Фракии), Αρτυσις (кар. ЛИ); Καρωσσος (фрак. ЛИ), Κασωσσός (МН Карики).

Суффикс -στ-: Βάστος (город Фракии), Βούβαστος (город Карики), Αρμαστα (фриг. ЛИ); Κοζιστης (фрак. ЛИ), Παργιστας (кар. ЛИ), Ἀγιστέας (фриг. ЛИ). В македонском, как в иллирийском (и фригийском), перед -στ- чаще встречается гласный ε: Δέεται, Ὀρέεται (макед. ЭНН), Θυέστης, Νενεστος (фриг. ЛИИ).

Суффикс -τ-: Δινатος (фрак. ЛИ), Μερατης (фриг. ЛИ), Σίνδατα (кар. МН); Πυρετός (фрак. ЛИ), Μακέτης (макед. ЭН); Μολητος (фриг. ЛИ), Κομητης (кар. МН); Τυλίτης (житель фракийского города Τύλις, Ἀγγίτης (река в Македонии), Μαργίτης (кар. ЛИ).

Несмотря на то, что в приведенном кратком обзоре словообразовательных типов палеобалканской ономастики были даны лишь очень немногие выборочные примеры (на самом деле их — многие десятки и даже сотни), из него можно сделать вывод о том, что во фракийском, фригийском, македонском и карийском языках представлены все типы имен, которые обычно относятся к «догреческому» слою греческой ономастики. В целом ряде случаев совпадение словообразовательных моделей в этих языках сопровождалось также лексическими совпадениями. Но об ономастических изоглоссах речь еще пойдет ниже. Важно отметить, что при рассмотрении различных суффиксальных производных в том же палеобалканском ареале обнаруживаются также и простые ономастические основы (ср. фракийский город Πάσσα и карийский город Πάσανδα). Наконец, по тем же са-

мым словообразовательным типам можно разбить и многочисленные мифологические имена, обычно относимые к догреческому слою лексики.

Та же общность между палеобалканскими языками наблюдается и при более редких суффиксах; ср., напр.: Γαληψός (город Македонии) — Λυκαψός (фриг. МН) — Κίνδαψος (кар. ЛИ); ср. (Jokl 1928, 148 sq.). Фракийские ЛИИ Νόης, Υχονοης, Μεστοης совпадают по своей структуре с Νινύη (город Карию), Ηδυονοε (в греческих надписях Галикарнаса — Beap — Cook 1955, 105). Ουλξονοη (карийские надписи — см. (Откупщиков 1966, 21) и гл. VI). Фракийским именам собственным типа Βιζύη, Δοιδύη, Μαστύης, в которых В. Бранденштейн видел иллирийский суффикс -ua- (Brandenstein 1936, 408), можно найти параллель в карийских композитах со вторым элементом -μυης: ЛИИ Έξαμύης, Παναμύης, Χηραμύης. Сочетание υα вообще характерно для карийской ономастики: ЛИИ Αρτυασσις, Αφυασσις, Βρύασσις, Πανύασσις. Поэтому в свете изложенного выше материала указанный тип фракийских имен ближе к карийской ономастике, чем к иллирийской. И опять здесь можно говорить о едином палеобалканском типе: Βιζύη (город Фракии) — Κινδύη (МН Карию) — Ότρύαι (МН Фригии). Причем совпадает здесь не только словообразовательная модель, но и одна важная цельнолексемная изоглосса: Πακτύη (город Фракии) — Πακτύης (кар. ЛИ) (Zgusta 1964, 403 f.).

В тесной связи с образованиями на -υα(ς)/-υη(ς) находятся производные на -εύς; ср. фриг. Ότρύαι — Ότρεύς. Негреческое («эгейское») происхождение имен с суффиксом -εύς признают практически все исследователи (Chantraine 1933, 125; Schwyzer 1939, 61; Schachermeyr 1954, 1519; Risch 1957, 65, Anm. 6; Ruijgh 1967a, 193 и др.). В то же время во фракийском ономастиконе насчитывается около 50 имен на -εύς (Vlahov 1963, 362). Очень широко представлены имена на -εύς в карийском ареале. В частности, названия жителей городов, — очень редкие, например, у Гомера, — весьма многочисленны прежде всего в Карию (Risch 1957, 66). В табличках линейного письма Б мы в ряде случаев обнаруживаем имена с суффиксом -εύς там, где в исторически засвидетельствованных палеобалканских языках оказываются образования на -ος или -ης; pi-ta-ke-u = Πιττακέύς = фрак. ЛИ Πιττακές (Soesbergen 1979, 28 сл.); ma-ne-wo-se → Μανεύς = фриг. ЛИ Μάνης; pi-ki-re-wo → Πικρέύς = кар. ЛИ Πύρρης (Pergillou 1973, 238). Интересно отметить в связи с этим, что имя мифического фракийского царя Τηρέύς относится к имени исторического царя фракийцев Τύρης так же, как записанные в табличках линейного письма Б палеобалканские имена — к их более поздним греческим передачам. Таким образом, и здесь также «догреческое» в действительности оказывается палеобалканским.

Образования на $-εῖς$, с одной стороны, связаны с именами на $-υς$ (ср. фрак. Βίθυς) и $-υας/-υης$ (ср. фрак. Βιθύαας), а с другой — с производными женского рода на $-ώ$. Это видно, например, из сопоставления имен морского бога Πρωτεύς и nereиды Πρωτώ. Р. Гусмани высказал предположение о неиндоевропейском происхождении словообразовательного типа имен женского рода на $-ώ$, поскольку, как он полагает, этот тип не встречается за пределами греческого — в других индоевропейских языках (Gusmani 1962, 399 sq., 411 sq.). Однако с этим трудно согласиться, так как, во-первых, имена на $-ώ$ имеют отчетливые и многогранные словообразовательные связи в греческой ономастике, которые никак нельзя признать вторичными, привнесенными извне. Во-вторых, данная словообразовательная модель засвидетельствована не только в греческом, но также и в палеобалканских языках. Вот почему одни имена на $-ώ$ имеют отчетливые этимологические связи в греческом языке, а другие — нет. Ср., например, такие пары имен на $-εῖς$ и на $-ώ$: Αἰγείας—Αἰγώ, Πειρείας—Πειρώ, Ὑψείας—Ὑψώ, Φιλείας—Φιλώ, Χειμείας—Χειμώ, Χρυσείας—Χρυσώ.

Фрак. Βενδω, Κοττώ, кар. Ταρω, Νανω не встречаются в греческом ономастике. Фриг. ЛИ Δειδων представляет собой параллель мужского рода к малоаз. Δειδω (ср. греч. Μνάσων—Μνάσώ, фракийская река Στρουμων—ЛИ Στρουμώ). Эпитет Артемиды Ταυρώ, фрак. ΜΙ Στρουμώ, греч. ЛИ Πατρώ (ср. фрак. Πατρί-δανα (город Дакии)) говорят в пользу индоевропейского (палеобалканского) происхождения имен на $-ώ$. Разумеется, какая-то их часть явилась результатом индоевропеизации доиндоевропейской ономастики, что вполне может объяснить отсутствие индоевропейской этимологии у целого ряда имен этого типа. Наличие несомненных связей у образований на $-ώ$ с именами на $-υς$, $-εῖς$ и $-ους$ (ср. фрак. Μαστους—Μαστώ), а также тип склонения этих имен¹⁸ хорошо объясняет их тесную связь с древними $-i$ -основами, прослеживаемую во всех основных палеобалканских языках.

Так, во фракийском языке четко прослеживаются пары Βενδεις : Βενδω (= 'Αρτεμις : 'Αρτεμώ), Μαντις : Μαντώ, Κοτις : Κοττώ, в карийском — Ναννις : Νανω; ср. в греческом—Μνᾶσις : Μνάσώ. В целом ряде случаев эти пары распределяются между разными палеобалканскими языками, находя свое отражение также в многочисленных мифологических именах; ср. фрак. ЛИ Δειδεις, Διδεις : фриг. и малоаз. Δειδω, Διδω; фрак. Βελι-, Κοτυ-ταρις : кар. Ταρω; фриг. ЛИ Λατις : ΜΙ Λατώ; макед. ΜΝ Παρθεις : ΜΙ Παρθώ и др. Для имен женского рода на $-ώ$ параллельные формы мужского рода могут быть образованы не только на $-ων$ (см. выше), но также на $-ως$, ср. ΜΙ Πειρώ и фрак. ЛИ

¹⁸ О близости данного типа к склонению $-и-$ и $-i-$ основ см. (Шантрен 1953, 73).

Πείρωσ=Πείροος (П., II, 844). Немногочисленные апеллятивы на -ώ, видимо, находят свои ближайшие параллели во фракийской ономастике (τιτῶ 'день': фрак. теоним Τίτις — (Георгиев 1977, 97); κοθῶ 'вред': фрак. ЛИ Κόθων).

Из других словообразовательных особенностей, объединяющих, в частности, фракийский и карийский языки, интересными являются личные имена женского рода на -ov: фрак. Μανναχov, Ἀβρότονον — кар. Μαμαλον, Χωτῆριov.

Приведенные примеры, как мне кажется, с достаточной убедительностью говорят о единстве словообразовательной системы палеобалканской ономастики, причем некоторые модели разделяются также и греческим языком, хотя черты сходства между фракийским, фригийским, карийским и (возможно, в несколько меньшей степени) македонским языками оказываются более значительными, чем между этими языками и греческим языком.

ОБЩНОСТЬ ЛЕКСИКИ

Уже при рассмотрении словообразовательных моделей было приведено немало примеров также и лексических совпадений между отдельными палеобалканскими языками. Количество ономастических изоглосс в этих языках очень велико. Поэтому мы не будем останавливаться на тривиальных примерах совпадений в топонимике Фракии и Троады или Македонии и Фригии. Эти совпадения были известны еще Страбону. Близость фракийского, фригийского и македонского языков почти никем в настоящее время не оспаривается. Поэтому основное внимание при подаче материала в дальнейшем будет обращено на фракийско-карийские изоглоссы, ибо большинство современных лингвистов относят эти языки к разным языковым группам.

Ἀβα(ς) 1) фрак. ЛИ (Detschew 1957, 1), 2) кар. ЛИ (Zgusta 1964, 43 f.); ср. также фригийский город Ἀβασσός и карийский город Ἀβα; Ἀδα(ς) 1) фрак. ЛИ (Detschew 1957, 6), 2) кар. ЛИ (Zgusta 1964, 46 f.); Ἀθυμβρια (фрак. МН) — Ἀθυμβριανός (кар. этникон), ср. также фриг. Thymbriani (Влахов 1976, 90); Ἀχανθος (города во Фригии и в Карию); Ἀλίνοια (город Македонии¹⁹) — Ἀλινδα (город Карию); Ἀργίλος (река во Фракии) — Ἀργίλα (город Карию); Ἀρρησός (река во Фракии) — Ἀρπασος (река в Карию); Βάργαλα (город Македонии) — Βαρυῖλα (город Карию); Βόλβη (город Македонии) — Βόλβαι (город Карию); Βρισαί (фрак. ЭН) — Βρισεύς (царь лелегов в Карию); Δαδα(ς) (фрак. и кар. ЛИ); Δαλας (фрак. ЛИ) — Δαλία (город Карию); Δοιδαλσός (фрак. ЛИ) — Δαίδαλα (город Карию); Εὐρωπός (города Македонии и Карию);

¹⁹ В список изоглосс на Балканах включена фрако-македонская область, в Малой Азии — только Карию.

Θάμυρις (фрак. ЛИ) — Θάμυρος (ЛИ из Кари) (L. et J. Robert 1954, 117); Θύσσοϛ 1) город Македонии, 2) ЛИ в Миласах (Кария); Ίδακος 1) фрак. МН, 2) кар. ЛИ; см. (Гиндин 1981, 115); Ίέρασος (река в Дакии) — Ίερασσος (МН-Кари); Ίκαρις (город Македонии) — Ίκαρία (остров у побережья Кари); Ίμβρος 1) остров у побережья Фракии, 2) крепость в Кари; Ίμβρασιδης (фрак. ЛИ — П. IV, 520) — Ίμβρασις (кар. ЛИ); Ίστροϛ 1) река и город Фракии, 2) город Кари; Καμασαρύη (фрак. ЛИ) — Καμισ(σ)αρης (кар. ЛИ); Кедреΐπολις (город Фракии) — Кедреΐαι (город Кари); Κρήσσα (город Фракии) — Κρήσσω (город Кари); Μάνδροϛ 1) фрак. ЛИ (Detschew 1957, 285), 2) карийский теоним (Zgusta 1964, 287); ср. также Μανδρόπολις (город Фригии); Μαροϛ 1) фрак. ЛИ, 2) кар. ЛИ; Μαρσός ας (имя представлено в Македонии, Фригии и очень широко в Кари) — L. et J. Robert 1954, 89 sq.); Μελίαϛ (царь Фракии) — Μελία (город Кари); Μιννω (фрак. ЛИ) — Μιννας (кар. ЛИ); Νανας 1) фрак. ЛИ (Detschew 1957, 327), 2) кар. ЛИ (Zgusta 1964, 349 слл.); Νασταϛ (фрак. ЛИ) — Νάσττης (кар. ЛИ) — П., II, 867); Νειλώ (фрак. МИ) — Νειλεύϛ (кар. МИ); Πανίτης (фракийский этникон) — Πανιτω (кар. ЛИ); Πανύασσοϛ (река в Македонии) — Πανύασις (кар. ЛИ); Πάταλα (МН Македонии) — Πάταλοϛ (остров у побережья Кари); Πιτύα (города Фракии и Кари, к πίτυϛ 'сосна'); Πρίαποϛ (фракийский теоним) — Πριαπόν-νησοϛ (остров у берегов Кари); Σάμοϛ 1) фракийский остров, 2) карийский остров, 3) город Кари; Σαμυλοϛ (фрак. ЛИ) — Σαμυλία (город Кари); Σασαμαϛ (фрак. ЛИ) — Σασσωμοϛ кар. ЛИ; ср. лин. Б sa-sa-та и греч. σήσαμον 'сезам, кунжут', а также Σήσαμοϛ (город Пафлагонии); Σκύληϛ (фрак. ЛИ) — Σκύλαξ (кар. ЛИ; ср. МИ Ύγληϛ: Ύλαξ и др.), ср. также Σκυλάκη (город близ Кизика, на границе Фракии и Фригии); Ταταριων (фрак. ЛИ — Vlahov 1963, 283) — Ταταριον (кар. ЛИ — Zgusta 1964, 505); Τευταμαϛ (фрак. ЛИ) — Τεύταμοϛ (кар. ЛИ), ср. Τευτήμειον (святилище в Приене, Кария); Τιαμαουϛ (фрак. ЛИ) — Τιαμοϛ (кар. ЛИ);²⁹ Τραλλειϛ 1) фрак. ЭН, 2) город Кари.

Приведенные фракийско-карийские изоглоссы являются лишь частью значительно более обширного списка балкано-малоазийских изоглосс.²¹ Многие из них уже встречались в литературе, некоторые отмечаются впервые. Однако раньше эти сопоставления обычно давались изолированно. В ряде случаев мною специально приведены ссылки на авторов, одни из которых считают то или иное имя фракийским, другие — карийским, иногда — греческим. С точки зрения излагаемой в настоящей книге гипотезы, основная масса этих имен — не фракийские, не

²⁰ О чередовании α : αι перед суффиксом (Τια-μ- : Τιαι-μ-) см. гл. III, раздел «Гласный перед суффиксом».

²¹ См. (Откупщиков 1973).

фригийские, не карийские и не греческие, а палеобалканские. Они в меньшей степени характерны для греческого, чем для других палеобалканских языков. В тех же случаях, когда они объявляются «греческими» на том основании, что имеют греческую этимологию, — эта этимология, как правило, не греческая, а палеобалканская.²²

Значительная часть балкано-малоазийских изоглосс связывает Карию с теми областями материковой и островной Греции, где по свидетельству античных авторов в древности проживали фракийцы и карийцы. Приведу лишь несколько выборочных примеров: Νύσσα и Νύσα 1) город Кари, 2) города Фракии, Фессалии, на Эвбее и Наксосе, ΜΝ в Беотии; Ἀθήναι 1) город Кари, 2) города в Аттике, Беотии, на Эвбее; Δαίδαλα, Κάϊνος, Μίλητος (города на Крите и в Кари); Θήβη/Θήβαι, Λάρυμνα, Μυχαλησσός (города в Беотии и в Кари; сопоставление топонимике Беотии и Кари см. (Dirlmeyer 1964, 28)); Μαγνησία (ΜΝ в Фессалии и город в Кари); Σύμμαθα (город Фессалии) — Σύμμαθος (ΜΝ Кари); Ληθαῖος (реки в Фессалии, на Крите и в Кари); Πανδίων 1) атт. ЛИ, 2) ΜΝ в Кари; Ὑμηττός (Ὑμησσός) (гора в Аттике) — Ὑμησός (карийский демотикон); Νύξος (остров в Эгейском море) — Νάξια (город Кари); Οἶναρος 1) жрец Диониса на Наксосе, 2) ΜΝ в Кари.

Интересен пример со сложным ЛИ, первый компонент которого хорошо известен во фракийской, а второй — в карийской антропонимике: Κοζαλιγραμис, ср. фрак. ЛИ Κοζας и кар. ЛИ Πιγρης, лик. ЛИ Πιγραμος. В случае с Σαοννησος 'Самофракия' (к фрак. Σαφος = Σαβάζιος) — Πελοπόννησος (к фриг. ЛИ Πέλοφ) — Приαπόννησος (остров у побережья Кари) мы сталкиваемся с общей словообразовательной моделью композитного типа, отражающей этимологически и ареально фракийский, фригийский и карийский компоненты. О том, что греч. νῆσος является палеобалканским, а не «чисто» греческим словом, свидетельствует кар. ЛИ Νησαιος (Zgusta 1964, 360), отсутствующее в греческой ономастике, но имеющее соответствия в догреческих мифологических именах Νησαίη и Νησῶ (имя нимфы).

Признаваемое большинством исследователей негреческим ("pre-Greek Aegean") слово ἄναξ, ἄνακτος (Puhvel 1956, 202 — со ссылками на литературу) широко представлено как в греческой ономастике, так и в ономастике Фракии и Кари: фрак. ЛИΙ Νεστῶναξ, (ср. Νέστος), Ἀβρῶναξ (ср. Ἀβροζέλυης, Αβροζεος),²³ ЛИ из Смирны (hapaх) Μανδρῶναξ (ср. Μάνδρος (карийский теоним, фрак. ЛИ), а также Μανδρό-πολις (город Фри-

²² Подобно тому как исконная западно- или южнославянская ономастика, этимологически «прозрачная» для носителей русского языка, является не русской, а славянской.

²³ Предположения о греческом (Bechtel 1917, 595), гибридном (Vlahov 1971, 196) или иранском (Vlahov 1965, 40) происхождении некоторых из перечисленных фракийских имен неубедительны.

гии)). Ареал сложных имен на $-\alpha\nu\alpha\xi$, типичное палеобалканское сочетание $-\kappa\tau$ на месте $-\kappa$ в основе (ср. "Ανακτες = "Ανακτες 'Диоскуры' — Nernberg 1955) — все это говорит в пользу палеобалканского происхождения имен на $-\alpha\nu\alpha\xi$.

К сожалению, за пределами ономастики наши сведения о лексике фракийского, фригийского и карийского языков крайне отрывочны, скудны и не всегда надежны. И все же, несмотря на бедность материала, можно отметить целый ряд лексических изоглосс, объединяющих эти языки как между собой, так и с греческим языком. Так, $\kappa\omicron\lambda\alpha\beta\rho\iota\tau\mu\acute{\iota}\varsigma$ — это «фракийская и карийская военная пляска» (Pollux, IV, 100), слово $\upsilon\delta\omega\rho$ 'вода' встречается только в двух греческих надгробных надписях: карийца (дважды) и фригийки (Zingerle 1933; O. Naas 1966, 59 и 172). Этот факт хорошо согласуется со свидетельством Платона о том, что слова со значением 'вода' звучат сходно в греческом и фригийском языках (Plat., Cratyl., 410). Из фракийско-фригийских лексических изоглосс можно отметить фрак. Βαληος '(Zeus) βασιλεύς' и фриг. βαλίν 'царь' (Георгиев 1977, 58), фрак. εὐαί σαβαί = фриг. εὐοῖ σαβοῖ 'возглас в честь Вакха' (Георгиев 1977, 228). Основа $\sigma\alpha\nu$ -/ $\sigma\alpha F$ - представлена помимо фракийского и фригийского также и в карийском языке (см. гл. VI). Д. Дечев сопоставлял ономастическую основу $\Sigma\omicron\nu(\alpha)$ -во фракийском и карийском языках: фрак. ΜΗ Σουαβαστας — кар. ΜΗ Σουεγγελα (Detschew 1957, 467).

Лексические изоглоссы, объединяющие греческий язык с палеобалканскими языками, по-видимому, были весьма многочисленными. Македоно-греческие совпадения в лексике, выявляемые на основании анализа немногочисленных македонских глосс, привели исследователей к довольно единодушному выводу о генетической близости македонского и греческого языков. О том, что у фригийцев многие вещи называются почти так же ($\sigma\mu\iota\kappa\rho\acute{\nu}\nu\ \tau\iota\ \pi\alpha\rho\alpha\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$), как и у греков, сообщает Платон. Он, правда, приводит только три примера ($\pi\tilde{\nu}\rho$ 'огонь', $\upsilon\delta\omega\rho$ 'вода' и $\kappa\acute{\omicron}\omega\nu$ 'собака'), но делает при этом важное добавление: $\kappa\alpha\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\ \pi\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}$ 'и многие другие' (Plat., Cratyl., 410). Фригийские надписи подтверждают это важное свидетельство Платона: ст.-фриг. materan, opoman, woines, wetei, wanaktei; н.-фриг. πατερης, αναρ, μαίμαρηαν, οι αυτω (= греч. έαυτῶ), βατερε (dat. sing.), μοι, κακουν и др.

Выше уже говорилось о весьма распространенном мнении относительно большого числа греческих заимствований во фригийском языке. Однако старофригийские тексты относятся ко времени, когда говорить о греческом влиянии во Фригии слишком рано. К тому же woines 'вина' имеет иную парадигму склонения сравнительно с греч. (F)οίνος, а греч. ἄναξ, не будучи исконным греческим словом, скорее само было заимствовано из фригийского или иного палеобалканского языка, чем наоборот. Н.-фриг. οι αυτω родственно греч. έαυτῶ, но не идентично ему

и не является заимствованием (ср. ст.-фриг. awtun). То же можно сказать о н.-фриг. *καχουν*, ср. ст.-фриг. *kakuioi*.²⁴ Н.-фриг. *πατερης* имеет флексию, совпадающую со вторичным лат. *-ēs*, но не с греч. *-es*, *βρατερς* едва ли было заимствовано из греческого уже в силу семантических причин (ср. греч. *ἀδελφός* 'брат'), *μαμαρηαν*, расходится фонетически с греческим, но совпадает с «догреческим» г. *Μαμαρσος* (St. B.); ср. по типу образования кар. ЛИ *Λαταρσης* и фрак. МН *Μόκαρσος*. Таким образом, прав был Н. Йокль, писавший о многочисленных лексических связях между фригийским и греческим языками (Jokl 1928, 150 — со ссылкой на П. Кречмера, Ф. Сольмсена, Р. Мейстера и других исследователей).

Еще более категорично, чем Платон о фригийском языке, высказался об обилии «греческих» слов в карийском языке автор III в. до н. э. Филлип из Свангелы. Он сам жил в карийском городе, написал сочинение «О карийцах», в котором, по-видимому, использовал неизвестные нам древние источники. Несомненным достоинством его свидетельства является то, что сам он не придерживался ни иранской, ни хетто-лувийской, ни какой-либо иной гипотезы относительно происхождения и родственных связей карийского языка. Он просто сообщил, что карийский язык содержит очень большое количество греческих слов (*πλεῖστα Ἑλληνικὰ ὀνόματα ἔχει καταμεμιγμένα* — Strab., XIV, 662). Обычно сообщение Филиппа из Свангелы понимается (с позиций «эллиноцентризма») как доказательство большого количества греческих заимствований в карийском языке (см., напр. (Dorsi 1979, 32 sq.)). Однако еще Г. Мейер допускал и иное понимание этого сообщения: в карийском языке очень много слов, общих с греческим по своему происхождению (Meuer 1886, 153 f.).

С точки зрения излагаемой здесь гипотезы свидетельство Филиппа из Свангелы вполне понятно. Будь он греком или эллинизированным карийцем, языковые отношения между двумя языками в III в. до н. э. он, конечно, рассматривал сквозь призму греческой культуры. Не имея представления о достижениях сравнительно-исторического языкознания XIX—XX вв., он рассуждает примерно так, как если бы мы стали говорить об очень большом числе русских слов в болгарском языке (или наоборот). Разграничение исконно родственной и заимствованной лексики до сих пор остается сложной лингвистической проблемой для многих языковых ареалов. Так, в период чрезмерного увлечения пуризмом многие литовские интеллигенты избегали употребления сходных со славянскими слов, считая их славизмами в литовском языке. И известному литовскому языковеду К. Буге пришлось доказывать, что, например, *grašyti* — такое

²⁴ Наличие старофригийского слова исключает возможность заимствования из греч. *καχόν* (O. Haas 1970, 66 f.).

же исконное литовское слово, как *просить* — русское (Būga 1959, 165 sqq.). Нужно полагать, что в карийском и греческом языке были как исконно родственные слова, так и обоюдные заимствования, причем направление этих заимствований из греческого в карийский, видимо, усиливается с началом общей эллинизации в IV в. до н. э. Во всяком случае, как показывают надписи из Галикарнаса, карийцы за частую носили те же самые имена, что и греки (Kretschmer 1896, 380 f.). Примером общей по своему происхождению лексики может служить кар. (=фриг.) ὄρω (см. выше) — греч. ὄρωρ. Заимствованием из карийского в греческий является γεῖσσον ‘карниз’; ср. кар. глоссу γῖσσα ‘камень’. Этот пример позволяет сопоставить Μονόγισσα (город Карии) с греч. ΜΗ Μονόλιθος, а отсюда сделать вывод о наличии карийско-греческой изоглоссы μονο- ‘одно’.

Иногда принято считать, что генетическому сближению греческого и карийского языков мешает одно место из Гомера, где карийцы представлены как βαρβαρόφωνοι (II, II, 867). Однако еще Страбон отметил, что этим словом характеризуется не карийский язык, а греческий язык карийцев, что βαρβαροφωνεῖν и βαρβαρίζεῖν означают κακῶς ἐλληνίζειν ‘плохо говорить по-гречески’ (Strab., XIV, 663). Показательно, что ни персы, ни финикийцы, ни египтяне, ни скифы ни где в греческих источниках не характеризуются как βαρβαρόφωνοι. Этим словом обозначались только карийцы и... греки (!). По свидетельству Гесихия, βαρβαρόφωνοι οἱ Ἠλεῖοι καὶ οἱ Κῆρες, ὅς τραχύφωνοι καὶ ἀσαφῆ τὴν φωνὴν ἔχοντες ‘элейцы и карийцы, как имеющие грубое и неясное произношение’. Странно, что это очень важное свидетельство Гесихия обычно обходится молчанием. У того же Гесихия мы находим еще один синоним для слов βαρβαροφωνεῖν и βαρβαρίζεῖν, это — слово карιμίζειν. Оно очень напоминает глагол θεσσαλίζειν, а также свидетельство Стефана Византийского (со ссылкой на Эвдокса) о том, что армяне происходят из Фригии и πολλὰ φρυγίζουσι, т. е. говорят очень похоже на фригийцев. Здесь опять речь идет о генетически близкородственных языках. Вот почему следует признать правоту тех ученых, которые считают, что слово βαρβαρόφωνοι связано лишь с особенностями греческого произношения карийцев, а не с тем, что они говорят на языке, сильно отличающемся от греческого (см., напр. (Fréret 1809, 99; Newton 1863, 5)).

Относительно фракийского языка мы не располагаем прямыми свидетельствами античных авторов о наличии в нем слов, совпадающих или созвучных с греческими. Но зато до нас дошло несколько фракийских текстов, написанных греческим алфавитом, а также глоссы, не говоря уже о многочисленных именах собственных. К сожалению, в имеющихся интерпретациях фракийских надписей до сих пор остается много спорного и неясного. Тем не менее, отдельные сегменты надписей совпадают с греческими и фригийскими словами. Так, в надписи

VI в. до н. э. из дер. Кёльмен отчетливо читаются слова ЕТЕΣΑ и ВЛАВАН. Первое из них, безусловно, связано с греч. *Γετεςα > ἔτη (гомер. ἔτεα) — мн. ч. от ἔτος 'год'. Наличие ст.-фриг. wetei = греч. ἔτει и фрак. ЕТЕΣΑ = гом. ἔτεα — весьма показательно. Во фракийском исчезает начальное w-, но сохраняется интервокальное -s-, во фригийском — наоборот, в греческом исчезают оба звука. Наличие слова во всех трех языках делает маловероятным предположение о заимствовании из «протогреческого» (Probonas 1976, 215). Сохранение интервокального -σ- исключает возможность того, что первая часть надписи — греческая (Нерознак 1978, 30 сл.). Форма ЕТЕΣΑ не может быть греческой — ни «искаженной», ни «диалектной», ибо ни один греческий диалект не сохраняет у основ на -os/-es- интервокального -s-, нет его и в крито-микенских табличках линейного письма Б.

Фрак. ВЛАВАН²⁵ В. Бешевлиев и В. Георгиев считают заимствованием из греческого (Georgiev 1966b, 20; 1977, 131), Р. Шмитт-Брандт допускает возможность обратного заимствования из фракийского в греческий, ссылаясь на неясность этимологии греч. βλάβη и на фрак. ΜΗ Βλεβοῖς (Schmitt-Brandt 1967, 60). Последнее предположение выглядит более правдоподобным уже в силу фонетических причин. Структура слова со звуком β в начале первого и второго слога обычна для фракийских собственных имен: Βαβας (ЛИ), Βερβος (ЛИ), Βύβαι (город Фракии), Βόλβη (озеро в Македонии), Βαλβαί (крепость в Дакии), ср. также Βαίβαи (город Карии), Βοίβη (город Фессалии) и Φοίβη (МИ, остров у Кизика). В греческом языке можно отметить лишь звукоподражательное редуцированное слово βόρβαρος. Что касается греч. βούβαλος 'буйвол', то оно обычно считается «догреческим», о чем, в частности, свидетельствует фрак. ЛИ Βουβαλος (Detschew 1957, 78). Таким образом, по своему фонетическому «облику» слово βλάβη лучше вписывается во фракийскую, нежели в греческую лексику. Поэтому, если говорить о заимствовании, а не об исконном родстве, то более приемлемой следует признать точку зрения Р. Шмитта-Брандта о заимствовании из фракийского в греческий.

В конце той же надписи стоит слово ΔΑΚΑΤΡ, почти полностью совпадающее с фриг. (αδ)δακετορ; ср. лат. (ad)ficitur (Georgiev 1966b, 15 f.). Следовательно, в надписи, состоящей из 56 букв (по В. П. Нерознаку — из 49), 17 составляют слова, совпадающие с греческими и фригийскими. Среди них — одна фракийско-греческая (ВЛАВАН), одна фракийско-фригийская (ΔΑΚΑΤΡ) и одна фракийско-фригийско-греческая изоглосса (ЕТЕΣΑ). Эти факты хорошо укладываются в рамки излагаемой гипотезы о генетическом единстве палеобалканских языков. Рас-

²⁵ Спорный вопрос об интерпретации соседних знаков требует особого рассмотрения.

смотренные изоглоссы являются столь показательными, что В. П. Нерознак даже высказал предположение о том, что первая часть надписи — греческая, допуская при этом (под вопросом), что вторая ее часть — фригийская (Нерознак 1978, 30 сл.).

Близость фракийской и греческой лексики выявляется также при анализе фракийских собственных имен. Так, В. Георгиев сопоставил фрак. МН Αἰζική с греч. αἰγικός 'козий', фрак. ЛИИ на Ρωμη- (Роιμη-) — с греч. ῥώμη 'сила', он же привел список генетически идентичных фракийских и греческих имен типа Δία-ζενις = Διο-γένης, Εβρου-ζενις = Εβρου-γένης и др. (Георгиев 1977, 64, 60, 41).

Таким образом, у нас есть все основания говорить, что даже при наличии весьма ограниченного лексического материала фракийского, фригийского, македонского и карийского языков все эти языки объединяет между собой, а отчасти также с греческим языком большое количество лексических изоглосс.

ЧЕРЕДОВАНИЕ СУФФИКСОВ В ПАЛЕОБАЛКАНСКОМ АРЕАЛЕ

Анализ суффиксальных чередований является одним из важнейших аспектов исследования палеобалканской ономастики. Его недоучет нередко приводит в затруднение исследователей. Остановимся на таком примере. В одной из недавно вышедших работ утверждается, что город в Мисии Περιοτή не имеет связей с фракийской ономастикой (Bredow 1984, 57). Между тем сопоставление Λυκόνη (город Фракии) и Λυκώτας (МН — кентавра), Πύργων (ЛИ из Карики) и Πυργώτης (ЛИ, Suida) позволяет констатировать наличие того же чередования суффиксов -v : -t- в случае Πέρμων (фракийский теоним) и Περιοτή (город Мисии). Простая ономастическая основа без суффиксов -v- или -t- засвидетельствована в виде фрак. ЛИИ Περιος и Πέριη; ср. также Πέριη 'древнее название Фракии' (St. B.). Указанное чередование суффиксов можно обнаружить также в редких формах dat. sing. от слова ἴρωσ: ἴρωνι и ἴρωτι. То же самое чередование мы находим у фрак. ЛИ Σκεληνος = Σκελητος (две параллельные формы в gen. sing. — Detschew 1957, 458), а также у эпитета Афины Εργάνη = Εργάτις. Все это говорит о том, что топоним Περιοτή в словообразовательном плане неразрывно связан с фракийской ономастикой. А наличие аналогичной пары Πύργων — Πυργώτης с типично «догреческой» основой πυργ- свидетельствует о том, что перед нами — не чисто фракийская, а палеобалканская словообразовательная особенность.

При анализе палеобалканских суффиксальных чередований в настоящей работе в основу была положена картотека, содержащая 320 производных с чередующимся (не любым!) суффиксом -σ(σ)-. Производные с другими чередующимися суффикса-

ми в количественном отношении выглядят следующим образом: суффикс ρ — 202, ν — 188, λ — 182, κ — 127, νθ/νδ — 104 и т. д. Всего было привлечено к анализу 1700 имен с 17 различными суффиксами. Для иллюстрации палеобалканских суффиксальных чередований рассмотрим лишь выборочные примеры с наиболее частотными суффиксами.

-Ρ- : -Σ(Σ)-

Ἄβαρις (фрак. ЛИ)	— Ἄβασσός (МН Фригии),
Ἄλωρος (город Македонии)	— Ἀλωσσοσ (МН Карики),
Ἄσσαρα (город Фракии)	— Ἄσσησσός (город Карики),
Γάργαρος (город в Троеде)	— Γαργηττός (дем в Аттике),
Θύαρις (город Фригии)	— Θυησσός (МН Карики),
Κόλουρα (город Карики)	— Κόλουσσα (город Пафлагонии),
Κύδαρος (река у Византия)	— Κυδησσός (город Фригии),
Μέρμαρος (МИ)	— Μερμησσός (город Троеды),
Ἵoloros (фрак. ЛИ)	— Ἵολοσσών (город Фессалии),
Τάμαρος (ЛИ; Смирна)	— Ταμασσός (город на Кипре),
Τέλμερα (город Карики)	— Τελμησσός (город Карики),
Τέρμερα (город Карики)	— Τερμησσός (река в Беотии).

Этот список, где подобраны, в основном, примеры с одинаковым гласным перед суффиксом и с двойным -σσ-, можно было бы увеличить в несколько раз. Обращает на себя внимание то, что среди этих «догреческих» примеров высокий процент составляют фракийские, фригийские и карийские имена. Закономерность сопоставления производных с суффиксами -ρ- и -σ(σ)- проявляется, в частности, в том, что один и тот же географический объект может обозначаться производными с тем и другим суффиксом; ср. Ἄργουρα = Ἄργισσα (город Фессалии).

-Ν- : -Σ(Σ)-

Ἀγνηος (ЛИ; Вифиния)	— Ἄγνησσός (город Фракии),
Ἄδανος (МИ)	— Ἄδησσός (город Карики),
Ἄδρᾶνη (город Фракии)	— Ἄδρασσός (город Киликии),
Ἄρᾶινον (МН Лаконики)	— Ἀραισσις (кар. ЛИ),
Βολίνη (город Ахайи)	— Βόλισσος (город на Хиосе),
Βρούνιον (город Македонии)	— Βρούασσις (кар. ЛИ),
Ἐργῖνος (река в Македонии)	— *Εργισσός (МН Фракии; из Εργισσηνοί — Detschew 1957, 170),
Θυήνη (МИ)	— Θυησσός (МН Карики),
Ἴανός (МИ)	— Ἴασσός (город Карики, фриг. ЛИ),

Καρήνη (город Миссии)	— Καρησσός (город и река в Троаде),
Κύδωνες (ЭН на Крите)	— Κυδησσός (город Фригии),
Μύηνον (ΜН Этолии)	— Μύησος (ΜН Карики).

Здесь перед нами в основном — тот же самый ареал. И опять — производные с двумя чередующимися суффиксами могут обозначать один и тот же объект: 'Αρσηνή = 'Αρσησσα (озеро в Armenia Maior). Более того, это же чередование зафиксировано и в апеллятивной лексике: ἡρώνη = ἡρώσσα 'геронья'.

-Λ- : -Σ(Σ)-

'Αγελος (ΜΙ)	— 'Αγησσός (город Фракии),
Αἴγιλα (река в Лаконике)	— Αἴγισος (город Фракии),
'Αργίλος, -α (города Фракии и Карики)	— 'Αργισσα (город Фессалии),
Βάργαλα (город Македонии)	— Βάργασα (город Карики),
Δορύλας (ΜΙ)	— Δόρυσσα 'Самос'
Δρύαλος (ΜΙ)	— Δρυησος (фрак. ΛΙ),
Καβύλη (город Фракии)	— Καβησσός (город Фракии),
Κυδίλα (ΛΙ; надписи)	— Κυδισσός (город Фригии)
Μουκαλας (фрак. ΛΙ)	— Μουκασος (фрак. ΛΙ; ср. Μουκισσός (ΜН Каппадокии)),
Πηδάλιον (ΜН Карики)	— Πήδασα (город Карики),
Σαμυλία (город Карики)	— Σαμασσις (кар. ΛΙ),
Τερμίλη (город Карики)	— Τερμισσός (город Писидии; ср. Τερμησσός (река в Беотии)).

Здесь также ареал, который охватывается этими чередованиями, оказывается, в основном тем же, что и в предыдущих случаях.

-Κ- : -Σ(Σ)-

Это чередование типа Μάρμαξ (ΜΙ) — Μαρμησσός (город Миссии) занимает особое место в системе палеобалканского ономастического словообразования, и речь о нем специально пойдет ниже.

-ΝΘ-, -ΝΔ- : -Σ(Σ)-

'Ακανθος (города Фракии и Карики)	— Ακασσων (кар. ΛΙ),
'Αρίανθος (ΛΙ; Абидос)	— 'Αριασσός (город Памфилии),
(Προ)βόλινθος (дем в Аттике)	— Βόλισσος (город на Хиосе),

Βράνθος (ЛИ)	— Βράσσις (кар. ЛИ),
Ίανθος (МИ)	— Ιάσσος (фриг. ЛИ, город Кари),
Καράνδαι (МН Фессалии)	— Καρησός (река и город в Троаде),
Καρύανδα (город Кари)	— Καρύασσος (город Кари),
Λάλανδος (МН Фригии)	— *Λαλασσός (МН Киликии; из Λαλασσεων (Ramsay 1890; 366)),
Όλονθεός (ЛИ; Лакедемон)	— Όλοσσών (город Фессалии),
Όλωνθος (город Македонии)	— Όλυσσεύς (МИ),
Πύρανθος (МН на Крите)	— Πύρασος (город Фессалии),
Πύρινθος (город Кари)	— Πυρίσσοος (МИ).

Таким образом, два суффикса (-vθ/-vδ- и -σσ-), единодушно признаваемые наиболее типичными суффиксами «догреческой» топонимики и антропонимики, также оказываются неразрывно связанными с ономастикой Фракии, Македонии, Фригии и Кари.

-N-: -P-

Άνδανον (город Кари)	— Άνδαιρα (город Фригии),
Βιθυνοί (фрак. ЭН)	— (Μουκα) βιθυρις (фрак. ЛИ),
Βρίανα (город Фригии)	— Βριαρεύς (МИ),
Γάζηνα (город Фригии)	— Γάζωρος (город Македонии),
Ίσμηνός (река в Беотии)	— Ίσμαρος (город Фракии),
Κύδωνες (ЭН на Крите)	— Κύδαρος (река у Византия),
Λαζενος (фрак. ЛИ)	— Λαζερης (фрак. ЛИ),
Μαντανις (фрак. ЛИ)	— Μανταρους (фрак. ЛИ),
Μασσωνεύς (кар. демот)	— Μασσαρης (кар. ЛИ),
Οϊώνη (фриг. МИ)	— Οΐναρος (жрец Диониса; Наксос),
Σισινος (фриг. ЛИ)	— Σίσιρος (фрак. ЛИ),
Ίτανος (гора в Фессалии)	— Τίταρον (город Фессалии).

Это чередование — одно из наиболее распространенных в индоевропейских языках. Известно оно и в палеобалканской апеллятивной лексике: κα ένος=καδρος 'плохой' (Hes.), фриг. γλουρος (ср. греч. χλωρός 'желтый')=χλουρός 'золото' (Hes.).

-A-: -P-

Διζουλος (фрак. ЛИ)	— Διζυροι (фрак. ЭН),
Θεστάλος (МИ)	— Θεστωρος (город Фракии),
Καόκαλος (ЛИ; Хиос)	— Καυκαρα (МН на Хиосе ²⁶),

²⁶ См. (Boardman 1967, 254).

Κερκύλας (ЛИ; Андрос)	— Κέρκυρα (остров у Эпира),
Κύμηλος (МИ)	— Κυμαρία (город Карики),
Μάνδαλος (кар. ЛИ)	— Μανδραρά (МН Македонии),
Μάνταλος (город Фригии)	— Μανταρους (фрак. ЛИ),
Μασσαλίας (река на Крите)	— Μασσαρης (кар. ЛИ),
Μεστυλος (фрак. ЛИ)	— Μεσταρω (фрак. ЛИ),
Πάταλος (остров у Карики)	— Πάταρος (МИ),
Σανδάλη (фриг. ЛИ)	— Σανδάρηκη (город Вифинии),
Σικελός (МН Фракии)	— Σικερηνός (эпитет Аполлона; Фракия).

Пример суффиксальной синонимии в топонимике: Σκανδίλη = Σκάνδειρα (остров в Эгейском море); в апеллятивной лексике: σιγηλός = σιγηρός 'молчаливый'. Особенность данного чередования состоит в том, что наряду со словообразовательными причинами здесь могли проявиться также факторы фонетические (мена плавных l : r).

-K- : -P-

Ἄμυκος (МН Вифинии)	— Ἄμυρος (город Фессалии),
Βαστακος (фрак. ЛИ)	— Βασταρευς (фрак. ЛИ),
Βειθακος (фрак. ЛИ)	— Βειθυρις (фрак. ЛИ),
Ἴθαξι (МИ)	— Ἴθαρος (ЛИ; Кария),
Λάβαξι (ЛИ)	— Λάβαρα (город Карики),
Μαμμακος (кар. ЛИ)	— Μάμμαρος (ЛИ; Керчь),
Μάρμαξι (МИ)	— Μάρμαρος (ЛИ; ср. ma-ma-go — KN),
Μόλυξι (ЛИ; Фригия)	— Μόλυρος (МИ),
Πάναξι (МН Фракии)	— Πανάρης (ЛИ; Крит),
Σαλακία (МИ)	— Σάλαρος (ЛИ; Кария),
Τατακος (фриг. ЛИ)	— Ταταριν (фриг. ЛИ),
Τιτακος (МИ)	— Τίταρον (город Фессалии).

Индоевропейский характер этого чередования хорошо известен, ср. греч. νεάξι — νεαρός 'юноша, юный'.

-NΘ- / -NΔ- : -P-

Αἴγινθος (ЛИ; Suida)	— Αἴγειρος (МН на Лесбосе),
Ἄρανδακος (МИ)	— Αραρα (МН Карики),
Βισάνθη (город Фракии)	— Βισύρας (фрак. ЛИ),
Ἴσάνθης (фрак. ЛИ)	— Ἴσάρας (река во Фракии),
Καλανθία (МН Киликии)	— Κάληρος (МН Фракии),
Κάμυндος (дем на Родосе)	— Κάμειρος (город на Родосе),

Κόλλανδος (город Карию)	— Κόλλαρος (МИ),
Λάβανδα (МН Лидии)	— Λάβαρα (город Карию),
Λαμύνθιος (ЛИ)	— Λάμυρος (река в Ликии),
Οἶνανδεῖς (фрак. ЭН)	— Οἶναρος (жрец Диониса; Наксос),
Ὅλωνθεύς (ЛИ; Лакедемон)	— Ὅλορος (фрак. ЛИ),
Τερμινθεύς (эпитет Зевса и Аполлона; Кария)	— Τέρμερα (город Карию).

-Λ- : -N-

Ἄργιλος, -α (города Фракии и Карию)	— Ἄργῖνον (МН Ионии),
Βιθυλος (фрак. ЛИ)	— Βιθυνοί (фрак. ЭН),
Δερξειλας (фрак. ЛИ)	— Derzenus (фрак. ЛИ),
Καρίλας (ЛИ; Кария)	— Καρίνη (город Фракии, кариянка),
Καύκαλος (ЛИ; Хиос)	— Καύκωνες (фрак. ЭН),
Κυτίλης (фрак. ЛИ)	— Κύτινα (город Фессалии),
Μάνταλος (город Фригии)	— Μαντανίς (фрак. ЛИ),
Μουκαλας (фрак. ЛИ)	— Μουκκων (фрак. ЛИ),
Παπύλος (фрак.-малоаз. ЛИ)	— Παπάνιος (эпитет Зевса; Вифиния),
Πύραλος (ЛИ; Беотия) ²⁷	— Πυρηνεύς (фракийский царь),
Σισούλις (фрак. ЛИ)	— Σισουνα (пафлагон. ЛИ),
Σπάρτωλος (фрак. ЛИ)	— Σπάρτων (МИ)

В перечень не вошли чередования с наиболее частотными вариантами суффиксов -υλ- и -ων- типа Μανδρόλος (ЛИ; Эфес) — Μάνδρων (царь фракийского племени бибриков),²⁸ Βαβύλη (город Фракии) — Βαβων (кар. ЛИ); ср. также Asdula (фрак. ЛИ) — Ἄσδηνός (эпитет фракийского Героса). Чередование l : n надежно засвидетельствовано в апеллятивной лексике. Примеры типа греч. ἀγκάλη (ср. ἀγκύλος 'кривой, изогнутый') = ἀγκών 'локоть' неоднократно отмечались в литературе (Э. Швицер, Э. Бенвенист, Ф. Шпехт и др.). Суффиксальная синонимия может быть проиллюстрирована на примере: Σφενδάλη = Σφενδόνη (дем в Аттике); ср. также в латинском языке: Romulus — Romānus, Siculus — Sicānus (из греческого, ср. Σικελία = Σικανία).

-Κ- : -N-

Ἄρηκος (МН Фракии)	— Ἀρήνη (МИ),
Ἄρτακοί (фрак. ЭН)	— Ἀρτάνης (МИ),
Ἄτραξ (фрак. ЛИ)	— Ἀτρήνη (МИ),

²⁷ Ср. фрак. ЛИ Πυρούλας.

²⁸ Ср. карийский теоним Μάνδρος.

Βριάκας (МИ)
 Δαροχος (фрак. ЛИ)
 Ἰδακος (фрак. МН, кар. ЛИ)
 Κοθωκίδαι (аттич. дем)
 Κοκκῶκα (эпитет Артемиды)
 Κορδάκα (эпитет Артемиды)

Πύρρακος (ЛИ)
 Τατακος (фриг. ЛИ)
 Τιτακός (МИ)

— Βριάνα (город Фригии),
 — Δαρων (фриг.-писид. ЛИ),
 — Ιδαπιум (фрак. МН),
 — Κόθων (фрак. ЛИ),
 — Κοκκωνᾶς (ЛИ; Византий),
 — Κορδηγός (эпитет фракийского Героса),
 — Πυρρήνη (фрак. МИ),
 — Τατανος (мисийск. ЛИ),
 — Τίτανος (гора в Фессалии)
 и др.

Наиболее частотные варианты суффиксов *-ακ-* и *-ων-* встречаются как во фракийско-карийском ареале (Σπάρτακος (фрак. ЛИ) — Σπάρτων (МИ на Родосе и в Беотии)), так и в греческой ономастике и апеллятивной лексике:²⁹ ЛИИ Στράβαξ и Στράβων, λειμαξ=λειμών 'луг'; ср. также κόραξ 'ворон' — κόρωνη 'ворона', τίταξ 'царь' — τιτήνη 'царица' и др. Во фракийской апеллятивной лексике можно отметить производные от βρωτος 'пиво' — βρωτικός и βρώτινος (см. (Vlahov 1963, 267) — со ссылками на Д. Дечева и В. Георгиева). Пример суффиксальной синонимии: Καμικός=Κάμινος (река в Сицилии). Идентичность ономастической и апеллятивной словообразовательной модели с чередованием *-(α)κ-* : *-(ω)ν-* становится очевидной из примера: греч. μυάκιον 'мышка' — μυωνία 'мышинная нора' = Μυάκιος ЛИ — Μυωνία (город Локриды Озольской).

-ΝΘ·/-ΝΔ·:-Ν-

Ἄψινθος (город Фракии)
 Βισάνθη (город Фракии)
 Βρύανθος (ЛИ)

Κορδώνδας (ЛИ; Беотия)
 Κόρυνθος (эпитет Аполлона)

Κοσινθος (МН Фракии)
 Κόσκυνθος (река на Эвбее)
 Κύλλανδος (город Кариин)

Μελανθῶ (МИ)
 Μύσανδα (город Кариин; Киликии)
 Οἶνανδεῖς (фрак. ЭН)
 Πέρινθος (город Фракии)

— Ἄψίνης (ЛИ; Аттика),
 — Βισεπ (фрак. ЛИ),
 — Βρυάνιον (город Македонии),
 — Κορδηγός (эпитет фракийского Героса)
 — Κορύνη = Κορίνη (город Элиды),
 — Κοσινας (кар. ЛИ),
 — Κοσκίνια (город Кариин),
 — Κυλλάνα (город Элиды и др.; ср. лин. Б ku-ra-po = Κύλλανος),
 — Μελανῶ (остров у Кариин),³⁰
 — Μύσων (МИ),
 — Οἶνώνη (фриг. МИ),
 — Περίνη (МН Мисии).

²⁹ Независимо от исконного или заимствованного характера соответствующих лексем.

³⁰ Ср. также Μελανθεός (брат Μελανθῶ) и Μελανεύς (МИ).

Αἴσακος (сын Приама)	— Αἴσυλος (МИ),
Ἄρηκος (МН Фракии)	— Ἄραλος (город Фракии),
Ἄρπακος (ЛИ; Фасос)	— Ἄρπαλος (МИ),
Βειθακος (фрак. ЛИ)	— Βειθυλος (фрак. ЛИ),
Δορυκανος (фриг. ЛИ)	— Δορύλας (МИ),
Ἰδακος (МН Фракии)	— Ἰδάλιον (МН на Кипре),
Κανδύκη (прозвище Клеопатры)	— Κάνδαλος (МИ),
Μαμμακος (кар. ЛИ)	— Μαμαλον (кар. ЛИ),
Πιττακός (фрак. ЛИ)	— Πίτταλος (фрак. ЛИ ³¹),
Σάδοκος (фрак. ЛИ)	— Σαδάλης (фрак. ЛИ),
Σάτοκος (фрак. ЛИ ³²)	— Σάταλα (МН Македонии),
Σπάρτοκος (фрак. ЛИ)	— Σπάρτωλος (фрак. ЛИ).

Суффиксальная синонимия: Κυβήκη=Κυβήλη 'Кибела', Κόνδυκα=Κόνδυλα (город Ликийи); ср. Κόνδαλος (кар. ЛИ) — ономастика; πύσσαξ=πάσσαλος 'колышек, (деревянный) гвоздь' — апеллятивная лексика; νόσσαξ 'молодой петух' — Νοσσόλος (ЛИ с острова Кос, близ Карию) — смешанный случай. Чередование к:1, известное целому ряду индоевропейских языков, встречается также и в греческой ономастике (независимо от ее происхождения); ср. ЛИИ Ἰπλακός (Делос) и Ἰπλαλος (Эретрия).

Ἄκανθος (города Фракии и Карию)	— Ἀκάλη (МИ),
Ἄψινθος (город Фракии)	— Ἄψαλος (город Македонии),
Κάμυνδος (дем на Родосе)	— Καμολης (фрак. ЛИ),
Καρσενδα (МН Фригии)	— Carsaleon (город Фракии),
Κοζινθης (фрак. ЛИ)	— Κοζειλας (фрак. ЛИ),
Κόσκυνθος (река на Эвбее)	— Κόσκουλος (ЛИ; Беотия),
Πάσσανδα (МН Карию)	— Πάσσαλα (остров у Карию),
Πισινδηλις (кар. ЛИ ³³)	— Πίσιλις (МН Карию),
Πύρινθος (город Карию)	— Πύρριλος (ЛИ; Беотия),
Σάμυνθος (ЛИ Акарнания) ³⁴	— Σαμυλία (город Карию),
Σίκενδος (озеро в Фессалии)	— Σικελός (царь Фракии),
Τερμινθεός (эпитет Зевса и Аполлона; Карию)	— Τερμίλη (город Карию).

³¹ Видимо, контаминированной является форма фрак. ЛИ Πιττάλακος.

³² Вероятно, вариант предыдущего имени (мена δ:τ).

³³ Также, по-видимому, контаминация основ Πισινδ- (ср. Πίσινδα (город Писидии)) и Πισιλ-.

³⁴ Одно из чтений имени. Но ср. Σάμυνθος (город Арголиды).

В греческой ономастике также встречается это суффиксальное чередование; ср. ЛИИ 'Ιπλώνδης (Эвбея) и 'Ιππalos (Эретрия).

-ΝΘ-/-ΝΔ-: -Κ-

Galanthis (МИ; Беотия)	— Γαλακώ (источник в Лакедемоне); ср. Γάλυκος (фрак. ЛИ),
Δαρανδος (город Вифинии)	— Δαροκος (фрак. ЛИ),
Κάλυνδα (город Карию)	— Καλύκη (МИ),
Καρθενθης (фрак. ЛИ)	— Κάρδακας (МН на (соврем.) Кипре),
Κήρινθος (город на Эвбее)	— Κηρύκιον (гора у Эфеса),
Κόρυνθος (эпитет Аполлона)	— Κορόκιος (о пещере на Парнасе),
Κορδώνδας (ЛИ; Беотия)	— Κορδάκα (эпитет Артемиды),
Λάβρανδα (МН Карию)	— Λάβραξ (МИ),
Λάλανδος (МН Фригии)	— Λάλαξ (ЛИ),
Οιάνθη (город Локриды Озольской)	— Οΐαξ (МИ),
Ύολυνθος (город Фракии)	— Ύολυκα (город Македонии),
Σαροανδης (пафлагон. ЛИ)	— Σάρακος (фрак. ЛИ).

В греческой ономастике: ЛИИ 'Ιπλώνδης (Эвбея) — 'Ιππικός (Делос); смешанный случай: Πάσσανδα (МН Карию) — πάσσαξ 'деревянный гвоздь, затычка'.

Итак, мы рассмотрели выборочные (по 12 на каждый случай) ономастические чередования с шестью наиболее частотными «догреческими» суффиксами. Количество возможных сочетаний из 6 элементов по два равно 15. Легко подсчитать, что для изложения материала по всем 17 обследованным суффиксам пришлось бы рассмотреть не 15, а 130 вариантов чередований. Поэтому остальные суффиксы придется оставить «за кадром». Отмечу только, что «ведут» они себя точно так же, как и рассмотренные суффиксы, не давая достоятных оснований для вычленения в палеобалканской ономастике «корней» -ол-, -ол-'вода, река', -βιος 'жизнь', -βια 'сила' и т. п. Некоторые из приведенных палеобалканских примеров имеют «греческую» этимологию,³⁵ что говорит в пользу защищаемого в данной книге тезиса о генетическом единстве палеобалканских языков и об их близости к языку греческому.

Рассмотренные случаи составляют лишь небольшую часть

³⁵ Правда, здесь всегда нужно считаться с возможным воздействием «народной этимологии» — как в процессе формирования ономастической лексики, так и при ее научной интерпретации.

имеющегося в картотеке материала. По количеству возможных вариантов — при учете 17 суффиксов — это составит 15 вариантов из 130. Но и в рамках учтенных 15 вариантов дан далеко не весь материал. Причем количество примеров для некоторых типов чередований (например, -ρ : -σ(σ)-, -λ : -ν-) можно было бы легко увеличить в несколько раз, в других случаях (-νθ/-νδ : -ρ-) — лишь в 3—4 раза. Разумеется, далеко не все примеры в равной степени надежны. Не зная лексики палеобалканских языков, можно всегда допустить ошибку типа *Пушкин : пушкинист* = *Данте : дантист*. Однако реальная возможность подобного рода ошибок — не очень велика, а примеры, когда один и тот же топоним или один и тот же предмет обозначается двумя именами с чередующимися суффиксами (ср. *Κυβήκη* = *Κυβήλη* 'Кибела', *λάσσαξ* = *λάσσαλος* 'колышек'), свидетельствуют о том, что перед нами — не случайные совпадения, а строгая словообразовательная закономерность.

Системный характер рассмотренных суффиксальных чередований едва ли может вызывать сомнения. Некоторые изолированные примеры этих чередований отмечались в литературе. В работах Э. Бенвениста и Ф. Шпехта они даются на более широком индоевропейском фоне. Однако в своей совокупности эти чередования, кажется, еще не подвергались специальному исследованию. Структура палеобалканских собственных имен резко отличается от структуры хетто-лувийской ономастики; см. (Lagochе 1952, ч. III «Структура личных имен» (с. 99—140), особенно — гл. V «Основные деривационные суффиксы» (с. 130—140)).

Во многих случаях в палеобалканском ареале засвидетельствована также и простая ономастическая основа чередующихся имен. Ср., напр.: *Διζουλος* (фрак. ЛИ) — *Διζουροι* (фрак. ЭН) и *Διζας* (фрак. ЛИ). Кроме того, уже из приведенных примеров видно, что отдельные имена повторяются в разных вариантах чередований. Это означает, что в чередованиях могут участвовать не 2, а 3—4 и более суффиксов. Ср.: фрак. ЛИИ *Διζαλας*, *Διζανος*, *Διζαλης*, *Διζάστης* и фрак. ЭН *Διζουροι*. Причем сумма чередований может совпадать во фракийском и карийско-малоазийском ареале:

<i>Ζει-σσ-ις</i> (фрак. ЛИ)	— <i>Αρβη-σσ-ις</i> (кар. ЛИ),
<i>Ζει-ρ-(ί)νη</i> (МН Фракии)	— <i>Αρβα-ρ-ας</i> (писид. ЛИ),
<i>Ζει-ν-ης</i> (фрак. ЛИ)	— <i>'Αρβά-ν-ιον</i> (город в Понте),
<i>Ζει-λ-η</i> (фрак. ЛИ)	— <i>Αρβυ-λ-ης</i> (кар. ЛИ).

При отборе участвующих в чередованиях в основном негреческих ономастических лексем предпочтение отдавалось именам, более или менее надежно привязанным к определенному ареалу. В приведенных 170 чередованиях мы находим более 100

фракийских имен, около 70 — карийских, около 30 — фригийских, 25 имен из фессалийско-македонской области, 10 — из Ботии и Аттики. За пределами рассмотренных примеров оказалось довольно большое количество «догреческих» мифологических имен, ибо они очень часто не имеют надежной этнической (и языковой) «привязки». Но показателен уже самый тот факт, что «догреческие» мифологические имена участвуют во всех суффиксальных чередованиях — вместе с именами фракийскими, фригийскими, македонскими и карийскими. Те же самые имена, которые у греков относятся к области мифа, у палеобалканских племен являются обычными именами из их реальной жизни. Так, Κίμων — это сын Аполлона, а Κίμωνες — фракийский этноним; Τηρέος — сын Ареса, а Τήρης — имя вполне реальных фракийских царей; Μάσωλος — сын Гелиоса и карийское ЛИ, а Μάσωλοι = Κάρεις 'карийцы'; Τιτυός — сын Геи, а Τιτυέων γένος — род в Алабанде (Кария). Подобные примеры — не просто многочисленны, они необозримы. Все это говорит о том, что «догреческие» мифологические имена идентичны палеобалканским, что именно фракийский, фригийский, македонский и карийский языки и явились источником того сложного по своему составу слоя греческого языка, который принято называть «догреческим».

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ -σσ- ТОПОНИМОВ И АНТРОПОНИМОВ

Среди сотен и даже тысяч суффиксальных чередований, динамика которых и составляет специфику палеобалканской ономастической системы, особое место занимает чередование -κ- : -σ(σ)-. Дело в том, что для довольно большого числа случаев можно с достаточной уверенностью утверждать, что формы с суффиксальным -κ- представляют собой производящую, а с -σσ- — производную основу, явившуюся результатом фонетического преобразования $*\tilde{k}i > ss$. Сама по себе эта идея не является новой ни по отношению к греческому языку, ни к «догреческому». Хорошо известны примеры типа $*rek-i-\tilde{o} > греч. \lambda\acute{\epsilon}\sigma\omega$ 'пеку'; ср. (Chantraine 1933, 2; Бенвенист 1955, 73; Schwyzer 1939, 472, 496 и др.). «Пеласгские» реконструкции В. Георгиева и А. Ван Виндекенса также в целом ряде случаев предполагают фонетическое изменение $*\tilde{k}i > ss$ (Georgiev 1945, 193; 1961, 42; van Windekens 1952, 56 и др.).³⁶ Однако В. Георгиев считает это изменение греческим (Georgiev 1966d, 268; 1974a, 246).

³⁶ Неправдоподобными представляются реконструкции $\tilde{\alpha}\sigma\sigma\acute{o}\varsigma < *-\tilde{a}kios$ — к лат. *acer* 'острый' (Blumenthal 1937—1938, 161), $\tilde{\alpha}\sigma\sigma\acute{o}\varsigma < *-\tilde{a}ntos$ (Meringer 1967, 66) или $-ss- < *tw$ (Chadwick 1969b, 90).

В греческом языке, действительно, засвидетельствовано фонетическое изменение $*ki > ss$. Более того, например, крито-микен. to-so = эпич. $\tau\acute{\epsilon}\sigma\sigma\acute{o}\varsigma$ можно объяснить только из $*tokios \approx \approx$ вост.-лит. $t\acute{o}kias$ 'такой'. Другой подобного рода пример: $\mu\upsilon\chi\acute{o}\varsigma = \mu\upsilon\tau\tau\acute{o}\varsigma$ ($< *mukios$) встречается у Гесихия, а поэтому не может быть безоговорочно отнесен к исконной греческой лексике. Как известно, в словообразовательной системе родственных языков нередко встречаются близкие суффиксальные модели, лишь незначительно различающиеся между собой. Так, перед балто-славянским суффиксом $-b(a)$ в балтийских языках всегда стоит долгое, а в славянских — краткое i (ср. лит. $ag\acute{y}ba =$ рус. *орьба* 'пахота', $draug\acute{y}ba =$ др.-рус. *дружьба*, $mald\acute{y}ba =$ *мольба* и др.). У суффикса $-ios$ был дублет $-iios$, который был полностью обобщен греческим языком (Deroy 1974, 13) в отличие от догреческого $-ios$.³⁷

Проиллюстрируем это расхождение на конкретном примере. $'I\nu\nu\xi = 'I\nu\nu\acute{o}\varsigma$ (город Сицилии) имеет производное прилагательное $'I\nu\nu\acute{o}\mu\iota\omicron\varsigma < *I\nu\nu\chi-i-\omicron\varsigma$. Параллельное (негреческое!) образование $*I\nu\nu\chi-i-\omicron\varsigma$ дало $'I\nu\nu\sigma\acute{o}\varsigma$ (город в Египте). Правильность этой реконструкции подтверждается наличием второго названия этого египетского города: $'I\nu\nu\acute{o}\varsigma = 'I\nu\nu\sigma\acute{\iota}\varsigma$ (Hrdt., VI, 23), причем соотносятся они между собой точно так же, как два имени Плавта: *Massus* и *Massius*. Ср. также $'A\rho\sigma\alpha\kappa\acute{\iota}\varsigma = 'A\rho\sigma\eta\sigma\sigma\alpha$ — два названия одного и того же озера в *Armenia Maior*.

Фактически любое суффиксальное чередование $-x- : -\sigma(\sigma)-$ может быть интерпретировано таким же образом, т. е. сведено к модели $'I\nu\nu\acute{o}\varsigma \rightarrow *I\nu\nu\chi-i-\omicron\varsigma$ (ср. греч. $'I\nu\nu\acute{o}\mu\iota\omicron\varsigma > 'I\nu\nu\sigma\acute{o}\varsigma$). Ниже даны выборочные примеры: $'A\chi\acute{\alpha}\rho\alpha\kappa\alpha$ (город Кари, Лидии) — $'A\chi\alpha\rho\alpha\sigma\acute{o}\varsigma$ (город Ликии); $'A\nu\delta\rho\alpha\mu\alpha$ (город Каппадокии) — $'A\nu\delta\rho\alpha\sigma\acute{o}\varsigma$ (город Киликии); $V\acute{\epsilon}\beta\rho\nu\kappa\epsilon\varsigma$ (фраг. ЭН) — $V\acute{\epsilon}\beta\rho\nu\sigma\sigma\alpha$ (форма жен. рода от $V\acute{\epsilon}\beta\rho\nu\xi$); $V\rho\acute{\upsilon}\kappa\alpha\iota$ (фраг. ЭН) — $V\rho\acute{\upsilon}\sigma\omega\nu$ (ряд ЛИИ); $V\acute{\upsilon}\beta\alpha\xi$ (ЛИ) — $V\acute{\upsilon}\beta\alpha\sigma\sigma\acute{o}\varsigma$ (город Кари); $\Delta\omicron\rho\nu\chi(\alpha\nu\omicron\varsigma)$ (фриг. ЛИ) — $\Delta\acute{\iota}\rho\nu\sigma\sigma\alpha$ 'Самос'; $\Theta\rho\acute{\alpha}\xi$ 'фракиец' — $\Theta\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha$ 'фракиянка'; $\text{Κανδ}\acute{\alpha}\kappa\eta$ (прозвище Клеопатры, макед.) — $\text{Κ}\acute{\alpha}\nu\delta\alpha\sigma\alpha$ (крепость в Кари); $\text{Καρ}\acute{\sigma}\kappa\iota\omicron\varsigma$ (ЛИ) — $\text{Καρ}\eta\sigma\acute{o}\varsigma$ (город и река в Троаде); $\text{Κ}\acute{\iota}\lambda\iota\xi$ 'киликиец' — $\text{Κ}\acute{\iota}\lambda\iota\sigma\sigma\alpha = \text{Κ}\acute{\iota}\lambda\iota\kappa\acute{\iota}\alpha$; $\text{Κυ}\beta\acute{\iota}\mu\eta$ 'Кибела' — $\text{Κυ}\beta\alpha\sigma\acute{o}\varsigma$ (город Кари); $\text{Λ}\acute{\alpha}\nu\alpha\xi$ (ЛИ; Милет (Kamerau — Rehm 1914, 188)) — $\text{Λ}\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\sigma\alpha$ (ЛИ); $\text{Μ}\acute{\alpha}\rho\mu\alpha\xi$ (МИ) — $\text{Μαρμησσο}\acute{o}\varsigma$ (город Мисии); $\text{Μην}\alpha\kappa\omicron\nu$ (фраг. МН) — $\text{Μην}\alpha\tau\tau\eta\varsigma$ (писид. ЛИ); $\text{Μ}\acute{\iota}\nu\alpha\kappa\omicron\varsigma$ (фраг. ЛИ) — $\text{Μ}\acute{\iota}\nu\alpha\sigma\acute{o}\varsigma$ (город Писидии); $\text{Ναρ}\acute{\sigma}\kappa\iota\omicron\nu$ (МН Фракия) — $\text{Να}\rho\alpha\sigma\alpha$ (МН Кари);

³⁷ О соотношении этих двух форм суффикса см. (Renou 1952, §§ 34, 229; Ruijgh 1967a, 101 и (в связи с законом Зиверса — Эджертон), Семеновы 1980, 121 сл.).

Ἰόλκω (город Македонии) — Ἰόλκωσσεύς (МИ; сопоставление — без объяснения — дано уже А. Фиком (Fick 1909, 21)); Ὀρτάκω (лик. ЛИ) — Ὀρτάσις (кар. ЛИ); Πάικον (гора в Македонии) — Παίσός (город и река в Троаде); Πάιναξ (ручей во Фракии) — Πανασός (МН на Крите = Panasso — в источнике 1280 г.); Πίδωκος (ЛИ) — Πίδωσσος (остров у Карики); Σαμάκιον (ЛИ) — Σαμασις (кар. ЛИ); Σίνδαξ (КБН, 410) = Σίνδοκος (КБН, 671) — Σινδησσός (город Карики); Φοίνιξ 'финикиец' — Φοίνισσα 'финикиянка'.

Наличие изложенной словообразовательной модели позволяет в целом ряде случаев поставить вопрос об этимологии отдельных «догреческих» образований с суффиксом -σσ-. И начать здесь нужно с категорического возражения против тезиса о том, что якобы «апеллятивная лексика, на базе которой возникла автохтонная балканская ономастика, практически не сохранилась» (Гиндин 1973, 70 = 1981, 12), ср. также (Гиндин 1967, 15 сл. и другие его работы). Этот тезис имеет своей целью снять всякий семантический контроль с тех этимологий, которые предлагает автор, исходя из произвольных сопоставлений с хетто-лувийской лексикой. Выше (Введение, прим. 1) уже приводилась ссылка на обширные списки «догреческой» апеллятивной лексики. В этих (и других) списках особенно много названий растений и животных, которые очень тесно связаны с ономастикой. В одной из работ почти столетней давности рассматривается около 500 единиц растительной лексики, связанных с греческой мифологией. Очень многие из них традиционно относятся к догреческому слою лексики, и весьма значительный процент греческих (resp. «догреческих») мифологических имен оказывается идентичным с наименованиями растений (Murr 1890); см. также (Strömberg 1940). О многочисленных личных именах, топонимах, эпитетах богов и т. д., образованных от или совпадающих с различными названиями зверей, птиц, рыб, морских животных, пресмыкающихся, насекомых, см. (Schröder 1937; Bodson 1978). О связи этнонимов с тотемизмом см. (Alessio 1945, 130; Georgiev 1981, 111).

Подробные списки личных имен, образованных от названий растений и животных, приводит Ф. Бехтель, причем одних лишь имен, совпадающих с названиями животных, насчитывается более 50 (Bechtel 1917, 580 ff.). Та же самая связь с растительным и животным миром прослеживается и у многочисленных топонимов на -έσσα/-οίσα; ср. πίτυς 'сосна' — Πιτυασσός (город Писидии; догреческая модель) — Πιτυέσσα (ряд МНН; модель греческого поэтического языка), πρῖνος 'каменный дуб' — Πρινασσός (город Карики) — Πρινέσσα (остров у Эпира; Откупщиков 1975, 274 слл.).³⁸

³⁸ Полное непонимание этой связи между двумя разными словообразовательными моделями проявил Л. А. Гиндин (1981, 13—14), который, к тому же, ссылается не на мою статью 1975 г., а на тезисы доклада.

Возьмем всего лишь несколько примеров на букву А, иллюстрирующих неразрывную связь между палеобалканской ономастической и апеллятивной лексикой, относящейся к растительному миру: Ἀβρότονον (фрак. ЛИ³⁹: ср. ἀβρότονον: εἶδος βοτάνης 'вид растения' — Suida), Αἴγειρος (город Мегариды) = 'черный тополь',⁴⁰ Αἴσακος (сын Приама) = 'ветвь лавра' — Hes.), Ἀκανθος (города Фракии и Карики = 'акант'), Ἀκαρνανία (область Греции, ср. ἄκαρνα 'лавр' — Hes.), Ἀλθαῖα (МИ = 'дикая мальва'), Ἀμύρακος (МИ = 'майоран'), Ἀμπελος (МНН в Македонии, на Крите и Самосе, а также МИ = 'виноградная лоза, виноград'), Ἀνθεμῖς (прежнее название о-ва Самос = 'цветок'), Ἀρακος (макед. ЛИ = 'чина, луговой горох'), Ἀφινθος (город Фракии = 'полюнь').⁴¹ Совершенно очевидно, что эти взятые подряд примеры на первую же букву алфавита — не случайные совпадения, а отражение общей тенденции номинации ономастических объектов, широко распространенной среди многих языков мира. Подобных примеров — многие десятки, если говорить только об одной растительной лексике, которая отнюдь не составляет всей ее совокупности. Вот почему глубоко ошибочно утверждение о том, что апеллятивная лексика, на основе которой формировалась балканская автохтонная ономастика, не сохранилась.

Те же самые семантические закономерности номинации, что и в приведенных выше случаях, проявляются и у «догреческих» имен собственных с суффиксом -σ(σ)-, причем производящей основой у них часто оказываются названия растений, животных и т. д. с суффиксом -κ-. Так, у Гесихия засвидетельствовано слово ἀμάμυξ 'виноград, виноградная лоза', у Эпихарма и Сапфо — ἀμάμαξος 'закрепленная на двух шестах виноградная лоза' (Sapph., 150), у Аристофана — ψευδαμάμαξος (Aristoph., Vesp., 326). В приведенных примерах основа со значением 'виноград, лоза' выступает в двух формах: ἀμαμυκ- и ἀμαμακ- (с обычной меной υ : α перед суффиксом). В соответствии с рассмотренной выше словообразовательной моделью, получаем: *Ἀμαμακ-ι-ος > Ἀμαμασσός 'Виноградный (город)' — город на Кипре.⁴² Перед нами — не чисто корневое сопоставление типа Ἀλασσος (МН Писидии) — хетто-лув. Alašša, где при наличии

³⁹ Одни считают это имя фракийским, другие — карийским, большинство — греческим (например: Detschew 1957, 3). Но ср. Ἀβρο-ζέλις (фрак. ЛИ) — с той же основой.

⁴⁰ При полном совпадении имени с апеллятивом дается только перевод последнего.

⁴¹ Этимологически и топоним, и апеллятив, возможно, восходят к названию осины (ср. лтш. arpe 'осина'), т. е. 'осиновый (город)' и 'осиновая (трава)'. См. приведенную выше этимологию И. Дуриданова (Dugidanov 1972, 236).

⁴² Типологически ср. в русской топонимике: *Лозовая*. О других примерах «виноградных» топонимов в Эгеиде см. (Откупщиков 1985, 100 сл.).

омонимичного суффикса совпадает лишь корневой элемент Al- (значение которого неизвестно ни в одном из сопоставляемых ареалов), а топоним со сложной словообразовательной структурой, образованный от реально засвидетельствованного слова. Причем приведенная реконструкция отражает бесспорные фонетические, словообразовательные и семантические закономерности, характерные для палеобалканской ономастики. И это — не единичный пример, а лишь первый (в порядке алфавита) из целой серии других имен с суффиксом -σ(σ)-, образованных от производящей основы с суффиксальным -κ-.

Перечислим вкратце ряд такого же рода образований: δαῶχος 'пастернак', *Δαυκ-ι-α > Δαυσ(σ)α → Δαυσαρα (крепость в Македонии) (ср. этникон Καμασσηνός и фрак. ЛИ Καμασαρή); δорύκ-ν-ιον 'ядовитое растение' (Diosc.) — Δόρυσσα 'Самос'; δρῶκες 'лесá (при постройке корабля)' — κ δρῶς 'дерево', *Δρωακ-ι-ος > Δρωησος (фрак. ЛИ); ἐρ(ε)ίκη 'древовидный вереск' — Ἐρεσσός (город на Лесбосе); ἐλιξ 'плющ' 'Ἐλιξ (сын Ликаона; ср. ἐλίσσω 'кружу, поворачиваю'), *Ἐλικ-ι-ων (ср. греч. ЛИ Ἐλικίων) > Ἐλισσών (сын Ликаона) (= 'Ἐλιξ);⁴³ κάμακας 'вид камыша' — Καμασσηνός (этникон — Suida);⁴⁴ λάριξ 'лиственница' — Ἄρισσα (города Фессалии, Аттики, Крита и др.);⁴⁵ μυρίκη = μυριξ (гlossa) 'тамариск' — Μυρισσός, Μύρισσα (ЛИИ из Малой Азии); см. (Zgusta 1964, 98, 337); σῶαξ 'вид бобов' — Συασσός (МН Фригии).

Та же модель, семантически связанная с фауной: γάλαξ 'моллюск' — Γαλισσιος (ЛИ, о-в Сирос); дрῆξ 'воробей' (ср. македонскую гlossу дрῆες 'воробы' — Hes.). *Дрηκ-ι-ος > Δρῆσος (ЛИ троянца — II., VI, 20); ἰέραξ = ἶραξ 'ястреб (сокол)' — Ἰερασσος (МН Карию), Ἰέρασος (река в Дакии — совр. р. Серет). В. Георгиев последний гидроним связывает с *goso-s 'влага' (Георгиев 1977, 205). Это типичное объяснение ad hoc абсолютно неприемлемо, например, для области в Ливии Ἰρασσα. Кроме того, оно совершенно обходит важный вопрос о словообразовании. Между тем типологически кар. МН Ἰερασσος может быть сопоставлено с Ἰεράκιων πόλις в Египте ('город ястребов'). Что же касается дакийского гидронима, то здесь, видимо, необходимо принять во внимание промежуточное семантическое звено: ἰεράκιον 'ястребиная трава, Hebichtkraut' (Diosc.), поскольку речь идет о том же самом дакийском ареале (ср. также ἰερακία · βοτάνη — Hagaroll.).

⁴³ В отличие от ЛИ Ἐλιξ название реки Ἐλισσα (Элида) следует связывать не с названием растения, а с ἐλιξ 'извилины, поворот'; ср. ἀμφιέλισσα (у Гомера, как правило, о корабле).

⁴⁴ Впрочем, ср. также κῆμαξ 'шест, палка; копье'.

⁴⁵ Иначе В. Георгиев: из *lawar-is-(y)o-; ср. греч. λάας 'камень' (Georgiev 1973b, 95).

Выше уже приводился пример с названием города в Египте 'Ινυσσός = 'Ινυκος — вне связи с его этимологией. Обращение к этимологии (ср. ἰνυξ· ὄρνει ὄν τι 'какая-то птица' — Hes.) позволяет внести уточнение в словообразовательную интерпретацию этих двух названий одного и того же города. Соотношение между Γερασσός = 'Γεράκεια πόλις' (согласованное определение) и Γεράκων πόλις (несогласованное определение в gen. pl.) позволяет в случае 'Ινυσσός = 'Ινύκεια πόλις' и 'Ινυκος (πόλις) видеть ту же самую словообразовательную связь ('Ινυκος—gen. sing. от ἰνυξ). Причем у образований с суффиксом -σσ- эллипсису подверглось какое-то негреческое слово, вероятно, со значением 'город'.

Другие примеры: κόβαξ = κόβηξ 'чайка' — Καβασσός (Καβησσός) (город Фракии — Гекатей или Ликий — Гелланик); μέμβραξ 'вид цикады' — Μέμβρασσα, Membressa (город в сев. Африке);⁴⁶ μύαξ 'мышь' — Μύησος (ΜΗ Кари; ср. семантически: σμίνθος 'мышь', Σμίνθη (город Троида), Σμινθ'α (название области)), ἴστακος 'морской рак' — 'Οστασός (ΜΙ; ср. также 'Οστακός (фракт. ΛΙ)); πέτακος 'рябчик' — Πέτασος (ΛΙ; надписи); σπάλαξ 'крот' — Σπάλαξος (ΛΙ курета); о мене -σσ- : -ξ- типа Βρύασσις = Βρύαξις см. выше.

То же фонетическое изменение -κί->-σ(σ)- (= -ττ-), но с -κ-, относящимся к корню, а не к суффиксу, можно отметить в случаях: κίξ 'чайка' — Κηττοί (аттич. дем. — Georgiev 1981, 181 сл.); σφίξ 'оса' — Σφηττοί (аттич. дем. — Ibid., 182; оба слова В. Георгиев считает греческими); ἔκος (название рыбы) — Ὑσσις (кар. ΛΙ). В приведенных реконструкциях обращает на себя внимание довольно большое количество «птичьих» этимологий. При этом невольно вспоминается «птичий город» Аристофана.

Из других семантических групп можно отметить ряд «скалистых» топонимов: ξρμαξ 'скала' — Ἐρματτός (город Этолии — Georgiev 1981, 182); λύμακες 'скалы' — Λυμησός (ΜΗ Ликий); μύρμηξ 'скала' (также 'муравей') — Μυρμισσός (город Троида); μύλαξ 'скала' — Μύλασσα (город Кари).⁴⁷ Ср. также: κόλιξ 'чаша' — Κόλισσος (город на Крите); λάρναξ 'ящик, урна', — Λαρνασσός 'Парнас' (Nehring 1925, 170 f.); πίδαξ 'источник' — Πίδασσα (город Кари — Georgiev 1961, 42); σφώρακος 'ящик, корзина' — Σωρόςσα (ΜΗ на Крите); τρίναξ 'трезубые вилы' — Τρίνασσα (ΜΗ Фригии); χόρακες 'рвы' — Χαρασσό (ΜΗ на совр. Крите — Faugé 1967, 79).⁴⁸

⁴⁶ Ср. сообщение Геродота о насамонах (сев. Африка), которые сушат саранчу, перемалывают ее и пьют с молоком (Hrdt., IV, 172).

⁴⁷ Подробнее см. (Откупщиков 1973, 5 сл.). В. Георгиев связывает с μύλη 'мельница' (Georgiev 1981, 184), считая топоним греческим, но в греческом языке нет словообразовательной модели μύλη → *μυλασσός.

⁴⁸ Ряд пропущенных здесь примеров см. в работе (Откупщиков 1983в, 63 сл.).

Как известно, производные с суффиксом *-κ-* не образуют в греческом языке достаточно компактной группы. Здесь будут и слова, имеющие надежные соответствия в индоевропейских языках, и слова с явно неиндоевропейской основой. Значительно варьируются гласные перед *-κ-*, причем в случае с гласным *α* сложным является вопрос о различении вариантов *-ακ-* и *-ακ* (Radermacher 1924, 3). Немало среди этих образований слов с уменьшительно-пейоративным значением (Schwyzer 1939, 497), а у личных имен — уменьшительно-ласкательных (Kosenamen, см. (Bechtel—Fick 1894, 27)). Уже давно было замечено, что среди слов на *-αξ*, *-ακος*, *-ηξ* много названий растений, рыб, птиц и т. д. (Radermacher 1924, 5). Для настоящей работы существенное значение имеют не любые образования с суффиксом *-κ-*, но лишь те, которые не стоят изолированно в языке, а отражают типично палеобалканские словообразовательные связи.

Прежде всего необходимо отметить наличие нескольких десятков пар типа *οἶσος—οἶσαξ* 'вид ивы', *(σ)μίλος—(σ)μίλαξ* 'тис', *νέβρος—νέβραξ* 'молодой олень', *θύννος—θύνναξ* 'тунец', *λίθος—λίθαξ*, *ψέφος—ψέφαξ* 'камень' и мн. др. (примеры см. (Budenz 1858, 72; Ewald 1924, 11; Radermacher 1924, 4; Specht 1944, 323 и др.)). Та же картина наблюдается в антропонимике: фрак. ЛИ *Σκόλης*—кар. ЛИ *Σκόλαξ*; ср. также *Ἰλας—Ἰλαξ*, *Ἰθάς—Ἰθαξ* и т. п., а в области топонимике—*Στόρα=Στόραξ* (город на Эвбее). Эта словообразовательная особенность прослеживается от табличек линейного письма Б (тип *Si-ma—Si-ma-ko*); см. (Lindgren 1973, I, 113) до новогреческого (тип *πύργος—πυργάκι*); см. (Kretschmer 1934, 109).

Естественно, что в словообразовательном ряду типа *μόλος—μόλαξ—Μύλασσα*, *μόρμος—μόρμηξ—Μυρμισσός* одно из звеньев могло оказаться утраченным. Это позволяет этимологизировать ряд топонимов, опираясь на реконструкцию утраченного словообразовательного звена: *πρίνος* 'каменный дуб'—**πριναξ*, **Πρινακ-ι-ος>Πρινασσός* (МН Кари). Такая же словообразовательная связь может быть установлена для *-σ(σ)-*топонимов: *ἀρία* 'вид дуба'—*Ἀριασσός* (город Памфилии), *βυβός* 'большой, толстый' (ср. ЛИ *Βύραξ—Radermacher 1924, 4*)—*Βύβασσος* (город Кари), *δεσμός* 'привязь'—*Δέσμασα* (город Кари; ср. типологически в русской топонимике: *узы, вязать—Узмень, Вязмень*), *θύα* 'туя'—*Θυησσός* (МН Кари—L. et. J. Robert 1954, 102), *Ἴον* 'фиалка'—*Ἰασσός* (остров и город Кари, фриг. ЛИ) (или: к *Ἰακός* 'ионийский'; см. (Откупщиков 1973, 24; 1983б, 62)), *κάρνος* 'овца' (Нес.)—*Καρνησσό-πολις* (город на Крите (Blumenthal 1937—1938, 156), *καρύα* 'ореховое дерево'—*Καρύασσος* (город Кари), *κέδρος* 'кедр'—*Κέδρισος* (река на Крите), *νάννος* 'карлик'—*Ναννασος* (ликаон. ЛИ), *νάρκος* и *νάρκη* 'электрический скат' (ср. *ναρκάω* 'цепеню, коченю')—*Νάρκασος* (город Кари; ср. также *νάρ-*

жисσος 'нарцисс', Νόρκισσος (МИ) и Ναρκитτίς (название трибы в Эритрее⁴⁹), πῦγος 'утес, скала' — Παγασαί (город Фессалии), πέτρος 'камень, скала' — Πέτροσσα (остров у Киликии; ср. с учетом мены α/ο: πετρόεσσα 'скалистая'), πῆδος 'вид дерева (ель?)' — Πήδασσος (город Мессении), Πήδασα (город Карии), πίτυς 'сосна' — Πιτυασσός (город Писидии), πρυμνός 'крайний' — Πρυμνησός (город Фригии), πυρός 'пшеница' — Πύρασος (город Фессалии), πύργος 'башня' (ср. н.-греч. πυργάκι) — Πύργησσα (город Этрурии), τέγος 'крыша; убежище, жилье' — Τεγησός (город на Кипре), τομή 'разрез, раскол' — Τόμισσα (область, отделяющая Каппадокию от Тавра), τύλος 'возвышение' — Τυλησός (гора в Италии), Τυλισ(σ)ός (город на Крите), τυρός 'сыр' — Τύρισσα (город Македонии).

Нужно думать, что при наличии широко распространенной словообразовательной модели -ος→-αξ, -ακος, *-ακ-ι-ος>-ασσος,

в отдельных случаях могли иметь место образования по аналогии — без промежуточного звена. Однако это — только чисто теоретическая возможность, ибо доказать, что в каком-то конкретном случае этого промежуточного звена не было, по всей видимости, невозможно. Поскольку диминутивам с суффиксом -κ- близки по своему значению образования на -ιον, -ίς и с суффиксами -σκ- и -χγ-, до нас дошло немало параллельных образований типа κύλιξ — κυλίσκη — κυλίχνη 'чашка' и т. п. Это позволяет подвести более реальную базу под реконструкцию производящей основы с суффиксом -κ- для целого ряда топонимов. Так, κυλίσκη=κύλιξ — Κύλισσος (город на Крите) позволяет восстановить утраченное звено в случае 'Εργίσκη (город Фракии) — *εργικ- — 'Εργισσός (МН Фракии).

Другие аналогичного типа реконструкции: ἀμνίον 'чаша' = *αμνιξ — 'Αμνισός (гавань Кносса; лин. Б a-mi-ni-so),⁵⁰ χάριον (название растения) = *καριξ — Κάρισσα (город Галатии),⁵¹ καυκίον 'кубок' = *καυκαξ (ср. σκύλιον = σκύλαξ 'щенок') — Καύκασος (МН на Кеосе и другие МНН),⁵² κολύβριον 'поросенок' = *κολύβραξ — Κολυβρασσός (город Памфилии), τελμίς 'болото' = *τελμαξ — Τελμησός (город Карии), ср. (Georgiev 1981,

⁴⁹ Из раскопок 1975 г. на Эвбее, см. ВСН, 1976, t. 100, p. 701.

⁵⁰ В. Георгиев придерживается старого сопоставления с лат. amnis 'река' (Georgiev 1945, 210 f).

⁵¹ Другая этимологическая возможность: связь с καρίς 'морской рак, креветка' (καρίς: *καριξ=σταλίς: στάλιξ 'жердь'). К той же модели, видимо, следует отнести κηρίς (название растения) = *κηριξ — ΛΙ Κηρισσός и этникон Κηρισσός (Исаврия). Едва ли правильной является интерпретация Κάρισα (город Испании) как 'город карийцев' (Schulten 1950, 20, 25).

⁵² Связь со значением 'кубок' здесь, видимо, была опосредствованной. В основе лежит и.-е. *kauk- 'высокий, высота'; ср. гот. hauhs 'высокий', лит. káikažas 'вершина, холм'. Об этимологии ΜΙΝ Κάικασος см. (Откупщиков 1980, 70 с литературой). Реконструкция *Καυκακ-ι-ος>Καύκασος подтверждается наличием производящей основы у топонима сев. Африки Καύκακис (Scyl., III).

184); ἄρδις 'наконечник, острие' = *ἄρδαξ — Ἄρδηττός (возвышенность близ Афин), ср. (Georgiev 1961, 43); фрак. βρόλων 'брадобрей', букв. 'режущий' — *βρόληξ (ср. λειμών = λειμαῖ 'луг') — Βρίλησ(σ)ός (гора в Аттике).

Несколько примеров того же типа из области ономастики: Ἄσσα (город Македонии) — Ἄσσησ(σ)ός (МН Карики), Ἰμβρος (остров у Фракии, крепость в Карики) — Ἰμβρασ(σ)ος (река на Самосе), ср. Ἰμβρασσις (кар. ЛИ), Κάλιβις (река в Карики) — Καλιβισός (МН Карики) — Σατρα 1969, 138), Κάσος (остров в Эгейском море) — Κάσωσός (МН Карики), Κινδύη (МН Карики) — Κινδυασός (МН Киликии), Κορόπη (город Фессалии) — Κορολασός (МН Ликаонии), Κόδραи (город Фригии) — Κυδρησις (писид. ЛИ), Κόρυβα (город на Крите) — Κόρυβασα (город Карики), Μέδμα (город локров в Бруттии) — Μέδμασα (город Карики), Πίνδος (горная цепь в Фессалии, река в Локриде) — Πίνδασος (гора у Энидавра), Ρότιον = Ρυτιασός (город на Крите), Σαβαλας (фриг. лик. ЛИ) — Σαβαλασός (город Каппадокии), Σάρδος (город Фракии) — Σαρδησός (город в троянской Киликии), Τόρυβα (МН на Крите) — Ταρυβασός (МИ), Τιτύος (город Писидии), ср. Τιτυέων γένος (в Алабанде — Карики) — Τιτύασος (МН Писидии), Τύμνος (город Карики), Τύμνης (кар. ЛИ) — Τυμνησός (город Карики), Нумос (остров у Карики) — Ὑμησση (МН Карики — Sundwall 1950, 473), ср. Ὑμηττός/Ὑμησός (гора в Аттике), Ὑα (город Фокиды) — Ὑηττός (МН Беотии).

Описанная словообразовательная модель охватывает свыше 250 имен, ареально связанных с Балканами, Эгейдой и западной (в основном) Малой Азией. Видное место среди рассмотренных примеров принадлежит фракийским, фригийским и — особенно — карийским именам.⁵³ В целом ряде случаев можно говорить о бесспорно индоевропейском происхождении палеобалканских собственных имен с суффиксом -σ(σ)-: Ἐλισσα, Μύησος, Πέτασος, Μύλασσα, Τρίνασσα, Καρνησός-πολις, Πύρασος, Τόμισσα и др. Немало, однако, здесь и таких образований, которые не этимологизируются ни на греческой, ни на палеобалканской, ни на индоевропейской почве. Они, видимо, представляют собой индоевропеизированные имена собственные, в основе которых лежит заимствованная из более древнего неиндоевропейского субстрата лексика. Сюда, видимо, следует отнести некоторые из сопоставлений Э. Фюрне, несмотря на спорность многих из них — о чем речь шла уже выше. Материал, связанный с догреческим неиндоевропейским субстратом, можно найти также в недавно вышедшей книге Р. В. Гордезиани (1985). В соответствии с излагаемой здесь гипотезой в (до)греческо-картвельских встречах автор отмечает, как правило, сходства в корневой части слова. Из 5 приведенных в книге

⁵³ Подробнее об ареале см. (Откупщиков 1983б, 66).

-σσ-топонимов один — Καύκασος — признается топонимом эгейского происхождения (Гордезиани 1985, 148), остальные (как и макед. σάρισσα 'копье') сопоставляются только в их корневой части.

Изложенные этимологии -σσ-топонимов — весьма компактны в семантическом отношении, во многом совпадая с семантикой имен, полностью идентичных соответствующим апеллятивам (флора, фауна, географический рельеф, названия сосудов и др.). Показательно, что целый ряд приведенных этимологий подтверждается реалиями. Так, Μύλασσα как 'скалистый город' (к μύλαξ 'скала') полностью отвечает описанию этого города у Страбона (XIV, 658); см. (Откупщиков 1973, 26). То же самое можно сказать и о другом «скалистом городе» — Παγασαί (к πάγος 'скала'; см. (Apostolides 1912, 11 sq.)). Название горы Τυλισσός как нельзя лучше подходит к ее этимону τύλος 'возвышение', Καύκασος — к и.е. *kauk- 'высокий' и т. д.

Значительно реже, чем -κ-ι- > -σ(σ)-, встречались в палеобалканской ономастике изменения -τ-ι- или -θ-ι- > -σ(σ)-. Л. А. Гиндин ошибочно полагает, что изменение *βυθ-ι-ος > βυσσός 'глубина' является «единичным примером» и «чисто греческим» (Гиндин 1981, 97). Выше уже говорилось, что в отличие от догреческого -ι-ος греческий язык использовал параллельный вариант суффикса: -ι-ος. Э. Швицер сочетания κ, χ, τ и θ с ι, дающие σσ и ττ, называет "die ungriechischen Gruppen" (Schwyzer 1939, 272). Две параллельные формы βύθιος 'глубокий' и βυσσός 'глубина' отражают оба приведенных выше варианта суффикса. Слово βυσσός несомненно образовано от основы βυθ- с помощью суффикса -ιο- (Chantraine 1933, 34), и Л. А. Гиндин напрасно пытается возводить его к *βυθσος. Ср., кстати, образованное по той же модели μέσσος = лат. medius, др.-инд. mádhyaḥ 'средний' и др. Примером изменения -τ-ι- > -σσ- может служить *λιτ-ι-ος > λισσός 'гладкий' (Schwyzer 1939, 472).

Палатализация θ под воздействием ι подтверждается случаями типа Κάριαθος = Καρπασία (город на Кипре), Παρνήθιος = Παρνήσιος 'Парнетский' (эпитет Аполлона в Аттике). Модель -θ-ι-ος, -α > -σ(σ)ος, -α: *'Αγαθος (ЛИ), *'Αγαθ-ι-α > *'Αγασσα (город Македонии); *'Αλαθίων (ЛИ), *'Αλαθ-ι-α > *'Αλασσα (город на Крите); *'Αράθιος (река в Эпире, ЛИ) — Αραισσος, Αραισις (кар. ЛИ); *Κάναθος — Κανασ(σ)ός (МН на Крите); *Κόλουθος (ЛИ) — Κόλουσσα (город Пафлагонии); Παρνήθιος 'Парнетский' — к Πάρνης, Πάρνηθος (гора в Аттике) — Παρνησσός (гора в Фокиде, Каппадокии и Бактриане), Παρνάση (МИ), Παρνάσιος и Παρνάτιος (ЛИИ—Bechtel—

Fick 1894, 337), pa-na-so (KN — Landau 1958, 95);⁵⁴ αἴγινος 'коноплянка', *Αἴγιθ-ι-ος > Αἴγισσος (город Фракии); βόλινος 'дикий осел' (с учетом факультативности ν у суффикса -νθ- см. (Huber 1921, 4; Chantraine 1933, 365; Schwyzer 1939, 510)) — Βόλισσος (город на Хиосе); παλάθη = παλάθιον = παλάσιον 'спрессованные сушеные фиги' — Παλασσίνα (МН на совр. Кипре).

Изменение -τ-ι->-σ(σ)-: Ἀγγίτης (река в Македонии), *Ἀγγιτ-ι-ος > Ἀγγισσός (МН Фракии); Ἀρβατίας (крепость в Дакии), *Ἀρβατ-ι-ος > Ἀρβησις (кар. ЛИ); Θέμιτος (gen. sing.; МИ) — Θεμισσός (город Карии) (или от апеллятива θέμις, θέμιτος 'установление' — κ τήμημι), Λιβύτιος (ЛИ), *Λιβυτ-ι-ος > Λίβυσσος (река в Вифинии); λυρίτης ζῷον τι 'некое животное' — *Λυριτ-ι-ος > Λυρισσός (МН Карии); Λυρνατία = *Λυρνατ-ι-ος > Λυρνησσός (город Памфилии); Μάγνητος (gen. sing.; МИ) *Μαγνητ-ι-α > Μάγνησσα (ЭН жен. рода), ср. *Μαγ-νητ-ι-α > Μαγνησία (МН Фессалии, город Карии); Μακέτης 'македонянин' — Μάκεσσα 'македонянка'; μέλι, μέλιτος 'мед' — *Μελιτ-ι-α > Μελιτία (город Фессалии), но *Μελιτ-ι-α > Μέλισσα (МН Фригии,⁵⁵ МН у Кизика, МИ, ЛИ); Μενήτιος (ЛИ — Гермiona), *Μενητ-ι-α > Μενησσα (малоаз. ЛИ); Mucatus, ср. Μουκάτωρ (фрак. ЛИИ) — Μουκασος (фрак. ЛИ); Πανίτης (фрак. этникон) — Ρανισса (река в Вифинии); Ταματις (ЛИ; Сарды) — Ταμασσός (город на Кипре); Ταπατία (ЛИ) — Ταπασσος (МН Карии);⁵⁶ Τίατος (фрак. ЛИ) — Τίασσον (город Дакии).

Разумеется, далеко не во всех случаях можно с полной уверенностью установить производящую основу у того или иного образования с суффиксом -σ(σ)-. Так, название города Карии Σινδησσός вполне могло быть образовано от основы Σινδακ- (ср. фрак. ЛИ Σίνδαξ). Но в данном случае более вероятным представляется возведение этого карийского топонима к *Σινδατ-ι-ος, ср. Σινδατα (МН Карии — Zgusta 1984, 571).

Рассмотренные примеры с формированием -σ(σ)-топонимов из образований на -(ν)θ- и -τ- подтверждают справедливость утверждения о том, что производные с суффиксом -σ(σ)- являются более поздними сравнительно с именами на -νθος и -τος

⁵⁴ Специально о топониме Παρναησσός см. (Откупщиков 1986). Ср. также (Kretschmer 1940, 251; van Windekens 1952, 56).

⁵⁵ Топоним связан с 'медом' ('Медовая'), а не с 'пчелой' (μέλισσα); ср. у Овидия: fecundaque melle Calymne 'богатая медом Калимна' (Ovid., Met., VIII, 221).

⁵⁶ Сомнения Л. Робера в существовании этого МН в Карии (Robert 1935, 148 sq.) оказались неосновательными; см. (Wiegand 1958, 187). Ср. ἡ Ταπασσών (Zgusta 1984, 599).

(Doria 1974, 252). Формирование нового суффикса -σ(σ)- в результате палатализации -х-, -θ- и -τ- охватило весь палеобалканский ареал, -σσ-топонимы в большом количестве засвидетельствованы во Фракии, Фригии, Македонии, Кариин, Греции. Во многих случаях мы не можем провести четкой границы между греческим и негреческим, ибо палеобалканские языки развивались в условиях постоянных контактов между собой и с греческим языком. Заимствоваться из одних языков в другие могла не только лексика, но и словообразовательные типы — хотя бы в отдельных изолированных случаях. Важно, однако, что в греческом языке — будь то в исконной или заимствованной лексике — мы находим большое количество слов апеллятивного и ономастического характера, на базе которых были сформированы многочисленные имена собственные с самым загадочным «догреческим» суффиксом -σσ-.

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ И НАПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЙ

Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы уже давно привлекали внимание исследователей, многие из этих изоглосс хорошо известны в литературе. Однако, как говорилось выше, в статье Дж. Хейли и К. Блегена (Haley—Blegen 1928), в работах Ф. Шахермейра и других исследователей вне поля зрения оказался эпицентр распространения совпадающих на Балканах и в Малой Азии топонимов (Фракия). Это объясняется тем обстоятельством, что почти во всех работах «догреческая» топонимика считается «малоазийской» по своему происхождению.

В работе, посвященной данному вопросу (Откупщиков 1973), автор настоящей книги привлек к исследованию дополнительный материал из фрако-македонской области. В списке изоглосс (свыше 100 примеров — с. 7—9) особенно часто фигурируют примеры из Кариин в Малой Азии, Фракии и македоно-фессалийской области — на Балканах. Не повторяя этого списка, сошлюсь на приведенные выше (раздел «Общность лексики») примеры ономастических изоглосс, объединяющих фрако-македонскую область и Карию. Нужно подчеркнуть, что эти примеры отнюдь не являются исчерпывающими, их легко можно было бы дополнить сопоставлениями типа: Carinius (фрак. ЛИ) — Καρίνη 'карианка'; Μυῦδόνες (фрак. (макед.) ЭН — ЭН в области Милета (Кария — Ael., Var. hist., VIII, 5)), ср. также фриг. ЛИ Μυῦδόν; Νάνας (фрак. ЛИ — Detschew 1957, 327) — кар. ЛИ (Zgusta 1964, 348 ff.); Νύσ(σ)α (город Фракии и Кариин); Παλ(π)ίνας фрак. ЛИ — ЛИ, типичное для карийской антропонимики (L. et J. Robert 1954, 111); Τρόλος (фрак. МИ — город Кариин); Φύσμος (города Македонии и Кариин).

Важно отметить, что речь идет не об изоглоссах с совпада-

ющими или созвучными корнями, а о цельнолексемных изоглоссах. В тех случаях, когда словообразовательное оформление имен в сопоставляемых ареалах расходится между собой, перед нами очень часто налицо типично «догреческие» модели. Так, фрак. МИ Νειλώ — кар. МИ Νειλεύς дает -ώ во фракийском ареале и -εύς в карийском. А при сопоставлении фрак. Πανίτης (этникон — см. (Detschew 1957, 355)) — кар. ЛИ Πανιτω (Zgusta 1964, 405) и фрак. ЛИ Ταρας — кар. ЛИ Τρω, напротив, имена на -ω, основа которых совпадает с фракийской именной основой, находятся в карийском ареале. Наличие же фракийских личных имен на -εύς вообще достаточно хорошо известно.⁵⁷

При сопоставлении двух однотипных МНН на Крите — Μεταλλάπυτον и Λαγινάπυτον — оказывается, что первое из них связано с фрак. МН Μέταλλα, а второе — с кар. МН Λάγινα. Это является косвенной фракийско-карийской топонимической изоглоссой. Наконец ЛИ Κοζαλιγραμис (Robert 1963, 427) — с первым фракийским и вторым карийским компонентом — также объединяет ономастику Фракии и Карики.

Приведенный список не включает значительного числа примеров с закономерно чередующимися суффиксами типа 'Ασσαρα (город Фракии) — 'Ασησσός (город Карики) (-ρ- : -σσ-) или 'Οργαλέ'ς (карийский демотикон) — 'Οργάμη (город Фракии) (-λ- : -μ-). Обилие фракийско-карийских надежных цельнолексемных изоглосс не может идти ни в какое сравнение с несколькими изолированными «изоглоссами» типа фрак. 'Ηρως — хетто-лув. Piḡwa или с такими же атомарными Kling-Klang-Ähnlichkeiten типа хетт. Millawanda — Μίλητος. Рассмотренный материал убедительно говорит о том, что карийская ономастика относится не к хетто-лувийской, а к палеобалканской ономастической системе — как по своей лексике, так и по словообразовательным типам.

О направлении миграции догреческих племен с Балкан в Малую Азию, а не в обратном направлении свидетельствует тот факт, что в подавляющем большинстве случаев дистрибуция простых и производных ономастических основ такова, что простые основы фиксируются на Балканах, а производные — в Малой Азии. Более 30 примеров типа Πάσσα (город Фракии) — Πάσανδα, Πάσαλα (МНН Карики), Κόρβα (город на Крите) — Κόρβασα (город Карики) мною уже были приведены (Откупщиков 1973, 21 сл.). Вот еще несколько примеров с производящей основой на Балканах и с производной — в Малой Азии: Βαβύλη (город Фракии) — Βαβύλλιος (кар. ЛИ); Βρύγιον (город Македонии) — Βρυγίνδαρα (МН на Родосе); Δάτος (город Фракии) — Δατάμης (ЛИ карийца — Diod. Sic., XV, 91); 'Εχάτη (фрак. ЛИ;

⁵⁷ Таким образом, единство словообразовательной системы палеобалканской ономастики оказывается неразрывно связанной с единством ономастической лексики.

см. (Mihailov 1956, N 345)) — *Εκατομνος* (кар. ЛИ); *Ζειπυρος* (фрак. ЛИ) — *Ζεφύριον* (МНН Кариин); *Θύσσο* (город Македонии) — *Θυσσωλλος* (кар. ЛИ); *Κάλλατις* (город Фракии) — *Καλλάτηβος* (город Лидии); *Ἀλικαρνα* (город на Эвбее) — *Ἀλικαρνασσός* (город Кариин); *Καρύαι* (МНН Аркадии и Лаконики) — *Καρύανδα* (остров у Кариин); *Κόσις* (фрак. ЛИ) — *Κοσιννας* (кар. ЛИ); *Κύλλης* (макед. ЛИ — *Diod. Sic.*, XIX, 93) — *Κύλλανδος* (город Кариин); *Λύμαξ* (река в Аркадии) — *Λυμησσός* (МН Ликии); *Μαμμος*, -α (фрак. ЛИ) — *Μαμμακος* (кар. ЛИ); *Μαυσός* (МН у Коринфа) — *Μαύσωλος* (кар. ЛИ), ср. *Μαύσωλοι* = *Κἄρες*; *Μουκα* — фрак. ономастическая основа в словосложениях — *Μουκισσός* (крепость в Каппадокии); *Πείροος* (фрак. МИ) — *Πειρωσσός* (город Мисии); *Σάκος* (фрак. ЛИ) — *Σακηξ* (кар. ЛИ; Откупщиков 1966, 20); *Σάλμος* (город Беотии) — *Σαλμανί* (город Кариин); *Σάτραι* (фрак. ЭН) — *Σάτραχος* (река на Кипре); *Σκύλης* (фрак. ЛИ) — *Σκύλαξ* (кар. ЛИ); *Σῶκος* (фрак. ЛИ) — *Σωκηξ* (кар. ЛИ — Откупщиков 1966, 20); *Ταπαι* (МН Фракии) — *Ταπασσος* (МН Кариин); *Τίταρον* (город Фессалии) — *Τιταρησσός* (город Каппадокии) (другие примеры см. в указанной выше работе 1973 г.).

Таким образом, направление миграции фракийских и карийских племен с Балкан в Малую Азию, известное нам из свидетельств античных авторов и из данных археологии, полностью подтверждается анализом ономастического материала. Однако наряду с сообщением о миграции фрако-фригийских племен через проливы, а также карийцев — с территории Эллады и Эгейских островов — в Малую Азию, античные писатели говорят также о движении фракийцев и фригийцев с севера на юг Балканского полуострова (что также, как мы видели, подтверждается археологией). Сопоставления фрако-фригийской и фессалийско-македонской ономастики с ономастикой Беотии, Аттики, Эвбеи, Пелопоннеса и Крита можно найти в работах многих исследователей. Остановимся лишь на некоторых примерах. Фессалийскую топонимику на Крите выделял А. Фик: *Ληθαῖος*, *Μαγνησία*, *Βοίβη*, *Φάλαννα* (Fick 1905, 38 f.). Он считал, что это указывает на "eine Einwanderung aus Thessalien" (с. 13). А. Маюри сопоставлял критский город *Γόρτυν* и македонский *Γορδυνία*, фракийскую реку *Ἰστρος* и одноименный город на Крите, *Κύδνα* (город Македонии) и *Κύδωνες* (ЭН на Крите); ср. в словообразовательном плане: *Μακεδνός* = *Μακεδών* (Maiuri 1910, 359 sq.; 1911, 634, 631). Целый ряд интересных изоглосс, связывающих Фракию, Фригию и Македонию с Пилосом и Критом, приводит Дж. Каповилла, который даже пишет о прибытии в середине II тыс. до н. э. на Феру и Крит фракийских мореходов (Carovilla 1964, 97 sq.).⁵⁸ Еще П. Кречмер отметил, что имя

⁵⁸ См. также Georgiev (1958).

критского героя Ἰδομενεύς представляет собой правильно образованный этникон от Ἰδομεναί (город Македонии — Kretschmer 1943, 165). Если учесть, что Идоменей был сыном Девкалиона, неразрывно связанного с Фессалией, то движение с севера на юг — через Фессалию и Пелопоннес на Крит — можно считать весьма правдоподобным (Grumach 1969, 412 sq.).

Следы фригийской ономастики в Греции (включая Крит) прослеживаются на границе Беотии и Аттики (τὰ Φρύγια). Фригийским по своему происхождению П. Кречмер считает топоним Πέρυαμος на Крите и пишет о проникновении фригийцев на Крит (Kretschmer 1950a, 192). Важнейшими фригийско-критскими изоглоссами являются: а) Βερέκωνθος 1) жрец великой матери богов у фригийцев и 2) гора на Крите, ср. Βερεκωντία = Φρύγια; б) Κουρήτες (жрецы Зевса на Крите, неразрывно связаны с Фригией). Это говорит в пользу наличия "un' antica comunità etnico-religiosa frigo-cretese" (Maiuri 1910, 332). Вообще близкие по своим функциям куреты, кабиры и корибанты были распространены по всему «догреческому» ареалу (Фригия, Фракия, Македония, Кария, Беотия, Крит и др.).

Характерно, что легенду о фракийце Фамире Гомер локализует в Пелопоннесе (II, II, 594 слл.). Г. Михайлов в связи с этим приводит фракийско-пелопоннесскую изоглоссу: Δευθήλητοι (фрак. ЭН) — Δευθάλιοι (город в Пелопоннесе — Mihailov 1984, 26). Однако сами по себе все эти изоглоссы, надежно свидетельствуя о тесных связях между соответствующими ареалами, ничего еще не говорят о направлении миграций. И, например, лингвистическая карта Дж. Хейли предполагает движение топонимов с юга (Крит и другие острова) на север (Haley—Blegen 1928, 148). Остановимся на нескольких выборочных изоглоссах, у которых соотношение производных и производящих основ свидетельствует о направлении движения топонимов и антропонимов с севера на юг:

Ἄβαντες (фрак. ЭН) — Ἄβαντίς 'Эвбея', Ἄβαρις (фрак. ЛИ) — Ἄβαρῖνος 'Пилос', Ἄσται (фрак. ЭН) — Ἀστάλη (МН на Крите), Θράισσα 'фракиянка' — Θραιστός (город Элиды), Μάχεσσα 'македонянка' — Μάχεστος (город Элиды; ср. Ἄλασσα (город на Крите) — Ἀλαστα (кар. ЛИ) — с тем же чередованием -σσ-:στ-), Κάρνος (остров у Акарнании) — Καρνησόπολις (город на Крите), Κίσσα (город Фракии) — Κίσσαμος (город на Крите), Λαπίθη (город Фессалии) — Λαπίθαιον (МН Лаконики), Λεβαίη (город Македонии) — Λεβήνα (город на Крите — Maiuri 1911, 635), Πέλλα (город Македонии) — Πελλάνη (города Ахайи, Лаконики, Мессении), Πίνδος (горная цепь на границе Фессалии) — Πίνδαρος (гора в Арголиде), Ποικίλον (гора в Аттике) — Ποικιλασσός (город на Крите), Πραῖτοι (МН Аркадии) — Πραισός (город на Крите), Σάλμος (город Беотии) — Σαλμίονιον (предгорье на Крите), Σάμος (название островов Самофракия и Ке-

фалления) — Σαμίσιον (горы на Крите), Στόρα (город на Эвбее) — Στυράσιον (гора на Крите), Τόλις (город Фракии) Τυλισσός (город на Крите).

Естественно, что одна часть рассмотренных топонимов была образована на базе палеобалканской апеллятивной лексики, отраженной также и в греческом языке (κίσσα 'сорока' или κισσός 'плюш', λοικίλος 'пестрый'), другая — известна в качестве негреческих глосс (σάμος 'высота', макед. πέλλα 'камень'), третья, быть может, имеет вообще неиндоевропейскую основу. Главное здесь — не в этимологии, а в закономерных словообразовательных связях, свидетельствующих о распространении палеобалканской ономастики с севера Балканского полуострова на юг.

*
* *
*

Особенности структуры корня, фонетические закономерности, большое количество надежных цельнолексемных ономастических изоглосс, сложная динамика словообразовательной системы, проявляющаяся, в частности, в однотипных суффиксальных чередованиях, — все это свидетельствует о генетическом единстве палеобалканских языков, в число которых входят фракийский, фригийский, македонский и карийский языки. Ряд особенностей, типичных для палеобалканских языков, был, видимо, утрачен греческим языком. Впрочем, относясь к иной диалектной зоне, он мог и не обладать этими особенностями. Анализ словообразовательной системы палеобалканской ономастики и наиболее типичных суффиксальных чередований позволил прояснить этимологию целого ряда негреческих по своему происхождению -σσ-топонимов и антропонимов. В целом исследование показало, что древнейшая ономастика Фракии, Фригии, Македонии, Кари и Греции относится к палеобалканской, а не к анатолийской языковой области. Соотношение производящих и производных основ, рассмотренное в ареальном плане, подтверждает многочисленные свидетельства античных авторов и данные археологии о древнейших миграциях догреческого населения из эпицентра в области Фракии на юго-восток (в Малую Азию) и на юг Балканского полуострова, а также — с территории Греции и островов Эгейского моря на восток — в направлении западного и юго-западного побережья Малой Азии.

Глава V

ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО Б

Исследования последних лет показывают, что целый ряд трудностей, связанных с интерпретацией крито-микенской письменности линейного письма Б не может быть устранен без привлечения материала палеобалканских языков.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ МИКЕНОЛОГИИ

Блестящая дешифровка М. Вентриса не только привела к появлению и бурному развитию новой отрасли науки — микенологии, но и поставила немало сложных вопросов, связанных с языковой интерпретацией прочитанных текстов. Прежде всего сразу же после публикации результатов дешифровки (Ventris—Chadwick 1953) начались споры о языковой принадлежности крито-микенских текстов. Не касаясь работ, отвергающих дешифровку М. Вентриса (это — пройденный этап в науке), остановимся на спорах относительно того, являются ли прочитанные тексты «чисто» греческими. Именно такими считали их М. Вентрис и Дж. Чэдуик, объясняя многие непонятные вещи в табличках линейного письма Б ошибками писцов, которые не были греками (Ventris—Chadwick 1956, 71 sq.; Chadwick 1970, 100 sq.); ср. (Ilievski 1965, 46). Наряду с этим высказывалось мнение о том, что язык линейного письма Б вообще не греческий, а «догреческий эгейский» (Hood 1967, 10, 30), что он принадлежит некоему сходному с греческим «авангарду», который достиг Греции в первой половине II тыс. до н. э. — до прибытия туда греков (Hampel 1960); ср.: "something like a Greek "advanced" " (Grumach 1968, 79).

Гораздо более широкое распространение получила идея о смешанном характере языка линейного письма Б, который, подобно памфилийскому диалекту греческого языка, состоит из смеси греческих и негреческих элементов (Sittig 1955, 97; Levin

1964a, 153 sqq.; 1972, 138 sq.); см. также (Levin 1964b; Hooker 1968); против — (Chadwick 1970). О смешанных языках палеобалканского ареала сообщают античные авторы: язык мисийцев, по свидетельству Страбона (XII, 572), представлял собой смешение лидийского и фригийского. Тот же Страбон свидетельствует о смешении лидийцев (XIV, 651) и термилов (XIV, 678) с карийцами, о фракийском племени Μαιδοβίθωνοι (Μαιδοί + Βίθωνοί — VII, 295), ср. также Μυσομάραξ λιμῆν (Ptol., IV, 1, 2) и Mysomacedones (Plin., NH, V, 31, 9). Таким образом, против возможности смешанного характера не только письма, но даже и языка у нас нет серьезных возражений. С. Левин приводит примеры крито-микенских текстов, которые легко читаются и понимаются по-гречески, но он из тех же самых текстов дает отрывки, которые никак не укладываются в нормы греческого языка (см., например, (Levin 1964a, 155 sq.)).¹ И в этом вопросе его оппоненту Дж. Чэдуику возразить ему нечем.

Дело осложняется тем, что примерно 75% крито-микенских текстов составляют собственные имена, которые могут быть любого происхождения (Chadwick 1970, 100), а поэтому не являются надежным аргументом в пользу той или иной языковой принадлежности текстов. Дж. Чэдуик, взяв один из наиболее сложных отрывков, где из 6 имен только одно распространено в греческом языке (Hāphaistios), считает, что в пользу "the greekness" текста говорят энклитика -qe и «аллятивная» форма -de (Ibid). Но мы знаем, как много общих вспомогательных слов, например, в болгарском и чешском, русском и литовском или английском и немецком языках. Кроме того, нужно еще доказать, что слов, соответствующих -qe и -de, не было ни во фракийском, ни в карийском, ни в других палеобалканских языках. Наконец, по своим функциям в текстах крито-микенское -qe существенно расходится с греч. -τε (Hooker 1968, 85 — со ссылкой на В. Пизани).

В текстах из Кносса (конец XV в. до н. э.) и Пилоса (ок. 1200 г. до н. э.) до нас дошло свыше 2000 личных имен (Schegher 1965a, 57). Из имен, собранных О. Ландау, гипотетически восстановленных и незасвидетельствованных в греческом языке вдвое больше (ок. 700), чем зафиксированных в греческих источниках (ок. 350), причем последние — далеко не всегда являются греческими по своему происхождению. На 1000 «объясненных» таким образом слов (т. е. с помощью прочтения имени «греческого типа» или ссылки на греческий ономастикон) при-

¹ Не предвешая вопроса об отношениях между греческими и негреческими элементами линейного письма Б, отмечу только, что аналогичная картина возможна при сопоставлении даже очень близких между собою языков. Так, строчка Т. Г. Шевченко «У всякого своя доля» понятна любому русскому, а «Я ненездужаю нівроку» — отнюдь нет. При сопоставлении других родственных, но не столь близких языков, как русский и украинский, происхождения могут быть гораздо более существенными.

ходится около 600 имен, вообще никак не объясненных.² Как известно, правила чтения крито-микенских текстов допускают очень большую вариативность. Так, простое словечко di-ra можно прочесть 300 различными способами, а для qe-to-ro-we возможны 92 160 способов чтения (Hutchinson 1962, 88). Даже ограничивая эти варианты рамками известных нам греческих имен, Pa-ra-to можно прочитать как Πλάτων и Φάλανθος, Ka-go — как Χάρων, Χαίρων, Κάλλων, Καλώ и т. п. (Landau 1958, 96, 64). При этом нужно иметь в виду, что О. Ландау и другие исследователи принципиально стремятся среди сотен возможностей найти чтение, которое подходило бы к греческому языку, хотя прекрасно понимают, что при таком подходе негреческие имена вполне могут быть прочтены «по-гречески» (Landau 1958, 268).

В литературе уже давно было обращено внимание на две странные особенности крито-микенской антропонимики. Первая — исключительно высокий процент ("the great majority") негреческих имен, которые, по мнению Дж. Чэдуика, были приспособлены к греческой словообразовательной и словоизменительной системе (Chadwick 1970, 99). И наоборот, многие имена вполне греческого типа (Da-to-re-u = *Δαίτορεύς, Pe-re-qa-ta = *Φερεβάτας и др.) не засвидетельствованы ни в одном из весьма многочисленных греческих источников (Milani 1966, 398 sqq.). Дж. Чэдуик считает, что многие заимствования микенской эпохи были утрачены ко времени классического периода. Поэтому наличие в табличках линейного письма Б таких слов, которые не могут быть объяснены из более позднего греческого языка, не говорит еще о том, что в микенскую эпоху они не принадлежали греческому языку (Chadwick 1970, 99 sq.). Думается, однако, что это объяснение — слишком искусственно. Не проще ли считать иначе: все необъяснимое с точки зрения греческого языка именно потому и отсутствует в многочисленных памятниках греческой письменности, что не является греческим?

Вторая странная особенность заключается в том, что многие микенские имена у Гомера принадлежат не грекам, а троянцам.³ Дж. Чэдуик справедливо отвергает мысль о том, что древние троянцы были греками, хотя такой вывод, казалось бы, вполне соответствовал его общей концепции о языковой принадлежности линейного письма Б. В то же время едва ли можно признать убедительной аналогию, которую Дж. Чэдуик проводит между Гомером и практикой современной кинематографии, когда иностранцы говорят на ломаном английском языке (Chadwick 1976c, 67). Нужно полагать, что гораздо правдоподобнее все эти и другие спорные вопросы современной мике-

² Из 1619 ЛИИ: 59,6% 'gedeutet', 1,1% 'teilweise gedeutet', 39,3% 'nicht gedeutet' (Landau 1958, 237).

³ Ср.: "an unexpected name", "is startling" (Palmer 1955, 20); "the strange fact" (Chadwick 1976c, 66).

нологии могут быть объяснены с позиций палеобалканской гипотезы. Рассмотрим эту возможность в нескольких аспектах.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ⁴

Проанализированные в начале гл. IV закономерности, характеризующие структуру корня и фонетические особенности палеобалканских языков, находят широкое отражение также и в табличках линейного письма Б. Так, индоевропейское чередование е/о/нуль в структуре корня с исходом на сонант дает в палеобалканских языках: Σκῆμνας (фрагм. ЛИ) — Σκῶμνας (кар. ЛИ), Πέρυη (город Фракии) — Πῆρνος (город Карики), ср. Τέμβριον = Τύμβριον (город Фригии), Ἀλίκαρνα = Ἀλίκυρνα (МН Этолии), Λαρνησσός 'Парнас' — Λυρνησσός (город Трояды; ср. Ru-na-so — Landau 1958, 184) и др. Лин. Б Ru-na-so = Παρνας(σ)ός (Landau 1958, 95) и Ru-na-so = Πύρνας(σ)ός (Ruijgh 1967a, 176) не только отражают ту же самую закономерность структуры корня, но и полностью совпадают с чередованием корня простой ономастической основы, засвидетельствованной в одном и том же карийском ареале: Παρνος (кар. ЛИ — Zgusta 1964, 418) — Πῆρνος (город Карики). Наличие в крито-микенских табличках большого числа пар типа da-ko-so — du-ko-so, pa-ko-to — pu-ko-to позволяет предположить, что в каких-то из случаев подобного рода мы имеем дело с двойными рефлексами слогообразующих сонантов или с чередованием *o (resp. a) : нуль. Например, чередование *perg- (Πέργας) : *parg- : *purg (πῆργος) позволяет интерпретировать Pa-ko-to : Pu ko-to как Παρωτός : Πυρωτός (ср. ЛИ Πυρωτός).

В области другого рода чередований особенно детально была проанализирована мена гласных е : i, отмеченная еще М. Вентрисом и Дж. Чэдвиком как особенность, типичная для слов негреческого происхождения (Ventris — Chadwick 1956, 288). Специально этому вопросу было посвящено обстоятельное исследование Д. Хестера (Hester 1958).⁵ Чередование E-do-me-ne-u : I-do-me-ne-ja целиком совпадает со случаями типа Εδομος = Ἰδομος (город Карики), Εδριεύς = Ἰδριεύς (кар. ЛИ) и другими рассмотренными выше палеобалканскими примерами. Чередование а : о, очень широко, как мы видели, представленное во фракийском (ЭН Costobocae = Costobocae), фригийском (ЛИ Ἀτρεύς = Ὀτρεύς) и карийском языках (ЛИ Ὀρτημος = Ὀρτημος), засвидетельствовано также и в микенском (a-ge-ra-zo-o : a-ge-ro-

⁴ Этому аспекту был посвящен мой доклад на Международной конференции «Эйрне XVI» (Прага 1982); см. (Откупщиков 1983а).

⁵ В недавно вышедшей статье С. Я. Шарыпкина еще раз (в связи с чередованием е : i) подчеркивается, что «нет ни одного примера исконно греческого слова, где бы отмечалось это явление». Здесь же говорится о необходимости различать чередование е : i в корнях и в окончании дательного падежа (Шарыпкин 1985, 207).

zo-o), см. (Risch 1966, 152 sqq.). «Эгейское» чередование е : а (Schwyzer 1939, 59) мы находим и в палеобалканских языках (Νέστος : Νάστος (город Фракии), Σέσχος : Σάσχος (кар. ЛИ) и др.), и в микенском (ro-ti-ni-je-we-ja : ro-ti-ni-ja-we-jo).

Мена *глухой* : *звонкий*, также типичная для палеобалканского ареала (см. начало гл. IV), в микенском может быть прослежена только в случае t : d (Da-u-ta-ro : Da-u-da-ro; см. (Lindgren 1973, I, 40)), ибо линейное письмо не разграничивает k : g и p : b. Причина разграничения t и d в этом письме, видимо, кроется в особой артикуляции d (спирант? — см. (Vilborg 1960, 45)). Нельзя не отметить при этом, что в греческих записях фракийских, фригийских и карийских имен отмечаются постоянные колебания между δ и ζ ('Αμυδών (город Пэонии) — 'Αμυζών (город Карики), фрак. ЛИИ Διδις и Διζας) или δ и σ (фрак. ЛИИ Καδμίλος и Κάσμιλος), а также типично «догреческое» чередование δ : λ. Все это как нельзя лучше подходит для объяснения странной на первый взгляд орфографической непоследовательности линейного письма Б.

Но особенно показательны результаты палатализации $\widehat{ki} > z$,⁶ полностью совпадающие с рассмотренными выше примерами из палеобалканских языков: лин. Б su-za = греч. συκία 'фиговое дерево', ka-za = χαλκία, ср. χάλκεος 'медный', ka-zo-e < *kak-ios-es, сравн. степень к κακός 'плохой'. В микенском, как и в палеобалканском, также встречаются два варианта суффикса: $\widehat{-i-o(s)}$ и $\widehat{-ii-o(s)}$ (Landau 1958, 175; Hart 1966, 128), причем первый из них приводит к палатализации, второй — нет. Изменение $\widehat{ki} > z$ (ts), надежно засвидетельствованное в микенском, не имеет параллелей ни в одном греческом диалекте (Hart 1966, 129), оно необратимо, поэтому у нас нет достаточных оснований считать его греческим в текстах линейного письма Б. Случаи типа θάσσων (< *θαχ-i-ων) : ταχίων (< *θαχ-ii-ων), как и βυσσός : βύθιος, Παρνησός : Παρνήθιος, Θράισσα : Θραικία (эпитет Афродиты), представляют собой параллельные образования с вариантами палеобалканского (гесп. индоевропейского) суффикса $\widehat{-i-}$ и $\widehat{-ii-}$, из которых первый наиболее характерен для негреческих, а второй — для греческих производных. Именно таким образом можно объяснить тот парадокс, что микенские формы типа ko-ti-si-jo оказываются более поздними, чем формы любого греческого диалекта классической эпохи, которые дают лишь Κορίνθιος — без палатализации.

Микенские параллельные формы типа ka-ra-ti-ja и ka-ra-si-

⁶ В произношении, видимо, ts (Hart 1966, 126 — со ссылками на более раннюю литературу; Ruijgh 1967a, 245; Gallavotti 1968, 47 sq.; Heubeck 1979, 239 sqq. и др.), в позднейших греческих передачах: -σ(σ)- и -ττ-.

ja⁷ уже сопоставлялись с вариантами -ti- и -si- фригийских текстов (Nagy 1968, 311). К этому можно добавить, что микен. ku-ta-to→ku-ta-ti-jo=ku-ta-si-jo целиком совпадает с догреч. (resp. палеобалканским) Πάρνηθος (gen. sing.) (гора в Аттике)→Παρνήθιος=Παρνήσιος 'Парнетский', ср. также *Παρνηθ-ι-ος>>Παρνησ(σ)ός 'Парнас' Παρνήσιος (эпитет Аполлона Парнетского в Аттике) и Παρνύσ(σ)ιοι (ЭН в районе Парнаса).

Таким образом, структура сонантного корня, чередования гласных, параллельные формы суффикса -(i)i-o(s), результаты палатализации⁸ — все эти особенности, типичные для палеобалканской ономастики, нашли свое отражение в текстах линейного письма Б. В ряде случаев язык микенских текстов, совпадая с тем, что нам известно из собственных имен Фракии, Фригии и Кари, расходитя с греческим языком исторической эпохи.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Одна из наиболее интересных черт микенского — в отличие от всех греческих диалектов исторического периода — очень высокая продуктивность образований на -εός (Vilborg 1960, 22; Szelegényi 1968, 531). Каждое девятое среди простых личных имен линейного письма Б образовано с помощью суффикса -εός (Landaу 1958, 240 f.). Выше уже говорилось о том, что этот суффикс негреческого происхождения особенно часто встречается в антропонимике Фракии (царь Τηρεός), Фригии (царь 'Οτρεός), Кари (царь 'Ιδριεός). И опять мы сталкиваемся с уже знакомым явлением: отдельные имена на -εός, казалось бы, хорошо укладываются в греческие нормы, могут быть этимологизированы на основе греческого языка, но таких имен нет в обширном греческом ономастиконе (Masson 1967, 36), да и образованы они по негреческой словообразовательной модели. «Догреческим» обычно признается и суффикс принадлежности -ειο- (Ruijgh 1976b, 47 sq.); ср. реконструкцию: i-je-re-u → i-je-re-ja (<*hierewja — Ruijgh 1967b, 48; Илиевски 1984, 57).

Производные с суффиксальным -х- не только обладают достаточно высокой продуктивностью в микенском (Sergent 1981,

⁷ Ср. прилагательное Καρπαθία от Κίρπαθος (город на Кипре) и Καρπασία=Κίρπαθος.

⁸ Обычно принято считать, что орфографические варианты ss и tt отражают реальный звук ts (Schwyzer 1939, 318), хотя допускаются в качестве возможных также реальные звуки ś или š (Ruijgh 1967b, 49; Sheets 1975, 159). Наряду с совпадением результатов микенской и палеобалканской палатализации следует отметить 2 алогичное явление в новогреческих диалектах. Так, σάξ 'боб' дает *Συ...ι-ος>Σασσός (МН Фригии), а н.-греч. σάχι(ov) — диалектную форму σάχι (Andriotis 1974, 519; там же — другие примеры); см. также (Moutsos 1985, 65—70). Типологически ср. ki>ts>ss, х в каталанском (аналогично кар. ЛИ Врόασις=Врόαξις) и ki>ts в балканской латыни (Широкова 1977, 224, 358); изменение ti>ss известно в венгерском языке (Benkő 1975, 253).

64), но и образуются так же, как и палеобалканские имена этого типа; ср. фрак. ЛИИ Βειθας → Βειθακος и крито-микен. Si-та → Si-та-ко; *'Ασσαρα (город Фракии; ср. A-sa-го (крито-микен. ЛИ)) → *'Ασσίρακος (фрак. ЛИ — II., XX, 232) и крито-микен. Ра-ра-го → Ра-ра-га-ко. Много общего у микенской и палеобалканской ономастики также в образовании других суффиксальных производных и в чередованиях суффиксов. Так, Wa-ра-по: Wa-ра-го-(jo) (Lindgren 1973, I, 125 sq.) аналогично Τίτανος (гора в Фессалии): Τίταρον (город Фессалии); Ku-ka-го (Κύκαλος): Ku-ka-so (Κυκασός — Landau 1958, 75 — 76) не только аналогично палеобалканским чередованиям типа Ιμβραλος (лик. ЛИ): Ιμβρασσις (кар. ЛИ) или Μουκαλας: Μουκασος (фрак. ЛИИ), но и находит реальное подкрепление в более поздних греческих передачах; ср. Κύκαλα (аттический дем): Κυκήσιον (город Элиды).⁹ Варианты Ku-ka-so и Ku-ke-so сопоставимы с Παρνας(σ)ός и Παρησ(σ)ός, а соотношение Ku-ka-го: Ku-ka-га-so целиком совпадает с типом Μύκαλος (ЛИ): Μυκαλησός (город Беотии); ср. также Ka-da-го (Κάδαρος): Ka-da-га-so (Καδαρασός — Landau 1958, 60) и Τίταρον (город Фессалии): Τιταρησός (город Каппадокии).

Но особенно показательным является большое количество чередований k : s типа i-wa-ko : i-wa-so, ka-ru-ke : ka-ru-sa,¹⁰ wa-pa-ka : wa-pa-so. Поскольку последний пример, безусловно, отражает «догреческую» (палеобалканскую) модель (F)άναξ : (F)α-νασός (ср. фриг. wapaktei и греч. άνασσα), нужно думать, что какая-то часть чередований k : s в микенском отражает рассмотренное выше фонетико-словообразовательное развитие *ki > >-σ(σ)-. При наличии сравнительно ограниченного количества микенских имен и совершенно бесспорных случаев чередования k : s трудно предположить возможность сколь-нибудь значительного числа случайных совпадений типа рус. коза : козел = оса : осел. А это, с одной стороны, может служить косвенным доказательством правильности реконструкций типа ka-га-wi-ko : ka-га-wi-so (Lindgren 1973, I, 62), а с другой — поставить под сомнение надежность атомарного подхода к прочтению имен, различающихся только суффиксальными -k- и -s-. Например, I-wa-so обычно читается как *ΙΨαος; ср. Ιασσος (фриг. ЛИ), *Ιασσός (город Карию). В то же время I-wa-ko читается то как *ΙΨακχος, то как *ΙσΨαρχος (Landau 1958, 59 — со ссылками на М. Вентриса, Дж. Чэдуика и В. Георгиева). Между тем исходя из изложенных аргументов I-wa-ko естественнее было бы прочесть как *Ι(F)ακός.

Как и в случае с палеобалканской ономастикой, привлече-

⁹ Простая ономастическая основа: Κύκη (ЛИ — Анаг., fr. 19). Этимологически, видимо, связано с κυκίω 'взбалтываю, возмущаю'. Кстати, О. Ландау относит Ku-ka-so к числу неясных образований на -σ(σ)ός (Landau 1958, 76).

¹⁰ Ср. дор. κάρυξ 'глашатай' и κάρύσσω 'объявляю'.

ние фонетико-словообразовательной модели $*-k-i-os > -\sigma(\sigma)os$ позволяет в отдельных случаях пролить свет на этимологию микенских имен на $-\sigma(\sigma)os$. О. Ландау к числу неясных образований этого типа относит $Ti-tu-so$ (Landau 1958, 138). Наличие суффиксального чередования 'Αδρυξ (город Сицилии) : 'Αδρῆνη (город Фракии), 'Ιβυξ (ЛИ — Самос; ср. ἰβυξ 'кричащая птица') : 'Ιβηνοί (ЭН в западной Малой Азии), κῶρυξ 'молодой, сильный' (Hes.) : Κορίνη (город Элиды) и др.¹¹ позволяет реконструировать форму $*\tau'ibux$ (: τιθῆνη 'кормилица', τιθηγός 'кормящий').¹² Отсюда по знакомой уже модели получаем: $*Tiθux-i-os > Ti-tu-so = Tiθuc(\sigma)ós$.

Несомненная словообразовательная связь между именами 'Αλέος : 'Αληξ , 'Ιερεός : 'Ιεραξ , Σωκεός (надписи) : кар. ЛИ Σωκηξ и т. д. позволяет на основе ЛИ Θαδεός (надписи) реконструировать имя $*\Thetaαδηξ$. Производное на $-i-os$ от этого имени дает: $*\Thetaαδηκ-i-os > Ta-de-so = \Thetaαδησ(\sigma)ός$ — еще одно неясное образование в списке О. Ландау. Наконец, $*Καρπαθ-i-os > Καρπασ(\sigma)ός = Ka-ra-pa-so$ (Landau 1958, 64 — со ссылками на литературу) в фонетико-словообразовательном плане полностью совпадает с $*\text{Παρναθ-i-os} > \text{Παρνασ}(\sigma)ός = Pa-na-so$.

Таким образом, и в области словообразования микенская ономастика выявляет большое количество точек соприкосновения с ономастикой палеобалканской. Причем совпадают здесь не только словообразовательные типы, но и сами словообразовательные процессы, протекающие в условиях совершенно идентичных фонетических изменений.

МИКЕНСКО-ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Сразу же после дешифровки линейного письма Б было обращено внимание на имена фракийского происхождения в его табличках. Уже в первой публикации М. Вентриса и Дж. Чэдвика мы находим имя фракийского бога Диониса (или — что более вероятно — ЛИ): $Di-wo-nu-so-jo = \Delta i\text{Fov}\acute{o}\sigma o i o$ (Ventris—Chadwick 1953, 95). Это явилось неожиданностью, так как из целого ряда античных источников нам известно о позднем проникновении культа Диониса в Грецию. Но этого мало: ЛИ $Si-ra-no = \Sigma i\lambda\eta\nu\acute{o}\varsigma$ (Chadwick—Baumbach 1963, 244, в дальнейшем для удобства — Ch. B.) также по своему происхождению связано с религией Диониса. Кстати, как личное имя $\Sigma(e)\lambda\eta\nu\acute{o}\varsigma$ засвидетельствовано на о-ве Фасос (Фракия) и в Македонии. Другое

¹¹ Ср. другие типы чередования $k : p$, напр.: τίταξ 'царь' : τιτήνη 'царица' (Nehring 1925), κῶραξ 'ворон' : κωρόνη 'ворона', σᾶνδυξ 'яркокрасный цвет' : Σάνδανος (река во Фракии).

¹² Ср. Τιθηῖδια — праздник при храме Артемиды в Лакелемоне.

имя фракийского бога — Βρόμος 'Дионис' (ср. Βρόμος (эпитез Диониса)) нашло свое отражение в микен. ЛИ Qo-ro-tu-ro Βρομόλος, с уменьшительным суффиксом -υλ-, ср. с синонимичным суффиксом -ισκ-: Βρομίσκος (город Македонии — Georgiev 1964, 28). В. Георгиев высказал также предположение, что Sa-ke-re-u — это Ζαγρεύς (еще одно имя Диониса); ср. (Percay 1964). В этой идентификации не совсем ясной остается передача начального Z- посредством S-, но одна табличка из Пилоса (Ea 56) любопытным образом дает косвенное подтверждение правильности прочтения В. Георгиева. На этой табличке написано: Ze-ru₂-ro ... e-ke ra-ro Sa-ke-re-we 'Зефир имеет от Загрея' (Lindgren 1973, I, 133). Показательно, что оба имени в этой табличке — фракийские. В целом получается, что в табличках линейного письма Б до нас дошло четыре личных имени, связанных с культом Диониса.

Кроме В. Георгиева немало фракийских имен в крито-микенских текстах обнаружили Дж. Каповилла, А. Шерер, П. Сусберхен и другие исследователи (Carovilla 1964; Scherer 1965a; Soesbergen 1979; 1980; 1983). Явно преуменьшает, как мне кажется, фракийский вклад в микенскую ономастику И. Дуриданов (Duridanov 1985). Правда, он вслед за В. Георгиевым разграничивает фракийский и «пеласгский» и ссылается на отсутствие фракийской или наличие греческой этимологии у соответствующих имен. Но о какой фракийской этимологии может идти речь, если мы не знаем фракийского языка? А так называемые греческие этимологии фракийских имен могут на деле оказаться не в меньшей, а в большей степени — фракийскими (гесп. палеобалканскими). Вообще точнее было бы говорить не о фракийском, а о палеобалканском компоненте микенской ономастики — компоненте, имеющем соответствия в греческих передачах фракийских собственных имен. Рассмотрим некоторые примеры.¹³

A-da-ra-te-ja = 'Αδράστεια, ср. 'Αδραστος, 'Αδρηστος (Soesbergen 1979, 31 f.). Неудачна ссылка на суффикс -st- у фрак. ΜΗ Σηστός (Duridanov 1985, 8). Поскольку имя засвидетельствовано в Трое, Фригии, Македонии и Карии, — точнее говорить о его палеобалканском, нежели собственно фракийском происхождении.

Pu-zo = Βυζω, ср. Βυζας фрак. ЛИ (Ilievski 1969; Soesbergen 1979, 30). Также Pu-za-ko = Βυζακος (Georgiev 1955, 61). Идентификации принимает также: Duridanov 1985, 7, 11.

Da₂-re-u = Δαλεύς? (Landau 1958, 40). Ср. фрак. ЛИ Δαλις-κος и имена на Δαλ(ο)- (Detschew 1957, 113 f.).

¹³ Ссылки, в основном, даются на новые работы. Нужно заметить, что П. Сусберхен приводит ряд сопоставлений, которые встречались уже у Дж. Каповиллы (Carovilla 1964). Работа последнего П. Сусберхену, видимо, осталась неизвестной.

Da-ra-ko=Δαρακος, ср. фрак. ЛИ Δαροκος (с обычной меной -окоs : -акоs).

Di-zo=Διζος, Διζων или Διζως, ср. фрак. ЛИ Διζας. Ср. также ЛИ Di-za-ke из лин. А (Soesbergen 1979, 29). Идентификацию принимает также: Duridanov 1985, 7, 11.

Du-go=Δουλος, ср. фрак. ЛИИ Δουλας, Δουλης, Dulus (Duridanov 1985, 6, 11).

Du-pi=Δυνιs фрак. ЛИ, ср. также Δυνας (Scherer 1965a, 59). И. Дуриданов вслед за Г. Михайловым считает имя Δυνας греческим (Duridanov 1985, 6), хотя оно не встречается в Греции, а только во Фракии.

Ze-go=Ζηρων (фрак. ЛИ — Scherer 1965a, 59). Ссылка на то, что имя Ζηρων есть в египетских источниках и неизвестно во Фракии (Duridanov 1985, 6), не убеждает. Во-первых, греческие источники из Египта содержат большое количество фракийских имен (см. (Mihailov 1968) и особенно (Velkov — Fol 1977)). Во-вторых, в Греции и в Малой Азии это имя также неизвестно. Но зато оно имеет надежные корневые и словообразовательные соответствия во фракийской ономастике: Ζηρ-ων и Ζήρ-ωνθος (город на Самофракии), Ζηρ-άνιοι (фрак. ЭН), ср. также Ζειρ-ήνη (имя Афродиты в Македонии).

I-ta-ra-jo=Ἰστραῖος (Soesbergen 1983, 199). Поскольку ономастическая основа Ἰστρ- засвидетельствована не только во Фракии, но также на Крите и в Кари, точнее было бы говорить о микенском имени не фракийского, а палеобалканского происхождения.

Ma-go, Ma-go-ne=Μάγων, Μαρώνει (фрак. ЛИ; ср. (Landau 1958, 81)). Наличие кар. ЛИ с простой основой Μαρος лишь подтверждает тезис о единстве происхождения фракийской и карийской ономастики. То, что имя встречается за пределами Фракии (Греция, Рим — см. (Duridanov 1985, 5)), также не говорит о его нефракийском происхождении. Во всяком случае, это имя — не греческое и не латинское, а фракийский топоним Μαρώνεια надежно привязывает его к Фракии.

O-go-ti-jo=Ὀλόνητος — к Ὀλονθος=Ὀλυνθος (город Фракии), ср. ὄλονθος=ὄλυνθος¹⁴ 'зимняя фи́га' (Soesbergen 1979, 33 f.). Считать этот этникон греческим образованием только из-за суффикса -ijo- (Duridanov 1985, 11) едва ли правомерно.

Ka-ra-ti-ja=Καρλαθῆα и Ka-ra-si-ja=Καρλασία — к Κάρλαθος (остров между Критом и Родосом, горы в Дакии, город на Кипре). Широкий ареал, в котором распространена топонимическая основа Καρλαθ-, говорит о том, что источником микенских имен послужили скорее не фракийские (Soesbergen 1979, 33; 1983, 201), а палеобалканские топонимы (ср. (Duridanov 1985, 8 f.)).

Pe-ri-te-u=Περινθεός, ср. Πέρινθος (город Фракии — Soes-

¹⁴ Ср. также ЛИ из Лакедемона Ὀλονθεός.

bergen 1979, 33). Единственное возражение И. Дуриданова: «догреческий» суффикс *-εύς* нетипичен для фракийской ономастики (Duridanov 1985, 10). Однако фрак. ЛИ *Τηρεύς* отнюдь не представляет собой "der einzige Personenname auf-εύς", ср. также *Σευθεύς*, *Ἵορφεύς*. А вообще фракийская ономастика насчитывает около 50 собственных имен с «нетипичным» суффиксом *-εύς*. Типологически *Πέριπθος* (город Фракии) → *Περιπθεύς* (Pe-ri-te-u) (микен. ЛИ) сопоставимо с *Ἰδομεναί* (город Македонии) → *Ἰδομενεύς* (крит. МИ; ср. в женском роде: микен. I-do-me-ne-ja).

Pi-ta-ke-u = *Πιτταχεύς*, ср. фрак. ЛИ *Πιτταχός* (Soesbergen 1979, 27). Считать, что последнее имя не является фракийским, так как непроизводная форма *Πιττας* засвидетельствована в Кари и Каппадокии (Vlahov 1968, 265 f.; Duridanov 1985, 7), вряд ли правомерно. Это обстоятельство только лишнее раз говорит о той общности фракийской и карийской ономастики, которой в значительной мере была посвящена гл. IV.

Pu-to-ro = *Πυτρος* (фрак. ЛИ — Scherer 1965a, 59). Сопоставление подвергается сомнению И. Дуридановым на том основании, что О. Ландау читает это имя как *Πύθολος* — к греч. *Πύθολος* (Duridanov 1985, 6). Но, учитывая вариативность микенских чтений, мы с таким же основанием могли бы отвергнуть чуть ли не все общепризнанные греческие прочтения крито-микенских имен. Кстати, и О. Ландау отмечает возможность, что в ряде случаев мы читаем как греческие имена, которые таковыми не являются (Landau 1958, 268).

Ка-па-ро, *Ка-па-ро-то* = *Χαρναβών*, *Χαρναβώντος* (фрак. ЛИ — Scherer 1965a, 59).

В микенской ономастике нашли отражение четыре фракийских этнонима: *Θυνοί*, *Ἵοδρύσαι*, *Πίερες* и *Ἵάντες*. Так, *Tu-ni-jo* = *Θύνιος*, *Tu-ni-ja* = *Θυνία*, *O-du-ru-wi-jo* = *Ἵοδρύσιος* — к фрак. ЭН *Ἵοδρύσαι* (Soesbergen 1979, 37 f.; 1983, 200). Дж. Каповилла присоединяет сюда (с учетом мены *d : t*) фрак. ЛИ и фриг. ЛИ *Ἵοτρεύς* (Sapovilla 1964, 93). Ссылка И. Дуриданова на предложенную им этимологию фрак. ЭН *Ἵοδρύσαι* — к лит. *ūdra*, ст.-слав. *ВЫДРА* и др. (Дуриданов 1976, 67 сл., 95; Duridanov 1985, 9) не опровергает правильности сопоставления. К тому же старое сравнение с критской глоссой Гесиция *Ἵθρος* 'гора' дает, как мне кажется, более правдоподобную этимологию фрак. ЭН *Ἵοδρύσαι*, которые населяли гористую область Фракии (см. Thus., IV, 96, 1—2). Сопоставление микен. *Pi-we-ge* с фрак. ЭН *Πί(F)ερες* можно найти в ряде работ (Georgiev 1964, 26; Ruijgh 1967a, 196 sq.; Soesbergen 1983, 206 и др.). И. Дуриданов не рассматривает этого примера. Наконец, *U-wa-ta*, *U-wa-si*, *U-wa-si-jo* хорошо увязываются с фрак. ЭН *Ἵάντες* и его производными: *U-wa-si* = *ἽΨᾱσι* dat.-loc. pl. от *Ἵάντες*, а *U-wa-si-jo* относится к последнему имени так же, как

Za-ku-si-ja — к Ζάκυνθος (Georgiev 1964, 36), ср. (Soesbergen 1983, 202). И. Дуриданов этого случая также не рассматривает.

Как известно, фрако-фригийской по своему происхождению является троянская ономастика. Д. Дечев и другие исследователи обычно имена троянского ономастикона рассматривают как фракийские. Показательно, что многие имена, читаемые в табличках линейного письма Б, мы находим в ономастике Трояды. Остановимся лишь на нескольких примерах, которые неоднократно отмечались в литературе.

A-sa-go = Ἄσσαρος, ср. Ἄσσαρα (город Фракии) и Ἀσσάραχος (троян. ЛИ — П., XX, 232), см. (Landau 1958, 29).

Ka-sa-da-ra = Κάσσανδρα (дочь Приама — Ch. B., 208); Ke-sa-do-ro = Κέσσανδρος, Ke-sa-da-ra = Κεσσάνδρα (Milani 1966, 417); ср. также Κάσσανδρος (троян. и макед. ЛИ).

Pa₂-da-ro = Πάνδαρος (троян. ЛИ — П., II, 827); см. (Landau 1958, 98). Это же имя видят также в микен. Qa-da-ro (Ch. B., s. v.).

Pe-ri-to = Πέριτος (троян. ЛИ — П., XVI, 695); см. (Ch. B., 235).

Pi-ri-ja-me-ja = Priameīai, к Πριάμος 'Приам' (Ch. B., 240).

Pu-ra-so = Πύρασος (троян. ЛИ — П., XI, 491); см. (Scherer 1965a, 59).

Ru-na-so = Ῥυρνασσός, ср. Ῥυρνησσός (город Трояды — Landau 1958, 184).

To-ro-o gen. poss. Τῆρος, ср. Τῶς (мифологический основатель Трои); To-ro-ja = Τρῶϊα? (Ch., B., 249).

Wi-da-jo = (F) Ἰδαῖος, к Ἰδα (гора в Трояде — Ch. B., 204)..

Таким образом, речь идет не о трех-четырёх случайных фракийских вкраплениях, которые "eine geringe Rolle spielte" (Duriđanov 1985, 12), а о весьма значительном слое фракийской (resp. палеобалканской) ономастики в текстах линейного письма Б. Но что еще важнее — этот слой обладает рядом типично палеобалканских словообразовательных особенностей, в частности, именно в нем находит свое отражение важнейшая фонетико-словообразовательная модель, связанная с формированием собственных имен с суффиксом -σ(σ)- в результате палатализации. Эти имена в палеобалканском ареале могут, как мы видели, формироваться как от ономастических, так и от апеллативных основ: а) Μίνας (фрак. ЛИ) — Μίναχος (фрак. ЛИ). *Μίναχ-ι-ος > Μίνασσός (город Писидии); б) μῶς, μῶς — μῶαξ 'мышь', *Μῶαχ-ι-ος > Μῶησσος (МН Карию). Та же самая модель — в крито-микенской ономастике: Di-zo (фрак. ЛИ Διζας) — Di-za-ke = Διζακης (лин. А), *Διζαχ-ι-ος > Διζασ(σ)ός = Di-za-so. По отдельности имена Di-zo, Di-za-ke и Di-za-so приводились в целом ряде работ, но они рассматривались атомарно — без выявления важной внутренней словообразовательной связи между ними. Другой пример того же типа: -ῥωρος и Πύρου- (фра-

кийская именная основа — см. (Detschew 1957, 385 f.), Πύρις (троян. ЛИ — II., XVI, 416) — крито-микен. Pu-ra-ko=Πύρακος, *Πύρακ-ι-ος>Πύρακος (троян. ЛИ)=крито-микен. Pu-ra-so (сопоставление без словообразовательной связи см. (Carovilla 1964, 49)).

Грань между фракийской, троянской и фригийской ономастикой провести бывает порой очень трудно. В качестве примера микенско-фригийских ономастических изоглосс отметим: крито-микен. Sa-ka-ri-jo — Σαγγάριος (река во Фригии, фриг. ЛИ — Scherer 1965a, 60), ср. также фриг. МИ Σάγγας. Менее надежным является прочтение имени Ta-ta-go как Τάνταλος (фриг. ЛИ — Ch. V., 247), ибо это имя может быть прочтено и как Τάρταρος. Но фригийские памятники письменности дают возможность текстуальных сопоставлений с табличками линейного письма Б. Так, С. Я. Лурье сопоставил микен. ga-wa-ke-ta=λαῖΓαῖετας (букв. 'вождь народа') с фриг. lawagtaei (из надписи царя Мидаса), впервые, хотя и с некоторыми колебаниями, предложив читать знак перед τ не как λ, а как γ. При этом он допускает, что фригийский язык «был очень близок к греческому» и отмечает поразительное сходство между фригийским окончанием дат. падежа -αει в приведенном слове с аналогичным окончанием дат. падежа в микенских табличках (Лурье 1955, 33 сл.; 1957, 218). А. Шерер сопоставил крито-микен. ka-nu-ti с фриг. kanuti(èiwais), но без комментариев (Scherer 1965a, 59 f.). Таким образом, и здесь мы видим не просто совпадение имен, но и важную морфологическую изоглоссу (флексия дат. падежа).¹⁵

Не менее показательны карийско-микенские изоглоссы. Здесь также можно начать с теонимов карийского происхождения. Например, в табличках из Пилоса дважды засвидетельствовано имя I-re-me-de-ja=Ἰφιμέδεια (Ventris — Chadwick 1953, 95; Morpurgo 1963, s. v.; Ch. V., s. v.). По-видимому, это — догреческое божество, почитавшееся в Пилосе (Ventris — Chadwick, 1956, 288); ср. (Зайцев 1975). О культе Ифимедии в Миласах (Кария) пишет Павсаний (X, 28, 8). О догреческом характере этого культа см. (Lauzonier 1958, 137 sq.). Другое карийское (догреческое) божество природы (Naturgottheit) — это Ἰμβρος (PWRE, 1914 Bd IX, №1, 1105). ЛИ из Кносса I-mi-ri-jo=Ἰμβριος (ЛИ из Крии — II., XIII, 171, 197); см. (Landau 1958, 215). Имя не ограничено одним только карийским ареалом, ср. в топонимике — Ἰμβρος (остров у Фракии), в антропонимике — Ἰμβρασιδης (фракийский вождь — II., IV, 520).

¹⁵ И если фригийский титул lawagtaei (дат. падеж) 'лавагет' еще как-то можно было бы объяснить «микенским влиянием» (Лурье 1957, 218), как и другой титул из той же надписи (фриг. wanaktei — микен. wa-na-ka), то флексию дат. падежа таким способом объяснить нельзя. То же следует сказать и по поводу предположения, что оба этих фригийских слова — «из греческого» (Нерозник 1978, 72).

По-видимому, оба имени предводителей карийцев в «Илиаде» — Ἀμφίμαχος и Νάστης (Ил. II, 870) — нашли свое отражение в табличках линейного письма Б. Так, A-pi-ma... обычно читается как Ἀμφίμαχος/ (Landau 1958, 26 — со ссылкой на В. Георгиева), а To-u-na-ta=Θουνάστας (Milani 1966, 403). В этом составном имени выделяется второй компонент Νάστας (там же), ср. фрак. ЛИ Ναστας, кар. ЛИ Νάστης. Первая половина имени Θου- сопоставима с ЛИ из греческих надписей Θούτιμος и с ЛИ (gen. sing.) из карийских надписей Θυτιμεω (см. гл. VI). О большом количестве имен на Θυ- (Tu-) в крито-микенских табличках см. (Landau 1958, 141 f.).

Выше уже говорилось об исключительно высокой продуктивности имен на -εύς в табличках линейного письма Б. В карийском им иногда будут соответствовать имена иного словообразовательного типа. Так, микен. Та-ге-υ=Θαλεύς, но кар. ЛИ Θαλής (Maddoli 1968, 66); Pi-ke-ge-u=Πιγρεύς, но кар. ЛИ Πίγρης; Ku-ge-we — дат. падеж от Σκυλεύς (Vilborg 1960, 94), но кар. ЛИ Σκύλαξ, фрак. ЛИ Σκυλης. Еще один дат. падеж Sa-pu-we сопоставим с кар. ЛИ Σανυς (Scherer 1965b, 264).

Mi-ra-ti-ja=Milatai 'женщины из Милета' (Ch. B., 222) можно было бы сопоставить не с карийским, а с критским Милетом, но Ki-ni-di-ja=Knidai 'женщины Книды', ср. Κνίδος (город Кари — Ch. B., 211) допускает также первое сопоставление. Впрочем, любое карийское имя, в принципе, могло встретиться в середине II тыс. до н. э. также и на Крите. Приведем еще несколько карийско-микенских ономастических изоглоссов.

I-wa-so=Ἰασος¹⁶ (город Кари — Ch. B., 204); Ka-u-po=Καῶνος (город Кари — Landau 1958, 66 — со ссылкой на В. Георгиева); Ma-da-ro=Μάδαλος (кар. ЛИ — Landau 1958, 78); Ne-e-ra-wo — дат. sing. от Νηλεύς (мифический основатель Милета — Ch. B., 224); No-sa-ro=Nόσσ(σ)αλος (Landau 1958, 88), ср. Νόσος (ЛИ из Иаса — Кария) и Νοσσύλος (ЛИ с кар. острова Кос); Pa₂-da-so=Παδασ(σ)ός, ср. Πήδασα (город Кари — Landau 1958, 184); Pa-na-so=Παρνασ(σ)ός, ср. кар. (и лик.) ЛИ Παρνος, фрак. ΜΗ Παρνοῦστα (Soesbergen 1983, 204); Su-mi=Σύμις, ср. Σύμη (остров у Кари — Landau 1958, 216); Te-mi-ro=Τέρμιλος (Ch. B., 248), ср. Τερμίλη (город Кари).

В случае Pa₂-pu-wa-so=Πανυ(Φ)ασ(σ)ος (ср. Πανύασ(σ)ος (река в Македонии), Πανύασσις (кар. ЛИ — Landau 1958, 184)) следует говорить не о карийско-микенской, а о палеобалканско-микенской изоглоссе.

¹⁶ Знак равенства говорит лишь об идентичности образования. В одних случаях это может быть, например, ЛИ, в других — топоним и т. д.

О ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРИТО-МИКЕНСКИХ НАДПИСЕЙ

Итак, мы видели, что язык крито-микенских надписей имеет много черт, объединяющих его с фонетическими словообразовательными особенностями палеобалканских языков, имеет общую с ними ономастику. Нужно учесть при этом, что М. Вентрис дешифровал линейное письмо Б как греческое и что из огромного числа возможных чтений все исследователи, как правило, принимали те чтения, которые подходили к нормам греческого языка. В приведенных мною примерах я нигде не отходил от этих традиционных чтений. И если, несмотря на это, буквально на каждом шагу мы сталкиваемся с фракийскими, карийскими и вообще палеобалканскими именами, то этот факт следует признать весьма знаменательным. Нужно иметь в виду, что огромное количество греческих текстов исторической эпохи и несравнимо малый объем крито-микенских текстов, состоящих в основном из собственных имен, — при большой свободе в выборе различных чтений — может легко создать иллюзию правильного установления языковой принадлежности текстов линейного письма Б. Текст на любом славянском языке, сохранившийся в том же объеме и качестве, что и корпус крито-микенских надписей, может быть легко дешифрован как «русский» или «болгарский», если мы располагаем всеми имеющимися текстами на этих языках. К сожалению, мы практически почти ничего не знаем ни о лексике, ни о грамматике фракийского, фригийского, македонского и карийского языков. Сохранись, например, фригийский язык в том же объеме, что и греческий, а греческий — в объеме фригийского, и мы (при почти общем признании близкого родства этих языков) стали бы читать тексты линейного письма Б «по-фригийски». Во всяком случае, даже сейчас мы находим в небольших по объему отрывочных фригийских и микенских текстах и общие имена, и общую лексику, и общие фонетические, словообразовательные и морфологические особенности.

Показательно, что некоторые фонетические явления, нашедшие свое отражение в текстах линейного письма Б, необратимы и не имеют аналогий ни в одном из греческих диалектов исторической эпохи. Предполагать, что микенский — это «тупиковый» диалект, не получивший дальнейшего развития ("a dead-end in dialectal development" (Mühlenstein 1955, 127)), — значит допускать полное исчезновение широко распространенного греческого диалекта без каких-либо видимых причин. Очень интересна идея В. Георгиева о (крито-)микенском койне как смешанном греческом диалекте (Георгиев 1958, 64 слл.; Georgiev 1981, 67 sqq. — со ссылками на литературу). Эта идея была положительно встречена целым рядом ученых (Дж. Чэдуик,

Р. Кроссленд, Н. С. Гринбаум, В. Мерлинген, К. Рёйх, И. М. Тронский — см. (Georgiev 1972d, 368). Однако и при этом объяснении остается неясным, каким образом мог бесследно исчезнуть этот широко распространенный междиалектный язык и почему некоторые его особенности не нашли отражения ни в одном из греческих диалектов исторического периода. Неясным также остается вопрос, почему около 60% крито-микенских личных имен что-то значат по-гречески (и только ли по-гречески?), а около 40% по-гречески ничего не значат (Landau 1958, 237). К тому же на поверку оказывается, что многие из «ничего не значащих» по-гречески имен совпадают с именами, засвидетельствованными во Фракии, в Троаде, Фригии Карию.

В данной главе нашла свое отражение лишь часть материала, которым располагает автор. Все приведенные чтения являются традиционными, т. е. ориентированными на греческий язык. Нет ни одного случая, где при прочтении взамен греческого имени предлагалось бы имя фракийское, фригийское или карийское. Между тем правила чтения, установленные М. Вентрисом, вполне допускают такую возможность. И все же, даже ограничиваясь изложенным материалом, можно высказать гипотезу о языковой принадлежности крито-микенских надписей линейного письма Б.

Суть этой гипотезы состоит в том, что язык табличек линейного письма Б представляет собой не междиалектное греческое койне, а греческо-палеобалканское койне, в которое входили греческий, фракийский, фригийский, македонский и карийский языки. Близкую точку зрения высказал еще в 50-е годы Р. Гусмани, но он, однако, писал о койне, в состав которого входили фракийский, фригийский, македонский и армянский языки (Gusmani 1959, 44 sq.). Что касается армянского языка, то применительно к линейному письму Б его следует исключить, так как предки армян еще до фригийцев и фракийцев перешли в Малую Азию и, по-видимому, не участвовали в той волне палеобалканской миграции, которая была направлена на юг. Поэтому армяно-микенские изоглоссы в принципе допустимы, но лишь как отражение близкого генетического родства армянского и фригийского языков. Поскольку фригийская лексика нам почти совсем неизвестна, анализ возможных армяно-микенских изоглосс мог бы представить большой научный интерес. Вместе с тем несомненная генетическая близость греческого, фригийского и македонского языков (а гипотетически — также фракийского и карийского) заставляет включить в койне также и греческий язык. Тем более, что его присутствие в крито-микенских текстах не вызывает никаких сомнений.

В какой-то мере греческо-палеобалканское койне можно сравнить с древнеславянским койне (словѣньскъ языкъ

Кирилла и Мефодия),¹⁷ имевшим распространение и у западных, и у южных, и у восточных славян, что свидетельствует о его общеславянской принадлежности (Мещерский 1975, 136), хотя и при наличии местных изводов. Разумеется, древнеславянский был письменно-литературным языком с функцией сакрального культового языка (там же, 134), а крито-микенские таблички — это типичный образец деловой письменности. Но так далеко аналогия, разумеется, не распространяется. Кроме того, степень родства греческого и палеобалканских языков могла быть иной сравнительно с языками славянскими.¹⁸ И опять до открытия новых — более обширных — фракийских, фригийских или карийских текстов (последние, к тому же, нужно еще научиться читать) многое здесь остается неясным. В частности, является ли язык линейного письма Б греческо-палеобалканским койне или это — греческо-палеобалканское койне «греческого извода».

Изложенная лишь в самых общих чертах гипотеза о характере языка крито-микенской письменности, как будто бы удовлетворительно объясняет целый ряд ее парадоксов. Так, изменения типа $\sigma\upsilon\chi\prime\alpha > \sigma\upsilon\sigma(\sigma)\alpha$ (=su-za) потому и отсутствуют во всех греческих диалектах, что эти изменения не были греческими (ср. также крито-микен. Ko-ru-si-jo = Κορυσιος, но греч. Κορυθιος). Обилие фрако-фригийских (включая троянские) и карийских имен в микенской ономастике объясняется той же самой причиной: 40% негреческих имен конечно содержат какое-то количество индоевропеизированных имен неиндоевропейского происхождения. Но наряду с этим среди них вполне могут быть и такие имена, которые что-то значат по-фракийски, по-фригийски или по-карийски, но ничего не значат по-гречески. Более того, из 60% имен с греческой этимологией какое-то количество¹⁹ могло, видимо, быть объяснено также и на основе палеобалканских языков, но для этого мы должны располагать их апеллятивной лексикой. Вообще вопрос этот нуждается в дополнительном исследовании — с привлечением широких слоев лексики явно негреческого происхождения, включая глоссы.

*
* *
*

Итак, в табличках линейного письма Б мы обнаруживаем ряд фонетических, словообразовательных и лексических совпадений с аналогичными явлениями в языках Фракии, Македонии,

¹⁷ Другие его названия (старославянский, церковнославянский, древнеболгарский) менее удачны (Мещерский 1975, 132 сл. — со ссылкой на М. М. Копыленко и Н. И. Толстого).

¹⁸ Говоря о разных степенях родства, нужно отметить, что древнеславянский язык функционировал также в Румынии, а канцелярским языком Великого княжества Литовского был старобелорусский язык.

¹⁹ Это количество зависит от степени родства между греческим и палеобалканскими языками.

Фригии, Карию, обычно связываемыми с догреческим субстратом. В итоге получается, что перечисленные палеобалканские языки — это и есть догреческий субстрат. Иначе вырисовывается странная картина: все фонетические, словообразовательные и лексические изоглоессы объединяют «догреческую» лексику с совершенно конкретными палеобалканскими языками, а догреческий субстрат мы ищем в каком-то другом, причем совершенно неизвестном нам языке («пеласгский» язык) или за пределами балкано-эгейского ареала — в анатолийских языках. Проникновение широких слоев лексики из одних языков в другие обычно происходит в условиях двуязычия или многоязычия. Следы разных палеобалканских языков в крито-микенских текстах, позволяющие рассматривать язык этих текстов как греческо-палеобалканское койне, хорошо согласуются с данными античных источников о многоязычии Крита (ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσαι μεμιγμένη — Od., XIX, 175 и далее), а также с единой античной традицией о пребывании фракийцев, фригийцев и карийцев в доисторической Элладе.

Анализ негреческих элементов линейного письма Б подтверждает идею о догреческом субстрате как конгломерате ряда близкородственных палеобалканских языков.²⁰ Попытки отождествить язык догреческого субстрата с одним из палеобалканских языков — фракийском (Reden — Best 1981; Vlahov 1984, 118), фригийском (П. Кречмер — см. О. Наас 1959, 44) или карийским (Solmsen 1922, 77) никак нельзя признать правдоподобными, ибо им противоречит рассмотренный выше материал.

Как уже говорилось выше, более детальному анализу отношений между палеобалканскими языками и языком линейного письма Б, а также решению ряда других вопросов, связанных с проблемой догреческого субстрата, препятствует крайне скудное количество дошедших до нас фракийских и фригийских текстов, а также безуспешные попытки прочтения карийских надписей. Этим определяется значимость заключительной главы книги — главы, в которой предлагается дешифровка карийского письма.

²⁰ Эту идею (со ссылкой на статью (Откупщиков 1983)) поддержал в своих последних работах болгарский археолог К. Йорданов (Jordanov 1984, 97; Йорданов 1985, 19).

Глава VI

ДЕШИФРОВКА КАРИЙСКОГО ПИСЬМА

Известный специалист в области дешифровки древних письменностей И. Фридрих различал три вида дешифровки — с разной степенью трудности: 1) неизвестен язык, но известна письменность (этрусский язык),¹ 2) известен язык, но неизвестна письменность (греческий язык Кипра) и 3) неизвестен язык и неизвестна письменность. Самым трудным для дешифровки, естественно, является последний случай (Фридрих 1961, 52 сл.). Карийская письменность представляет собой именно такую двойную загадку (*la double énigme*) — загадку письма и загадку языка (Masson 1973, 43). «Особенно трудной и даже во многих случаях невозможной является дешифровка неизвестной письменности без помощи билингвы, содержащей имена собственные» (Фридрих 1961, 157). Поскольку исследователи карийских надписей до сих пор не обнаружили ни одного надежного случая с подобного рода билингвой, становится ясным окончательный вывод И. Фридриха о том, что карийское письмо — одна из самых сложных проблем в истории письма вообще (*“die Schrift der Karer ... eins der schwierigsten Probleme der Schriftgeschichte überhaupt bildet”* — Friedrich 1966, 109).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕШИФРОВКИ

Всего до нас дошло более 150 карийских надписей, в основном содержащих личные имена и небольших по своему объему. Одна треть этих надписей была обнаружена недавно — в результате раскопок 1968—1975 гг. в северной Африке и опубликована в прекрасно изданной книге О. Массона (Masson 1978). Большая часть карийских текстов представляет собой надписи, оставленные карийскими наемниками в Египте; датируются они VII—V вв. до н. э. Меньшая часть надписей была найдена в самой Карии, причем датируются они более поздним временем

¹ Также фракийский и — в значительной мере — фригийский язык.

(IV—III вв. до н. э.). Отдельные находки были сделаны также в Афинах, Сардах, Эфесе.

Недостатка в попытках прочесть карийские надписи не было. Еще более 100 лет тому назад первые шаги в этом направлении сделал А. Сейс. Опираясь на несомненное сходство знаков карийского письма с греческими он предположил, что в целом ряде случаев там, где совпадает форма знаков, совпадают и их значения. В результате этих идентификаций (A=A, O=O, Y=Y, Δ=Δ, N=N и др.) оказалось, что гласные и согласные распределяются в карийских текстах равномерно, неудобопроизносимые сочетания согласных отсутствуют. Однако некоторые карийские знаки, учитывая специфику их сочетаемости, не могли обладать тем же значением, что и соответствующие греческие буквы. Так знаки 10 и 24 (1 и 2) (см. Приложение I), встречающиеся главным образом по соседству с согласными, не могли быть идентифицированы как греческие *κοππα*, *φι* и *τετα*, ибо они обозначали в карийских текстах гласные звуки (Sayce 1887, 131, 136). Кроме того, в карийских надписях встречались знаки, отсутствующие в известных нам алфавитах Греции (знаки 8, 19, 20 и др.). Наконец, общее число знаков в карийских текстах — свыше 50 — слишком велико для алфавитного письма. Когда же А. Сейс обнаружил один из негреческих знаков карийского письма в кипрском силлабарии (знак 19=mi — Sayce 1887, 112), он пришел к выводу, что карийская письменность представляет собой соединение греческого алфавитного и кипрского слогового письма. Эта точка зрения получила широкое распространение (Bork 1931, 15; Brandenstein 1935, 144; Jensen 1958, 450 и др.). Наиболее детально она была обоснована Ф. Борком (Bork 1930, 21), идентификации которого с незначительными изменениями приняли Й. Фридрих, В. Бранденштейн, О. Массон и другие исследователи (Friedrich 1932, 92 ff.; Brandenstein 1935; Masson — Yoyotte 1957). Популярности идеи о смешанном характере карийского письма содействовало то, что, опираясь на сопоставление знака 19 с кипрским mi, А. Сейс и его последователи прочли ряд имен, для которых нашлись, казалось бы, правдоподобные малоазийские соответствия. Уже А. Сейс отметил 7 случаев с основой *mes*- в карийских текстах (Sayce 1906, 172). Й. Сундвал сопоставил прочтенное А. Сейсом кар. *mes(a)*na- с лик. *masāina* (Sundwall 1911, 478). Г. Штольтенберг сравнил кар. *meseve* с лик. *mēseve* (Stoltenberg 1961, 57) и т. п. В то же время П. Кречмер категорически высказался против сопоставления карийских знаков со знаками кипрского силлабария (Kretschmer 1940, 241 f.). Этому вопросу был специально посвящен мой доклад, направленный на I Международный конгресс по микенологии в Риме (Откупщиков 1968).² Но главное, как удалось доказать Г. Бос-

² См. также (Brüche 1969, 60 — со ссылкой на эту работу).

серту, карийская письменность—это алфавитное письмо. Большое количество разных знаков означает лишь наличие местных локальных алфавитов.³ Если же взять один большой по объему текст, то окажется, что в надписи из Кавна, содержащей примерно 240 знаков, только 27 знаков—разные. Это является серьезным аргументом в пользу алфавитного характера карийского письма (Steinherr 1951, 332); ср. (Meriggi 1966, 98; 1967, 218; Порко 1967, 255); против (Friedrich 1966, 109). Вытекающую отсюда идею о необходимости разграничивать карийские алфавиты в хронологическом и топографическом отношении поддерживали О. Массон (Masson—Yoyotte 1956, 68) и А. Хойбек (Heubeck 1959b, 335). В своем издании новых карийских текстов О. Массон уже отказался от чтения карийских знаков как слоговых (Masson 1978).

Несмотря на эти относительные успехи в исследовании карийских надписей, сама их дешифровка как будто бы не продвинулась вперед. Правда, И. М. Дьяконов несколько поспешил объявить «крупнейшим открытием» попытку В. В. Шеворошкина прочесть карийские надписи «по-хетто-лувийски» (Дьяконов 1967, 240), но эта попытка была отвергнута специалистами, занимавшимися дешифровкой карийской письменности (Friedrich 1966, 109; Meriggi 1967 и др.). В частности, О. Массон не принимает ни одной из тех новых идентификаций знаков карийского письма, на базе которых строилась «хетто-лувийская» дешифровка (см. Masson 1978, 10—13). Не получили признания и другие попытки за последние 20 лет прочесть карийские надписи (Shafer 1965; Kowalski 1975; Ray 1981; 1982; Faucoupaу 1984).⁴

Какие же чтения получают у разных исследователей в результате проведенной ими идентификации знаков карийского письма? Р. Шейфер, написавший статью с претенциозным названием «Прорыв карийской плотины», считает, что последователи А. Сейса только дополняли его вместо того, чтобы полностью отказаться от его идентификаций ("They have only added sauce to Sayce, instead of throwing the mess out and cooking a fresh meal"—Shafer 1965, 399). Ничего хорошего, однако, из этого отказа не получилось. Чтения самого Р. Шейфера совершенно произвольны. Достаточно хотя бы сказать о том, что большую надпись из Кавна он читает справа налево (!—Shafer 1965, 418 sqq.), хотя уже давно и твердо установлено, что читается она слева направо. В другой надписи он «вычитывает» имена Janou и Jakob, считая, что перед нами—попытка воспроизвести имена John и Jacob (с. 421). Образцы «хетто-лувийских» чтений: prbnsn, mφnkkλφmt, onzntvCshvCs (Шеворошкин

³ Кстати, если учесть все знаки локальных алфавитов Греции, то их окажется значительно больше, чем знаков карийских локальных алфавитов.

⁴ К сожалению, та же участь постигла и мою брошюру о карийских надписях Африки (Откупщиков 1966).

1965а, 311 сл.). Что это все означает — неизвестно. Другой пример такого же бессмысленного скопления согласных (kmvdχsbū) автор пытается представить как «консонантную запись» — Κομβδαχασροη, выдавая последнее за карийское имя (с. 240). Однако это «имя» — всего лишь «подпоручик *Кижэ*», ибо его в источниках нигде нет. Как отметил О. Массон, этот пример, многократно повторяемый В. В. Шеворошкиным и убедивший И. М. Дьяконова в реальности мифической «консонантной записи» (Дьяконов 1967, 242), всякий раз приводится без ссылки (Masson 1977, 88). И если «подпоручик *Кижэ*» — результат случайной описки, то здесь явно прослеживается стремление выдать желаемое за действительное.

Образцы чтений Т. Ковальского: psmšk: tt'jr^oqé и т. д. (первое имя означает Ψαμμάτιχος), épas/sat': qwr (первое имя передает Τύμνης) и т. п. (Kowalski 1975, 91, 93). Чтения Дж. Рея с коррекцией Ж. Фокуно: u-k-s-m-u l-k-o-r-s' m-r-s-e-s'. Это должно означать: 'Ουαξαμως, сын Λιγ-Οαρις Μαρισις' (Fausoupaу 1984, 236). Не говоря уже о странности приведенных чтений и натянутости интерпретаций, нужно отметить, что несколько таких чтений приводят их авторов к таким идентификациям знаков, которые, будучи применены к другим текстам того же ареала, дают совершенно бессмысленные наборы букв. Так, если с помощью таблицы идентификации знаков карийского письма, опубликованной в последней статье Ж. Фокуно (Fausoupaу 1984, 234), мы попытаемся прочесть первое имя из надписи № 39 в книге О. Массона (Masson 1978, 44), то получим сочетание согласных qkqjs. Не очень обнадеживает и транскрипция самого О. Массона: 14-30-14-27-s, где цифры означают всего лишь номера непонятных знаков в карийском алфавите, приведенном в начале книги. Кстати там (с. 10) уверенно идентифицируется только 8 знаков из 45.

Таким образом, утверждения о том, что карийские тексты нам не доставляют никаких языковых фактов (Neumann 1961, 77), что все предложенные до сих пор чтения висят в воздухе ("hängen in der Luft" — Friedrich 1966, 109), что карийское письмо остается недешифрованным и после ряда новых попыток (Массон 1973), сохраняют свою силу и в наши дни, не оставляя поводов для оптимизма. Более того, когда П. Мериджи пишет, что прочтение надписи F 1⁵ как meseve — это единственное, что мы знаем о карийском языке (Meriggi 1966, 78), он явно преувеличивает наше знание, ибо meseve, как мы увидим ниже, — результат ошибочного прочтения карийской надписи.

⁵ В ссылках на карийские тексты приняты следующие сокращения: F и номер — в собрании карийских текстов И. Фридриха (Friedrich 1932); D — Deroу 1955; M—Y — Masson — Yoyotte 1957; M — Masson 1978; Ш — Шеворошкин 1965; O — Откупщиков 1966.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЗНАКОВ КАРИЙСКОГО ПИСЬМА

Дешифровка карийского письма, т. е. прочтение надписей, еще отнюдь не будет означать дешифровки карийского языка. Так, например, этрусские, фракийские и фригийские тексты в отличие от карийских читаются, но едва ли кто-нибудь будет утверждать, что соответствующие языки дешифрованы. В частности, в случае с фригийским языком мы более уверенно можем говорить о его морфологии (см., например (Дьяконов — Нерознак 1977)), нежели о понимании текстов, где во многом приходится опираться на большое сходство фригийского языка с греческим (Фридрих 1961, 148 слл.). Впрочем, за последние годы здесь были достигнуты большие успехи.

Главное и определяющее при любой дешифровке непрочтенного текста — идентификация знаков. Не зная, каким языком является карийский и не имея билингвы, дешифровщик этого языка оказывается в очень затруднительном положении. Недаром П. Мериджи даже после недавних находок в северной Африке писал, что для дешифровки карийского письма нужен новый эпиграфический материал (Meriggi 1978, 803). В 1966 г. — до находок в Африке — вышла моя брошюра, в которой были опубликованы предварительные результаты предложенной мною новой дешифровки карийских надписей Африки (Откупщиков 1966). Как уже было сказано выше, эти результаты вызвали ряд возражений, которые, в основном, сводятся к следующему. Во-первых, это сомнения в возможности близкого генетического родства карийского и греческого языков (Й. Фридрих — письмо от 9 мая 1966 г.; В. Пизани — письмо от 16 мая 1966 г.); ср. ("Paideia", 1967, vol. XXII, 94; Heubeck 1968). Изложенный выше материал должен дать ответ на эти сомнения.

Во-вторых, получающиеся в результате дешифровки чтения напоминают очень плохой греческий язык (Masson 1967b, 195; Heubeck 1968, 332). Однако надписи на памфилийском диалекте также никогда не рассматривались в качестве образца «хорошего» греческого языка. Одно из основных возражений противников дешифровки М. Вентриса сводилось именно к тому, что читаемые им тексты линейного письма Б представляют собой плохой греческий язык. На первых этапах дешифровки кипрской письменности «греческий язык кипрских надписей производил впечатление языка странно искаженного и варварского» (Фридрих 1961, 134). И это — применительно к греческому языку. Почему же карийские надписи должны быть написаны на хорошем греческом языке?⁶ Само впечатление о карий-

⁶ Видимо, моих рецензентов ввела в заблуждение фраза: «Можно предполагать, что перед нами язык, близкий древнегреческому или один из существенно отличных его диалектов» (Откупщиков 1966, 32). При этом не было обращено внимание на то, что уже на следующей странице автор делает свой вывод из этой дилеммы, говоря о необходимости осторожного

ских текстах — весьма показательно. Оно напоминает впечатление о нидерландском как «странно искаженном» немецком или о болгарском как «плохом» русском. О. Массон отмечал в своей рецензии также субъективность деления знаков карийского алфавита на «часто» встречаемые и «редко» встречаемые — с чем, в принципе, можно согласиться (ср. (Дьяконов 1967, 244 сл.)).

Важно отметить, что по коренному вопросу всякой дешифровки — по вопросу идентификации знаков — возражений было мало (см. (Jordan 1968, 128 f.; Setatos 1968, 192)).⁷ Более того, именно в этом, даже возражая по общим вопросам, целый ряд крупнейших специалистов признали логичность и убедительность моих идентификаций, основанных на сопоставлениях знаков карийского и греческого алфавитов. Так, И. Фридрих пишет: «Ваши сравнения карийских букв с греческими производят впечатление очень разумных и убедительных» (*"machen Ihre vergleichen der karischen mit griechischen Buchstaben einen recht vernünftigen und einleuchtenden Eindruck"* — письмо от 9 мая 1966 г.). В. Пизани: «Ваше чтение карийских знаков часто приемлемо» (письмо от 16 мая 1966 г.). В. Георгиев: «Ваш опыт чтения и толкования карийских надписей более убедителен, чем опыт Шеворошкина, однако и его нельзя считать окончательным. Все-таки путь правилен» (письмо от 22 мая 1966 г.).

После публикации предварительных результатов идентификации знаков карийского письма дальнейшее исследование шло в двух основных направлениях: 1) изучение свидетельств античных авторов, а также данных археологии и ономастики, касающихся карийцев и карийского языка; 2) изучение ономастики Египта. Когда были опубликованы новые карийские надписи из Египта, оказалось, что они читаются с помощью той таблицы идентификации знаков карийского письма, которая была опубликована еще до начала раскопок в Египте, приведших к открытию новых надписей. Это обстоятельство на 100% исключает всякую возможность «подгонки» — чего, к сожалению, нельзя сказать о многих других попытках дешифровки карийского письма.

Каковы же основные принципы идентификации знаков карийских алфавитов? Здесь явно намечаются два основных подхода. Один из них, восходящий еще к А. Сейсу, базируется на бесспорном сходстве карийского алфавита с греческим. Отсюда делается важный вывод о том, что при идентификации знаков

подхода «к вопросу об отношении карийского языка к древнегреческому», т. е. считая карийский и греческий разными языками.

⁷ Я не касаюсь здесь неудачной статьи И. М. Дьяконова (1967), направленной в защиту несостоявшейся хетто-лувийской дешифровки. Разбор ее ошибочных положений занял бы слишком много места, а неакадемичный тон статьи отнюдь не вызывает желания вести полемику, хотя в ряде случаев я буду вынужден это делать.

карийского письма в основу должны быть положены греческие значения букв (Meriggi 1966, 66 f.). Согласно другой — полярно противоположной — точке зрения, греческий алфавит не может служить при этом надежным путеводителем (Arkwright 1918, 69). Следуя этому принципу, некоторые исследователи вообще стали отводить форме знаков «последнюю роль» (Mentz 1940, 266; Шеворошкин 1965а, 168; Shafer 1965, 399 и др.). Конечно, произвольная идентификация знаков позволяет любой отрезок текста, состоящий из 6 разных букв, прочесть, например, как *Пушкин*. Но если дешифровщик захочет прочесть в этом же тексте *Гоголь*, то здесь не должно быть ни одного знака из первого имени. Напротив, в имени *Пушин* должно быть 4 одинаковых знака с первым именем, причем эти знаки должны идти в той же последовательности. Естественно, что такое возможно только при правильной идентификации всех или хотя бы большей части знаков. Когда же в текстах вычитывается несколько не очень правдоподобных «карийских» имен типа *buvse, mzai, tabou, tavse, upsbu, mgkuñ* (В. В. Шеворошкин) или *tt'jr°qç, çnas* (Т. В. Ковальский), которые не имеют ничего общего с известными нам из греческих передач карийскими именами, то даже такие прочтения приводят к невразумительным скоплениям согласных в других местах, что совершенно определенным образом свидетельствует об ошибочности принятых идентификаций знаков.

Из двух названных направлений в дешифровке нужно отдать явное предпочтение ориентации на сравнение с формой знаков из греческих алфавитов (А. Сейс, П. Мериджи). Именно в этом направлении среди исследователей карийского письма достигнуто относительное единство. Так, почти все идентификации знаков карийского письма, которые можно считать общепризнанными, были предложены еще А. Сейсом.⁸ Если взять значения букв у девяти авторов из таблицы В. В. Шеворошкина (Ševoroškin 1964, 82 f.), а также мои идентификации (Откупщиков 1966, 2), то окажется, что все 10 авторов придают карийским А, О и N те же значения, которые имеют соответствующие греческие буквы. 9 авторов из 10 подобным образом идентифицируют знаки Υ, Ρ, Φ, Ο; 8 из 10 — Γ, Λ (лямбда), Δ, Ϛ; 7 из 10 — Ε, Σ (гамма), Ι, Τ. Кроме того, знак 4 (1), обнаруженный на месте ε и η в греческих текстах (в словах *ἦλθε* и *τὴν* — на месте η, *ἐνθ'δε* — вместо ε, см. (Brandenstein 1935, 144; Steinherr 1951, 334)), был идентифицирован как ε, приняв также во внимание его сходство с керкирской формой эпсилона (Sayce 1874, 557). Эту идентификацию приняли 8 авто-

⁸ И. М. Дьяконов ошибочно полагает, что «никаких „признанных идентификаций“ в карийской письменности не было» (Дьяконов 1967, 245). Может быть, моему оппоненту известен хотя бы один автор, который карийские знаки А и О читал бы не как греческие?

ров из 10. Наконец знак 11(2), сходный с приведенной в таблице формой греческой каппы, также 8 авторов из 10 идентифицировали как ж. Если учесть, что в число указанных 10 авторов входят, например, Ф. Борк и Й. Фридрих, считавшие, что часть карийских знаков были слоговыми, то единство в оценке идентификаций А. Сейса⁹ будет еще более показательным. Все перечисленные 16 идентификаций вполне можно считать общепризнанными. Даже О. Массон, который после отказа от старых идентификаций Ф. Борка — Й. Фридриха с очень большой осторожностью подходит к этому вопросу, безоговорочно признает 7 и допускает 8 других перечисленных идентификаций.

Кроме того, последователи А. Сейса идентифицировали знак 10 как *йоту* (Торг 1903, 44); ср. (Steinherr 1951, 333), знак 9 (2) — как *тету* (Й. Сундвал — на основании сопоставления этого знака с ликийским th, имеющим ту же форму (Sause 1893, 136)), знак 20 (1) как t (Шеворошкин 1965а, 184),¹⁰ знаки 20 (2, 3) как t (первый из них — под вопросом — уже у А. Сейса; см. (Sause 1874, pl. 1; Eilers 1940, 211)). Все эти 20 идентификаций своих предшественников я принимаю, о чем говорится в самом начале брошюры 1966 г. Чтобы развеять сомнения И. М. Дьяконова относительно наличия «признанных идентификаций» карийских знаков (см. прим. 8), процитирую автора, с выводами которого он выразил свое согласие: «...Все или большинство исследователей сходились в трактовке звуковых значений следующих букв...: а, е, о, ц, т, п, г, l, v, t, d, k, g, h, s, z, а также некоторых других. Это буквы, находящие формальные аналогии в греческих алфавитах. На основании этих формальных соответствий А. Сейс определил в свое время звуковые значения карийских букв. Эти значения были приняты с теми или иными отклонениями последующими исследователями. Нет оснований сомневаться в правильности этих идентификаций...» (Шеворошкин 1965б, 46 сл.). К этому нужно только добавить, что 4 из 5 новых идентификаций, предложенных самим автором приведенной цитаты, находятся в резком противоречии с принципами А. Сейса и не находят никаких аналогий в многочисленных локальных алфавитах архаической (да и не только архаической) Греции. Это — идентификации знаков 7=ù, 15=ñ, 22 (3, 4)=р, 24 (1, 2)=λ (Шеворошкин 1965а, 190 сл.).

Главное, однако, не в тех знаках, в идентификации которых существует относительное единство, а в тех, где мне пришлось разойтись с моими предшественниками. И здесь прежде всего нужно обратиться к знакам 24 (1, 2).

⁹ Ему не принадлежит только идентификация карийской каппы.

¹⁰ Это — единственная новая идентификация В. В. Шеворошкина, являющаяся верной (Откупщиков 1966, 3; Meriggi 1967, 210). Причем, П. Мериджи справедливо отмечает, что эта идентификация оказалась верной случайно. И действительно, она основана на сравнении несопоставимых мест из карийских текстов.

Идентичность знаков 24, 1 и 2 является общепризнанной, так как эти знаки постоянно оказываются в одной и той же позиции и даже в одном и том же слове. Фактически это один знак, который является ключевым при дешифровке карийской письменности ("ein wichtiges Zeichen ist" — Sundwall 1911, 466). Еще А. Сейс заметил, что многие надписи карийских наемников, состоящие из трех имен, имеют этот знак в конце второго и третьего имени. Отсюда он сделал вывод о том, что этот знак представляет собой флексию генитива (Sausse 1893, 141 sq.), т. е. в надписях отражена формула «А сын В внук С». Й. Сундвал, желая интерпретировать карийские надписи на основе ликийского языка, идентифицировал знаки 24 (1, 2) как k (Sundwall 1911, 466); против (Arkwright 1918, 70). Впрочем, позднее он, кажется, отказался от этой идентификации (см. (Sundwall 1927—1928, 335)). По пути Й. Сундвала следовал В. В. Шеворошкин. Повторяя ход рассуждений своего предшественника, он, сославшись на косвенный λ -падеж в лидийском и на местоименный 1-генетив в хеттском языке, идентифицировал знаки 24 (1, 2) как λ (Шеворошкин 1965а, 178); против (Откупщиков 1966, 4; Meriggi 1967, 227; Meier-Brugger 1979, 88; Gusmani 1979, 193 sqq.; 1982, 77 sqq.). Нужно сказать, что ни κ , ни λ в форме знаков 24 (1, 2) не встречаются ни в одном греческом алфавите.

Но главное — знак 24 (1) находится в основном между согласными или в конце слова—после гласного (Sausse 1893, 131), он чередуется в надписях со знаком O и, несомненно, как и знак 24 (2), является гласным (Ibid., p. 131, 136).¹¹

Последовательно продолжая проверенную линию А. Сейса, мы должны обратиться, разумеется, не к школьному греческому алфавиту, а к многочисленным греческим локальным алфавитам. Наряду с общеизвестными значениями *фи* и *тета* знаки 24 (1, 2) имеют неоднократно засвидетельствованное в греческих надписях значение ω (*омега*). Так, в греческой надписи с Кипра, посвященной карийскому Зевсу, культ которого был широко распространен в Малой Азии (Kämmel 1869, 46 f.;

¹¹ «Нет оснований сомневаться в том, что эта буква обозначает гласный» (Arkwright 1915, 105). Как вариант о идентифицировал этот знак П. Кречмер (Kretschmer 1896, 42, 382). Заблуждается И. М. Дьяконов, когда пишет, что знак 24 «отождествляется методом троек как согласный» (Дьяконов 1967, 245). В известных до 1967 г. карийских надписях было засвидетельствовано 9 сочетаний, где этот знак находился (даже в соответствии с «хетто-лувийскими» идентификациями) между согласными (надписи F 8b, 16, 25, 43, 52, 72, 74; D 10a, 12). В то же время между гласными он встречался только в слове 22(1)=24(1)=16(1)=6 и его производных. Можно спорить о языковой принадлежности дешифрируемого языка, но в случаях, подобных рассмотренному, нужно сначала элементарно посчитать количество сочетаний и только после этого что-то утверждать.

Schaefer 1912, 358 sq.; Leonhard 1915, 293), в словах Δι Λαβρα-
 ιω *omega* имеет форму знака 24 (1), см. (Mitford 1946, p. 29,
 fig. 5). В другой греческой надписи из Карики (SIG II, 2730) в
 карийском имени Οὐλιαδης¹² на месте Ο стоит знак 24 (2).
 Ссылка на сравнительно поздний характер этой надписи (Дья-
 конов 1967, 246) ничего не доказывает, ибо тот же знак триж-
 ды стоит на месте Ο в одной короткой (12 букв) архаической
 надписи из Коркиры (Meister 1909, 321). Показательно, что в
 именах на Ου- знаки 24 (1, 2), а не 16 (1) стоят почти во всех
 случаях, засвидетельствованных в карийских надписях: F 46,
 F 74, B 8, M 22. Такие совпадения в деталях обычно случайны-
 ми не бывают. Можно привести также ряд других примеров с
омегой в форме знаков 24 (1, 2) из греческих надписей (IG V,
 1, 643; V, 1, 698; SIG I, 12 и 14). Поскольку нахождение карий-
 ского знака даже в единичных греческих словах всегда служи-
 ло надежной опорой для его идентификации (например, в слу-
 чае со знаком 4, 1=ε), употребление знаков 24 (1, 2) в грече-
 ских надписях, в том числе — передающих карийское теофорное
 имя и эпитет карийского Зевса, — должно служить веским аргу-
 ментом в пользу идентификации 24 (1, 2) = ω.

Очень важным является также то обстоятельство, что знак
 24 (2) читается как *омега* и во фригийских надписях (Meister
 1909, 321; O. Naas 1966, 97; 1976, 77); ср. (Нерознак 1978, 127—
 в главе, написанной в соавторстве с И. М. Дьяконовым). Еще
 А. Сейс писал об исключительной важности изучения карийско-
 го письма для истории алфавита (Sausse 1893, 563). Отмечалось
 также, что некоторые специфические знаки карийского письма
 столь архаичны, что совпадают они лишь с греческими цифро-
 выми знаками, уже вышедшими или почти вышедшими из упо-
 требления в качестве алфавитных знаков (ср. (Видеман 1908,
 53)), например, знаки Ο 4, 1=Μ 26, Ο 20=Μ 24, Ο 21, 2=Μ
 40, Ο 23, 2=Μ 33, а также сампи (Woisin 1886, 7, 27 etc). Этот
 факт очень важен для методики идентификации знаков карий-
 ского письма. Он подтверждает, что нахождение того или иного
 карийского знака даже в единичных греческих текстах имеет до-
 статочно оснований для его идентификации, так как этот знак
 скорее всего является архаизмом, даже если он встречается в
 сравнительно позднем тексте. Здесь невольно вспоминаются сло-

¹² И. М. Дьяконов (1967, 246) считает имя греческим. Но ср.: "sicher un-
 griechisch" (Kretschmer 1896, 366); "ist sehr oft in Karien belegt" (Zgusta
 1964, 398); 'un nom carien' (Masson 1959, 164). Имя явно связано с эпита-
 том карийского Аполлона Οὐλιος "Le dieu serait carien à cause des noms ca-
 riens théophores *Oulïades, Uliades*" (Laumonier 1958, 553 sq.). Возможно,
 что оно гречизировано, но нужно отметить, что происхождение суффикса
 -αδ-, -ιδ- в греческом языке до сих пор остается неясным. Так, Дж. Чэдвик
 отмечает полное отсутствие имен с этим суффиксом в крито-микенских над-
 писях, причем гомеровский язык также знает только прилагательные со
 значением 'сын такого-то' (Chadwick 1976c, 65).

ва А. Мейе, сказанные, правда, по иному поводу, что норма до- исторической эпохи определяется по аномалиям эпохи историче- ской (Мейе 1938, 78).

В литературе уже неоднократно высказывалось мнение о том, что ряд более архаичных черт фригийского и карийского алфавитов сравнительно с греческим свидетельствует о том, что последний был заимствован у семитов через малоазийское по- средничество (Miltner 1938, 407; 1954, 38); против (Jensen 1958, 442 f.). См. также (Barnett 1963, 249; 1967, 19 sq.; Bundgård 1965, 56; Young 1969, 252 sqq.; Snodgrass 1971, 348 sq.; Дьяко- нов — Нерознак 1977, 171 и др.). Большинство исследователей пишут о фригийском языке как языке-посреднике. Однако фри- гийцы в VIII в. до н. э. были слишком далеки от греков, чтобы можно было предполагать тесные контакты между ними (Fin- leu 1970, 78). Нет у нас данных и об особо близких связях меж- ду фригийцами и финикийцами. В то же время, как нам извест- но из Фукидида (I, 8), в древности большинство островов Эгей- ского моря заселяли карийцы и финикийцы.¹³ Выше уже гово- рилось о многочисленных случаях совместного проживания кар- ийцев и греков. В этих условиях гораздо естественнее пред- положить, что не фригийцы, а карийцы передали семитский ал- фавит грекам. Тем более, что ссылки на *бету* с двумя дужками и на *йоту* в виде вертикальной черты малоубедительны, ибо обе эти формы — поздние, и в греческих локальных алфавитах ши- роко распространены более древние формы этих букв. А соот- ветствия с карийским алфавитом многочисленнее и отражают гораздо более древние формы букв. О роли карийцев в истории греческого алфавита см. (Miltner 1938, 408; 1954, 38). По мне- нию Р. Барнета (Barnett 1963, 249), карийский алфавит древ- нее фригийского.

Еще Ф: Петри сопоставил карийский знак 24 (1) с идентич- ным южносемитским знаком waw (Petrie 1912, 7). Он вообще обратил внимание на исключительную древность карийского письма и на его сходство с письмом южносемитским. Отмеча- лась и близость южносемитских знаков к наиболее архаичным знакам греческих алфавитов (Видеман 1908, 14).¹⁴ Здесь, види- мо, и следует искать ключ к решению вопроса о происхожде- нии карийской *омеги* (засвидетельствованной также в целом ряде греческих надписей). Полное созпадение трех форм $\bar{\omega}$ кар- ийских надписей (24, 1 и 2, а также знак горизонтально рас- положенной «цифры» 8 в надписи F 50)¹⁵ с тремя формами

¹³ Греческие писатели иногда даже смешивали тех и других. Так, Коринна и Бакхилид называют Карию Финикией (Athen., IV, 174, 175); ср. (Logimer 1950, 77).

¹⁴ О базирующейся на этом сходстве гипотезе Ж. Пирени — Р. Дюссо см. (Бауэр 1966, 33 сл.).

¹⁵ Этот знак четырежды встречается в одной греческой надписи (SIG, II, 1830e) на месте *омеги*.

южносемитской буквы waw (см., например (Дирингер 1963, 271)) едва ли может быть случайным. Тем более, что и в южносемитских надписях waw мог означать не только w, но также долгие \bar{o} и \bar{u} (Бауэр 1966, 27); ср. также (Driver 1954, 157). Еще один вариант южносемитского знака waw дал редкий вариант краткого o в греческом (Видеман 1908, знак 370a) и в карийском (знак 16, 2). Таким образом, у нас нет ровно никаких оснований возводить знак 24 (1) к финикийской коппе (Шеворошкин 1965в, 133; Дьяконов 1967, 246). Тем более, что такое объяснение, если бы оно было верным, подходило бы для идентификации Й. Сундвала (знак 24, 1=k), но не для прочтения этого знака как л.

Южносемитский waw в форме 24 (1), включая ее варианты, имеет значение w во фригийском (Sauce 1893, 132; O. Naas 1966, 172), в Памфилии (Kirchhoff 1887, 51), в этрусском (Bundgård 1965, 41). Греческое *phi* можно возвести к той же семитской букве waw, предполагая для него примерно такую же историю, как для латинской буквы F — сравнительно с формой северносемитского waw'a (ср. сочетание FH в надписи на Пренестинской фибуле). Интересно также отметить, что греческая *omega* в форме, близкой к знаку 24 (1), засвидетельствована в одной надписи из Фригии (SIG III, 3817). Форма эта (ω) является переходной от омеги в форме знака 24 (1) к стандартной поздней форме ω. Объяснить эту последнюю из форм типа Ω не представляется возможным. Таким образом, речь идет об идентификации знаков карийского письма № 24 (1, 2) не на основе произвольного желания автора дешифровки читать ликийские, хетто-лувийские или какие-то иные имена, а на базе объективных закономерностей в истории алфавита, на основе наличия точно таких же знаков со значением \bar{o} в южносемитских, греческих и фригийских надписях (в последнем случае — вариант 24, 2).

Наконец, знак 24, 3 ("the broken circle") в качестве *омеги* встречается в архаических локальных алфавитах Греции (Jeffery 1961, 37, fig. 24, 2), иногда повернутый разрывом вниз (Видеман 1908, знак 574a). Он мог также означать и краткое o. Л. Джеффери высказала весьма правдоподобное предположение, что более поздние формы *омеги* могли развиться из этого знака разорванного круга путем закругления его концов — с целью отличить (как это было, например, на Паросе) этот знак от *беты*, имевшей там ту же форму (Jeffery 1961, 294). Как бы то ни было, у нас есть все основания считать, что знак 24 (3) в положении между согласными означает \bar{o} .

В последнее время предложенную мною идентификацию знаков 24 (1, 2) принял Р. Гусмани (Gusmani 1979, 193 sq. — не очень уверенно; 1982, 79 f.), правда, без всякой аргументации и без ссылки на мою брошюру 1966 г., где была впервые обоснована эта идентификация. Более того, даже отдельные слова

он читает точно так же, как они были прочтены мною 20 лет тому назад; ср. ΡαΓυωος (Откупщиков 1966, 21) и γανωος (Gustani 1982, 80),¹⁶ υω=ιω. Разница здесь только в шрифте: у меня — греческий, у Р. Гусмани — греческо-латинский.

На идентификации остальных знаков нет необходимости останавливаться столь же подробно.

ЗНАКИ 10 (1, 2)

Большинство исследователей идентифицирует знак 10 (1) как *йоту*. Однако в последнее время появились, как мне кажется, совершенно необоснованные сомнения в правильности этой идентификации. Так, П. Мериджи полагает, что если даже знак 10 (1) — гласный, то не *i* (Meriggi 1967, 220). О. Массон, колеблясь между идентификацией П. Мериджи (=q) и других исследователей (гласный, *i*), отмечает этот знак просто порядковым номером (Masson 1977, 92; 1978, 10).

А. Сейс полагал, что знак 10(1) является модификацией *о* или *коппы* (Sauce 1893, 131). Была предпринята неудачная попытка вывести этот знак из критской *йоты* в форме, близкой к латинскому S (Шеворошкин 1965в, 132). На самом деле перед нами — обычная форма южносемитской буквы *уод*, которая могла уже в южносемитских надписях означать *i* (Бауэр 1966, 27); ср. (Driver 1954, 157). Таким образом, перед нами — полная аналогия с южносемитской буквой *шав*, давшей в карийском алфавите *ō*. В то же время греческая *йота* в своих архаических формах восходит к северносемитским вариантам буквы *уод*. Можно отметить также, что в одной греческой надписи V в. до н. э. из Ольвии, написанной бустрофедоном, в слове *γουο* на месте *йоты* стоит четкий знак 10, 1 (Толстой 1953, 10; надпись хранится в Гос. Эрмитаже).

Поскольку знак 10 (1) находит свои ближайшие аналогии в семитских алфавитах, обращает на себя внимание наличие в семитских алфавитах также буквы *уод* в форме 10, 2 (Berger 1891, 300 sq.; Шницер 1903, 122), которая в том же значении встречается и в этрусском алфавите (Видеман 1908, табл. III, № 10). Сходная форма *йоты* засвидетельствована также в греческом алфавите (там же, табл. XII, № 239). Это позволяет знак 10 (2) в положении между согласными и при отсутствии в тексте знака 10 (1) идентифицировать как *йоту*.

¹⁶ Надпись F 4=Ш 21, на которую ошибочно ссылается Р. Гусмани (наряду с двумя верными ссылками), на самом деле содержит другое имя: ΕρΓυωος.

ЗНАК 7

Обычная греческая *эта*, употребляемая в древнейших надписях островов Эгейского моря (Jeffery 1961; 289; Дириингер 1963, 524). Впрочем, как ее идентифицировал этот знак Й. Сундвал. Считать эту форму *эты* поздней (Дьяконов 1967, 245) у нас нет никаких оснований. Д. Дириингер, например, датирует отдельные надписи с этой буквой VII в. до н. э., т. е. синхронно древнейшим карийским надписям. Важно отметить, что два варианта знака 7 (1 и 2) (Откупщиков 1966, 2) засвидетельствованы помимо карийской также в греческой ($\bar{\epsilon}$) и мессапской письменности (de Simone 1964, 21). Отсюда, следуя методике А. Сейса, можно сделать вывод о том, что знак 7 = $\bar{\epsilon}$ (*эта*). Никаких оснований к тому, чтобы читать этот знак как ϵ , у нас нет.

ЗНАК 8

Еще А. Торп считал этот знак лигатурой знаков 7 и 10 (Торп 1903, 44). Поэтому совершенно естественной является идентификация, согласно которой знак 8 = $\epsilon\iota$.

ЗНАКИ 22 (1, 2, 3, 4)

Мнение о том, что знаки 22 (1, 2), совпадающие по форме с греческим *ипсилоном*, следует читать как ϵ , разделяют 9 из 10 указанных выше исследователей. На основании сходства знаков 22 (1, 2) и 22 (3, 4) Й. Сундвал идентифицировал последние как ϵ или υ (Sundwall 1911, 468; 1928, 335). К этому были уже чисто графические основания, ибо два варианта *ипсилона* различаются между собой не более, чем два варианта *эты* (прямоугольник с горизонтальной чертой посередине и без нее). К этому можно добавить более редкие случаи из греческого и родственных ему алфавитов: фриг. и мессап. $\Lambda = \Lambda$ (Kretschmer 1896, 218; de Simone 1964, 28), греч. $\Lambda = \Delta$ (Jeffery 1961, 24), знак 24 (2) = O (см. выше). Ср. также знак 4 (1) в надписи D 9 и этот же знак без горизонтальной черты в греческом алфавите из Мегар (= ϵ ; см. (Meriggi 1966, 94)). Во всех этих случаях наличие или отсутствие горизонтальной черты не меняет значения буквы.

Но главное — знаки 22 (3, 4) засвидетельствованы в греческих надписях на месте *ипсилона* (см. (Schwyzer 1939, 197)). Ссылка на греческую надпись первой половины V в. до н. э. ((SIG II, 1794h); см. (Откупщиков 1966, 11)) оказалась убедительной И. М. Дьяконову: «Напомним, однако, что речь идет о карийских надписях в основном VII в. до н. э.» (Дьяконов 1967, 247). Это — явное недоразумение, ибо самые многочисленные из известных в 1967 г. надписей — надписи из Абидоса

(примерно 1/3 всех текстов из Африки) — датируются концом V — началом IV в. до н. э. (Masson 1961, 356 сл.). Ни одна из многочисленных надписей, обнаруженных после 1967 г., не датируется VII в. до н. э. (см. (Masson 1978, 6 sq.)). В то же время греческая надпись, о которой идет речь, датируется не только первой половиной V в. (как было принято мной на основании датировки Л. Джеффери), но и концом VI — началом V в. до н. э. (Guarducci 1967, 294). Впрочем, и сравнительно поздние греческие надписи могут содержать весьма архаичные алфавитные знаки.¹⁷

В архаической надписи с о-ва Фера дважды *ипсилон* имеет форму знака 22, 4 (IG XII, 3, 782). Если идентификация знака 4(1) = е признается «достаточно точной», так как этот знак встретился 2-3 раза в греческих надписях (Шеворошкин 1965б, 47), то не менее точной следует признать и приведенную идентификацию знаков 22 (3, 4). В пользу этой идентификации говорят также следующие факты. Эти знаки не встречаются в словах перед *α*, *ε*, *υ*. Странная «избирательность» для согласного звука! «Метод троек» не дает никаких оснований считать знак 22 (3, 4) согласным, см., например, надпись F 50 = Ш 2, где, принимая «хетто-лувийские» идентификации, мы должны признать, что знак 22 (4) оба раза стоит между согласными. В надписи F 8b и D 15 в начале слов *υχoFe* и *υχoFχοFe* в первом случае стоит знак 22 (3), а во втором — 22 (1). В сочетании *σμνχω* (вариант: *σμνχω*) *υω* (M 50 = F 53) в первой надписи второе слово (независимо от чтения первого) содержит знак 22 (1), а во второй — 22 (3).¹⁸ Таким образом, и в этом плане у нас есть все основания считать знаки 22 (3, 4) вариантами знаков 22 (1, 2).

С точки зрения истории письма знаки 22 (1) и 22 (3) могут быть сопоставлены с двумя точно такими же вариантами семитского знака *ain*: знак 22 (1) — в арамейском алфавите ассирийской эпохи, знак 22 (3) — в самаритянском алфавите (Шницер 1903, 90, 111, ср. также с 147). Показательно, что в ряде греческих надписей знак 22 (3) стоит на месте *омикрон*, а не *ипсилон* (SIG I, 47 и 48). Как известно, греческий (и карийский)

¹⁷ Странно, что И. М. Дьяконов, датируя древнейшие карийские надписи временем VIII—VI вв., всерьез принимает их чтение, основанные на анализе поздних текстов из Карии (IV—III вв.), когда в основе анализа лежал, к тому же, текст, написанный особым кавнийским алфавитом. В то же время синхронные или даже более древние (как в только что приведенном случае) греческие надписи, по его мнению, нельзя сопоставить с карийскими, так как первые И. М. Дьяконов датирует «2-3 столетиями позже» (?! — Ю. О.; см. (Дьяконов 1967, 243)). Думается, что даже благородные цели научной полемики не могут оправдать столь своеобразного обращения с очевидными фактами.

¹⁸ Как уже говорилось выше, Р. Гусмани также читает это слово в надписи M 50 *υω*, но принимает его за энклитику.

омикрон также восходит к одному из вариантов семитской буквы *אֵין*.

Попытки возвести знак 22 (3) к греческому *π* (resp. финик. *ṛē*, см. (Дьяконов 1967, 247)) основаны на простом недоразумении. В одной из публикаций карийской надписи на стеле из Сиднея (Rowe 1920) автор дал очень небрежную прорись первого знака второй строки, хотя там же на фотографии четко прослеживается знак 22 (3) с небольшим повреждением в левой нижней части знака. Это привело к тому, что Й. Фридрих воспроизводит этот знак (F 43) как близкий к знаку 8, а О. Массон — как знак 22 (3) с разомкнутыми внизу сторонами треугольника (Masson — Yoyotte 1956, 30). В дальнейшем (видимо, в целях ускорения аргументации) эти стороны все более расширялись и укорачивались (Шеворошкин 1965а, 195; Дьяконов 1967, 247). Так появился еще один «подпоручик *Кижж*»: «наиболее архаичная форма карийской буквы» 22 (3), за отсутствие которой в моей таблице упрекает меня И. М. Дьяконов (1967, 247). Присланные мне из Сиднея отличная фотография и точный слепок с изображением слова, содержащего «подозрительный» знак, не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами — обычный знак 22 (3).¹⁹ Небольшая, но довольно глубокая выщербина у левой нижней части знака (однако не повредившая его), видимо, давала на некоторых фотографиях тень, которая вполне могла привести к искажениям в несовершенных прорисях.

Наконец, ссылка на то, что в надписи D 7в=Ш 96 и передается двумя разными знаками — 22 (4) и 22 (2) — в одном слове (Дьяконов 1967, 247), не может считаться серьезным аргументом против предложенных идентификаций вариантов знака 22. Эти варианты различаются не более чем *т* и *т* в современном русском письме. Ср. также имя *Ἄρμ ὀξενος*, у которого в одной из греческих надписей (IG V, 1, 1437b) первое *ο* передается с помощью знака, близкого к 24, 1 (= *φ*и), а второе — знаком 16, 2 (= *т*ета). Различаются эти знаки в основном также лишь наличием или отсутствием горизонтальной черты.

Итак, мы закончили идентификацию всех гласных знаков карийского письма. Ни одному из них не было произвольно дано то или иное значение только потому, что в результате «читаются» какие-нибудь имена, например, типа *тgкuи* или *uṛsbu*. Все установленные значения, как и у признанных идентификаций А. Сейса, подтверждаются наличием тех же знаков с теми же значениями в локальных греческих алфавитах. Это не может быть случайным. Попробуйте найти хотя бы в одном греческом слове хотя бы один вариант знака 24 со значением *λ* или знак

¹⁹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою сердечную признательность профессору Сиднейского университета А. Кембитоглоу за присланные материалы.

7 со значением и. Таких примеров нет. И это естественно, ибо подобные значения придавались указанным знакам произвольно — с целью получения совершенно определенных чтений. Что касается «метода троек», т. е. учета соседних знаков, то, как мы видели, это принимал во внимание в своих идентификациях еще А. Сейс. В более позднее время этот метод был теоретически развит в работах Б. В. Сухотина (1962; 1963). Причем, таким способом можно лишь отделить гласные от согласных, не будучи полностью гарантированным от ошибок. Так, применительно к английскому языку этот метод определил *t* как гласный (из-за большого числа сочетаний типа *of the*, где *t* оказывается между согласными — Сухотин 1962, 205). Но «метод троек», даже если с его помощью гласные и согласные распределены правильно, не поможет выяснить, следует ли читать знак 7, например, как а, о, и, *i* или е. Вот почему совершенно несостоятельным является утверждение о том, что автор «хетто-лувийской» дешифровки «дал научное обоснование чтения всех карийских букв» (Дьяконов 1967, 236). Более того, он ошибочно отнес к согласным один из самых частотных знаков 24 (1, 2), а также знаки 22 (3, 4).

Казалось бы, ошибочная идентификация двух гласных в качестве согласных — не такой большой грех в дешифровке. Но попробуйте прочесть топоним из Казахстана *Плтпн*, не зная, что в нем всюду вместо *y* поставлено *n*. Вот где следует искать источник «консонантных чтений», а не придумывать «переходный» алфавит финикийско-греческого типа. Характерно, что «консонантные чтения» появляются там, где встречаются гласные, ошибочно идентифицированные как согласные. Например: *mgk-* вместо *σμκ-* (F 51), *prk-* вместо *νρκ-* (F 28) и др. Что касается отдельных скоплений гласных в карийских текстах, то И. М. Дьяконову кажутся «маловероятными» чтения *σ(ε)μναω ωω* и *ωωζ* (Дьяконов 1967, 248). Однако, как мы видели, два последних чтения были недавно повторены Р. Гусмани, а в чем заключается «маловероятность» чтения первого слова, мне остается неясным. Кстати, латинский шрифт и слитное написание первых двух слов у моего оппонента отнюдь не усиливают его аргументации: *σmpαδιω* выглядит ничуть не хуже, чем *οιοιο* из греческой надписи (IG V, 1, 158), где это означает *...ου Ουο/λοσσηνος/*, т. е. в обоих случаях перед нами — скопление гласных на границе слов. Но в греческих надписях из Египта можно найти немало имен, где даже не на границе слов встречается не по 3—4, а по 5—6 гласных подряд, например: *Αειηους* (в латинской транскрипции это даст совсем «маловероятное» *aeiēous* — Preisigke 1967, 104). Наконец, *ωωζ* можно сопоставить с *Ἄωοι* (цари на Кипре — Et. M., 117), а также с кар. ЛИ *Σαμωος* и другими именами на *-ωος*.

Эти знаки довольно единодушно были определены как *s* (знак 13) и *m* (знак 19). Однако аргументами при этом служило ошибочное сопоставление знака 19 со знаком *m* кипрского силлабария (Sauee 1887, 112), а также этимологические сопоставления, о сомнительной ценности которых при дешифровке и о многочисленных анекдотических случаях уже неоднократно писалось (см., например (Dalto 1945, 14, 19)). Кажется, только М. Трой применительно к надписи из Афин высказал мысль о том, что знак 13=*m*, а знак 19=*s* (Трой 1954, 67 ff.). Однако его аргументы *ad hoc* никого не убедили.

По своей форме знак 13, если исходить из сопоставления с греческими алфавитами, мог бы означать и *m* и *s*. Знака же 19 нет ни в одном из локальных греческих алфавитов. Правда аналогии ему можно найти в ряде семитских алфавитов, где подобную форму имеет *sameḥ* ((Faulmann 1880, 375); ср. (Jensen 1958, 254)), ср. также этрусский и венетский знак = *ś* (Дирингер 1963, 572). Однако этого, конечно, недостаточно для уверенной идентификации знака 19 в качестве *s*.

Важным представляется тот факт, что в надписи В 8=Ш 79 имеется знак греческой *сигмы* и знак 13, но нет ни одного знака 19. Это говорит о том, что знак 19 и *сигма* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. знак 19=*s*.²⁰ Об этом же говорят сочетания знака 19 с согласными в начале слова. Если карийский — индоевропейский язык, то трудно себе представить, чтобы в нем были имена, начинающиеся на *mg-* (надписи F 4, 10, 65; M 2, 51); *mk-* (Ш 76; M 11, 20, 41), *mz-* (F 5a; Ш 77; M 22), *m(k)h-* (M 42). *ms-* (Ш 78; D 14). А именно так получается, если принять, что знак 19=*m*. В то же время *sk-* и *sm-*, например, — обычные сочетания в начале индоевропейского слова; ср. карийские имена *Σχόλαξ* и *Σχόμνος*, а также ЛИ *Σρίκωθος*=*Μίκωθος*, причем последнее засвидетельствовано как кар. ЛИ (Sundwall 1911, 477). Имена на *Σγ-* и *Σχ-* также типичны для палеобалканской ономастики; ср. фрак. эпитет Аполлона *Σγούλαμηνω* (dat. sing. — Georgiev 1975, 33), *Σχόσιος* (река на Самосе). О сочетании *Σξ-* в начале (и не только в начале) слова как типичной особенности палеобалканских языков речь уже шла выше. Типологически здесь можно сослаться также на обычай передавать посредством *Σξ-* начало многих негреческих имен в поздних греческих источниках из Египта: *Σξέειδ*, *Σξερίχ* и др. (Preisigke 1967, 382).

Таким образом, для знака 13 остается «вакантным» значение *m*. П. Кречмер отмечал (со ссылкой на Г. Меффера), что в карийской ономастике имеется очень большое количество производ-

²⁰ Ср. также в греческом языке: «Нет такого алфавита, в котором одновременно встречались бы *M* (из семит. *saṁ*. — Ю. О.) и *Σ*» (Lugia 1967, 149).

ных с суффиксом -m- (Kretschmer 1896, 325). То же мы находим в карийских надписях при идентификации: знак 13 = m. Например: Ναβαφομο (F 39), Ευεημο (M 48d), окончание gen. sing. -ομο (D 7b), фрагмент... μο(χε) в надписи M 47b. Интересно отметить, что моя идентификация знаков 13 и 19 (см. также (Откупщиков 1966, 12 сл.)) снимает с повестки дня все малоазиатские «имена» типа meseve, mespa, mava, не говоря уже об «именах» upsbu, mgkuiñ, buvse и т. п. Тем не менее в 1975 г. В. В. Шеворошкин высказал готовность признать мою идентификацию знака 13 как m, а не s (Sevogoškin 1975, 158). Это уже прямая сдача позиций, вызванная тем, что «хетто-лувийская» дешифровка явно зашла в тупик.

ЗНАК 15

Совпадение этого знака с аргосской формой буквы *кси* (Jeffery 1961, 151) заставляет подобным же образом интерпретировать знак 15. Новые надписи, опубликованные О. Массоном, подтвердили правильность этой идентификации, ибо в надписях M 4 и M 24 в одном и том же имени Ὑλξωνο встречается как горизонтальная аргосская (M 24), так и обычная греческая форма вертикально расположенной буквы *кси*.

ЗНАКИ 21 (1, 2)

Знаки 21 (1, 2) впервые встретились в новонайденных надписях из Египта. Их идентификация устанавливается на том основании, что знак 21 (2) — это хорошо известная греческая буква *сампи* (Jeffery 1961, 38 sq.), которая, как полагают, была заимствована греками у карийцев (Ibid.). Знак 21(1), кажется еще не встречался ни в одном из известных нам алфавитов. Но в карийских надписях он засвидетельствован на месте знака 21 (2) в имени Ажисор (ср. надписи M 50 и 51). Поскольку в греческих передачах, в частности, карийских топонимов на месте буквы *сампи* часто ставится σσ ('Αλιμαρυσσός и др.), то знаки 21 (1, 2) могут быть идентифицированы как ss (о реальном произношении этого сочетания речь уже шла выше).

Кроме перечисленных знаков в двух новых надписях (M 26 и 33) встретился не совсем обычный знак **Б**. С одной стороны, этот знак совпадает с семитской *лямбдой*, давшей греческую лямбду в форме С (Cross 1980, 16), с другой — с греческой (обычно поздней) формой *сигмы*. Поскольку в двух случаях из четырех знак **Б** стоит перед χ в имени Ρχαβαμο, а имен (и вообще слов), начинающихся на Ιαχ-, в греческих передачах вообще нет, то знак должен быть идентифицирован в качестве сиг-

мы, ибо в греческих источниках встречается целый ряд имен, начинающихся на 'Ισϗ-, а также апеллятивов. Более того, 'Ισϗ- представляет собой единственное из всех возможных сочетаний Ι?ϗ-, которые можно найти у имен, дошедших до нас в греческой передаче.

Итак, среди предложенных и обоснованных выше идентификаций нет ни одной, которая опиралась бы на интуицию или на произвол автора идентификации. Методика в основном заключалась в последовательном проведении принципов сопоставления карийских знаков со знаками греческих алфавитов. Эти принципы, как известно, были выработаны еще А. Сейсом. Если бы А. Сейс не начал читать карийские тексты до окончания сопоставительного анализа греческих и карийских знаков (что привело его и его последователей к сопоставлениям знаков карийского письма со знаками кипрского силлабария), он должен был бы прийти к тем же результатам. Тот же А. Сейс рядом своих ошибочных чтений направил внимание исследователей карийского письма в сторону отыскания разного рода анатолийских имен. Тем самым, сделав в идентификации знаков карийского письма больше чем все остальные исследователи вместе взятые, А. Сейс в то же время направил дальнейшие исследования по ошибочному пути — как в плане сопоставления карийских алфавитов с кипрским силлабарием, так и в поисках имен анатолийского типа.

ЧТЕНИЕ НАДПИСЕЙ

Сравнение двух таблиц идентификации карийских знаков (см. (Откупщиков 1966, 2) и Приложение I настоящей книги) показывает, что после публикации О. Массоном новых карийских текстов из Египта все основные идентификации 1966 года остались в силе и сегодня. Были добавлены лишь новые знаки 21 (1, 2), снято (с учетом критических замечаний) деление знаков на часто и редко встречающиеся, внесены минимальные уточнения. Поскольку эти идентификации были опубликованы еще до находок новых надписей в Египте, было бы интересно проверить их именно на новых текстах. Обращение преимущественно к надписям из Африки обусловлено также и другими причинами. Прежде всего эти надписи, датируемые в основном VII—V вв. до н. э., гораздо архаичнее, чем надписи из Карики (IV—III вв.). Кроме того, карийские алфавиты Африки более однородны, чем алфавиты Карики (Masson—Yoyotte 1956, 68).²¹ И в первую очередь это относится к новым карийским текстам, которые и в локальном, и в хронологическом отношении отлича-

²¹ Сомнения И. М. Дьяконова (1967, 244) на этот счет совершенно неосновательны, а главное — никак не аргументированы.

ются большим единством, чем остальные карийские надписи. Разумеется, это в какой-то мере должно облегчить работу исследователя. Отдельные примеры будут даваться также и из других текстов, включая надписи из Карики. Плохая сохранность ряда карийских текстов определила выборочный характер примеров.²²

В отличие от ранее известных многочисленных граффити карийских наемников, содержащих мужские имена, многие надгробные стелы, раскопанные в 1968—1975 гг., принадлежат женским погребениям. Это естественно, ибо стелы относились к некрополю «каромемфитов», т. е. карийских наемников, которых царь Амасис поселил в Мемфисе, где они служили ему в качестве телохранителей (Hrdt., II, 154). Изображения на некоторых стелах не оставляют никаких сомнений в том, что эти стелы — с женских погребений; см. (Masson 1978, pl. II—IV (фото) и XXXII—XXXIV (прорисы)). Этот факт подтверждается также чтением надписей (нумерация дана по Приложению II, где воспроизведены все разбираемые ниже тексты; в скобках даны ссылки на издание текста).

1 (=M 20). ← (направление чтения). Μακῦθῶ ὑῆ Σκινυκῶχε Νεγῶκῶχε.

В этой надписи с четкими знаками словораздела на первом месте стоит женское имя с типичной палеобалканской («догреческой») флексией -ῶ. Этимология имени совершенно прозрачна: μακρός = μακῶс, μαῖκος → μακῦθος, μηκῦθος (ср. ЛИ Mήκῦθος у D. Hal. Dip. 13) — аналогично μικρός = μικῶс → μῖκῦθος (ср. кар. ЛИ Μικῦθος²³ — Sundwall 1911, 477). В Карики как ЛИИ функционируют также образования без уменьшительного суффикса: Μακῶс (Zgusta 1964, 281), Μικῶс (кар. ЛИ), ср. Μικκῶ (фриг. ЛИ — Sundwall 1950, 148). По той же палеобалканской модели на -ῶ были образованы женские имена из греческих надписей: Μακρῶ и Μικρῶ.

О том, что Μακῦθῶ действительно женское имя, говорит следующее же слово надписи: ὑῆ 'дочь' (см. Откупщиков 1966, 22 — применительно к надписи F 48). Отсутствие йоты в слове υῖός — обычное явление в надписях карийского Милета (Scheger 1934, 48). То же явление наблюдается в греческих надписях из Фригии (O. Haas 1966, 53); обычным фригийским вариантом греческого υῖός является, по-видимому, υς (Нерознак 1978, 123). Наконец, форму женского рода υα (Митилена) приводит Я. Фриск (Frisk 1954, s. v.). Вслед за словом «дочь» идет имя отца в родит. падеже с присоединением «частицы» -χε неясного

²² В настоящее время мною подготавливается монография «Карийцы и карийская письменность», в которой будут приведены и проанализированы все доступные мне карийские тексты.

²³ Л. Згуста без достаточных к тому оснований считает это имя из Галикарнаса греческим (Zgusta 1964, 315). Но обычно модель на -υθος считается «догреческой» или «малоазийской»; ср. ЛИИ Λήκῦθος (и апеллятив), Γόρυθος (и ЛИ Γορυθῖων (сын Приама) — II, VIII, 302).

происхождения, но очень распространенной в карийских текстах. Имя Σινυχοῦς (форма номинатива) относится к тому же типу, что и фрак. ЛИИ Γάνυχοῦς и Γάλυχοῦς. В словообразовательном и этимологическом плане γάλαξ 'вид рыбы' → Γάλυχοῦς идентично σκίναξ 'заяц' (букв. 'быстрый') → Σινυχοῦς. О тесной связи палеобалканской ономастики с фауной речь уже шла выше. Наконец, последнее имя, стоящее также в родит. падеже с той же «частицей» -χε, этимологической интерпретации не поддается.

2 (=М 34). ← ΑΦξονῶ υἱ Νεμαιοῦ χε Νεγοχοῦ χε ΙΑΦεγλω χε.

Опять на первом месте стоит женское имя на -ῶ-, что подтверждается следующим за ним словом «дочь». «Частица» χε во всех случаях отделена знаком словораздела. Имя ΑΦξονῶ представляет собой производное от Αῦξώ (МИ — одна из харит), подобно тому, как ЛИ Δαμῶνῶ является производным от Δαμῶ. Этимологически имя, видимо, связано с αὐξάνω 'увеличивать (ся), расти'. Второе имя Νεμαιοῦς может быть сопоставлено с эпитетом Зевса Νεμῆϊοῦς или с такими производными «догреческого» ΜΗ Νέμε(ι)α, как Νέμεϊοῦς, Νεμεαῖοῦς и др. По типу образования ср. также кар. ЛИ Νησαῖοῦς (Zgusta 1964, 360). Третье имя уже встречалось в предыдущей надписи. Последнее имя, также неясное в этимологическом отношении, подтверждает гипотезу А. Сейса — И. Сундвала о наличии в карийском языке слогообразующих сонантов (Sundwall 1911, 469 — со ссылкой на А. Сейса).

3 (=М 26). ← Νησῶ Μονηκῶ ΙσχυαῖαΦῶ.

Еще одно женское имя на -ῶ-, известное как МИ (имя nereidy) и четко связанное в словообразовательном плане с приведенным выше карийским ЛИ Νησαῖοῦς. В гл. IV мы уже видели, что многие мифологические имена греков в палеобалканских языках оказываются обычными личными именами. Перед нами еще один пример, когда карийское женское имя функционирует в греческом предании как мифологическое имя nereidy Νησῶ (этимологически ср. νῆσος 'остров'). Второе и третье имена надписи стоят в родит. падеже без частицы -χε. Этимологически одно из них остается неясным, можно отметить лишь орфографическую особенность, отличную от греческой практики: перед заднеязычным стоит ν, а не γамма. Последнее имя, быть может, этимологически связано с ἰσχύς 'сила, могущество'.

4 (=М7). ← ΑΦδερῶ ΥΦιγυδηῶ Υετιρεῶ.

Первое имя стоит в начальной позиции также в надписях М 1 и М 43. Наличие в конце последней надписи слова «дочь» заставляет видеть здесь также женское имя. Отсутствие в карийских алфавитах беты и высокая частотность дигаммы позволяет сопоставить кар. ЛИ ΑΦδερῶ с фрак. МИ *Αβδηρα; ср. фрак. МИ Καβειρῶ и Κᾶ(Φ)ειρα 'кариянка'. В обоих случаях на месте беты во фракийском имени стоит дигамма в карийском, а словообразовательные типы являются общими там и здесь. Согласно Гесихию, ᾗβδηρα = θᾗλασσα 'море'. Второе имя — не-

ясно в этимологическом отношении. Сонант μ , видимо, выступает в слогаобразующей функции. Последнее имя — сложное. Первый его компонент можно сравнить с $\Upsilon\epsilon\acute{o}\varsigma$ (эпитет фракийского Сабадзия), с $\Upsilon\eta\varsigma$ (бог дождя и эпитет Диониса), $\Upsilon\eta$ (имя Семелы как богини дождя). Второй компонент ср. с греч. $\tau\mu\acute{\alpha}\omega$ 'почитаю'.

5 (=F 29 = Ш 46). ← $\Upsilon\omega\omega\acute{\iota}$ $\text{N}\epsilon\chi\omega$ $\Theta\upsilon\tau\mu\epsilon\omega$.

Этимологически первое слово является параллелью мужского рода к $\upsilon\eta$ 'дочь', т. е. оно должно быть сопоставлено с греч. $\upsilon\acute{\iota}\varsigma$ 'сын',²⁴ которое, как уже говорилось, в греческих надписях из Милета пишется обычно $\acute{\iota}\omega\varsigma$. Скорее всего, слово это является здесь личным именем. Как личное имя (причем женское!) встречается $\Upsilon\acute{\iota}\omega\varsigma$ и в греческих надписях из Египта. Второе имя дано в честь известного фараона. Оно, видимо, было популярно в Египте, ибо встречается также в греческих источниках из Египта и в более позднее время (Preisigke 1967, 232). Ср. также греч. ЛИ $\Psi\alpha\mu\mu\acute{\alpha}\tau\iota\chi\omega\varsigma$ в одной из надписей VI в. до н. э. (Preisigke 1967, 481). Последнее имя надписи $\Theta\upsilon\tau\mu\epsilon\omega$ (родит. падеж) может быть сопоставлено с греч. $\Theta\epsilon\acute{o}\tau\iota\mu\omega\varsigma$ и $\Theta\omega\acute{o}\tau\iota\mu\omega\varsigma$. Ср. также кар. ЛИ $\Upsilon\epsilon\tau\mu\epsilon\omega$ из предыдущей надписи.

6 (=M 9). ← $\text{P}\alpha\text{F}\kappa\alpha\epsilon\omega$ $\upsilon\sigma\eta$ $\Theta\upsilon\theta\omega\sigma\sigma\eta\nu\omega\chi\epsilon$ $\text{N}\gamma\alpha\epsilon\iota\kappa$.

Первое имя стоит перед словом, постоянно выступающим в той же позиции, что и слово $\upsilon\eta$ 'дочь'. По-видимому, это — вариант того же слова. По типу образования $\text{P}\alpha\text{F}\kappa\alpha\epsilon\omega$ можно сравнить с женским именем $\text{P}\alpha\epsilon\acute{\omega}$ (Dornseiff 1957, s. v.), а этимологически с $\text{P}\alpha\acute{\alpha}\kappa\iota\omega\varsigma$ (город на Крите). Ср. кар. ЛИ $\Lambda\acute{\upsilon}\gamma\delta\alpha\mu\iota\varsigma$... $\text{P}\acute{\alpha}\acute{\alpha}\kappa\iota\omega\varsigma$ (Zgusta 1964, 275), а также ЛИ из Милета $\text{P}\acute{\alpha}\acute{\alpha}\kappa\iota\omega\varsigma$ (Kawerau—Rehm 1914, 188, 195). Быть может, сюда следует отнести также $\text{P}\alpha\text{F}\kappa\epsilon\omega$ (из надписи Ш 74). Второе имя — гер. sing. от $\Theta\upsilon\theta\omega\sigma\sigma\eta\nu\omega\varsigma$ — представляет собой обычное образование от $\Theta\upsilon\theta\omega\sigma\sigma\acute{o}\varsigma$; ср. по типу образования: $\text{K}\alpha\sigma\omega\sigma\sigma\acute{o}\varsigma$ (МН Карию), $\text{A}\lambda\omega\sigma\sigma\omega\varsigma$ (МН Карию), $\text{K}\alpha\rho\omega\sigma\sigma\omega\varsigma$ (МН Фракии), $\Delta\iota\rho\phi\omega\sigma\sigma\acute{o}\epsilon$ (гора на Эвбее). Первый из перечисленных топонимов сопоставим с $\text{K}\acute{\alpha}\sigma\omega\varsigma$ (о-в у Карию). Это позволяет выделить у анализируемого имени основу $\Theta\upsilon\theta$ -, соответствующую $\Theta\omega\upsilon\theta = \Theta\omega\theta$ в греческих источниках (имя египетского Гермеса, бога Тотa). Сложная и типично палеобалканская словообразовательная структура имени $\Theta\upsilon\theta\omega\sigma\sigma\eta\nu\omega\varsigma$ (ср. приведенный выше «догреческий» ЭН $\text{K}\alpha\mu\alpha\sigma\sigma\eta\nu\acute{o}\varsigma$) не может быть результатом случайного совпадения. Это — настоящее карийское имя палеобалканского типа, а не crsbu и не trgkui . Последнее имя $\text{N}\gamma\alpha\epsilon\iota\kappa$, встречающееся также в других надписях (например, М 3), видимо, — туземное. Ср. туземные имена в греческих надписях из Египта: $\text{P}\omega\upsilon\sigma\epsilon\iota\kappa$, $\text{T}\alpha\lambda\acute{\alpha}\epsilon\iota\kappa$ и др.

²⁴ Ср.: в карийских надписях «слово со значением 'сын' до сих пор не обнаружено» (Bork 1931, 15).

7 (=M 11). ← Σκωωζ Θνωωχε.

Первое имя начинается с типичного для карийских ЛИИ слога Σκω-; ср. Σκώλαξ, Σκώμνος. Типично карийской является и конечная часть имени -ωωζ; ср. кар ЛИ Σαμωωζ. Второе (этимологически неясное) имя — родит. падеж от Θνωος (типа ΜΙ Φλωός).

8 (=M 22). ← ΡαФуωωζ Σζηθωωχε Ωυχζεω.

Первое имя встречается в нескольких карийских надписях из Египта (F 25, F 72; ср. M 47). Этимологически, возможно, делится на Ρα- и (F)υωωζ ('сын Ρα?'). Знак словораздела, стоящий перед *дигаммой* в надписи F 25=Ш 42, свидетельствует о том, что *дигамма* относится ко второму компоненту имени, а учитывая известные греческие примеры типа Fεξ=εξ, можно считать *дигамму* в этом имени отражением «густого придыхания» (Откупщиков 1966, 28).²⁵ В последнее время, как уже было отмечено, первое слово этой надписи точно так же стал читать Р. Гусмани. Второе имя — родит. падеж от Σζηθος; ср. в греческих источниках из Египта: Σηθ (indecl.) и Σηθος: 'бог Set' (засвидетельствовано и как ЛИ). О фонетической особенности в передаче чужеземного начального Σ- посредством Σξ- речь уже шла выше. В последнем имени обращает на себя внимание передача начального Ου- со знаком *омега*, а не *омикрон* (то же — в надписи F 74=Ш 11). Показательно, что такое же сочетание с карийской формой *омеги* встретилось нам в карийском ЛИ Ουλ: άδης одной из греческих надписей (см. выше). Быть может, имя Ωυχζεω или Ωυχζης явилось результатом «каризации» какого-то туземного имени. Ср., например, ЛИ Ουξος у Иосифа Флавия (I, 6, 5).

9 (=F 48bis=Ш 16). ← Τανω Τακαω ΘαФуεω.

Первое имя широко представлено в греческих источниках из Египта. Так, в надписи первой половины IV в. до н. э. (район Мемфиса) засвидетельствовано имя в форме Tάνων (SIG III, 4702), в более поздних папирусах — Τανωδ (indecl.) и Τανωος (Preisigke 1967, 412). Вместе с тем микен. ta-na-wo=Тапавос (ср. греч. τανάός 'вытянутый') этимологически сопоставлялось с лат. tenuis 'тонкий' (Ventris—Chadwick 1956, 374, 409). Поскольку сюда же относятся др.-инд. tanúh, корн. tapow 'тонкий', греч. τανω- 'длинно-', можно довольно уверенно говорить о том, что кар. ЛИ Τανω(ς) относится к древним -и-основам. Второе имя Τακαω, вероятнее всего, следует сопоставить с фриг. ЛИ Θακας (Zgusta 1964, 182).²⁶ В связи с расхождением T- и Θ- ср. Τύμβριον (St. V.) и Θύμβριον (Хен. Anab., I, 2, 13) — город

²⁵ Этого объяснения, опирающегося на общеизвестные факты исторической фонетики греческого языка, совершенно не понял И. М. Дьяконов, который утверждал, что я якобы читаю как «густое придыхание»... знак словораздела (? !); см. (Дьяконов 1967, 248).

²⁶ Впрочем, ср. также: Τοκαίου βασιλεύς (IG III, 5128).

Фригии. Последнее имя $\Theta\alpha\Gamma\mu\epsilon\omicron$, видимо, представляет собой gen. sing. на $-\epsilon\omicron$ (ς) от $\Theta\alpha\Gamma\mu$ (ς); ср. ЛИ $\Theta\alpha\delta\mu\varsigma$ в греческих надписях (IG, VII, 4128₂). Другой вариант этого имени $\Theta\alpha\delta\mu\epsilon\omicron\varsigma$ (Bechtel 1917, 199) имел бы в gen. sing. флексию $-\epsilon\omega$. Вот почему у нас нет никаких оснований вносить исправления в текст и видеть в последней букве надписи «стершийся» знак 24 (1), нужный автору эмендации для хетто-лувийских «чтений» (Шеворошкин 1965а, 134 сл.).²⁷ Имеющиеся публикации надписи и фото не оставляют никаких сомнений в том, что здесь ни в коем случае не мог стоять знак 24, 1 (Eilers 1940, 232 и фото на вкл. даше; Masson—Yoyotte 1956, 33 sq.).

Примерно половина новых надписей дошла до нас в поврежденном (иногда — в сильно поврежденном) виде, поэтому рассмотрим только одну из таких надписей.

10 (= М 1). $\leftarrow \text{AF}\delta\epsilon\rho\omega \text{v}\sigma\eta \text{AF}\delta\epsilon\omicron\upsilon\upsilon/\omega/\chi\epsilon \text{E}\xi\alpha\mu/\upsilon/\omega$.

Первое имя, несмотря на плохую сохранность двух букв, реконструируется с полной уверенностью, так как оно в той же начальной позиции и в полной сохранности встречается также в надписях М 7 и 43. Второе слово читается вполне четко. Следующее за ним имя О. Массон в своих прорисях воспроизводит неверно. Фотография, опубликованная им (pl. I), показывает, что расстояние между буквами (в их центральной части) составляет на фото 1,5 — 2 см. В левой (конечной) части строки это расстояние, начиная с *дигаммы* и кончая знаком *омикрон*, пропорционально сокращается и составляет 1 см. Между *дельтой* и *эпсилоном* в виде четкого знака 4 (1) стоит неясного происхождения вертикальная черта, которую О. Массон вместе со следующим *эпсилоном* рассматривает как знак 15 (или 38 — по его нумерации). При таком понимании резко нарушаются все пропорции в расстановке знаков. Получается, что между знаками А и F расстояние равно 1 см, между F и предполагаемым знаком 15 (resp. 38) — тоже 1 см, но в этом промежутке помещена еще и *дельта*! Только признав вертикальную черту ошибкой резчика (быть может, замазанную раствором, который впоследствии высыпался), можно правдоподобно восстановить подлинный текст.

В начале второй строки перед $\chi\epsilon$ было не четыре, как полагает О. Массон, а две буквы. От первого справа знака 14 (у Массона № 11) сохранилась левая наклонная черта. Скол идет по линии поперечной черты. Гладкая поверхность справа от сохранившейся черты говорит о том, что знак этот был очень широким и начинался примерно на одной вертикали с *альфой* из верхней строки. Ровная нетронутая поверхность плиты сле-

²⁷ «Мы должны попытаться понять и объяснить то, что написано на камне, прежде чем предлагать исправления» (Zgusta 1965, 90). Еще более строго это требование эпиграфики должно соблюдаться при дешифровке письменности на неизвестном языке.

ва от сохранившейся части первого знака свидетельствует о том, что второй знак (24, 1) начинался от одной вертикали с *дельтой* из верхней строки. В правой нижней части знака сохранился очень небольшой след от окружности. Доказательством того, что здесь был именно знак 24 (1), служит тот факт, что перед $\chi\epsilon$ в карийских надписях, как правило, стоит знак 24, а его первый вариант в верхней строке говорит о том, что и здесь должен был стоять этот же знак. Расстояние между первыми четырьмя знаками нижней строки постепенно сокращается: соответственно: 2,6—2,2 и 1,7 см. Места для каких-либо других знаков в этом месте строки просто нет. В результате предложенной реконструкции второе имя надписи М 1 читается точно так же, как отлично сохранившееся имя в начале надписи М 35: ΑΓδϵοω.

В последнем слове Ο. Массон также допускает ошибку, помещая между вторым и третьим знаком имени особый знак вертикальной черты (одной высоты с соседними знаками). Видимо, резчик начал выбивать третью вертикальную черту второго знака имени слишком далеко от первых двух, но вовремя заметил ошибку.²⁸ Расстояние между знаками без дополнительной черты: 1,8—1,9—1,7 см. Лишняя черточка, стоящая слишком близко к правому знаку, не может быть знаком словораздела, который всюду в надписи обозначен двоеточием, расположенным точно посередине между словами. Последний знак надписи (24, 1) справа сколот по линии вертикальной черты. То, что это был именно знак 24 (1), определяется не столько его контурами, прослеживаемыми с большим трудом, сколько тем фактом, что большинство надгробных надписей из Египта оканчиваются формой имени в родит. падеже на -ω или на -ω (χϵ). Между знаками μ и ω на месте скола должен был находиться еще один знак (22, 2). Реконструкция именно этого знака определяется уже путем обращения к известным нам карийским личным именам. Перед нами — форма родит. падежа от надежно засвидетельствованного карийского имени 'Εξαμύης (отец Фалеса).²⁹

Как показал анализ последнего примера, реконструкция поврежденных текстов — дело весьма трудоемкое. Поэтому детальный разбор всех надписей приходится отложить до выхода в свет специальной монографии о дешифровке карийских надписей, а сейчас вкратце перечислим некоторые из встречающихся в этих надписях личных имен, не требующих обширного комментария (они также воспроизведены в Приложении II).

1) Εδϵαι (F 75=III 3, ←). Учитывая практику греческих

²⁸ Кстати, по этой черте, по-видимому, можно судить о ширине его резца. Черта также, нужно полагать, была замазана.

²⁹ По типу склонения ср. Παχτύης (малоаз. ЛИ) и gen. sing. τοῦ Παχτύω (IG II, 2691e).

надписей, где *эпсилон* часто ставится на месте *эты*, возможно, что правильнее будет затранскрибировать имя как *Ндеаи*. Надпись сделана на готовом изделии VI—V в. до н. э. («мюнхенский ихневмон») и представляет собой имя в дательном падеже, которое следовало за египетской надписью, означающей 'Гор, дай жизнь...' ((Spiegelberg 1928, 548); ср. (Masson—Yoyotte 1956, 37)). Имя стоит, действительно в *dat. sing.* — с типичной индоевропейской флексией женского рода *-ai*. Это имя в форме 'Нδέα, 'Нδεῖα, 'Αδέα, 'Αδεῖα известно в Македонии (Hoffmann 1906, 216), Карию ((Kawerau—Rehm 1914, 179, 191), см. также (SIG II, 2940)); ср. во Фракии: 'Αδύς (Mihailov 1956, № 112). Окончание *dat. sing.* совпадает с подобными же окончаниями во фригийском (*μανκαι* — см. (Дьяконов—Нерознак 1977, 177)) и фракийском языке (*Μεξηνηαι* — ср. (Георгиев 1977, 112, где эта форма интерпретируется как звательный падеж)). Ср. также производные этого имени *НдеαFεω* и *НδιαFεω* (F 3 b и c) и микен. *a₂-di-je-u=* 'Αδιευς и *a-di-je-wo=* 'ΑδιηFος (*gen. videtur* — Morpurgo 1963, s. v.).

2) *Θυιλη* (Ш 54, →). Это имя *Θυιλ(λ)η(ς)* можно сопоставить с весьма распространенным в Карию ЛИ *Θυίλλος* (Robert 1945, 16). Корень *Θυ-* широко представлен в карийской топонимике, антропонимике (Lautonier 1958, 556) и теонимике (ср., например: *Θύιος* (эпитет Аполлона в Милете — Hes.)).

3) *IvFασσεω* (M 29, ←). Начальное *Iv-*, возможно, отражает попытку выразить графически переход *u > ü*. Перед нами кар. ЛИ на *-εύς* с *gen. sing.* на *-εω(ς)* или ЛИ на *-ης* с *gen. sing.* на *-εω*. Это имя образовано от *ΥFασσος*, ср. *Υηττός* (MH Беотию) и кар. ЛИ *Υισσός* (с другим гласным основы).

4) *NeFηωχε* (M 25, ←). Ср. *Νήη* (πόλις) (город Египта). Это же название с дигаммой: *ΝέFη*. Житель этого города: *Ne(F)εύς*. Та же реконструкция дается для микен. *pe-we-wi-ja-* к *NeFηFιος*, производному от *NeFεύς* (Ruijgh 1967a, 183). Это реконструированное на основании анализа микенских текстов имя мы без всякой звездочки находим в форме родит. падежа в карийском тексте.³⁰

5) *RaFσιω* (F 27=Ш 44, ←). Ср. микен. *Ra-wa-si-jo* — имя, которое В. Георгиев читает *Λάσιος* (Георгиев 1955, s. v.). Быть может, то же имя без дигаммы отражено в греческой надписи из Египта: 'Ράσιος (Preisigke 1967, 353).

6) *Rανω* (F 3b=Ш 20, ←). 'Ρανίς МИ относится к кар. ЛИ *Rανω* так же, как ЛИ *Μυρτίς* — к *Μυρτώ*, фракийский теоним *Βενδύς* — к *Βενδω*, ЛИ *Κερκίς* — к *Κερκώ*, главное же, как кар. ЛИИ *Ναννίς* к *Ναννω*. К стати, на той же ономастической основе образован фракийский топоним 'Ράνιλον. Перед нами — еще одна яркая палеобалканская словообразовательная изоглосса.

³⁰ Почему *NeFηω(ς) +=χε*, а не **NeFεως*? Быть может, потому, что это — карийский, а не греческий текст.

7) Ρωταιω (М 5, →). ЛИ с Самоса Ρώτης относится к Ρωταιω как МИ Σάρδος — к ЛИ Σαρδαιώ (Dornseiff 1957, s. v.), МИ Νείκη — к Νεικαίω (ЛИ — Беотия).

8) Σακηξ (F 2a=Ш 18, ←). В греческой стихотворной надписи V в. до н. э. из Египта засвидетельствовано имя Σάκης в форме gen. sing. Σακω; имя, по-видимому, из Милета (L. et. J. Robert 1974, 323 sq.). В Египте же встречается имя Σάκας (Foraboschi 1971, 277). ЛИ Σάκης (Милет) относится к кар. ЛИ Σακηξ так же, как фрак. ЛИ Σκύλης — к кар. ЛИ Σκύλαξ (см. выше о структуре палеобалканских образований с суффиксом -k).

9) Σωκηξ (F 51=Ш 1, ←). При сравнении двух последних имен обнаруживается рассмотренное в гл. IV типичное палеобалканское чередование а : ђ. В греческих источниках из Египта мы находим ЛИ Σωκές (Foraboschi 1971, 301), которое относится к кар. Σωκηξ так же, как, например, ЛИ Θάρρεύς к Θάρρηξ, Ἄλεύς к Ἄληξ и т. д. Кроме того, в греческих источниках можно найти и простое имя без суффикса: Σώκος (Bechtel 1917, 414). Этимологически все эти имена, быть может, связаны с глаголом σωκέω 'имею силу'.

10) Σγυλα (F 65=Ш 8, →). Σγυλω (F 4=Ш 21, ср. также М 2 — третье имя). Первое имя — nom. sing. Σγυλα(ς), его можно сопоставить с фрак. Σγουλα-, Σγουλαμνος (эпитет Аполлона — Vlahov 1963, 281). Второе имя — gen. sing. Ср. также производное того же имени: ΣγυλιτιFω (F 10=Ш 27).

11) Ὑλξονω (Ш 60, М 4, →; М 24, ←). Поскольку имя дважды стоит на второй и один раз — на четвертой позиции, это — форма gen. sing. имени Ὑλξονος типа Θρήξονος (Suida). Быть может, этимологически имя связано с Οὐλίξης, в словообразовательном плане ср. МИ Αὐξώ → кар. ЛИ ΑFξονω (см. выше анализ надписи 2). Приведенную критскую форму имени Одиссея, в свою очередь, можно сопоставить с именем карийского Аполлона — Οὔλιος. В связи с двойным отражением Ὑ- и Ου- ср. кар. ЛИИ Ὑλιαδης и Οὐλιάδης (Laumonier 1958, 553 sq.), Ὑσσωλος и Οὔσσωλλος (Laumonier 1934, 353), а также следующее имя.

12) Ουλξονοη (Ш 59 →). Имя, несомненно, связано с предыдущим. Но здесь остается много неясного. Первая позиция имени говорит в пользу nom. sing. Но вопрос о том, мужское это имя Ουλξονοη(ς) или женское, — остается неясным. Подобного рода мужские имена известны в палеобалканских языках, ср., например, фрак. Ὑκονοης (Detschew 1957, 531). Поскольку и в самой Карию засвидетельствован топоним Νινώη (St. B.) и ЛИ из Галикарнаса Ἦδυονοε (Bean—Cook 1955, 105), причем оба компонента последнего имени мы находим в дошедших до нас карийских текстах, нужно думать, что имя Ουλξονοη в отличие от суффиксального производного Ὑλξονος состоит из

двух компонентов. Похоже, что второй компонент многих женских имен на *-voŋ* (в том числе — имен наяд) связан с глоссой Гесихия *νῆα πηγῆ* 'источник' (см. (Bechtel—Fick 1894, 459)). Впрочем, все это отнюдь не исключает возможности того, что анализируемое имя — все-таки мужское (ср. в связи с глоссой Гесихия фракийское название реки *Νόης*).

Среди греческих источников из Египта до нас дошло огромное количество туземных имен, а также всевозможных имен Ближнего Востока. Было бы странным, если бы карийские надписи длительно проживавших там вместе со своими семьями наемников не содержали бы имен, широко распространенных в Египте. При разборе надписей 1—10 мы уже сталкивались с именами египетских богов Ра, Сета и Тота, а также с именем фараона Нехо. Вот еще несколько имен подобного типа: *Νειθυλην* (F 37=Ш 78), *Νηιθαλις* (Ш 79), *ΡαΦυλεον* (F 40=Ш 2), *Σζαι* (F 5a, b, c=Ш 22), *Σζαιτ* (Ш 77), *Χεθυλι* (F 39=Ш 71). Первые два имени можно сопоставить с *Νηιθ* (indecl.) греческих источников (египетская Афина), причем по типу образования второе имя (если в нем правильно читается неясное *ни*) совершенно аналогично карийскому имени из Галикарнаса (V в. до н. э.) *Ερμαλις*. Следующее имя было правильно прочтено еще А. Сейсом (Ravuleon — см. у Saucе 1906, 176), хотя в других своих работах он читал его иначе. Более того, А. Сейс отметил здесь соединение имен египетского и карийского бога ("Atum is here identified with Apollo Smintheus" — Ibid.). Нужно отметить также греко-египетское объединение, по сути дела, имен тех же богов: *Φοιβάμμων* (Preisigke 1911, 18). В имени *Σζαι(ς)*, как и в имени *Σζηθο(ς)*, наблюдается одинаковая передача чужеземного начального S. В греческих передачах первое имя имеет формы *Σάις* (nom.) и *Σάιτος* (gen.); см. (Preisigke 1967, 357). Имя *Χεθυλι* можно сопоставить с греческой передачей *χεθουλις* египетского *ḥtp'w* 'gnädig' (Ranke 1935, 426). Таким образом, египетская «специфика» проявляется в карийских надписях Африки в достаточной мере отчетливо.

Что касается туземных и иных некарийских имен, то они будут подробнее рассмотрены в отдельной монографии по дешифровке карийского письма. Здесь же мы возьмем только несколько выборочных примеров. *Σεμεφε* (F 1=Ш 17): в более ранних греческих передачах этого имени *дигамма*, естественно, выпадала, в более поздних — звук *w* передавался с помощью *беты*. Отсюда — такие ЛИИ, как *Πεβέ* (=ΠεFe), *Πανόβε* (=ΠανοFe), *ΜΗ Βερσαβε* (=FeρσαFe). То же самое еврейское имя, которое передано как *Σεμεφε* в карийской надписи, в греческом после выпадения интервокальной *дигаммы* и слияния двух *ε* закономерно дает ЛИ *Σεμεί* (indecl.); см. Ios, VIII, 1, 5.

Таково «истинное лицо» малоазийской богини «Месавы». Из других некарийских имен отметим: Νγαικ (М 10) — ср. (по типу образования) в греческих передачах Ταλάικ; Θαρικ (Ш 10)³¹ — ср. Φαρίκ, Χεθίк в греческих источниках из Египта; ср. также Ιυηк (т. е.: Јујѣт — М 39) — тип Σελῆк; Ασνηк (М 36) — тип Πληк; Αδοк, ΧαΦκοк (М 37) — тип Παχόк; ΑΦνοк (F 45=Ш 5) — тип 'Ανόк и т. д.

Помимо имен карийские надписи содержат очень мало слов. Все же можно отметить такие слова, как υωϑ 'сын', родит. падеж υω; υη 'дочь'; δυοFo(ς) 'второй' (F 47, М 28), ср. греч. ὀκτώ — *ουδοFος > ὄγδοος и δύω — кар. δυοFo(ς); глагол εδαFвет (D 7a=Ш 97), сходный по флексии с фриг. -βερετ, -δακет, а в отношении аугмента — с edaes, εσταεs; глагол σαFαηεν и σαFηηεν (F 45=Ш 5), ср. ЛИ ΣαFo-Fάναξ (VI в. до н. э., Лаконика — Bechtel 1923, 299), фриг. теоним Savos, приведенные выше фракийские имена с той же основой и, быть может, лид. savēn- 'быть здоровым, благополучным'. Но подробнее как эти, так и многие другие примеры, будут рассмотрены в подготавливаемой в настоящее время специальной работе.

* *
*

Последовательная идентификация знаков карийского письма с позиций оправдавшей себя методики А. Сейса (сопоставление со знаками греческих алфавитов) позволила прочесть карийские тексты во всем их объеме. К методическим установкам А. Сейса было добавлено также обращение в отдельных случаях к материалу южносемитских алфавитов, так как этот материал позволял объяснить историю некоторых знаков карийского (а также фригийского и греческого) письма. Кроме того, в целях идентификации использовался хорошо известный метод сопоставления одинаковых сегментов текста, расходящихся лишь в одном знаке (если он не является префиксом или флексией). Наконец, к омографам, установленным путем анализа фонетического окружения (знак 9, 1 *тега* по форме равен знаку 16, 2 *омикрон* — Ф. Штайнгер), мною были присоединены еще два случая: знак 12, 1 *лямбда* равен по форме знаку 10, 2 *йота* (семитский *yōd*); знак 2 *гамма* равен знаку 24, 3 *омега* (как в греческих локальных алфавитах). В основе таблицы идентификации карийских знаков (Приложение I) лежат идентификации А. Сейса. Новыми являются идентификации знаков 8, 10 (2), 15, 21 и 24 (3). Фактически заново аргументированы отвергнутые ранее большинством исследователей идентификации знаков 13, 19 (М. Трой), 22, 3 и 4 (И. Сундвал), 24, 1 и 2 (П. Кречмер). Новые аргументы приведены в пользу идентификации знака 10 (1). Двадцать знаков были

³¹ В. В. Шеворошкин (1965а, 309) ошибочно читает эту надпись в обратном направлении.

идентифицированы моими предшественниками (из них 16 — А. Сейсом).

Казалось бы, при сравнительно невысоком проценте новых идентификаций мои чтения не должны существенно отличаться от чтений предшественников. Но здесь нужно иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, хотя многие из принятых мною идентификаций предшественников уже встречались в литературе, у каждого исследователя в отдельности лишь часть из них сочеталась со многими другими — неверными — идентификациями. Вся их сумма в том виде, как в настоящей главе, не встречалась ни у кого. Во-вторых, большинство новых идентификаций относится к самым частотным знакам, имеющим к тому же важное значение для определения морфологической структуры имен (в первую очередь это относится к вариантам знака 24). Сопоставим между собой транскрипцию нескольких имен: F 51: meḡk' vase = Ш 1: mḡkū,ñ = O: Σωκηξ; Сейс: Mavêæn slmodo = Штольтенберг: maveijain slmodo = Ш: mave,ÛEn slmodo = O: σαφηην Μλσοδο; F 65: mḡula = Ш 8: mḡula = O: Σγυλα; F 1: mheshveh = Сейс: meseve = Штольтенберг: mëseve = Ш 17: meseve = O: Σεμεφε.³² Еще более показательны попытки прочтения новонайденных надписей из Египта с помощью предложенных разными исследователями идентификаций знаков. Так, имя Υλξονω (см. выше; М 24) Т. Ковальский должен читать: kbnoto; ср. М 4: 29-1-38-o-n-25 (цифры означают неидентифицированные номера знаков карийского алфавита в таблице О. Массона), Ш 60 (то же имя): rñonλ. По идентификациям Дж. Рея — Ж. Фокуно имя Σεμεφε (F I) следует читать Prmrtg, а туземное имя Ιυημ (типа Σελημ) — Qkqjs, ср. М 39: 14-30-14-27-S. Таково соотношение целого ряда существующих чтений и чтений, предложенных в настоящей главе.

Основные фонетические, морфологические и словообразовательные особенности карийских текстов, выделенные мною еще 20 лет тому назад (Откупщиков 1966, 27 слл.), остаются в основном в силе, а поэтому нет надобности их повторять. В книге о карийской письменности этот вопрос будет рассмотрен более

³² Совершенно парадоксальным выглядит утверждение И. М. Дьяконова о том, что я якобы принимаю чтения В. В. Шеворошкина, а не его предшественников (Дьяконов 1967, 236). Уже приведенные примеры показывают, кто чьи чтения принимает. «Хетто-лувийские» чтения mḡula, meseve, ташпа- и многие другие были взяты еще у А. Сейса. И это делает автор, обзор литературы которого воспринимается как неакадемичная по форме «гиперкритика» предшественников, а вывод о том, что он все эти работы предпочел «отбросить в целом», чтобы «поднимать материал заново» (Шеворошкин 1965а, 89 сл.) просто не соответствует действительности. В отличие от этого я начинаю свою брошюру (1966, 3) с перечисления 24(!) карийских знаков, чтение которых я принимаю у своих предшественников. Здесь мне совершенно нечего добавить к словам самого И. М. Дьяконова: «Так пишется история науки!»

подробно. Но уже сейчас можно сделать важный вывод о том, что прочтение карийских текстов полностью подтверждает вывод предыдущих глав о принадлежности карийского языка не к анатолийским, а к палеобалканским языкам.³³ Об этом свидетельствуют фонетика, морфология, словообразование, многочисленные личные имена. Поэтому мы должны отказаться от гипотезы В. Георгиева о хетто-лувийской принадлежности карийского языка (Georgiev 1960) и вернуться к другой гипотезе... того же автора, который (правда, под вопросом) включал карийский язык в одну группу не с анатолийскими языками, а с греческим, македонским, фригийским, фракийским и рядом других языков (Георгиев 1958, 282).³⁴

Суммируем результаты проделанной работы. Многочисленные исследования в области изучения догреческого субстрата убедительно показали, что это не был какой-то один язык. Более того, есть веские основания считать, что сам догреческий индоевропейский субстрат наслаивался на субстрат более древний неиндоевропейский (из новых работ см. книги Э. Фюрне и Р. В. Гордезиани). Гетерогенным был по своему характеру также и субстрат индоевропейский, в состав которого входил ряд палеобалканских языков: фракийский, фригийский, македонский, карийский. Генетически близки к ним также языки греческий и армянский. Но носители последнего языка очень рано переселились в Малую Азию, а греческий язык обладал целым рядом черт, которыми он отличался от палеобалканских языков. Нужно также иметь в виду, что отношения между палеобалканскими языками и греческим языком были не только субстратными, но также адстратными и суперстратными. Этим объясняется тот факт, что слово *догреческий* иногда дается в кавычках, особенно — там, где речь идет, например, об именах, засвидетельствованных в синхронных греческому памятниках палеобалканских языков. И все же традиционный термин «догреческий субстрат» сохранен в настоящей книге и даже дан в ее заглавии.

Предлагаемая гипотеза хорошо подтверждается многочисленными свидетельствами античных авторов о пребывании фракийцев, фригийцев и карийцев в Элладе, данными археоло-

³³ Нужно только подчеркнуть, что, вопреки структуре данной книги, именно прочтение в 1966 г. карийских текстов привело к появлению палеобалканской гипотезы, а не наоборот.

³⁴ Показательно, что, по мнению О. Массона, карийский язык, судя по именам собственным в греческой передаче, вообще не является индоевропейским (Masson 1975, 63). Это впечатление сложилось в силу того, что и греки в качестве «карийских» обычно передавали лишь имена явно негреческого типа (в отличие, правда, от Гомера), которые карийцы могли приобрести у автохтонного населения Малой Азии, и современные ученые всякое карийское имя палеобалканского типа обычно сразу же объявляют «греческим».

гии и ономастики, следами палеобалканских языков в табличках линейного письма Б, прочтением карийских надписей. В процессе изложения гипотезы мне пришлось более или менее подробно остановиться на некоторых теоретических вопросах, связанных с общими принципами словообразовательного и этимологического анализа ономастического материала, с методикой дешифровки письменности на незнакомом языке. Во многом мне пришлось разойтись с моими предшественниками. Этим объясняется полемическая направленность целого ряда глав. Нет никакого смысла выдвигать какую-то новую гипотезу, если предварительно не показать, почему неприемлемы гипотезы уже существующие. Автор прекрасно понимает, что и критическая направленность книги, и изложенные в ней идеи могут вызвать возражения. Поэтому он готов отстаивать основные выводы своей работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.
- Андреев Ю. В. 1984. Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. № 4.
- Арутюнян Н. В. 1985. Топонимика Урарту. Ереван.
- Бауэр Г. М. 1966. Язык южноаравийской письменности. М.
- Белецкий А. А. 1972. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев.
- Бенвенист Э. 1955. Индоевропейское именное словообразование. М.
1959. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Иванов. М.
- Бонев А. Г. 1980. Некоторые проблемы фрако-миценских отношений // Actes du IIe Congrès international de thracologie. Bucureşti. Т. 3.
- Бояджиев Д. 1980. Некоторые аспекты деления двусоставных фракийских личных имен // Thracia. Т. 5.
- Венедиков Ив. 1963. Общ поглед върху разкопките // Аполония: Сб. ст. / Отв. ред. И. Венедиков. София.
- Видеман Ф. 1908. Начатки исторического греческого письма. Лейпциг.
- Влахов К. 1976. Тракийски лични имена. Фонетико-морфологични проучвания // Studia Thracica 2. София.
- Гамкрелидзе Т. В. 1956. Неиндоевропейские элементы хеттского (неситского) языка: Автореф. канд. дис. Тбилиси.
- Гамкрелидзе Т. В. — Иванов В. В. 1979. Картвело-«догреческие» заимствования и проблема мифа об аргонавтах // Balcano-Balto-Slavica: Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы / Ред. кол.: В. В. Иванов, Т. В. Цивьян. М.
- Георгиев В. И. 1953. Проблемы минойского языка. София.
1954. Вопросы родства средиземноморских языков // ВЯ. № 4.
1955. Словарь крито-микенских надписей. София.
1957. Тракийският език. София.
1958. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.
1977. Траките и техният език. София.
- Гиндин Л. А. 1967. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. М.
1971. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя // ВЯ. № 1.
1972. К реконструкции фракийского // Античная балканистика: Предварительные материалы / Ред. кол.: С. Б. Бернштейн и др. М.
1973. Проблемы античной балканистики (лингвистический аспект) // ВЯ. № 1.
1974. Древнейшая ономастика восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы): Автореф. докт. дис. М.
1976. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Сб. ст. / Отв. ред. В. Д. Королюк. М.
1977. Лингвистический комментарий к упоминанию двух групп фракийских племен в «Илиаде» // Балканский лингвистический сборник. / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.
1978. Фракийское население и ономастика Малой Азии // Pulpudeva, 2. София.
1980. Элемент -δων-, -δων- в реликтовых языках балканского полуострова // Studia linguistica in honorem V. I. Georgiev / Red. kol.: К. Солакочева, I. Zaimov, V. Georgiev. Sofia.
1981. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София.
- Гордезиани Р. В. 1978. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси.
1983. Об эгейско-кавказских взаимоотношениях в микенскую эпоху // Concilium Eirene XVI / Ed. by P. Oliva and A. Frolíkova. Prague.

1985. Догреческий и картвельский. Тбилиси (на грузинском языке).
 Готье Ю. В. 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л.
- Десницкая А. В. 1952. О хеттском языке // Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. М.
1955. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.; Л.
- Дечев Д. 1952. Характеристика на тракийския език. София.
- Джаукян Г. Б. 1977. О рефлексах индоевропейских заднеязычных в фригийском языке // *Kwartalnik Neofilologiczny*. Warszawa.
1984. Фракийцы в Армении // *Античная балканистика: Предварительные материалы к международному симпозиуму* / Ред. кол.: С. Б. Бернштейн, Л. А. Гиндин, Е. С. Голубцова и др. М.
- Дирингер Д. 1963. Алфавит. М.
- Добровольский В. 1914. Смоленский областной словарь. Смоленск.
- Дунаевская И. М. 1954. О характере и связях языков древней Малой Азии // *ВЯ*. № 6.
- Дуриданов И. 1976. Езикът на траките. София.
- Дьяконов И. М. 1967. Карийский алфавит и его место среди древнейших алфавитных письменностей (дешифровка и псевдодешифровка карийских надписей) // *ВДИ*. № 2.
1968. Предыстория армянского народа (история Армянского нагорья с 1500 до 500 г. до н. э.). Ереван.
1972. Место фригийского среди индоевропейских языков // *Античная балканистика: Предварительные материалы* / Ред. кол.: С. Б. Бернштейн и др. М.
- Дьяконов И. М. — Нерознак В. П. 1977. Очерк фригийской морфологии // *Baltistica*, II priedas.
- Зайцев А. И. 1975. Ифимедия, мать Алоадов: догреческое божество в гомеровском эпосе // *Античная балканистика 2: Предварительные материалы* / Ред. кол.: Л. А. Гиндин, И. А. Калужская. М.
1985. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л.
- Зедгенидзе А. А. — Савеля О. Я. 1981. Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э. // *КСИА*. № 168. М.
- Иванов В. В. 1963. Хеттский язык. М.
- Иванов Ив. 1978. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София.
- Илиевски П. Хр. 1984. Придонес на микенскиот грчки кон интерпретацијата на хомерски лични имења // *Ziva Antika*. God. 34.
- Йорданов К. 1985. Североизточна Тракия и Източното Средиземноморие през 1500—1000 г. пр. н. е. // *Векове*. № 1.
- Кадеев В. И. 1973. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя // *ВДИ*. № 4.
- Карайотов И. 1976. Тракия и морето // *Тракия*. 3.
- Катинчаров Р. 1979. Культурни връзки и взаимоотношения на Тракия и Крит през ранната бронзова епоха // *Векове*. № 1.
- Кацаровъ Г. 1913. Битътъ на старитѣ траки споредъ класическитѣ писатели // *Сборникъ на Българската Академия на наукитѣ*. София. I.
- Кисъов К. 1985. Некрополи от старожелязната епоха в Родопите // *Векове*. № 2.
- Китов Г. 1980. Фракийская гробничная архитектура // *Dritter internationaler thrakologischer Kongress*. Wien.
- Козуб Ю. И. 1963. Некрополь Ольвии V—IV вв. до н. э. как исторический источник: Автореф. канд. дис. Киев.
1974. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Киев.
- Круглов Е. А. 1985. Полис и гражданско-храмовая община в Кари в V—IV вв. до н. э. // *Проблемы политической истории античного общества: Сб. статей* / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л.
- Лапин В. В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Лурье С. Я. 1955. Опыт чтения пилосских надписей // *ВДИ*. № 3.

1957. Язык и культура микенской Греции. М.; Л.
- Майстренко М. И. 1984. К вопросу о происхождении мифа об Орфее // *Іноземна філологія* / Отв. ред. В. П. Маслюк. Львів. Вип. 74.
- Манцевич А. П. 1975. К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья // *Studia Thracica*. 1.
- Мейс А. 1938. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.
1954. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.
- Мелюкова А. И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.
- Мерперт Н. Я. 1966. К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке // *Sborník národního muzea v Praze*. Sv. XX.
1978. Миграции в эпоху неолита и энеолита // *СА*. № 3.
1984. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*: Сб. ст. / Ред. кол.: Л. А. Гиндин (отв. ред.) и др. М.
- Мерперт Н. Я. — Черных Е. Н. 1974. Болгаро-советская археологическая экспедиция // *Вопросы истории*. № 6.
- Мешерский Н. А. 1975. Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов // *Вестник Ленингр. ун-та*. № 8.
- Нерозник В. П. 1977. Принципы исследования палеобалканской ономастики // *Историческая ономастика*: Сб. / Ред. кол.: А. В. Суперанская (отв. ред.) и др. М.
1978. Палеобалканские языки. М.
- Николов Б. 1982. Эпоха ранней бронзы в северо-западной Болгарии и некрополь у села Тырнава // *Thracia praehistorica*. Sofia.
- Огненова Л. 1958. Иллирийский надпис от северна Албания // *Изследвания в чест на акад. Д. Дечев*. София.
- Откупщиков Ю. В. 1966. Карийские надписи Африки. Предварительные результаты дешифровки. Л.
1967. Из истории индоевропейского словообразования. Л.
1968. Об отношении карийского алфавита к крито-микенскому и кипрскому силлабарии // *AM SIM*. Roma. Vol. 1.
1973. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы // *Балканское языкознание*. М.
- 1975а. Греческая колонизация Причерноморья и карийцы // *Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах восточного Черноморья»*: Тезисы докладов. Тбилиси.
- 1975б. О происхождении древнегреческих топонимов на -(ὀ)εσσα/-οῦσσα // *Проблемы античной культуры*. Тбилиси.
1976. Греческий язык и проблема догреческого субстрата // *Проблемы истории и культуры*: Сб. ст. / Отв. ред. Г. Л. Арш. М.
1978. Словообразовательный и этимологический анализ догреческих -ss-топонимов и антропонимов // *Античная балканистика 3: Предварительные материалы* / Ред. кол.: Л. А. Гиндин, И. А. Калужская, В. Э. Орел. М.
1980. Карийцы в Причерноморье (ономастика) // *Кавказ и Средиземноморье*: Сб. ст. / Отв. ред. Р. В. Гордзениани и А. В. Урушадзе. Тбилиси.
1982. Из истории индоевропейского языкознания: (К выходу в свет книги В. И. Георгиева) // *ВЯ*. № 3.
- 1983а. Палеобалканские элементы микенской фонетики // *Concilium Eirene XVI* / Ed. by P. Oliva and A. Frolíkova. Prague. Vol. 3.
- 1983б. Догреческие -ss-топонимы и антропонимы (словообразовательный и этимологический анализ) // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов* / Ред. кол.: Л. А. Гиндин, Г. П. Клепикова, Л. Г. Невская. М.
1984. Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе // *Античная балканистика: Предварительные материалы к международному*

- симпозиуму / Ред. кол.: С. Б. Бернштейн, Л. А. Гиндин, Е. С. Голубцова и др. М.
1985. Об индоевропейском происхождении лат. *vīnum*, др.-греч. (F) *οἶνος* 'вино' // ВЯ, № 4.
1986. Догреческий топоним Παρνασσός и индоевропейское словообразование // Языки и литература народов Балканских стран: Сб. ст. / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.
- Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. М.
- Периханян А. Г. 1959. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. — III в. н. э.). М.
- Петерс Б. Г. 1977. О морском деле в Эгейском море // История и культура античного мира: Сб. ст. / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.
- Погирик Ч. 1959. Отношение древнемакедонского языка к древнегреческому: Автореф. канд. дис. Л.
- Попов В. 1975. Некоторые проблемы этноисторических связей между Балканским полуостровом и Малой Азией до конца II тыс. до н. э. // *Studia Thracica* 1.
- Порожанов К. 1984. Сведения на Диодор за надмощията по море в Егейския бассейн през XIII—VIII в. пр. н. е. // Векове, № 2.
- Порциг В. 1964. Членение индоевропейской языковой области. М.
- Ренфрю К. 1978. Древнее египетских пирамид // За рубежом. № 17.
- Семереньи О. 1980. Введение в сравнительное языкознание. М.
- Струве В. В. 1950. Предисловие // Пендлбери Дж. 1950. Археология Крита. М.
1984. Ономастика раннединастического Лагаша. М.
- Суперанская А. В. и др. 1986. Теория и методика ономастических исследований. М.
- Сухотин Б. В. 1962. Экспериментальное выделение классов букв с помощью электронной вычислительной машины // Проблемы структурной лингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. С. К. Шаумян. М.
1963. Алгоритмы лингвистической дешифровки // Там же.
- Толстой И. И. 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.
- Томсон Дж. 1958. Исследования по истории древнегреческого общества. М.
- Топоров В. Н. 1964. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимии // Проблемы индоевропейского языкознания: Сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.
1972. К древним балканско-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика: Предварительные материалы. М.
- 1973, 1977а. К фракийско-балтийским языковым параллелям. Ч. 1 // Балканское языкознание: Сб. ст. / Отв. ред. С. Б. Бернштейн, Г. Н. Клепикова. М.; Ч. 2 // Балканский лингвистический сборник / Отв. ред. Т. В. Цивьян. М.
- 1977б. ΜΟΥΣΑΙ «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) // Славянское и балканское языкознание: Античная балканистика и сравнительная грамматика: Сб. ст. / Отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. П. Клепикова. М.
- Тронский И. М. 1973. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.
- Трубачев О. Н. 1976. О синдах и их языке // ВЯ, № 4.
- Филов Б. 1920. Тракийско-микенски отношения // Сборникъ въ честь на профессоръ Ив. Д. Шишмановъ. София.
- Фридрих И. 1961. Дешифровка забытых письменностей и языков. М.
- Хогард Д. Г. 1914. Иония и Восток, СПб.
- Циркин Ю. Б. 1984. Греки и Тартесс // Западное Средиземноморье в первом тысячелетии до н. э.: Сб. ст. / Отв. ред. Е. В. Мавлеев. Л.
- Черных Е. Н. 1974. Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии (IV — начало I тыс. до н. э.) // *Thracica* 3.
- Чихарж В. 1960. Характерные черты средиземноморского субстрата //

- Сообщения чехословацких ориенталистов / Отв. ред. И. С. Брагинский. М.
- Шантрен П. 1953. Историческая морфология греческого языка. М.
- Шарыпкин С. Я. 1985. Синкретизм греческого дати́ва в свете древнейших греческих надписей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 44. № 3.
- Шеворошкин В. В. 1965а. Исследования по дешифровке карийских надписей. М.
- 1965б. О хетто-лидийском характере карийского языка // Вестн. Моск. ун-та. № 5.
- 1965в. К происхождению малоазийских и некоторых других буквенных письменностей // ВДИ. № 3.
- Шелов Д. Б. — Брашинский И. Б. 1969 // ВДИ. № 3. — Рец. на кн.: Лапин В. В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Шировков О. С. 1969. Гипотеза об малоазийском происхождении греков // IV конференция по классической филологии: Тезисы докладов. Тбилиси.
1981. Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. М.
1985. Место балтийских языков в индоевропейской семье // Международная конференция балтистов: Тезисы докладов. Вильнюс.
1986. Палеобалканские глоттогенетические связи // Языки и литература народов Балканских стран: Сб. ст. / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.
- Широква А. В. 1977. Развитие диалектальных фонологических систем народной латыни: Дис. докт. филол. наук. М.
- Шницер Я. Б. 1903. Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб.
- Штерн фон Э. Р. 1907. Доисторическая греческая культура на юге России // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М. Т. 1.
- Ярхо В. Н. 1985. Новый папирусный отрывок древнегреческого пародийного эпоса // ВДИ. № 2.
- Aalto P. 1945. Notes on Methods of Decipherment of Unknown Writings // *Studia Orientalia Fennica*. XI. 4.
- Akurgal E. 1961. *Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander*. Berlin.
1962. The Early Period and the Golden Age of Ionia // *AJA*. Vol. 66.
- Alessio G. 1945. Suggestimenti e nuove indagini sul problema del sostrato "mediterraneo" // *Studi Etruschi*. Vol. 18.
- Aly W. 1909. *Karer und Leleger* // *Philologus*. Bd 68.
- Andriotis K. 1974. *Lexikon der Archaismen in neugriechischen Dialekten*: Wien.
- Andronicos M. 1984. *Vergina. The Royal Tombs*. Athens.
- Angel J. L. 1944. *Racial Analysis of Ancient Greeks* // *Amer. J. of Phys. Anthr.* Vol. 2.
- Apostolides P. 1912. Αἱ Παγασαὶ ἐξεταζόμεναι διὰ τῶν αἰώνων. Ἐν Ἀθήναις.
- Ariatta P. A. 1960. Glosse inedite ai Theriaka di Nicandro // *Studi classici e orientali*. Vol. 9.
- Arkwright W. 1915. Notes on the Lycian Alphabet // *JHS*. Vol. 25.
1918. Lycian and Phrygian Names // *JHS*. Vol. 38.
- Astour M. C. 1965. *Hellenosemitica. An Ethnic and Cultural Study in West Semitic Impact on Mycenaean Greece*. Leiden.
- Autran C. 1920. *Phéniciens*. Le Caire.
- Bankoff H. A. — Winter F. A. 1984. Northern Intruders in LH III C Greece: a View from the North // *JIES*. Vol. 12.
- Bannert H. 1976. Ein übersehener thrakischer Personennamen // *Die Sprache*. Bd 22.
- Barnett R. D. 1963. [Rec.] // *Antiquity*. Vol. 37. — Rec. in: *Journal of American Oriental Society for 1962*.

1967. Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age. Cambridge Univ. Press.
- Bartoněk A. 1966. Development of the Long-Vowel System in Ancient Greek Dialects. Brno.
- Bass G. 1963. Mycenaean and Protogeometric Tombs in the Halicarnassus Peninsula // *AJA*. Vol. 67.
- Bean G. E. — Cook J. M. 1955. The Halicarnassus Peninsula // *BSA*. Vol. 50.
- Bechtel F. 1917. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Keiserzeit. Halle.
1923. Die griechischen Dialekte. Berlin, Bd 2.
- Bechtel F. — Fick A. 1894. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet. 2. Aufl. Göttingen.
- Benkő L. 1975. On Some Questions of Historical Linguistics // *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 25.
- Bennett E. L. 1968. [Rec.] // *Language*. Vol. 44. — Rec. in: Gordon 1966.
- Benveniste E. 1969. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris.
- Berve H. 1966. Gestaltende Kräfte der Antike. 2. Aufl. München.
- Berger Ph. 1891. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. Paris.
- Best J. G. P. 1976. Süd-Thraker in der Bronzezeit // *Pulpudeva*. 1.
1978. Thrakische Bauten im ägäischen Raum // *Pulpudeva*. 2.
1980. Die prähistorische Nekropole von Varna und ihre historische Bedeutung // *Dritter internationaler thrakologischer Kongress*. Wien.
1982. Supplementum Epigraphicum Mediterraneum // *Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical Society*. Middelie, The Netherlands. Vol. 13.
- Beševliev V. 1981. Die Westküste des Schwarzen Meeres // *Klio*. Bd 63.
- Bielmeier R. 1983. [Rec.] // *IF*, Bd 88. — Rec. in: Furnée 1979.
- Birnbaum H. 1974. Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkans and the Aegean // *JIES*. Vol. 2.
- Bittel K. 1942. Kleinasiatische Studien. Istanbul.
1950. Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens. 2. Aufl. Tübingen.
1967. Einige Doppeläxte aus Kleinasien // *Festschrift für W. Eilers*. Wiesbaden.
1970. Hattusha. The Capital of the Hittites. New York.
- Blass F. 1888. Über die Aussprache des Griechischen. 3. Aufl. Berlin.
- Blegen C. W. 1963. Troy and the Trojans. New York.
- Blegen C. W. — Wace A. J. B. 1930. Middle Helladic Tombs // *Symbolae Osloenses*. Vol. 9.
- Blumenthal A. v. 1937—1938. Bericht über die Aufgaben der Erforschung altgriechischer ON // *Zeitschrift für Ortsnamenforschung*. Bd 13.
- Boardman J. 1964. The Greeks Overseas. London.
1967. Excavations in Chios 1952—1955. Oxford.
- Bockisch G. 1969. Karer und ihre Dynasten // *Klio*. Bd 51.
1978. Sozialökonomische Probleme der ausgehenden Bronzezeit im ägäischen Raum // *Mitteleuropäische Bronzezeit* / Hrsg. von W. Coblentz und F. Horst. Berlin.
- Bodson L. 1978. 'IEPA ZQIA: Contribution à l'étude de la place de l'animal dans la religion grecque ancienne. Bruxelles.
- Boev P. 1972. Die Rassentypen der Balkanhalbinsel und der Ostägäischen Inselwelt und deren Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia.
- Bondesson B. 1936. De sonis et formis titulorum Milesiorum Didymaeorumque. Lund.
- Bonfante G. 1955. A Note on the Samothracian Language // *Hesperia*. Vol. 24.
- Bork F. 1930. Die Schrift der Karer // *Archiv für Schreib- und Buchwesen*. Jg. 4.

1931. Die Sprache der Karer // Archiv für Orientforschung. Bd 7.
- Bossert H. 1942. Altanatolien. Berlin.
- Bouzek J. 1966. The Aegean and Central Europe // Památky Archeologické. T. 57.
- Boysal Yu. 1970. A Report on the 1969 Turgut Excavations // Anadolu. Vol. 12.
- Brandenstein W. 1935. Karische Sprache // PW RE. Suppl. Stuttgart. Bd 6.
1936. Thrakische Sprache // PW RE. Stuttgart. Halbband 11.
- Branigan K. 1970. The tombs of Mesara. London.
1974. Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxford.
- Bredow I. v. 1984. Ethnonyme und geographische Bezeichnungen der Thra-ker bei Homer // C IV CITH. Sofia.
- Brixhe Cl. 1969. L'alphabet épichorique de Sidé // Kadmos. Bd 8.
- Brommer F. 1983. Zur Schreibweise des Namens Odysseus // KZ. Bd 96.
- Bryce T. R. 1977. Ahhiyawa and Troy—a Case of Mistaken Identity? // Historia. Bd 26.
- Buchholz H. G. 1974. Ägäische Funde und Kultureinflüsse in den Rand-gebieten des Mittelmeers // AA. Heft 3.
1983. Doppeläxte und die Frage der Balkanbeziehungen des Ägäischen Kulturkreises // Ancient Bulgaria / Ed. by A. G. Poulter. Sofia.
- Buck C. D. 1926. The Language Situation in and about Greece in the Se-cond Millenium B. C. // Classical Philology. Vol. 21.
- Budenz J.** 1858. Das Suffix $\kappa\acute{o}\varsigma$ ($\mu\acute{o}\varsigma$, $\alpha\kappa\acute{o}\varsigma$, $\nu\kappa\acute{o}\varsigma$) im Griechischen. Göttin-gen.
- Būga K. 1959. Rinkiniai raštai. Vilnius. T. 2.
- Bundgård J. A. 1965. Why did the art of writing spread to the West? // Analecta Romana Instituti Danici. Vol. 3.
- Bury J. B. 1916. The Trojan War // Quarterly Review. Vol. 226.
- Calderini A. 1935. Dizionario dei nomi geografici et topografici dell'Egitto Greco-Romano. Cairo. Vol. 1.
- Camps G. 1976. Navigations et relations interméditerranéennes préhistori-ques // IXe Congrès international des sciences préhistoriques et proto-historiques. Nice.
- Capovilla G. 1964. Praehomerica et praeitalica. Roma.
- Carnoy A. 1955. Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen. Louvain.
- 1959a. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain.
- 1959b. Echanges thraco-phrygiens entre B et M // Le Muséon. T. 72.
1960. Les suffixes toponymiques pré-grecs // Ant. C. T. 29.
- Carpenter J.—Boyd D. 1977. Dragon-Houses: Euboia, Attika, Karia // AJA. Vol. 81.
- Carpenter R. 1948. The Greek Penetration of the Black Sea // AJA. Vol. 52.
- Carruba O. 1965. [Rec.] // OLZ. Jg. 60.—Rec. in: Neumann 1961.
1980. Contributi al licio, II // SMEA. F. 22.
- Caskey J. L. 1959. Activities at Lerna 1958—1959 // Hesperia. Vol. 28.
1973. Greece and the Aegean Islands in the Middle Bronze Age. CAH. 3d ed. Cambridge. Vol. 2, Pt 1.
1981. Notes on Keos and Tzia // Hesperia. Vol. 50.
- Cassola F. 1954. Note sulla preistoria della Troade. Rendiconti dell'Accademia di Archeologia // Lettere e Belle Arti di Napoli. Vol. 29.
- Casson L. 1973. Ships and Seamanship in the Ancient World. 3d print. Princeton.
- Casson St. 1926. Macedonia, Thrace and Illyria. London.
- Chadwick J. 1967. Greekless Archeology // Antiquity. Vol. 41, N 164.
- 1969a. Aegean History 1500—1200 B. C. // Studii clasice. Vol. 11.
- 1969b. Greek and Pre-Greek // TPhS. P. 80—98.
1970. The 'Greekness' of Linear B // IF. Bd 75.
- 1976a. Der Beitrag der Sprachwissenschaft zur Rekonstruktion der griechi-

- schen Frühgeschichte // Österreichische Akademie der Wissenschaften.
 Philosophisch-historische Klasse. Anzeiger. 113. Jg. N 7. Wien.
 1976b. The Mycenaean Dorians // BICS. N 23.
 1976c. The Mycenaean World. Cambridge; London; New York.
 1976d. Who were the Dorians? // PP. Vol. 31. F. 166.
- Chadwick J. — Baumbach L. 1963. The Mycenaean Greek Vocabulary //
 Glotta. Vol. 41.
- Chantraine P. 1933. La formation des noms en grec ancien. Paris.
 1975. Sur quelques composés sigmatiques en -ῥις // Mélanges à E. Benve-
 niste / Com. de red. F. Bader. Paris.
- Charles R.-P. 1958. Les populations de la Grèce antique // Bulletins et
 Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. T. 9.
- Childe V. G. 1945. Directional Changes in Funerary Practices during
 50 000 Years // Man. Vol. 45.
 1947. The Dawn of European Civilization. 4th ed. London.
 1950. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo.
 1956. Anatolia and Thrace // Anatolian Studies. Vol. 6.
- Cook A. B. 1925. Zeus. A Study in Ancient Religion. Cambridge. Vol. 2.
 Cook J. M. 1960. Greek Archaeology in Western Asia Minor // Archaeologi-
 cal Reports. Suppl. ad JHS. London.
 1961. Greek Settlement in the Eastern Asia Minor. Cambridge.
 1967. Two Notes on the Homeric Catalogue // SMEA. Vol. 28.
 1982. The Eastern Greeks // CAH. 2d ed. Vol. 3, Pt 3.
- Cook R. M. 1946. Ionia and Greece in the Eighth and Seventh Centuries
 B. C. // JHS. Vol. 66.
 1955. Thucydides as Archaeologist // BSA. Vol. 50.
- Crampa J. 1969. Labraunda // Swedish Excavations and Researches. Lund.
 Vol. 3.
- Cross F. M. 1980. Newly Found Inscriptions in Old Canaanite and Early
 Phoenician Scripts // BASOR. N 238.
- Crossland R. A. 1961. The Supposed Anatolian Origin of the Place-Name
 Formants in -ss- and -tt- // Atti VII Congresso Internazionale di
 Scienze onomastiche. Firenze. Vol. 1.
 1971. Immigrants from the North // CAH. 3d ed. Cambridge. Vol. 1. Pt. 2.
- Curtius E. 1857. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chéronœa.
 Berlin. Bd 1.
- Daskalakis Ap. 1965. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Thes-
 saloniki.
- Dečev D. 1936. Die Ethnika auf -ανος, -ηνος // KZ. Bd 63.
- Delev P. 1984. The Cult of the Dead in Thrace and Mycenaean Greece //
 C IV CITH. Sofia.
- Deroy L. 1955. Les inscriptions cariennes de Carie // Ant. C. T. 24.
 1956. La valeur du siffixe préhellénique -nth- d'après quelques noms grecs
 en -vθος // Glotta. Bd 35.
 1974. Le problème du yod en mycénien // Kadmos. Bd 13.
- Desborough V. R. d'A., Hammond N. G. L. 1962. The End of Myce-
 naean Civilization and the Dark Ages. Cambridge.
- de Simone C. 1964. Die messapischen Inschriften und ihre Chronologie.
 Wiesbaden.
- Detschew D. 1952. Charakteristik der thrakischen Sprache. Sofia.
 1957. Die thrakischen Sprachreste. Wien.
- Devoto G. 1943. Pelasgo e peri-indoeuropeo // Studi Etruschi. Vol. 17.
- Diakonoff I. 1978. The place of Phrygian among the indo-european lan-
 guages // Anthropos. Vol. 73.
- Dietz S. 1975. A Bronze Age Tumulus Cemetery in Asine, Southern
 Greece // Archaeology. Vol. 28.
- Dirlmeyer F. 1964. Der Mythos von König Oedipus. Mainz; Berlin.
- Doria M. 1974. La distribuzione dei toponimi preellenici in -ΝΘΟΣ e in
 -Σ(Σ)ΟΣ secondo i dati delle tavolette micenee in Lineare B // Actes
 du XIe congrès international des sciences onomastiques. Sofia. T. 1.

- Dornseiff F. 1957. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen / Ausgearbeitet von B. Hansen. Berlin.
- Dörpfeld W. 1905. Die kretischen, mykenischen und homerischen Paläste // AM. Bd 30.
- Dörrie H. 1972. Die Wertung der Barbaren im Urteil der Griechen // Antike und Universalgeschichte: Festschrift H. E. Stier / Hrsg. von R. Stiehl und G. A. Lehmann. Münster.
- Dorsi P. 1979. Le glosse carie // Incontri linguistici. Vol. 5.
- Doumas C. 1977. Early Bronze Age burial habits in the Cyclades // SMA. Göteborg. N 48.
- Drerup E. 1915. Homer. 2. Aufl. Mainz.
- Dressler W. 1964. Altkleinasiatische Miszellen // Die Sprache. Bd 10.
- Dreus R. 1976. The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. Vol. 96.
- Driver G. R. 1954. Semitic Writing from Pictograph to Alphabet. London.
- Dümmler F. 1886. Mitteilungen von den griechischen Inseln // AM. Bd 11.
- Dümmler F. — Studniczka F. 1887. Zur Herkunft der mykenischen Kultur // AM. Bd 12.
- Dunbabin T. J. 1957. The Greeks and their Eastern Neighbours. London.
- Duridanov I. 1969. Die thrakisch-dakisch und baltischen Sprachbeziehungen. Thrakisch-dakische Studien // LB. T. XIII, 2.
1972. Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indoeuropäischen Sprachen // Thracia. 1.
1978. Thrakisch-dakische Sprachkontakte // LB. T. XXI, 4.
1985. Thrakische Eigennamen in den mykenischen Texten // LB. T. XXVII, 1.
- Dussaud R. 1914. Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris.
- Eilers W. 1940. Kleinasiatisches // ZDMG. Bd 94.
- Eire L. 1967. Los Toponymos en "-ssos" y "-nthos" y ei Indoeuropeo // Zephyrus. Vol. 18.
- Ermann A. 1934. Die Religion der Ägypter. Berlin; Leipzig.
- Evans A. J. 1902. The Palace of Knossos // BSA. Vol. 8.
1929. The Shaft Graves and Bee-Hive Tombs of Mycenae and their Interrelation. London.
- Ewald F. 1924. Die Entwicklung der k-Suffixe in den idg. Sprachen. Heidelberg.
- Faucounau J. 1984. A propos de récents progrès dans le déchiffrement de l'écriture carienne // BSLP. T. 79.
- Faulmann K. 1880. Illustrierte Geschichte der Schrift. Wien.
- Faure P. 1967. Toponymes préhelléniques dans la Crète moderne // Kadmos. Bd 6.
- Fick A. 1897. Altgriechische Ortsnamen. II und III // BB. Bd 22.
1905. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen.
1909. Hattiden und Danubier in Griechenland. Göttingen.
- Fiesel E. 1928. Namen des griechischen Mythos im Etruskischen. Göttingen.
- Filov S. 1937. Thrakisch-Mykenische Beziehungen // Revue internationale des études balkaniques. Beograd.
- Finley M. I. 1970. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. New York.
- Fol A. 1976. Aperçu historico-geographique des tribus thraces // Pulpudeva. Vol. 1.
1984. Thracians and Mycenaeans: Methodology of the Parallelism // C IV CITH. Sofia.
- Foraboschi D. 1971. Onomasticon alterum papyrologicum. Milano.
- Forrer E. 1921. Ausbeute aus den Boghazköj-Inschriften // Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft. Bd 61.
1930. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique // Journal Asiatique. T. 217.
- Fraenkel E. 1935. Namenwesen // PW RE. Stuttgart. Halbband 32.
- Fréret N. 1809. Observations générales sur l'origine et sur l'ancienne

- histoire des premiers habitants de la Grèce // Mémoires de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. T. 47.
- Friedrich J. 1932. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin.
1941. Phrygia // PW RE. Stuttgart. Halbband 39.
1956. Zu scheinbar minoischen Schriftzeichen auf hethitischen Keilschrifttafeln // Minos. Vol. 4.
1966. Geschichte der Schrift. Heidelberg.
- Frisk Hj. 1970. Grieschisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. Bd 2.
- Furnée E. J. 1972. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris.**
1979. Vorgriechisch-kartvelisches. Louvain.
- Fürst C. M. 1930. Zur Anthropologie der prähistorischen Griechen in Argolis // Lunds Universitets Årsskrift. Bd 26, N 8.
- Furtwängler A. 1900. Die antiken Gemmen. Leipzig; Berlin. Bd 1—3.
- Gaertringen H. von. 1885. De Graecorum fabulis ad Thracas pertinentibus. Berlin.
- Gäläbov I. 1963. Die thrakischen -enos-Bildungen // LB. T. 6.
- Gall H. von. 1967. Die paphlagonischen Felsgräber // AA. S. 585—595.
- Gallavotti C. 1968. Sulla definizione del miceneo come dialetto greco // SMEA. F. 5.
- Galett de Santerre H. 1958. Délos primitive et archaïque. Paris.
- Georgiev V. I. 1937. Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache. Sofia. Bd 1.
- 1941, 1945. Vorgriechische Sprachwissenschaft. Sofia. Lief. 1, 2.
1955. Lexique des inscriptions créto-mycéniennes. Sofia.
1958. Πρασιός, Πριαντός, Πριανταί // Beiträge zur Namensforschung. Bd 9.
1960. Der indoeuropäische Charakter der karischen Sprache // Archiv orientální. T. 28.
1961. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne // LB. T. III, 1.
1964. L'importance des toponymes mycéniens pour les problèmes de l'histoire de la langue grecque et l'ethnogenèse des grecs // LB. T. IX, 1.
- 1966a. The Genesis of the Balkan Peoples // The Slavonic and East European Review. Vol. 44, N 103.
- 1966b. Die Deutung der altertümlichen thrakischen Inschrift aus Kjolmen // LB. T. XI, 1.
- 1966c. Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma.
- 1966d. Was stellt die Pelasgertheorie dar? // Lingua. Vol. 16.
1968. L'état actuel du déchiffrement des textes en linéaire A // AM CIM. Vol. 1.
1971. L'ethnogenèse de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques // Studia Balcanica. Sofia. Vol. 5.
- 1972a. Les illyriens et leurs voisins // Studia Albanica. N 2.
- 1972b. La thracologie: état actuel // Études balkaniques. N 3.
- 1972c. Orpheus und Thamyris. Thracia. Serdicae.
- 1972d. Le traitement des sonantes voyelles indo-européennes et le problème du caractère de la langue mycénienne // Acta Mycenaeanae: Proceedings of the Fifth International Colloquium on Mycenaean Studies. Salamanca.
- 1973a. [Rec.] // Kratylos. Bd 16. — Rec. in: Furnée 1972.
- 1973b. Les trois couches toponymiques de la Crète ancienne. — Πεπραγμένα τοῦ Ἐθνολογικοῦ συνεδρίου, τόμος Α'. Ἐν Ἀθήναις.
- 1973c. Die ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien // LB. T. XVI, 2.
- 1974a. The Arrival of the Greeks in Greece: the Linguistic Evidence // Bronze Age Migrations in the Aegean / Ed. by R. A. Crossland and A. Birchall. New Jersey.
- 1974b. Etruskisch und Hethitisch // LB. T. XVII, 1.
- 1974c. The Elymian Language // Antiquitates Indogermanicae / Gedenkschrift für H. Güntert / Hrsg. von M. Mayrhofer. Innsbruck.

- 1974d. Le sud-est européen et la méditerranée // III Congrès international d'études du sud-est européen. Bucaresti.
1975. Die thrakischen Götternamen // LB. T. XVIII, 1.
1976. Le déchiffrement du texte sur le disque de Phaistos // LB. T. XIX, 2.
1978. L'anthroponymie thrace // Pulpudeva. Vol. 2.
1981. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia.
- Gérard-Rousseau M. 1968. Les mentions religieuses dans les tablettes mycéniennes. Roma.
- Gimbutas M. 1960. Culture Change in Europe at the Start of the Second Millennium B. C. // Men and Cultures. Philadelphia.
1965. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris.
1974. The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 B. C. London.
1977. Gold Treasure at Varna // Archaeology. Vol. 30.
- Gindin L. A. 1969. Le "pélasgique" et le thrace // Studia Balcanica. Vol. 5.
- Giseke B. 1858. Thrakisch-pelasgische Stämme der Balkanhalbinsel und ihre Wanderungen in mythischer Zeit. Leipzig.
- Gočeva Zl. 1982. Le mythe des Hyperboréens et le rivage thrace pontique // Thracia Pontica. Sofia. T. 1.
1985. Thrakische Elemente in der griechischen Mythologie // Das Altertum. Bd 31, H. 3.
- Goetze A. 1957. Kleinasien. 2. Aufl. München.
- Gomme A. W. 1945. A Historical Commentary on Thucydides. Oxford. Vol. 1.
- Gordesiani R. 1983. Zu den kaukasisch-ägäischen Beziehungen im II Jahrtausend v. u. Z. // Actes du VIIe Congrès de la FIEC. Budapest. Vol. 2.
- Gordon C. H. 1966. Evidence for the Minoan Language. New Jersey.
1984. Reflections on the Decipherment of Minoan // Orientalia. Vol. 53.
- Graham J. W. 1964. The Relation of the Minoan Palaces to the Near Eastern Palaces of the Second Millennium // Mycenaean Studies / Ed. by E. L. Bennett. Madison.
- Gray D. 1974. Seewesen // Archaeologia Homerica / Hrsg. von F. Matz und H. G. Buchholz. Göttingen. Bd 1.
- Grégoire H. 1949. Influences thraco-thessaliennes et orientales sur les cultes de la Grèce, de l'Italie et de l'Occident germanique // Bulletin de l'Académie Royale de Belgique. T. 35.
- Grumach E. 1968, 1969. The Coming of the Greeks // Bulletin of the John Rylands Library. Vol. 51. Pt. I, II.
- Guarducci M. 1967. Epigrafia Greca. Roma. Vol. 1.
- Gusmani R. 1959. Il frigio e le altre lingue indeuropee // RIL. Vol. 93.
1962. I nomi greci in -ῶ // RIL. Vol. 96.
- 1968a. Introduzione allo studio comparativo delle lingue anatoliche. Napoli. Vol. 1.
- 1968b. [Rec.] // IF, Bd 7. — Rec. in: O. Haas 1966.
1969. Le religioni dell' Asia Minore nel primo millennio A. C. // Storia delle religioni / Diretta da P. T. Venturi. Torino. Vol. 2, 6.
1979. Spunti per la decrittazione di segni cari // Incontri Linguistici. Vol. 5.
1982. Zum Karischen // Festschrift G. Neumann / Hrsg. von J. Tischler. Innsbruck.
- Haas O. 1959. Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland // LB. T. 1.
1966. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia.
1970. Das Problem der Herkunft der Phryger und ihrer Beziehungen zu den Balkanvölkern // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 18.
1976. Die Sprache der spätphrygischen Inschriften // LB. T. 19.
- Haas V. 1982. Hethitische Berggötter und hurritische Steindämonen. Mainz am Rhein.
- Haley J. B. — Blegen C. W. 1928. The Coming of the Greeks // AJA. Vol. 32.

- Hamp E. P. 1983. Prehellenic μύλη // *Živa Antika. God.* 33.
- Hamp F. 1960. Die Chronologie der Einwanderung der griechischen Stämme und das Problem der Nationalität der Träger der mykenischen Kultur // *Museum Helveticum.* Vol. 17.
- Hanfmann G. M. A. 1945. Horsemen from Sardis // *AJA.* Vol. 49.
1948. Archaeology in Homeric Asia Minor // *AJA.* Vol. 52.
- Hanfmann G. M. A. — Waldbaum J. C. 1968. Two Submycenaean Vases and a Tablet from Stratonikeia in Caria // *AJA.* Vol. 72.
- Harmatta J. 1964. Das Pelasgische und die alten Balkansprachen // *LB.* T. IX, 1.
- Hart G. R. 1966. The Effects of the Palatalization of Plosives in Mycenaean Greek // *Proceedings of the Cambridge Colloquium in Mycenaean Studies.* Cambridge.
- Hauschild R. 1964. Die indogermanischen Völker und Sprachen Kleinasien. Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig // *Philosophisch-historische Klasse.* Berlin. Bd 109. Heft 1.
- Haussoullier B. 1880. Inscription d'Halicarnasse // *BCH.* Vol. 4.
- Hemberg B. 1955. "Αναξ, ἀνασσα und ἀνακας als Götternamen. Upsala.
- Hencken H. 1955. Indo-European Languages and Archaeology. Menasha.
- Herter H. 1932. De Priapo. Giessen.
- Herzfeld E. 1968. The Persian Empire. Wiesbaden.
- Hesselmeyer E. 1885. Die Ursprünge der Stadt Pergamos in Kleinasien. Tübingen.
- Hester D. A. 1957. Pre-Greek Place Names in Greece and in Asia Minor // *RHA.* T. 15.
1958. The i/e Alternation in Mycenaean Greek // *Minos.* Vol. 6.
1965. "Pelasgian" — a New Indo-European Language? // *Lingua.* Vol. 13.
1968. Recent Developments in Mediterranean "Substrate" Studies // *Minos.* Vol. 9.
- Heubeck A. 1959a. Lydiaka. Erlangen.
- 1959b. [Rec.] // *Gnomon.* Bd 31. — Rec. in: Masson — Yoyotte 1957.
1961. Praegraeca. Erlangen.
1968. [Rec.] // *IF.* Bd 72. — Rec. in: Откупщиков 1966.
1969. [Rec.] // *IF.* Bd 73. — Rec. in: Barnett 1967.
1979. Remarks on the Sign-Doublets ρ₂, ρ₂, τ₂. // *Colloquium Mycenaicum.* Neuchâtel; Genève.
- Hirsch P. 1884. Phrygiae de nominibus oppidorum. Königsberg.
- Hirt H. 1921. Indogermanische Grammatik. Heidelberg. Bd 2.
- Hoffmann O. 1906. Die Makedonen. Göttingen.
- Hood S. 1967. The Home of the Heroes: the Aegean before the Greeks. London.
1971. The Minoans: Crete in the Bronze Age. London.
1973. Mycenaean Settlement in Cyprus and the Coming of the Greeks // *Acts of the International Archaeological Symposium.* Nicosia.
1978. *The Arts of Prehistoric Greece.* Penguin Books.
- Hooker J. T. 1968. Non-Greek Elements in the Linear B Tablets // *IF.* Bd 73.
1976. The Coming of the Greeks // *Historia.* Bd 25.
- Hope Simpson R. 1965. A Gazetteer and Atlas of Mycenaean Sites. London.
- Hopper R. J. 1976. *The Early Greeks.* London.
- Hornblower S. 1982. *Mausolus.* Oxford; New York.
- Huber J. 1921. *De lingua antiquissimorum Graeciae incolarum.* Viennae.
- Hubschmid J. 1960. Substratprobleme // *Vox Romana.* Vol. 19.
- Hutchinson R. W. 1962. *Prehistoric Crete.* London.
- Huxley G. L. 1959. Hittites in Homer // *PP.* Vol. 14.
1961. *Crete and the Luwians.* Oxford.
1976. Crete and the Luwians: some problems reconsidered // *BICS.* N 23.
- Ilievski P. H. 1965. Non-Greek Inflexions or scribal errors in the Mycenaean texts // *Živa Antika. God.* 15.

1969. *Myc. pu-zo* // *Živa Antika*. God. 19.
- Jasink A. M. 1981. Methodological Problems in the Comparison of Hittite and Mycenaean Institutions // *RFIC*. Vol. 109.
- Jeffery L. H. 1961. *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford.
1964. *Old Smyrna: Inscriptions on Sherds and Small Objects* // *BSA*. Vol. 59.
- Jensen H. 1958. *Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart*. Berlin.
- Johnstone P. 1980. *The Sea-craft of Prehistory*. Harvard Univ. Press.
- Jokl N. 1928. *Phryger* // *ERL*. Bd 10.
1929. *Thraker* // *ERL*. Bd 13.
- Jordan H.-J. 1968. [Rec.] // *OLZ*. 63 Jg. — Rec. in: *Откупшиков* 1966.
- Jordanov K. 1984. *La Thrace du Nord-Est et le monde orientale de la Méditerranée (XVIe—XIIe s. av. n. e.)* // *C IV CITH*. Sofia.
- Kalima J. 1936. *Itämerensuomalaisten kielten baltililaiset lainasanat*. Helsinki.
- Kalléris J. 1954. *Les anciens Macédoniens* // *Athènes*. T. 1.
- Kämmel O. 1869. *Heracleotica*. Plauen i. V.
- Kammenhuber A. 1959. *Zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe* // *KZ*. Bd 76.
1961. *Zur Stellung des Hethitisch-Luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache* // *KZ*. Bd 77.
1968. *Luvii* // *Der kleine Pauly: Lexikon der Antike*. Stuttgart.
1969. *Das Hattische* // *Handbuch d. Orientalistik*. Beitrag 6. München.
- Karo G. 1930—1933. *Die Schachtgräber von Mykenai*. München.
- Katičić R. 1976. *Ancient Languages of the Balkans*. The Hague; Paris. Part 1—2.
- Katinčarov R. 1980. *Les rites funéraires pendant l'âge du bronze en Bulgarie* // *Thracia* 5.
1981. *État des recherches sur l'âge du bronze en Bulgarie du sud-est.* // *Cultures préhistoriques en Bulgarie* / *Red. G. Georgiev et M. Čičikova*. Sofia.
- Kawerau G. — Rehm A. 1914. *Das Delphinion in Milet*. Berlin.
- Kazarov G. 1916. *Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker*. Sarajevo.
- Kiepert H. 1878. *Lehrbuch der alten Geographie*. Berlin.
1892. *Specialkarte vom westlichen Kleinasien*. Berlin.
- Kirchhoff Ad. 1887. *Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets*. 4. Aufl. Berlin.
- Klengel H. 1978. *Vorderasien und Ägäis* // *Mitteuropäische Bronzezeit* / *Hrsg. von W. Coblentz und F. Horst*. Berlin.
- Köhler U. 1878. *Über die Zeit und den Ursprung der Grabanlagen in Mykene und Sparta* // *AM*. Bd 3.
1897. *Über Probleme der griechischen Vorzeit* // *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften*. Bd 14.
- Körte A. 1898. *Kleinasiatische Studien* // *AM*. Bd 23.
- Kowalski Th. W. 1975. *Lettres cariennes: essai de déchiffrement de l'écriture carienne* // *Kadmos*. Bd 14.
- Krahe H. 1925. *Die alten balkanillyrischen geographischen Namen auf Grund von Autoren und Inschriften*. Heidelberg.
1937. *Die Ortsnamen des antiken Apulien und Kalabrien* // *ZONF*. Bd 13.
1939. *Die Vorgeschichte des Griechentums nach dem Zeugnis der Sprache* // *Die Antike*. Bd 15.
- 1949a. *Die Indogermanisierung Griechenlands und Italiens*. Heidelberg.
- 1949b. *Ortsnamen als Geschichtsquelle*. Heidelberg.
- 1955, 1964a. *Die Sprache der Illyrier*. Wiesbaden. Teil 1, 2.
- 1964b. *Vom Illyrischen zum Alteropäischen* // *IF*. Bd 69.
- Kraiker W., Kübler K. 1939. *Die Nekropolen des 12. bis 10. Jahrhunderts*. Berlin.
- Kretschmer P. 1896. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen.
1925. *Das nt-Suffix* // *Glotta*. Bd 14.

1927. Mythische Namen // Glotta. Bd 15.
 1933. Zur ältesten Sprachgeschichte Kleinasiens // Glotta. Bd 21.
 1934. Nordische Lehnwörter im Altgriechischen // Glotta. Bd 22.
 1940. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten // Glotta. Bd 28.
 1943. Idem // Glotta. Bd 30.
 1950a. Die phrygische Episode in der Geschichte von Hellas // *Miscellanea Academica Berolinensia*. Bd II, 1.
 1950b. Invasion der Phryger in Hellas // *Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien: Philosophisch-historische Klasse*. Jg. 87 (Résumé).
 1952. Kontamination lautähnlicher Wörter // *Die Sprache*. Bd 2.
 Kronasser H. 1960. *Παρνασσός — Λαρνασσός* // *Indogermanica / Festschrift W. Krause*. Heidelberg.
 1962. Zum Stand der Illyristik // *LB*. T. 4.
 1967. [Rec.] // *Die Sprache*. Bd 13. — Rec. in: Georgiev 1966c.
 Kuipers A. H. 1975. [Rec.] // *Lingua*. Bd 36. — Rec. in: Furnée 1972.
 Kurtz D. C. — Boardman J. 1971. *Greek Burial Customs*. London.
 Lagarde P. de 1866. *Gesammelte Abhandlungen*. Leipzig.
 Landau O. 1958. *Mykenisch-Griechische Personennamen*. Göteborg.
 Laroche E. 1948. *Recherches sur les noms des dieux hittites*. Paris.
 1952. *Recueil d'onomastique hittite*. Paris.
 1957. Notes de toponymie anatolienne // *MNHMHΣ XAPIN / Gedenkschrift P. Kretschmer*. Wiesbaden; Wien. Bd 1, 2.
 1961. *Etudes de toponymie anatolienne* // *RHA*. Bd 69.
 1973 [1975]. *Contacts linguistiques et culturelles entre la Grèce et l'Asie Mineure au deuxième millénaire* // *REG*. T. 86 (Résumé).
 Lassen Chr. 1856. *Ueber die Lykischen Inschriften und die alten Sprachen Kleinasiens* // *ZDMG*. Bd 10.
 Laumonier A. 1934. *Inscriptions de Carie* // *BCH*. T. 58.
 1958. *Les cultes indigènes en Carie*. Paris.
 Launey M. 1949. *Recherches sur les armées hellénistiques*. T. 1. Paris.
 Leaf W. 1915. *Homer and History*. London.
 Lehmann-Haupt C. F. 1907. *Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens* // *Abhandlungen königl. Gesellschaft der Wissensch. zu Göttingen: Philosophisch-historische Klasse*. Bd 9. Berlin.
 Lelewel J. 1831. *Die Entdeckungen der Carthager und Griechen auf dem Atlantischen Ocean*. Berlin.
 Leonhard R. 1915. *Paphlagonia*. Berlin.
 Levi D. 1964. *The recent excavations at Phaistos* // *SMA*. Vol. 11.
 Levin S. 1964a. *Greek and Non-Greek Inflexions in Linear B* // *Mycenaean Studies*. Madison.
 1964b. *The Linear B Decipherment Controversy Re-examined*. New York.
 1972. *Greek with Substrate Phenomena, or 'a Jargon' — what is the Difference?* // *Kadmos*. Bd 11.
 Lewy H. 1885. *Die semitischen Fremdwörter im Griechischen*. Berlin.
 Lewy H. 1965. *Anatolia in the Old Assyrian Period*. Cambridge Univ. Press.
 Lichtenberg R. von. 1906. *Beiträge zur ältesten Geschichte von Kypros*. Mitteilungen der Vorderasiat. Gesellschaft. Berlin.
 Liddell H. G. — Scott R. 1883. *A Greek-English Lexicon*. 7th ed. Oxford.
 Lindgren M. 1973. *The People of Pylos*. Uppsala. Parts 1—2.
 Lloyd S. — Mellaart J. 1956. *Beycesultan Excavations. Second Preliminary Report* // *Anatolian Studies*. Vol. 6.
 Locker E. 1932—1933. *Die Bildung der griechischen Kurz- und Kosenamen* // *Glotta*. Bd 21—22.
 Long Ch. R. 1958. *Greeks, Carians, and the Purification of Delos* // *AJA*. Vol. 62.
 1974. *The Ayia Triadha Sarcophagus* // *SMA*. Vol. 41.
 Lorimer H. 1950. *Homer and Monuments*. London.
 Luria S. 1967. *Zur Entstehung des griechischen Alphabets* // *Kadmos*. Bd 6.
 Maass E. 1888. *Mythische Kurznamen* // *Hermes*. Bd 23.

- Macqueen J. 1968. Geography and History in Western Asia Minor in the Second Millennium B. C. // *Anatolian Studies*. Vol. 18.
- Macurdy G. H. 1919. The North-Greek-Affiliations of Certain Groups of Trojan Names // *JHS*. Vol. 39.
- Maddoli Gi. 1968. Eredità micenee a Teos e a Cos // *SMEA*. F. 7.
- Mahlov G. H. 1926. Neue Wege durch die griechische Sprache und Dichtung. Berlin.
- Maiuri A. 1910, 1911. Studi sull'onomastica cretese // *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei: Classe di scienze morali, storiche e filologiche*. Serie quinta. Roma. Vol. 19, 20.
- Marinatos Sp. 1935. Ausgrabungen und Funde auf Kreta 1934/1935 // *AA*. Col. 244—259.
1973. Kreta, Thera und das mykenische Hellas. 2. Aufl. München.
- Masson O. 1959. Notes d'anthroponymie grecque et asianique // *Beiträge zur Namenforschung*. Bd 10.
1961. Les inscriptions chypriotes syllabiques. Paris.
- 1967a. Remarques sur les anthroponymes mycéniens et leurs correspondants au premier millénaire // *SMEA*. F. 2.
- 1967b. [Rec.] // *Revue d'Égyptologie*. T. 19. — Rec. in: *Откупщиков* 1966.
- 1973 [1974]. [Rec.] // *Kratylos*. Jg. 18. — Rec. in: *Zauzich* 1972.
1975. Brèves remarques sur l'écriture et la langue des Cariens // *Le déchiffrement des écritures et des langues / Présente par J. Leclant*. Paris.
1977. Notes d'épigraphie carienne. III—V // *Kadmos*. Bd 16.
1978. Carian Inscriptions from North-Saqqâra and Buhen. London.
- Masson O. — Yoyotte J. 1956 [1957]. Objets pharaoniques à inscription carienne // *Institut français d'archéologie orientale: Bibliothèque d'étude*. Le Caire. T. 15.
- Mee Ch. 1978 [1979]. Aegean Trade and Settlement in Anatolia in the Second Millennium B. C. // *Anatolian Studies*. Vol. 28.
- Mee Ch. B. — Cavanagh W. G. 1984. Mycenaean Tombs as Evidence for Social and Political Organisation // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 3.
- Meier-Brügger M. 1979. Karika II—III // *Kadmos*. Bd 18.
- Meillet A. 1920. La civilisation égéenne et le vocabulaire méditerranéen // *The French Quarterly*. Vol. 2.
- Meister R. 1909. Die äolischen Demonstrativa *ὄνε, ὄνι, ὄνω* und die Partikel *νι (ve)* im Phrygischen // *IF*. Bd 25.
- Meisterhaus K. 1900. Grammatik der attischen Inschriften. 3. Aufl. Berlin.
- Mellaart J. 1958. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *AJA*. Vol. 62.
1968. Anatolian Trade with Europe and Anatolian Geography and Culture Provinces in the Late Bronze Age // *Anatolian Studies*. Vol. 18.
1971. Anatolia c. 4000—2300 B. C. and c. 2300—1750 B. C. // *CAH*. 3d ed. / Cambridge. Vol. 1. Pt. 2.
- Mellink M. J. 1978. Archaeology in Asia Minor // *AJA*. Vol. 82.
- Mentz A. 1940. Schrift und Sprache der Karer // *IF*. Bd 57.
- Meriggi P. 1966. Zur neuen 'para-karischen' Schrift // *Kadmos*. Bd 5.
1967. Zum Karischen // *Europa Festschrift E. Grumach / Hrsrg. von W. C. Brice*. Berlin.
1978. Sulla scrittura carica // *Annali della Scuola normale superiore di Pisa*. Vol. 8.
- Merker I. L. 1965. The Ancient Kingdom of Paionia. Thessaloniki.
- Merlingen W. 1955. Das "Vorgriechische" und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. Wien.
- 1963, 1967. Eine ältere Lehnwörterschicht im Griechischen. Wien. Teil 1, 2.
- Messing G. 1947. Selected Studies in Indo-European Phonology // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 56—57.

- Meyer G. 1886. Die Karer, eine ethnographisch-linguistische Untersuchung // BB. Bd 10.
- Mihailov G. 1943. La langue des inscriptions grecques en Bulgarie. Phonétique et morphologie. Sofia.
1956. Inscriptions Graccae in Bulgaria repertae. Sofia. Vol. 1.
1968. Les thraces en Egypte // LB. T. 13.
1984. Homère comme source historique et les études thraces // C IV CITH. Sofia.
- Milani C. 1966. L'apofonia nel Miceneo // Aevum. Vol. 40.
- Milewski T. 1959. Der morphologische Bau der zusammengesetzten griechischen Personennamen // LP. T. 7.
1965. Językoznawstwo. Warszawa.
1969. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Miltner F. 1938. Die entwicklungsgeschichtliche Stellung der kleinasiatischen Alphabete // Forschungen und Fortschritte. Jg. 14.
1954. Wesen und Geburt der Schrift // Historia Mundi. Bd. 3.
- Mitford T. B. 1946. Religious Documents from Roman Cyprus // JHS. Vol. 66.
- Morgan L. 1985. Theme in the West House paintings at Thera // 'Αρχαιολογική Ἐφημερίς. Ἐν Ἀθήναις. Τόμος 122.
- Morpurgo A. 1963. Mycenaean Graecitatis Lexicon. Romae.
- Moutsos D. 1985. Middle Greek πατερίτζα and Slavic *patERICA* // Zeitschrift für Balkanistik. Bd 21, H. 1.
- Movers F. C. 1841. Die Phönicier. Bonn. Bd 1.
- Mühlenstein H. 1955. Zur mykenischen Schrift // Museum Helveticum. Bd 12.
- Muhly J. D. 1974. The Hittites and the Aegean World // Expedition. Vol. 16.
- Murr J. 1890. Die Pflanzenwelt in der griechischen Mythologie. Innsbruck.
- Mylonas G. E. 1957. Ancient Mycenae. London.
1962a. The Luvian Invasions of Greece // Hesperia. Vol. 31.
1962b. Three Late Mycenaean Knives // AJA. Vol. 66.
1964. Grave Circle B of Mycenae // SMA. Vol. 7.
- Myres J. L. 1930. Who were the Greeks? Berkeley, California.
- Nagy G. 1968. On Dialectal Anomalies in Pylian Texts // AM CIM. Vol. 1.
- Nehring A. 1925. Griechisch τῖταξ, τῖτῖνη und ein vorgriechisches *k*-Suffix // Glotta. Bd 14.
- Neumann G. 1961. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden.
1985. I-pe-me-de-ja, eine mykenische Göttin // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Heft 46, III.
- Newton Ch. Th. 1862, 1863. A History of Discoveries at Halicarnassus. London. Vol. 1, 2.
- Ogdenova L. 1963. Survivance de la civilisation méditerranéenne du II millénaire // Acta antiqua Philippopolitana: Studia archaeologica.
- Osthoff H. 1937. Τῖτανος, Πῖνδος, ai. švitnah, švindatē // ZONF. Bd 13.
- Palmer L. R. 1955. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford.
1958. Luvian and Linear A // Transactions of the Philological Society. Oxford.
1961. Mycenaean and Minoans. London.
1968. Linear A and the Anatolian Languages // AM CIM. Vol. 1.
1969. A New Guide to the Palace of Knossos. London.
- Paoli C. 1885, 1894. Altitalische Forschungen. Leipzig. Bd 1, 2.
- Paton W. R. 1887. Excavations in Caria // JHS. Vol. 8.
- Paton W. R. — Myres J. L. 1896. Karian Sites and Inscriptions // JHS. Vol. 16.
- Pedersen H. 1945. Lykisch und Hettitisch. København.
- Pedley J. G. 1974. Carians in Sardis // JHS. Vol. 94.
- Pericay P. 1964. Zagreus en Pilos // Actas del Segundo Congreso Español de Estudios Clásicos. Madrid.
- Perpillou J.-L. 1973. Les substantifs grecs en -εύς. Paris.

- Peruzzi E. 1954—1955. Nichtkeilschriftliche Zeichen aus Boghazköj // *Minos*. Vol. 3.
- Petrie W. M. F. 1912. *The Formation of the Alphabet*. London.
- Pisani V. 1958. Die indoeuropäischen Sprachen in Griechenland und in Italien // *LP*. T. 7.
- Poghirc C. 1961. La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace a/e à la lumière des données des langues balkaniques modernes // *Studii clasice*. T. 3.
1963. L'alternance m/mb/b en thrace et en albanais // *LB*. T. 6.
- Pope M. 1961. The Minoan Goddess Asasara. An Obituary // *BICS*. Vol. 8.
1967. [Rec.] // *JHS*. Vol. 87. — Rec. in: Gordon 1966.
- Popko M. 1967. Obecny stan badań nad językiem karyjskim // *Przegląd orientalistyczny*. T. 63.
- Pott A. 1853. *Die Personennamen und ihre Entstehungsarte auch unter Berücksichtigung der Ortsnamen*. Leipzig.
- Preisigke Fr. 1911. *Griechische Urkunden des Ägyptischen Museums zu Kair*. Strassburg.
1967. *Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnennamen, soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften, Mumienchildern usw) Ägyptens sich vorfinden*. Amsterdam.
- Press L. 1980. *Thracio-Aegean Contacts in the Bronze Age*. Dritter internationaler thrakologischer Kongress. Wien.
- Probonas J. K. 1976. *Protogrecs en Thrace* // *Pulpudeva*. Vol. 1.
- Pudić I. 1971. *Die Sprache der alten Makedonen* // *Studia Balcanica*. Vol. 5.
- Pugliese-Carratelli Gi. 1971. Dalle odysseiai alle apoikiai // *PP*. Vol. 26.
- Puhvel J. 1956. Greek *ἄναξ* // *KZ*. Bd 73.
1962. [Rec.] // *Language*. Vol. 38. — Rec. in: Heubeck 1959.
- Radermacher L. 1924. *Zur Geschichte der griechischen Komödie*. I. Zum Namen *Φλόκαμος*. *Wiener Sitzungsberichte // Philosophisch-historische Klasse*. Bd 202.
- Ramsay W. M. 1888. *A Study of Phrygian Art* // *JHS*. Vol. 9.
1890. *The Historical Geography of Asia Minor*. London.
- Ranke H. 1935. *Die ägyptischen Personennamen*. Glückstadt. Bd 1.
- Ray J. D. 1981. *An Approach to the Carian Script* // *Kadmos*. Bd 20.
1982. *The Carian Script* // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. Vol. 208.
- Reden S. von. — Best J. G. P. 1981. *Auf der Spur der ersten Griechen. Woher kamen die Mykener?* Köln.
- Reisch E. 1904. *Über die neuen Ausgrabungen auf Kreta* // *Sitzungsberichte der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*.
- Renfrew C. 1972. *The Emergence of Civilisation*. London; New York.
1978. *Varna and the Social Context of Early Metallurgy* // *Antiquity*. Vol. 52.
- Renisch P. 1887. *De nominibus Graecis in -λογ terminatis*. Vratislaviae.
- Renou L. 1952. *Grammaire de la langue védique*. Lyon; Paris.
- Risch E. 1957. *Geschichte der griechischen Ethnika* // *Museum Helveticum*. Vol. 14.
1966. *Les différences dialectales dans le mycénien* // *Colloquium Mycenaenum*. Cambridge.
1979. *Les consonnes palatalisées dans le grec du IIe millénaire et des premiers siècles du Ier millénaire*: *Colloquium Mycenaenum*. Neuchâtel; Genève.
- Robert L. 1935. *Villes d'Asie Mineure*. Paris.
1945. *Le sanctuaire de Sinuri près de Mylasa*. I. Paris.
1963. *Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine*. I. Paris.
- Robert L. — Robert J. 1954. *La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques*. Paris. T. 2.
1974. *Bulletin épigraphique* // *REG*. T. 87.

- Roos P. 1972. The Rock-Tombs of Caunus // SMA. Vol. 34.
- Rostovzeff M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
- Rowe A. 1970. An Egypto-Karian Bilingual Stelle in the Nicholson Museum of the University of Sydney // Journal of the Royal Asiatic Society.
- Ruijgh C. J. 1967a. Études sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien. Amsterdam.
- 1967b. A propos de myc. po-ti-ni-ja-we-jo // SMEA. F. 4.
1968. [Rec.] // Language. Vol. 20. — Rec. in: Gordon 1966.
- Russu I. I. 1969. Die Sprache der Thrako-Daker. București.
- Rutter J. B. 1975. Ceramic Evidence for Northern Intruders in Southern Greece at the Beginning of the Late Helladic III C Period // AJA. Vol. 79.
- Sakellariou M. B. 1958. La migration grecque en Ionie. Athènes.
1980. Thraces et Pelasges en Grèce vers la fin de l'époque mycénienne // Dritter internationaler thrakologischer Kongress. Wien.
- Sayce A. H. 1874. The Karian Inscriptions // Transactions of the Royal Society of Literature. Vol. 10.
- 1887 [1893]. The Karian Language and Inscriptions // Transactions of the Society of Biblical Archaeology. Vol. 9.
1906. An Inscription of S-ankh-ka-ra. Karian and Other Inscriptions // Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. Vol. 28.
- Schachermeyr F. 1935. Hethiter und Achäer. Leipzig.
1954. Prähistorische Kulturen Griechenlands // PW RE. Bd XXII, 2.
- 1962a. [Rec.] // Anzeiger für die Altertumswissenschaft. Bd 15. — Rec. in: Heubeck 1961.
- 1962b. Luwier auf Kreta? // Kadmos. Bd 1.
1964. Das ägäische Neolithikum // SMA. Vol. 6.
1966. Die ägäische Frühzeit. V. Bericht (1962—1965) // Anzeiger für die Altertumswissenschaft. Bd 19.
1967. Ägäis und Orient. Wien.
1968. Zum Problem der griechischen Einwanderung // AM CIM. Vol. 1.
1976. Die ägäische Frühzeit. Wien. 1. Bd: Die vormykenischen Perioden des griechischen Festlandes und der Kykladen.
1983. Die griechische Rückerinnerung im Lichte neuer Forschungen. Wien.
- Schaefer I. 1912. De Jove apud Cares culto. Halis Saxonum.
- Scherer A. 1934. Zur Laut- und Formenlehre der milesischen Inschriften. Diss. München.
- 1965a. Personennamen nichtgriechischer Herkunft im alten Kreta // Forschungen und Fortschritte. 39. Jg.
- 1965b. Fremdsprachige Personennamen im alten Griechenland // Symbolae linguisticae in honorem G. Kuryłowicz // Komitet red. A. Heinz i. i. / Wrocław; Warszawa; Kraków.
- Schmid W. P. 1982—1983. Der griechische Gewässername **Asōpos** // Ponto-Baltica. Vol. 2—3.
1984. Alteuropa und das Baltikum // Baltistica. Vol. 20.
- Schmidt J. 1893. Assimilationen benachbarten einander nicht berührender vocale im griechischen // KZ. Bd 32.
- Schmidt H. 1904. Troja — Mykene — Ungarn // Zeitschrift für Ethnologie. Bd 36.
- Schmidt K. H. 1979 [1980]. [Rec.] // Kratylos. Bd 24. — Rec. in: Furnée 1979.
- Schmitt-Brandt R. 1967. Die thrakischen Inschriften // Glotta. Bd 45.
- Schramm G. 1973. Nordpontische Ströme. Göttingen.
- Schröder E. 1937. Zum Thema: Tiernamen als Flussnamen // ZONF. Bd 13.
- Schulten A. 1936. Die Griechen in Spanien // Rheinisches Museum für Philologie. Bd 85.
1950. Tartessos. Hamburg.
- Schwyzler E. 1939. Griechische Grammatik. München. Bd 1.
- Seiterle G. 1985. Die Urform der phrygischen Mütze // Antike Welt. 16. Jg. H. 3.

- Sergent B. 1981. Pylos et Corinthe // *Minos*. Vol. XVII, 1.
- Setatos M. 1968. [Rec.] // *Ἑλληνικά*. T. XI, 1. — Rec. in: Откупщиков 1966.
- Shafer R. 1965. A Break in the Carian Dam // *Ant. C. T.* 34.
- Shear T. L. 1975. The Athenian Agora: Excavations of 1973—1974 // *Hesperia*. Vol. 44.
- Sheets G. A. 1975. Palatalization in Greek // *IF*. Bd 80.
- Sherbatt A. G. 1984. The Prehistory of the Balkans to 1000 B. C. // *САH*. Vol. 3.
- Simeonov B. 1980. Des Gêtes et de leur langue // *Actes du IIe Congrès international de thracologie*. București.
- Sittig E. 1911. *De Graecorum nominibus theoporis*. Halle.
1955. Sprachen die Minoer Griechisch? // *Minos*. Vol. III, 2.
- Snodgrass A. M. 1964a. Carian Armourers — the Growth of a Tradition // *JHS*. Vol. 84.
- 1964b. Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B. C. Edinburgh.
1967. *Arms and Armour of the Greeks*. London.
1971. *The Dark Age of Greece*. Edinburgh.
- Soesbergen P. G. van. 1979. Thracian personal, ethnic and topographic names in Linear A and B // *Kadmos*. Bd 18.
1980. The Historical Significance of Onomastic Data from Linear A and B Texts // *Mycenaean Seminar of the Institute of Classical Studies of the University of London*.
1983. 'Thracian' Onomastica in Mycenaean Linear // *Ancient Bulgaria* / Ed. by A. G. Poulter. Sofia.
- Solmsen F. 1922. *Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte*. Heidelberg.
- Sommer F. 1932. *Die Ahhijavā-Urkunden // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Abteilung 6*. München.
1947. *Hethiter und Hethitisch*. Stuttgart.
- Specht F. 1935. Zur Geschichte der Verbalklasse auf -ē- // *KZ*. Bd 62.
1944. *Der Ursprung der indogermanischen Deklination*. Göttingen.
- Spiegelberg W. 1928. Eine Ichneumonbronze mit hieroglyphischer und karischer Inschrift // *OLZ*. Bd 31.
- Stackelberg O. M. von. 1837. *Die Gräber der Hellenen*. Berlin.
- Starr Ch. G. 1961. *The Origins of Greek Civilisation*. New York.
- Steinherr F. 1951. Zu den karischen Inschriften // *Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen*. Bd I. 3.
- Stoltenberg H. 1961. *Das Minoische und andere lrische Sprachen*. München.
- Strömberg R. 1940. *Griechische Pflanzennamen*. Göteborg.
- Stubbings F. H. 1963. *The Rise of Mycenaean Civilization // САH*. Vol. 2. Ch. XIV.
- Sundwall J. 1911. Zu den karischen Inschriften und den darin vorkommenden Namen // *Klio*. Bd 11.
1913. Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme // *Klio*. Beiheft XI.
- 1927—1928. *Kleinasiatische epichorische Alphabete // ERL*. Bd 11.
1950. *Kleinasiatische Nachträge*. Helsinki.
- Szemerényi O. 1968. Mycenaean: a Milestone between Indo-European and Historical Greek // *AM CIM*. Vol. 1.
- Sevoroškin V. 1964. Zur karischen Schrift und Sprache // *Kadmos*. Bd 3.
1975. Zur sidetischen Schrift // *Kadmos*. Bd 14.
- Thallon I. C. 1919. Some Balkan and Danubian Connections of Troy // *JHS*. Vol. 39.
- Theander C. 1915. Ὀλολυγή und ἰά. Ein sprachanalytischer Beitrag zur Geschichte der ägäisch-hellenischen Kultur // *Eranos*. Vol. 15.

- Tomaschek W. 1893, 1894. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Teil 1 // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Wien. Bd 128; Teil 2.¹ // Ibid. Bd 130; Teil 2² // Ibid. Bd 131.
- Torp A. 1903. Die vorgriechische Inschrift von Lemnos. Christiania.
- Treu M. 1954. Eine griechisch-karische Bilingue und ihre Bedeutung für die Geschichte der karischen Schrift // Glotta. Bd 34.
- Treuil R. 1983. Le néolithique et le bronze ancient Égéens. Athènes; Paris.
- Trombetti A. 1940. Saggio di antica onomastica mediterranea // Studi Etruschi. Vol. 14.
- Trump D. H. 1980. The Prehistory of the Mediterranean. New Haven; London.
- Ullmann S. 1957. The principles of semantics. 2. ed. Oxford.
- Valmin N. M. 1938. The Swedish Messenia Expedition. Lund.
- Vanagas A. 1970. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius.
- van Windekens A. J. 1952. Le pélasgique. Louvain.
1954. Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain.
1956. Le nom des Γίγαντες // Beiträge zur Namenforschung. Bd 7.
1960. Etudes pélasgiques. Louvain.
- Velkov V. — Fol A. 1977. Les thraces en Egypte greco-romaine // Studia Thracica. Sofia. Vol. 4.
- Venedikov I. 1976. L'architecture sépulcrale en Thrace // Pulpudeva. Vol. 1.
- Ventris M. — Chadwick J. 1953. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives // JHS. Vol. 73.
1956. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge.
- Vercoutter J. 1956. L'Égypte et le monde Égéen préhellénique. Le Caire.
- Vermeule E. 1964. Greece in the Bronze Age. Chicago.
- Vermeule E. — Travlos J. 1966. Mycenaean Tomb beneath the Middle Stoa // Hesperia. Vol. 35.
- Vilborg E. 1960. A Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Göteborg.
- Vlahov K. 1963. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch // ГСΥΦΦ. T. 57.
1965. Zur Frage der Gräcisierung thrakischer Personennamen // Ziva Antika. God. 15.
1966. Die Vertretung der i. e. a und e im Thrakischen // ГСΥΦΦ. T. 60.
1968. Die -l- und -k-Suffixe in der thrakischen Personennamenbildung // ГСΥΦΦ. T. 62.
1971. Areale und ethnogenetische Distribution der thrakischen Personennamen // Studia Balcanica. Sofia. Vol. 5.
1978. Über die Frage der iranischen Elemente im Thrakischen // Pulpudeva. Vol. 2.
1980. Ursprung und Bedeutung der Namen Δουναξ (Dunaca), Rila und Plovdiv // Etudes balkaniques. 6e année.
1984. Thrakien und Mykene // C IV CITH. Sofia.
- Wackernagel J. 1954. Altindische Grammatik. Göttingen. Bd II, 2.
- Wagner H. 1969. The Origin of the Celts in the Light of Linguistic Geography // Transactions of the Philological Society. Oxford.
- Warner J. 1979. The Megaron and Apsidal House in Early Bronze Age Western Anatolia: New Evidence from Karataş // AJA. Vol. 83.
- Warren P. 1979. The Miniature Fresco from the West House at Akrotiri, Thera, and its Aegean Setting // JHS. Vol. 99.
- Weickert C. 1959. Neue Ausgrabungen in Milet. Berlin.
- Weiler I. 1968. Greek and Non-Greek World in the Archaic Period // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 9.
- Werner J. 1981. Das "Kolchische" und das Thrakische // Klio. Bd 63.
1985. "Ich fragte Sie auf Thrakisch..." // Thracia. Vol. 7.
- Wheeler T. S. 1974. Early Bronze Age Burial Customs in Western Anatolia // AJA. Vol. 78.
- Wiegand Th. 1958. Didyma. Zweiter Teil: Die Inschriften, von. A. Rehm / Herausgegeben von R. Harder. Berlin.

- Wilamowitz-Moellendorff U. von. 1920. Die Ilias und Homer. 2. Aufl. Berlin.
 1937. Kleine Schriften. Berlin. Bd V, 1.
 Woisin J. 1886. De Graecorum notis numeralibus. Kiel.
 Xanthoudides S. 1924. The Vaulted Tombs of Mesara. Liverpool.
 Young R. S. 1969. Old Phrygian Inscriptions from Gordion: Toward a History of the Phrygian Alphabet // Hesperia. Vol. 38.
 Zauzich K.-Th. 1972. Einige karische Inschriften aus Ägypten und Kleinasien und ihre Deutung nach der Entzifferung der karischen Schrift. Wiesbaden.
 Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlicher Schwarzmeerküste. Praha.
 1964. Kleinasiatische Personennamen. Prag.
 1965. Some Principles of Work in the Field of the Indigenous Anthroponymy of Asia Minor // Annali dell' Istituto Orientale di Napoli, sezione linguistica. Vol. 6.
 1982. Ad methodum, qua nomina locorum investiganda sunt, observationes aliquot // Serta indogermanica / Festschrift für G. Neumann / Hrsg. von J. Tischler. Innsbruck.
 1984. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg.
 Zingerle J. 1933. "Υδρω // Glotta. Bd 21.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а) Библиографические сокращения

- ВДИ — Вестник древней истории.
 ВЯ — Вопросы языкознания.
 ГСУФФ — Годешник на Софийския университет, филологически факултет.
 КБН — Корпус боспорских надписей.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
 СА — Советская археология.
 АА — Archäologischer Anzeiger.
 АЖА — American Journal of Archaeology.
 АМ — Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institutes in Athen.
 АМ СИМ — Atti e memorie del I° Congresso internazionale di micenologia.
 Ant. C. — L'antiquité classique.
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research.
 ВВ — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.
 ВСН — Bulletin de correspondance hellénique.
 BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies.
 BSA — The Annual of the British School at Athens.
 BSLP — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
 САН — Cambridge Ancient History.
 С IV CITH — Contributions au IVe Congrès international de thracologie.
 ERL — Reallexikon der Vorgeschichte / Herausgegeben von M. Ebert.
 IF — Indogermanische Forschungen.
 JHS — Journal of Hellenic Studies.
 JIES — The Journal of Indo-European Studies.
 KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
 LB — Linguistique balkanique.
 LP — Lingua Posnaniensis.
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung.
 PP — La parola del passato.
 PWRE — Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Begr. von Pauly, neu hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll u. a.

REG	— Revue des études grecques.
RFIC	— Rivista di filologia e di istruzione classica.
RHA	— Revue hittite et asianique.
RIL	— Rendiconti dell' Istituto Lombardo. Accademia di scienze e lettere.
SMA	— Studies in Mediterranean Archaeology.
SMEA	— Studi micenei ed egeo-anatolici.
TPhS	— Transactions of the Philological Society.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.
ZONF	— Zeitschrift für Ortsnamenforschung.

б) Языки и диалекты

авар.	— аварский	др.-егип.	— древнеегипетский
арм.	— армянский	др.-инд.	— древнеиндийский
ассир.	— ассирийский	др.-исл.	— древнеисландский
белор.	— белорусский	(др.-)рус.	— (древне)русский
болг.	— болгарский	и.-е.	— индоевропейский
гот.	— готский	индоар.	— индоарийский
груз.	— грузинский	кар.	— карийский
д.-в.-н.	— древневерхненемецкий	корн.	— корнский
догреч.	— догреческий	(крит.-)микен.	— (крито-)микенский
дор.	— дорийский	лат.	— латинский
(др.-)греч.	— (древне)греческий	лид.	— лидийский
лик.	— ликийский	ст.-слав.	— старославянский
лин. А	— линейное (письмо) А	ст.-фриг.	— старофригийский
лин. Б	— линейное (письмо) Б	турецк	← турецкий
лит.	— литовский	угар.	— угаритский
лтш.	— латышский	укр.	— украинский
лув.	— лувийский	умбр.	— умбрский
макед.	— македонский	фесс.	— фессалийский
микен.	— микенский	фин.	— финский
мисийск.	— мисийский	финик.	— финикийский
н.-греч.	— новогреческий	фраг.	— фракийский
нем.	— немецкий	фриг.	— фригийский
ненецк.	— ненецкий	хатт.	— хаттский
осет.	— осетинский	хетт.	— хеттский
пафлагон.	— пафлагонский	чеш.	— чешский
писид.	— писидский	эол.	— эолийский
серб.-хорв.	— сербохорватский		

в) Прочие сокращения

диал.	— диалектный	троян.	— троянский
ЛИ(И)	— личное имя (имена)	ЭН(Н)	— этноним(ы)
ликаон.	— ликаонский	dat.	— dativus
МИ(И)	— мифологическое имя (имена)	gen.	— genetivus
МН(Н)	— местное название (названия)	poss.	— possessivus
обл.	— область	sing.	— singularis
		s. v.	— sub verbo

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И ФОРМ

Анатолийские языки

Лувийский	ešhar 20	Mawa- 94
immari 90	ḥapatiš 20	Millawanda 15, 165
imraašša 90	ḥaraš 85	muwa- 94
pari- 91	Ḥebat 28, 30, 33	Palappalašša 15
parna- 14	Ḥupigašša 15	Parnašša 14, 15
Tiwat- 29, 94	išhar 20	peruna- 33
Хеттский	Išḥaššara- 14, 17	Pirwa, Perua 32, 33, 87, 165
Alašša 15, 16, 79, 156	Kuriwanda 15	tabarna 15, 128
assu- 85	labarna 15, 128	Ušhamullunišša 15
	marmarra- 92	Waliwanda 15

Балтийские языки

Латышский	Beržotis 112	Mārgis 89
apse 88, 156	Beržunā 112	Mārgupis 89
šlaubs 101	Beržuolē 112	naujokas 103
šlauks 101	Beržuonā 112	nēšamas 113
šlauns 101	Beržūtē 112	Perkūnas 33, 87
Литовский	diēvas 33	pilnas 100
Akėlė 88	draugýba 154	prašýti 140
alkúnė 101	gañdras 44	raibas 101
aryba 101, 154	geležinis 101	raĩnas 101
Āsupis 85	genù, ginti 82	stóras 104
avikena 101	gulbis, gulbė 22	Seduvà 15
bálnas 101	įpiltas 100	šuniukas 108
báltas 101	kálvis 33	tókiás 154
bebriukas 92, 108	kapóti 124	údra 179
bebrùs 92	karvenà 101	ùpė 85
Beržėlis 112	kataràs 129	vakarýnė 101
Beržiena 112	kaũkaras 160	Прусский
Beržinis 112	Lietuvà 15	weidulis 109
Beržýtė 112	maldýba 154	
	mārgas 89	

Германские языки

Готский baúrgs 22 hauhs 160 Немецкий angul (д.-в.-н.) 109	Berg 23 Burg 23 Espe 88 gewebt 100—101 gewoben 100 Reiter 193	Ritter 193 Welsche 44 Древнеисландский stórr 104
---	--	---

Греческий язык

Древнегреческий ¹ "Αβα(ς) 84, 136 "Αβαντες, -ις 167 "Αβαρις 144, 167 "Αβαρίνος 167 "Αβασσός 133, 136, 144 "Αβδηρα 208 ἄβδηρα 208 "Αβροζέλμης 138, 156 Αβροζεος 138 "Αβρότονον 136, 156 ἄβρότονον 156 "Αβρώναξ 138 "Αβυδών 128 "Αβυσσος 96 "Αγαθος 162 "Αγασσα 162 "Αγγίτης 133, 163 "Αγδοστις 127 "Αγδος 127 "Αγελος 145 Αγηνος 144 "Αγησσός 133, 144, 145 "Αγιστιάς 133 ἀγκάλη 109, 148 ἀγκύλος 109, 112, 148 ἀγκών 112, 148 "Αδα(ς) 136, 251 "Αδάμας 104 "Αδανος 144 "Αδέ(ι)α 213 ἀδελφός 140 "Αδησσός 133, 144 "Αδρήνη 132, 144 "Αδρασσός 144 "Αδραстos 177 "Αδρήνη 176 "Αδρηстos 177 "Αδρυξί 176 "Αδύς 213 Αειηους 203 "Αζανία 47 "Αζавοί 47 ἄηδονία 79 ἠηδόνιος 79 "Αθίνα 60	"Αθῆναί(α) 91, 138 "Αθήνη 91 "Αθρυς 88 "Αθυμβρα 10 Αθυμβροια(νος) 136 Αίγ- 22, 99, 100 Αίγαιοι 22 Αίγειρος 99, 147, 156 αίγες 99 Αίγεός 99, 106, 135 αίγι(ν)θος 163 αίγικός 143 Αίγίλα, -ος 98, 99, 106, 145 Αίγίμιος 106 Αίγινα 98, 99 Αίγινθος 99, 106, 147 Αίγιτρος 99 Αίγισθος 99, 106 Αίγισσος 99, 145, 163 Αίγυπτος 127 Αίγώ 135 Αίγών 162 Αίδιμος 100 Αιζική 143 αίθ- 170 αἴνος 111 αἴξ, αἴγός 99, 106 Αίσακος 132, 150, 156 Αἴσηπος 133 Αἴσυλος 150 Αἴσύμη 110, 132 Αἴσων 132 Αἴσωπος 133 (F)ακάβη 125 "Ακάλη 150 "Ακανθος 114, 132, 136, 145, 150, 156 ἄκανθος 114, 132 "Ακίρακα 154 "Ακαρρασός 154 ἄκαρνα 156 "Ακαρνανία 156 Ακασσων 145 "Ακέλης 88, 134 ἀκόντιον 72	"Ακρόπολις 89 "Αλάβανδα 15 "Αλαθίων 162 "Αλαπτα 127 "Αλασσα, -ος 79, 156, 162, 167 Αλαστα 167 "Αλέξανδρος 117 "Αλεύς 175, 214 "Αληξί 175, 214 "Αλθαία 156 "Αλικαρνα 23, 120, 121, 166, 172 "Αλικαρνασσός 11, 166, 205 "Αλίκυрна 23, 120, 121, 172 "Αλινδα 136 "Αλινδοια 136 "Αλίσарна 121 ἄλσκομαι 105 "Αλμυδησσός 32 "Αλμωπες 133 ἄλογγον 72 ἄλυκός 108 "Αλφειός 88 ἄλφός 88 "Αλωάσαι 84 "Αλωείς 84 "Αλώνη 84 "Αλωρος 84, 144 Αλωσσος 15, 84, 144, 209 ἀμάμαξυς 156 ἀμάμυξ 156 "Αμαμυσσός 156 "Αμάρακος 156 "Αμάρυνθος 93 ἄμυνιον 160 "Αμνισός 160 "Αμπελος 156 "Αμυδών 127, 128, 173 "Αμυζών 127, 173 "Αμυκος 147 "Αμυρος 147 ἀμφιέλισσα 239
---	---	--

¹ Включая негреческие имена в греческой передаче и заимствованную лексику.

- Ἀμφίμαχος 182
 Ἀνακ(τ)ες 139
 ἀναξ 3, 138, 139
 Ἀναπός 10, 84
 (F)ἀνασσα 127, 175
 Ἀναυρός 10
 Ἀνγισσός 133, 163
 Ἀνδανή 132
 Ἀνδανόν 146
 Ἀνδείρα 89, 146
 ἀνδείρα 89
 Ἀνδρακα 154
 Ἀνδρασός 154
 ἀντήρ 168
 Ἀνθεμίδης 156
 ἄνθη 83
 Ἀνθηδών 83
 ἀνθηδών 82, 83
 ἀνθηρός 89
 ἄνθος 80, 82, 83
 ἀνθηρδών 83
 ἀνθηρήνη 83
 ἀνθρωπος 168
 Ἀννακος 10
 Ἀνάκ 216
 Ἀξίοπα 84
 Ἄξιος 84
 Ἀπόλλων 49
 Ἀπτεκενθός 32
 Ἀράιθος 162
 Ἀράϊνον 144
 Ἀραισκος 133
 Ἀραισις, -ος 144, 162
 Ἀρακος 81, 156
 ἄρακος 81, 106
 Ἀράκυνθος 80
 Ἀραλος 106, 150
 Ἀράνδακος 147
 Ἀραρα 147
 Ἀραρός 106
 Ἀρβαβα 106
 Ἀρβάνιον 152
 Ἀρβαρας 152
 Ἀρβατίας 163
 Ἀρβησις 152, 163
 ἀρβύλη 115
 Ἀρβυλῆς 115, 152
 Ἀρβων 106
 Ἀργίλα 99, 136
 Ἀργίλος 136, 145, 148
 Ἀργίνιον 99, 148
 Ἀργισσα 144, 145
 ἀργός 88
 Ἀργουρα 144
 ἄργυρος 101
 Ἀρδησός 123
 Ἀρδηττός 161
 ἄρδις 161
 Ἀρξός 88
 ἄρη 83
- Ἀρηκος 148, 150
 Ἀρήνη 148
 ἄρια 159
 Ἀρίανθος 145
 Ἀριασσός 145, 159
 ἄριτος 81
 Ἄρμα 29
 Ἀρμαστα 133
 Ἀρμύξενος 202
 Ἀρμουλή(νη) 28
 Ἀρπακος 150
 Ἀρπαλος 150
 Ἀρπασός 136
 ἄρπη 72, 73
 Ἀρρησός 136
 Ἀρσακίς 154
 Ἀρσαλος 103
 Ἀρσίνη 145
 Ἀρσησσα 145, 154
 Ἀρτακος, -οί 111, 148
 Ἀρταμίδης 81, 125
 Ἀρτάνης 148
 Ἀρτεμίδης 91, 125, 135
 Ἀρτεμώ 135
 Ἀρτημος 123, 172
 Ἀρτισκός 111, 133
 Ἀρτυ(α)σις 133, 134
 Ἀρυαξίς 127
 Ἀρυασις 127
 Ἀσδηνός 148
 ἀσκαλαβώτης 114
 Ἀσπληδών 83
 ἀσπληνος 83
 Ἄσσα 85, 97, 118, 161
 Ἄσσαρα 85, 97, 102, 107, 144, 175, 180
 Ἀσσάρακος 85, 102, 175, 180
 Ἀσσησός 118, 144, 161
 Ἄστος 85
 Ἀστάβη 30, 81
 Ἄσται 30, 167
 ἀστακός 108, 124
 Ἀστάλη 167
 ἀσταχυς 10
 ἄστυ 84, 128
 Ἀσωπός 85
 Ἄτραξ 105, 148
 Ἄτρεός 47, 123, 172
 Ἀτρήνη 105, 148
 Ἀτόμνιος 10
 ἀξάνω 208
 Ἀξώ 208, 214
 Ἀφασίς 134
 Ἀχαιοί 22
 Ἀχέλης 88
 Ἀχελώος 88, 123
 Ἀχιλλεύς 6, 88
 Ἀψαλος 150
- Ἀφίνης 149
 Ἀφινθος 88, 149, 150, 156
 Ἀφυνθος 93
 Ἄωι 203
 Βαβας, -ης 127, 142
 Βαβύλη 148, 165
 Βαβύλλιος 165
 Βαβύλος 127
 Βαβών 148
 Βαίβαι 142
 Βαχιακίς 82
 Βακχονησίτης 91
 Βάκχος 10
 Βαλβαί 142
 Βαλῆος 139
 Βάλαμον 127
 βαρβαρίζειν 141
 βάρβαρος 142
 βαρβαροφανεῖν 141
 βαρβαρόφωνοι 141
 Βάργαζα, -σα 127, 145
 Βάργαλα 136, 145
 Βαργύλια 136
 βασιλεύς 3
 Βαστακίλας 109
 Βαστακος 147
 Βασταρεύς 147
 Βάστειρα 128
 Βαστοκείλας 109
 Βάτακος 103
 Βέβρυκες 92, 108, 154
 Βέβρυσσα 154
 Βειθακος 132, 147, 150, 175
 Βειθας 175
 Βειθυκείλας 102
 Βειθυρίς 147
 Βελιταρίς 135
 Βενδίδης 128, 135, 213
 Βενδω 135, 213
 Βερβος 142
 Βερεικύνδαι 126
 Βερεικύνθος 93, 167
 Βερεικύνται 126
 Βερεικυντία 167
 Βερσαβε 215
 Βέρτισκος 133
 Βηρησάδης 126
 Βίβαστος 133
 Βιζύη 97, 134
 Βιθύαι 45, 47, 97
 Βιθύας 97, 134
 Βιθολός 132, 148, 150
 Βιθυνός 146, 148, 170
 Βιθυς 135
 Βισάνθη 147, 149
 Βίστιρος 126
 Βιστοκος 108
 Βισύρας 147
 βλάβη 142

Βλεβους 142
 βλήτρον 3
 Βοΐβη 142, 166
 Βόλβαι, -η 136, 142
 Βολίνη 144
 βόλινθος 3, 163
 Βόλισσος 144, 145, 163
 βόλυβδος 128
 βόνασσος 3
 Βορίσκος 133
 βόρμαξ 108
 Βόσπορος 31
 Βουβαλος 109, 142
 βούβαλος 142
 Βούβαστος 128, 133
 Βρέα 125
 Βριάκας 149
 Βρίανα 146, 149
 Βριαρεύς 146
 Βρίγες 47, 131
 Βριλησ(σ)ός 161
 Βρισεύς 83, 136
 Βρίσων 83
 Βρόμιος 177
 Βρομίσκος 177
 Βρόμος 177
 Βρόανθος 146, 149
 Βροάνιον 144, 149
 Βρόαξις 97, 127, 158, 174
 Βρόασσις 97, 127, 134, 144, 146, 158, 174
 Βρυγίνδαρα 165
 Βρύγιον 165
 Βρύγοι -ός 126
 Βρόκαι, -ός 126, 154
 βρόκος 106
 Βρόστων 154
 βρυχός 106
 Βύβαι 118, 142
 Βύβαξ 154, 159
 Βύβασσος 118, 154, 159
 βυβός 159
 Βυζας 177
 βύθιος 162, 173
 βύρμαξ 128
 βυσσός 162, 173
 Β̄α 29
 γαβαλά 125, 126
 Γάζηνα 146
 Γάζωρος 146
 Γαλακώ 151
 γάλαξ 157, 208
 Γαλήσσιος 157
 Γαληψός 134
 Γάλυκος 151, 208
 Γάνυκος 208
 Γάργαρος 144
 Γαρηγίττος 144
 Γασζα 127
 Γαῦδος 127
 γεῖ(σ)ον 3, 40, 70, 141
 Γενιακός 82
 Γεργίθες 132
 γέφυρα 3
 Γητριστάους 29
 γίγνους 199
 γλάσσα 124
 γλαυκός 60
 γλαυκόπις 60, 85
 γλώσσα 124
 Γόγδραι 44
 γόωσα 122
 Γόργυθος 106, 207
 Γόργυπος 106
 Γορδυνία 126, 166
 Γόρτυν(ία) 126, 166
 Γρίσων 114
 γρίσων 114
 γύγης 22, 23
 γυνή 98
 δ̄α 80
 Δαδα(ς) 136
 Δάειρα 133
 Δαΐδαλα 126, 136, 138
 Δαΐδαλος 22
 Δαιδύλων τύπος 124
 Δαλας 136
 Δαλεπορις 123
 Δαλία 136
 Δαλίλη 99
 Δαλισκος 177
 Δαλοσηκος 94
 Δάμαιθος 111
 Δάμαλος 111
 Δαμάρης 81
 Δαμας, -α 81, 84
 Δάμας, -αντος 111
 Δαμάστης 81, 84
 Δαμάστιον 80, 81, 84
 Δαμῆν 110
 Δαμης 81
 Δάμητος 81
 Δαμονώ 208
 Δαμύλος 81
 Δαμώ 208
 Δάμων 110
 Δανηπη 133
 Δανθηλήται 124
 Δαρανδος 151
 Δάρδανοι 132
 Δαρζαλας 132
 Δαροκος 149, 151, 178
 Δαρων 149
 Δατάμης 132, 165
 Δάτος 165
 δαῦκος 157
 Δαυσαρα 157
 δάφνη 3, 128
 Δειδάς 124
 Δειδης 135
 Δειδω 135
 Δειδων 135
 Δεΐδως 124
 δέκα 31
 δεκαγονία 31
 δεκάπους 31
 Δενθάλιοι 167
 Δενθηλήται 124, 167
 Δερξειλας 148
 Δεσακενθος 31
 Δέσμασα 159
 δεσμός 159
 Δηλόπτης 127
 Δι 196
 Διαξενις 143
 διγλοσσιος 50
 Διδις 135, 173
 Δίδυμα 132
 Δίδω 135
 Διέσται 133
 Διζαλας 80, 112, 152
 Διζανος 112, 152
 Διζαπης 133, 152
 Διζας 84, 133, 152, 173, 178
 Διζάστης 81, 84, 152
 Διζουλος 146, 152
 Διζυροι 146, 152
 διθύραμβος 3
 Διλιπορις 131
 Δινατος 133
 Δινδόμη 132
 Διονένης 143
 δῖοι 43
 Διόνυξος 97
 Διόνυσος 91, 97
 Διρφοσσός 209
 Δόβηρος 128
 Δοιδαλός 124, 126, 136
 Δοιδύη 97, 134
 Δόμηρος 128
 δόμος 18
 Δορμηνη 132
 Δορυκανος 150, 154,
 δορόκνιον 10, 157
 Δορούλας 145, 150
 Δόρυσσα 145, 154, 157
 Δουλας 178
 δοῦλος 3
 δρέπανα 62, 71
 δρηξ 157
 Δρησος 157
 δρύακες 157
 Δρύαλος 145
 Δρυησος 145, 157
 δρύς 157
 Δυλοπορις 131
 Δύμαλας 111
 Δύμας 111

Δυμη 131
 Δύμηθος 111
 Δυνας 178
 δῶω 216
 Δωλεπορις 123
 Δωρόθεος 98
 δῶρον 100, 104
 ἐαυτῶ 139
 Ἐβδομαγένης 31
 Ἐβρουζενις 143
 Ἐδεσσα 102
 Ἐδριεὺς 125, 172
 Ἐδυμος 125, 172
 ἔδω 82
 (F)εἰδυλίς 109
 Ἐκάβη 81, 125
 Ἐκάτη 165
 Ἐκατομνας, -ος, -ως 124, 166
 Ἐκατόνησοι 91
 Ἐκατος 91
 Ἐλικίων 157
 Ἐλιξ 104, 157
 ἔλιξ 157
 Ἐλισσα 157, 161
 ἐλίσσω 157
 Ἐλισσών 157
 Ἐλυμος 132
 Ἐμβρομος 125
 ἐν 125
 ἐνδία 125
 ἔξ, (F)εξ 210
 Ἐξαμύης 68, 134, 212
 Ἐπτ(α)- 30—32
 Ἐπτακενθος 30, 31
 Ἐπταπορις 30, 31
 Ἐπτάπορος 31
 ἐπτάπορος 31
 ἐπτάπους 31
 ἐπτάστομος 31
 Ἐπτεζενις 31
 Ἐπτεκενθος 32
 Ἐπτηπους 31
 Ἐργάνη 143
 Ἐργάτις 143
 Ἐργίλος 99
 Ἐργῖνος 99, 144
 Ἐργίσκη 160
 Ἐργισσηνοὶ 144
 Ἐργισσός 160
 ἐρ(ε)ίκη 157
 Ἐρσεσός 157
 Ἐρίγων 88
 Ἐρμαίσκος 111
 Ἐρμαιστα 111
 ἔρμαξ 158
 Ἐρμαπις 215
 Ἐρμάς 115
 Ἐρμασκος 111
 Ἐρμαστα 111
 246

Ἐρματτός 158
 Ἐρμαφρόδιτος 29
 ἔρος 83
 Ἐρώμανθος 19, 93
 ἔτος, ἔτη 122, 142
 εὔαι σαβαῖ 139
 εὔοι σαβοῖ 139
 Εὐμολπος 45
 Εὐρυβάλινδος 110
 Εὐρυγένης 143
 Εὐρωπος 133, 136
 ζάβατος 128
 Ζάκυνθος 109, 180
 Ζαλδαβα, Ζαλδαπα 128
 Ζάλοξις 30, 127
 ζάματος 128
 Ζηλθουρδος 29
 Ζειλη 152
 Ζεινης 152
 Ζειπυρος 133, 166
 Ζειρήνη 152, 178
 Ζεισις 152
 Ζευδροηγός 121
 Ζεφύριον 166
 Ζηράνιοι 178
 Ζήρι/υνθος 109, 178
 Ζηρων 178
 Ζιποίτης 131
 Ζυμδροηγός 121, 131
 Ζυποίτης 131
 Ἡδέ(τ)α 130, 213
 Ἡδυονοε 134, 214
 Ἡλιάς 114
 Ἡρωίγη 145
 Ἡρώισσα 145
 Ἡρωνι 143
 Ἡρως 32, 33, 87, 165
 Ἡρως 32, 143
 Ἡρωτι 143
 Ἡθαδεύς 176
 Ἡθαεας 210
 Ἡθαλαβης 30
 θάλαμος 3
 θάλασσα 3
 Ἡθαλης 30, 182
 θάμβος 32
 Ἡθάμυρις, -ος 137
 Ἡθαρρεύς 214
 Ἡθάρρηξ 214
 Ἡθαρσάνδαλα 132
 θάσσωγ 173
 Ἡθαμενέας 211
 Ἡθαῦμις 211
 Ἡθεκυίλος 123
 Ἡθεμβρία 121
 Ἡθέμις, θέμις 163
 Ἡθεμισσός 163
 Ἡθέδωρος 98
 θεο σιν 123
 θεός 4

Θεότιμος 209
 θεσσαλιῖζειν 141
 θέσσαλος 124
 Θεσταίλος 146
 Θέστωρος 146
 Θήβαι, Θήβη 138
 Θεούτιμος 182, 209
 Θραικιά 173
 Θράκισσα 167, 173
 Θραιστός 167
 Θρακίδαί 45
 Θρακωος 123
 Θραξ 154
 Θράσσα 154
 Θρηξονος 214
 θριγκός 3, 40
 θύα 159
 Θύαρις 144
 Θύεστης 133
 Θυήγη 144
 Θυησσός 11, 144, 159
 Θυίλλος 213
 Θύσις 213
 Θύμβρα, -ία, -ιον, -ος 10, 121, 210
 Θύνναξ, -ος 159
 Θυνοί 179
 Θύσσος 137, 166
 Θυσσώλλος 166
 Θω(υ)θ 209
 θώραξ 3
 Ἰακός 159
 Ἰάκυνθος 131
 ἰαμβος 3
 Ἰανθος 146
 Ἰανός 144
 Ἰασοναῦ 29, 122
 Ἰασ(σ)ός 144, 146, 159, 175, 182
 Ἰβηνοί 176
 Ἰβυξ 176
 ἰβυξ 176
 Ἰδα, -η 105, 180
 Ἰδακος 82, 105, 132, 137, 149, 150
 Ἰδάλιον 150
 Ἰδαμενέος 124
 Ἰδάρνη 105
 Ἰδασσα 105
 ἰδη 82
 Ἰδομεναί 166, 179
 Ἰδομενεύς 124, 166, 179
 Ἰδριεὺς 125, 172, 174
 Ἰδυμα 105
 Ἰδυμος 10, 110, 125, 172
 Ἰδυρος 105
 Ἰέραξ 176
 ἰέραξ 157
 Ἰέρασος 137, 157
 Ἰερασσος 137, 157, 158

Ἰερεὺς 176
 Ἰθαξ 147, 159
 Ἰθαρος 147
 Ἰθάς 159
 Ἰκαρία 10, 137
 Ἰκαρις, -ος 133, 137
 ἰκρια 3
 Ἰμβραλος 96, 103, 112, 175
 Ἰμβραμος 96, 110, 125
 Ἰμβρανος 96, 112
 Ἰμβρασιδης 137, 181
 Ἰμβρασις 31, 90, 96, 137, 161, 175
 Ἰμβρασ(σ)ος, 31, 90 161
 Ἰμβρεὺς 96
 Ἰμβριος 181
 Ἰμβρος 90, 96, 137, 161 181
 Ἰνώκιος 154
 Ἰνυκος 154, 158
 Ἰνυξ 154
 ἰνυξ 158
 Ἰνυσσός 154, 158
 Ἰόβας 81
 ἰον 159
 Ἰππακός 150, 151
 Ἰππαλος 150, 151
 Ἰππώνδης 151
 ἰραξ 157
 Ἰρασσα 157
 Ἰσάνθης 147
 Ἰσάρας 147
 Ἰσαυρία 10
 Ἰσχύμνος 10
 Ἰσμαρος 146
 Ἰσηνός 10, 146
 Ἰστέφανος 10
 Ἰστρος 137, 166
 ἰσχός 208
 Ἰφιμέδεια 181
 ἰχώρ 20
 κάβαξ, -ηξ 158
 Καβα/ησσός 133, 145, 158
 Καβειρώ 208
 Καβύλη 145
 Κάδμιλος 127, 173
 Κάδμος 127
 Καδουληνος 28
 Καδυίη 123
 Κά(Φ)ειρα 133, 208
 καθαρός 124
 κακός, -ον 123, 140, 173
 Καλαβώτης 114, 124
 Καλανθία 147
 Καλβαλας 132
 Κάλβις 161
 Καλβισσός 161
 Κάληρος 147
 Κάλινδα 109
 Καλλάτηβος 166
 Κάλλατις 166
 καλός 82
 Καλύβη 131
 Καλυδνός 83
 Καλυδών 82, 83, 114
 Καλύκη 151
 Κάλυμνα 114, 115
 Κάλυνδα 82, 109, 110 121, 151
 Κάλυνθος 110, 121
 κάλυξ 108
 Καλυψώ 22, 82
 κάλχη 83
 Καλχηδών 83
 κάλως 3
 κάμακας, κάμαξ 157
 καμάρα 3
 κάμαρος 124
 Καμασαρή 97, 98, 123, 137, 157
 Καμασ(σ)- 98
 Καμασηνός 98, 157, 209
 Κάμειρος 112, 147
 Καμικός 149
 Κάμινος 149
 κάμινος 3
 Καμισσηνή 98
 Καμισ(σ)- 98
 Καμισσάρης 98, 137
 Καμολης 150
 Κάμυδος 147, 150
 Κάμων 112
 Κάναθος 162
 Κανασ(σ)ός 162
 Κανδάκη 150, 154
 Κάνδαλος 150
 Κάνδαρα 110
 Κάνδασα 154
 Κάνδη/υβα 132
 Κανθάριον 110
 Κάνωβος 107
 Κάνωπος 107
 παραβίς 106
 Καρακίος 154
 Καρανδαι 146
 Κάρβερος 125
 Κάρδακας 151
 Καρδενθης 151
 Καρδησσός 11
 Καρήνη 145
 Καρησσός 145, 146, 154
 Καρία 10
 καρικάζειν 141
 Καρίλας 99, 148
 Καρίναι 69
 Καρίνη 99, 148, 164
 Καρινός 49
 κάριον 160
 κάρις 124, 160
 Κάρισσα 11, 95, 160
 Καρκάβος 30
 Καρκος 30
 Καρνησσόπολις 11, 159, 161, 167
 Κάρνος 167
 κάρνος 159
 Κάρουρα 84, 86, 133
 Καρπαθία 174
 Κάρπαθος 162, 174, 178
 Καρπαθία 162, 174
 Καρσενδα 150
 καρύα 159
 Καρύαι 166
 Καρύανδα 95, 96, 146, 166
 Καρύασσος 96, 146, 159
 κάρυξ 175
 καρύσσω 175
 Καρωσσος 82, 133, 209
 Κάσμιλος 127, 173
 Κάσμος 127
 Κάσος 161, 209
 Κασσάνδρα 125, 180
 Κασσανδρος 117, 125, 180
 κάσταβος 124
 Κάστανον 112
 Κασωσσός 133, 161, 209
 Καύδος 127
 Καύκακις 160
 Καύκαλος 146, 148
 Καυκαρα 146
 Καύκασος 160, 162
 καυκίον 160
 Καύκωνες 148
 Καύνος 138, 182
 καύνος 145
 καύνος 146
 Κεβρήν 110
 Κεδρεΐαι 137
 Κεδρεΐπολις 137
 Κέδρισος 159
 κέδρος 159
 κέλαδος 83
 κελάδων 82—83
 Κέλλερ 79
 Κενδηβας 107
 κέραιμος 3
 κέραις 84
 Κερασσός 111
 κεράστης 84
 Κερβέριοι 125
 Κέρβερος 83
 Κερκίς 213
 Κερκύλας 147
 Κέρκυρα 147

Κερκώ 213
 Κερνας 120
 Κερσας 29
 Κερσουλας 29
 Κερωσσός 111
 Κεσ(σ)άνδρα 125
 κεφαλή 126
 κηκίς 160
 Κηκισσός 160
 κήνος 129
 κήξ 158
 κηραφίς 106
 Κήρινθος 151
 Κηρόκιον 151
 Κήτειοι 92
 Κήτειος 92
 Κητεύς 92
 Κηττοί 158
 Κητώ 92
 κίβδαλος 105
 Κίβισσος 68, 133
 Κίβυρα 133
 Κιέριον 129
 κιθάρα 3
 κίκυβος 106, 128
 κίκυμος 128
 Κίκων(ες) 153
 Κιλικία 154
 Κίλιξ 154
 Κίλισσα 96, 154
 Κιλλανη 132
 Κίωλος 129
 κιναδεύς 83
 Κινάδων 83
 κινάρα 131
 Κινδάφος 134
 Κινδυασσός 101
 Κινδύη 134, 161
 Κίσινα, κίσσινα 167, 168
 Κίσσαμος 167
 κισσός 168
 κίττανος 129
 κίων 40
 Κλαζομεναί 129
 Κνίδος 182
 Κογγής 79
 Κοζαπιγραμής 138, 165
 Κοζας 138
 Κοζείλας 150
 Κοζινθής 150
 Κοζιστής 133
 καθαρός 124
 Κοθήλας 85, 99
 Κοθινας 99, 115
 Κοθος 85
 κοθώ 115, 136
 Κοθωκίδα 149
 Κόθων 15, 132, 136, 149
 Κόκκαρος 133
 Κοκκος 126
 Κοκκώκα 149
 Κοκκωνάς 149
 κολαβρισμός 139
 Κολασσαί 123
 Κολδύβας 81
 Κολοβάτος 124
 Κολοίφρυξ 48
 Κολοσσαί 123
 Κόλουθος 162
 Κόλουρα 133, 144
 Κόλουσσα 144, 162
 Κολυβρασσός 160
 κολύβριον 160
 κόμη 60
 Κομητής 133
 Κομοσαρή 97, 123
 Κόνδαλος 103, 109, 132
 150
 Κόνδυκα 150
 Κόνδυλα 150
 Κορυφίον 127
 Κόραξ 105
 κόραξ 149, 176
 κόραυνα 29, 122, 123
 Κορδάκα 105, 149, 151
 Κορδηνάς 105, 149
 Κορδώνδας 149, 151
 κόρη(ν) 122
 Κορήνη 105, 110, 149,
 176
 Κορησσός 97
 Κορίνθιος 173
 Κόρινθος 15, 97, 109
 κόρνοψ 129
 Κόροιβος 48, 131
 Κοροπασσός 161
 Κορόπη 161
 Κόρυβος 81, 106, 131
 κορυδός 83, 106
 Κορυδών 82
 κορυδών 82, 83
 Κόρυθος 106
 κόρυθος 106
 Κορύκιος 151
 Κόρυμβος 106
 κορόνη 3, 149
 Κορόνθιος 185
 Κόρυνθος 106, 109, 149,
 151
 κόρυξ 176
 Κορώνη 110
 κορώνη 149, 176
 Κοσιμος 110
 Κοσινας 149, 166
 Κόσις 166
 Κοσκίνα 149
 Κόσκουλος 150
 Κόσκυνθος 149, 150
 Κοσσύφη 127
 κόσσυφος 110
 Κόστοβοι 124
 Κοσωυλος 109
 κότερος 129
 Κοτιάειον 131
 Κοττις 135
 Κοττυς 126
 Κοτώ 135
 Κοτυάειον 131
 Κοτυταρις 135
 Κουξίλος 127
 Κουξινάς 88
 κούζος 88
 Κουρήτες 167
 Κουσίλος 127
 κόψιλος 110
 Κρήσσα 123, 137
 Κρήσω 124, 137
 κύαμος 112, 129
 Κυανειών 129
 κύαμος 3
 Κυβασσός 154
 κυβερνάν 3
 Κυβήκη 150, 152, 154
 Κυβήλη 85, 125, 150,
 152
 Κύδαρος 144, 146
 Κυδη/ισσός 144, 145
 Κυδίλα 145
 Κύδνα 129, 166
 Κύδραι 161
 Κυδρήλος 105, 109
 Κυδρησις 161
 Κύδωνες 145, 146, 166
 Κύκαλα 175
 κυκάω 175
 Κύκη 175
 Κυκήσιον 175
 κύκνος 22
 κύλιξ 158, 160
 κυλίσκη 160
 Κύλισσος 158, 160
 κυλίγνη 160
 Κυλλάνα 149
 Κύλλανδος 132, 148, 149,
 166
 Κύλλαρος 148
 κύλλαρος 3
 Κύλλης 166
 Κυμαρία 124, 147
 κύμβη 21
 Κύμηλος 147
 Κυμισσός 11
 Κυμωρία 124
 κυνάρα 131
 κύπαιρος 125
 κυπάρισσος 3, 112
 κύπειρος 112, 125
 Κύραξ 105
 Κύρβα 161, 165
 Κύρβασσα 161, 165

Κυρήνη 105
 κύρνα 120
 Κυτίλη 99, 148
 Κύτινα 99, 148
 κύχραμος 3
 κύων 116, 139
 Κώδαλος 109, 132
 Κωκαρος 133
 Κωκος 126
 Κωμῆς 84
 Κωμάστης 81, 84
 Κῶος 123
 κορίς 124
 Κῶς 123
 Κωστοβαλον 124
 Κωτυς 126
 λᾶας 157
 Λάβαξ 147
 Λάβανδα 148
 Λάβαρα 147, 148
 Λάβδα 127
 Λαβράνιος 196
 Λάβραξ 151
 λάβραξ 108
 Λάβρα(υ)νδα 123, 151
 Λαβραυνδός 107
 λάβρος 108
 λάβρυς 3, 71
 Λαβύρινθος 71, 128
 Λάγινα 165
 Λαγινάπτου 165
 Λάεια 122
 Λαξενος 146
 Λαζερης 146
 λάλαγες 68
 Λάλανδος 132, 146, 151
 Λάλαξ 151
 Λαλασσός 146
 Λαμύνθιος 148
 Λάμυρος 148
 Λαναξ 132, 154
 Λάνασσα 154
 λᾶς 3
 Λαπίθαιον 167
 Λαπίθη 167
 Λάρανδα 95, 96
 λάριξ 157
 Λάρισα 11, 12, 157
 λάρναξ 158
 Λαρνα/ησσός 11, 23, 120, 158, 172
 Λάρυμνα 96, 121, 124, 138
 Λάρυμνος 121
 Λασ(σ)αμος 132
 Λαταρσης 140
 Λατις 135
 Λατώ 135
 λάφνη 128
 Λεβαίη 167
 Λεβήνα 167
 Λέβινθος, λέβινθος 81
 Λέβυνθος 93
 λεϊμαξ 108, 149, 161
 λειμών 149, 161
 Λέλεγες 68
 Λέρνη 11, 120
 Λέσβος 94
 Λευκα/ωνία 123
 Ληθαῖος 138, 166
 Λήκυθος 132, 207
 λήκυθος 12, 132
 Λίβυσσος 163
 Λιβύτιος 163
 λίθαξ 159
 λίθος 3, 159
 λισσός 162
 λῆφοι 71, 72
 Λυδαμυς 127, 209
 Λυκαψός 134
 Λυκώνη 143
 Λυκώτας 143
 λύμακες 158
 Λύμαξ 166
 Λυμησσός 159, 166
 Λύξης 68
 Λυρισός 163
 λυρίτης 163
 Λυρνατία 163
 Λυρνησσός 23, 120, 163, 172, 180
 Λύσην 110
 Λύσων 110
 λύχνος 23
 Λώρυμα 124
 λωρυμνόν 124
 Μαγ- 30
 Μαγαδίη 79
 Μαγαλασσός 30
 Μάγαρα 30
 μάγαρον 125
 Μάγαρσος 30, 125
 Μαγας 30
 Μάγδις 30, 127
 Μαγιδων 82, 132
 μαγίς 132
 Μάγνης 163
 Μαγνησία 138, 163, 166
 Μάγνησσα 163
 Μάζαρος 133
 Μαία 98
 Μαιδοβίθουνοι 170
 Μαιδοί 170
 Μαίμαρσος 140
 Μαίονες 98
 Μαισώλος 131
 Μαιώ 98
 Μαιωσαρα 98
 Μαιώται 98
 Μακεδνός 83, 166
 μακεδνός 83
 Μακεδών 82, 83, 125, 132, 166
 Μάκεσσα 163, 167
 Μάκεστος 167
 Μακέτης 83, 133, 163
 Μακηδονία, -ιος 79
 Μακηδών 82, 132
 Μακος 207
 μάκος 207
 μακρός 83, 132, 207
 Μακρώ 207
 μαλάχη 124
 Μαλία 125
 Μαμαλον 103, 136, 150
 Μαμμακος 132, 147, 150, 166
 Μάμμαρος 147
 Μαμμος 166
 Μανακον 136
 Μάνδαλος 109, 112, 132, 147, 182
 Μανδάνη 112
 Μανδαραί 147
 Μανδρόπολις 137, 138
 Μάνδρος 137, 138, 143
 Μανδρόλος 112, 148
 Μάνδρων 112, 148
 Μανδρώναξ 138
 Μανης 97, 134
 Μανισαρας 97
 Μανισας 97
 Μαντα 110
 Μάνταλος 109, 132, 147, 148
 Μαντανις 110, 146, 148
 Μανταρους 146, 147
 Μαντινεία 110
 Μαντινεύς 110
 Μαντις 110, 135
 Μαντώ 135
 μάραθον 3, 13
 Μαραθών 13
 Μαραζοί 105
 Μαργίτης 133
 Μάργος 89
 μάργος 89
 μάρη 81
 Μαρήνη 105, 132
 Μάρμαξ 145, 147, 154
 Μάρμαρα 92
 Μάρμαρος 147
 Μαρμησσός 11, 120, 145, 154
 Μαρρος 137, 178
 Μαρσύας 137
 Μαρώνεια 178
 Μασσαλίας 147
 Μασσαρης 133, 146, 147

Μασσωνεύς 146
Μάστειρα 128
μαστός 80, 81, 84
Μαστους 135
Μαστύης 134
Μαστώ 135
Μασων 132
Μαυσολος 109
Μαυσός 166
Μαυσσώλδος 6
Μαύσ(σ)ωλός 6, 131, 132, 153, 166
Μαύσολοι 153, 166
μάχλος 10
Μαω 79
Μεγαλα/ωσός 30, 124
Μέγαρα, -άρη 30, 83
μέγαρον 3, 40, 125
Μέγαρος 30, 125
Μεδάειον 125
Μέδμα 161
Μέδμασα 161
Μειδύλος 112
Μεΐδων 112
μεΐραξ 108
Μεκεδόνες 125
μέλαινα 111
Μελανεύς, -ώ 149
Μελανθεύς, -ώ 149
μέλι 163
Μελία(ς) 125, 137
Μελινώ 103
Μελιξώ 103
Μέλισσα 163
μέλισσα 163
Μελιστώ 103
Μελιτία 163
Μελιτώ 103
μέμβραξ 158
Μέμβρασα 158
Μένόη 125
Μενδής 128
Μενησσα 163
Μενήτιος 163
Μερλατής 133
Μέρμαρος 144
Μερμησός 120, 144
Μεσα/εμβρία 124
Μέσπιλα 99
Μεσσαπία 84
μεσσο- 84
Μεσ(σ)οποταμία 84
μέσσος 162
Μεσταρω 147
Μεστοης 134
Μεστυλος 147
Μέταβον 10
Μέταλλα 165
Μεταλλάπτων 165
μέταλλον 3
Μεταπόντιον 10
μήκος 207
Μηκύβερνα 126
Μήκυθος 207
Μηκύπερνα 126
Μηνακον 154
Μηνατικής 154
μήτος, -ις 81
Μιδαιον 125
Μίδας 125
Μίδεια 48
Μικκος, -α 207
μικός 207
μικρός 114, 132, 207
Μικρώ 207
Μίκυθος 114, 132, 204, 207
μικυθος 12, 207
Μιλᾶξ 132
(σ)μίλαξ 108, 132, 159
Μίλητος 15, 138, 165
(σ)μίλος 108, 159
Μιτακος 132
Μινακος 132, 154, 180
Μινας 180
Μινασός 154, 180
Μίνδη 125
Μιννας, -ω 137
Μινύα(ι) 44, 47
Μνᾶσις, -ω(ν) 135
Μογγης 79
Μόκαρσος 140
μολάχη 124
Μολητος 133
μόλυβδος 3, 128
Μόλυξ 147
Μόλυρος 147
Μονωμερις 79
μονο- 141
Μονόγισσα 70, 141
Μονόλιθος 141
μοριφός 110
μόουχος 110
Μότυλος 132
Μουκα- 166
Μουκαβιθουρις 146
Μουκαλας 145, 148, 175
Μουκασος 145, 163, 175
Μουκάτωρ 163
Μουκισσός 145, 166
Μουκκων 148
Μούμαστος 128
Μυάκης, -ιος 105, 149
μυάκιον 149
Μυανεύς 124
μύαξ 158, 180
Μυγδονία 82
Μυγδών 82, 164
Μύηνον 105, 145
-μυης 68, 205
Μύησος 11, 95, 145, 158, 161, 180
μυία 123
Μυκαλησός 95, 138, 175
Μύκαλος 175
Μυκήναι 114
μύκης 114
μυκός 154
μύλαξ 158, 159, 162
Μύλασσα 12, 86, 158, 159, 161, 162
μύλη, -ος 12, 81, 158
Μυονεύς 124
Μυρική 111
μυρική 157
μυριξ 157
Μυρίσκος 111
Μύρισσα, -ός 157
μυρμηδών 83
μύρμηξ 83, 128, 158, 159
Μυρμηδών 82, 83
μύρμος 83, 159
Μυρτίς, -ώ 213
Μῦς, μῦς 68, 180
Μύσανδα 149
Μυσοκάρας 170
Μύσων 149
μυττός 154
Μυθονία 82
Μύων 124
Μυωνία 149
μυωνία 149
Μυνας 137, 164
Νάβνα 123
Νάννακος 10
Ναννασος 159
Ναννις, -ω 135, 213
νάννος 159
Ναξία 138
Ναξιακός 82
Νάξος 138
Ναράκιον 154
Ναράσσα 154
Νάρκασος 159
ναρκάω 159
νάρκη, -ος 159
Νάρκισσος 160
νάρκισσος 159—160
Ναρκιττίς 160
Ναστας 30, 137, 182
Νάστης, -ος 124—126, 137, 173, 182
νέατρα 111
νέ(Φ)αξ 101—103, 105, 147
νεαλής 105
νεάν 105
νεαρός 105, 111, 147

νέατος 105
 νέβραξ, -ος 159
 Νε (F)εύς 213
 Νέη πόλις 213
 Νεικαίω 214
 Νεική 214
 Νειλεύς, -ώ 137, 165
 Νέμέ(ι)α, -ος 208
 Νεμῆιος 208
 Νενεστος 133
 Νεσταβος 30
 Νέστος 30, 124—126, 138, 173
 Νεστῶναξ 138
 Νηῖθ 215
 Νηλεύς 182
 Νησαίη, -ος 138, 208
 νῆσος 138, 208
 Νησώ 138, 208
 Νινόη 134, 214
 Νίσυρος 133
 νόα 215
 Νόης 134, 215
 Νόννης 123
 νόσσαξ 150
 Νόσσοι 182
 Νοσσύλος 112, 150, 182
 Νόσσωι 112
 Νύσσα-, Νύσα 138, 164
 ξανθοί 60, 61
 ξίφος 3
 ὄγδοος 94, 216
 Ὀδη/υσσός 111
 Ὀδροῦσαι 47, 179
 Ὀδυσεύς 6, 15, 128
 ὄθρυς 179
 Οἰάνθεια, -η 110, 151
 Οἶαξ 151
 Οἰνανθεῖς 148, 149
 Οἶναρος 138, 146, 148
 (F)οῖνος 139
 Οἰνώγη 146, 149
 οἶσαξ, -ος 108, 159
 ὀκτάπους 31
 ὀκτώ 216
 Ὀλβηλος 85
 Ὀλβος 85
 Ὀλγανος 132
 Ολισσεύς 131
 Ὀλονθεύς 146, 148
 Ὀλονθος 178
 Ὀλονθος 178
 Ὀλορος 144, 148
 Ὀλοσσών 144, 146
 Ὀλυκα 151, 155
 Ὀλυμος 10, 110, 132
 Ὀλυμπος 106
 Ὀλυμθεύς, -ος 9, 106, 114, 132, 146, 151, 178
 λυνθος 112, 114, 178
 Ὀλυσσεύς 128, 146, 155
 Ὀλυττεύς 15, 131
 ὀπαδός 20
 Ὀρβηλος 85
 Ὀρβος 85
 Ὀργάμη 104, 165
 Ὀργαλεύς 165
 Ὀρδησσός 123
 Ὀρέσται 133
 Ὀρόβιος 81
 Ὀροβίς 81
 ὄροβος, -αξ 81, 106, 108
 Ὀρολος 109
 Ορτακίας 155
 Ορτασσις 155
 Ορτημος 123, 172
 ὄρτυξ 108
 Ορυβης 106
 Ορυμας 106, 110
 Ὀρφεύς 69, 179
 Ὀστακός 158
 ὄστακος 108, 124, 158
 Ὀστασος 158
 ὀστέον 108
 Ὀτρεύς 47, 123, 134, 172, 174, 179
 Ὀτρούαι 47, 134
 Ὀτρυντεύς 179
 Ουαναξος 127
 Ούλιάδης 196, 210, 214
 Ούλιξίης 214
 Ούλιος 196, 214
 Ούξος 210
 Ουρδαους 29
 Ούσσωλλος 214
 Ουακεύς 122
 ὄχανα 71
 Παγασαί 160, 162
 πάγος 160, 162
 Παδισαρα 98
 Παεώ 209
 Πάικιον 155
 Παίονες 98
 Παιρισάδης 126
 Παισός 155
 Πακτύη(ς) 134, 212
 Πακτωλός 132
 παλάθη, -ιον 163
 παλάσιον 163
 Παλασσίνα 163
 πάλασαμον 127
 Παναμήης 134
 Πάναξ 132, 147, 155
 Πανάρης 147
 Πανασός 155
 Πάνδαρος 110, 180
 Γανθίων 138
 Πάνθηος 110
 Πανίτης 137, 163, 165
 Πανίτω 137, 165
 Πανόβε 215
 Πανύασσις, -ος 31, 68, 133, 134, 137, 182
 Πανυσσός 133
 Παπαδων 82
 Παπανιος 111, 148
 Παπαρος 111
 Παπας 127
 Παπ(π)ίας 164
 Παπύλος 127, 148
 Παργασίης 23
 Παργιστας 123
 Παρθίς, -ώ 135
 πάρμη 72
 Παρμισσός 11, 129
 Παρνάσση 163
 Παρνάσσιος 163
 Παρνα/ησσός 9, 11, 14, 15, 19, 23, 26, 107, 111, 117, 162, 163, 173—176
 Παρνάττιος 163
 Παρνήθιος 162, 173, 174
 Πάρνης 162, 174
 Παρνήσ(σι)ος 162, 174
 Παρνος 172, 182
 Παρνοῦστα 182
 πάρονοψ 129
 Πάσσα 118, 132, 133, 165
 πάσσαξ 150—152
 Πάσσαλα 96, 118, 150, 165
 πάσσαλος 150, 152
 Πάσανδα 95, 96, 118, 132, 133, 150, 151, 165
 Πάταλα, -ος 132, 137, 147
 Πάταρος 147
 Πατρίδανα 135
 Πατρώ 135
 Παγύμ 216
 Πεβέ 215
 Πεπρεύς, -ώ 135
 Πείρως, -οος 136, 166
 Περωσσός 166
 πεῖται 129
 Πελαργοί 44
 πελαργός 44
 Πελασγοί 44
 Πέλλα 167
 Πελλήνη 167
 Πελοπόννησος 91, 138
 Πέλοψ 138
 πέλιη 72, 115
 πέμπε 129
 πεντάπους 31
 πέντε 129
 πέπειρα 112
 πέπων 112
 Πέργαμον, -ος 3, 23,

103, 104, 110, 121, 132, 167, 172	Πλαζομεναί 129	Πυρούλας 148
Πέριμος 180	πλίνθος 3	Πύρνος 172
Περώνη 149	Ποικιλασσός 167	πυρός 160
Πέρινθος 149, 178, 179	Ποικίλον 167	Πύρρακος 105, 149
Πέρκη, -ος 143	ποικίλος 168	Πυρρήνη 105, 149
Πέρκων 33, 87, 143	ποινή 129	Πύρριλος 150
Περκώτη 143	Πολύβ(ι)ος 81, 106	Πύρρος 60
Περμησός 129	Πολυδωρέυς 6	πυρρός 60
Πέρρη 11, 172	Πόλυμος 106	Πύτνα 127
Περό 79	Πολύπορος 31	Πώταλος 132
πέσσω 153	πότερος 129	Ψάκηλος 85
πέτακος 158	Πουσεικ 209	Ψάμφος, -ή 38
Πέτασος 158, 161	Πραίοι 167	Ψάμιλον 213
Πετεφι- 79	Πραισός 167	Ψανίς 213
πετρέσσα 160	Πράμνος 121	Ψάπτω 69
πέτρος 160	Πρεμνουσία 121	Ψάσιος 213
Πέτροσσα 160	Πρίαμος 91, 110, 180	Ψασκουπορίς 124
Πηδάλιον 145	Πριαπόννησος 90, 91, 137, 138	Ψαύκιος 209
Πήδασα, -ος 145, 160, 182	Πρίαπος 91, 137	Ψαύκος 209
Πηδιζας 127	Πριεπαίος 91	Ψέμβω 38
Πηδισας 127	Πρίετος 91	Ψεπτατερκος 29
πήςδος 160	Πριήνη 132	Ψεσκουπορίς 124
Πιγραμος 138	Πρινασός 155, 159	Ψόμβος 38
Πίγρης 127, 134, 138, 182	Πρινόσσα 155	Ψομφαία 72
πίδαξ 158	πρίνος 155, 159	Ψόμβος 38
Πίδασα 158	Προβά/όλινθος 110, 145	Ψυτιασός 161
Πίδοκος 155	Προμνέυς, -ώ 115, 121	Ψύτιον 161
Πίδοσος 155	πρόμνη 115	Ψωμη- 143
πίερα 112	προμνήσιον 115	Ψώμη 143
Πίρες 179	Προμνησός 115, 121, 160	Ψώτης 214
Πίριος, -ία 129	προμνός 115, 160	Σαβαδιος 124
Πικρης 127	πρότανις 3	Σαβαζιος 91, 138
Πίνδαρος 110	Πρωτεύς, -ώ 135	Σαβακαί 105
Πίνδασος 161, 167	Πτώιος 49	Σαβαλας 105, 161
Πίνδος 161, 167	Ψυανειών 129	Σαβαλασός 161
Πίνθαρος 110	Ψύανος 129	Σαβανίς 105
Πιξόδ/ταρος 127	Πύδνα(ι) 127, 129	Σαβαριας 105
Πιπηκ 216	Πυθίλαος 179	Σάβος 91, 105
Πίσιλις 150	πύλη 82	Σαγγάριος 181
Πίσινδα 150	πύνδαξ 120	Σάγγας 181
Πισινδηλις 150	πύρ 32, 116, 139	Σαδάλας, -ης 124, 150
Πίστειρα 112	Πύραλος 148	Σαδάμη 104
Πίστιρος 126	Πύρανθος 110, 146	Σάδοκος 108, 126, 150
Πίστυρος 107	Πύρασος 146, 160, 161, 180, 181	σαF- 139
Πίστων 112	Πύργησσα 160	σαFoFάναξ 216
Πιτάνη 129	Πύργος 3, 22, 23, 38, 121, 159, 160, 172	σα(F)ώννησος 91, 138
Πιττακός 102, 134, 150, 179	Πυργώ 132	σαFος 138
Πιττάλακος 102, 150	Πύργων 132, 143	Σαιξίαι 97
Πίτταλος 102, 109, 150	Πυργώτης 143, 172	Σαίοι 97
Πιττας 179	Πυρετός 133	Σάις 215
Πιτύα 137	Πυρηνεύς 148	Σαισαρα 97
Πιτυασός 155, 160	Πύρινδος 110, 132	Σάκαξ 214
Πιτύεσσα, -ούσσα 89, 155	Πυρινθεύς 110, 132, 146, 150	Σάκος, -ης 166, 214
πίτυς 137, 155, 160	πύρις 181	Σαλακία 147
πίων 112	Πυρίσσοος 146	Σάλαρος 147
		Σαλαβίκη 128
		Σαλαμακίς 128, 166
		Σάλλοξις 127
		Σάλλομος 166, 167

Σαλμυδησός 32
 Σαλμώνιον 167
 Σαλόνθιος 121
 Σαμάκιον 155
 Σαμασσις 94, 105, 145, 155
 Σαμαυς 123
 σαμβύκη 3
 Σαμιακός 82
 Σάμινθος 150
 Σάμος 90, 94, 137, 167
 σάμος 90, 94, 168
 Σαμυλος, -ία 94, 105, 109, 137, 145, 150
 Σαμύνθιος 150
 Σαμώνιον 112, 167
 Σαμω(υ)ος 94, 109, 122, 123, 203, 210
 Σανδάλη 147
 Σάνδανος 176
 Σανδαρακή 147
 σάνδυξ 176
 Σαντσιττζε 79
 Σανυς 182
 σάραβος 106
 Σάρακος 151
 Σαραπάραι 46
 Σάρβαλος 132
 Σαρδαιώ 214
 Σαρδησός 11, 161
 Σάρδος 161, 214
 Σαροανθης 151
 σάρπη 83
 Σαρπηδών 82, 83, 132
 σάρων 106
 Σασμας 132, 137
 Σάσανδα 95, 96, 105
 Σάσκως 125, 173
 Σασσωμος 96, 105, 132, 137
 Σάταλα 150
 Σατοκος 126, 150
 Σάτραι 166
 Σάτραγος 166
 σαυ- 139
 Σαυρία 10
 Σγουλαμινος 204, 214
 Σεβάδιος 124
 Σεδαλας 124
 Σειρηδών 82, 83
 σειρήν 83
 Σεκυώνιος 126
 Σελήμ 216, 217
 Σελήνη 29
 Σεμεί 215
 Σέσκως 125, 173
 Σευθαριον 98
 Σευθεύς 179
 Σεύθης 98
 Σξέειδ 204
 Σξερῖχ 204
 Σήθ, Σήθος 210
 σημηγία 71, 72
 σήσαμον 137
 Σήσαμος 137
 Σηστός 177
 Σίβδα 127
 σιγηλός 147
 σιγηρός 147
 Σιδάκη 105
 Σιδήγη 105, 110
 σίδηρος 3
 Σιδυλημς 110, 131
 Σίδυμος 10
 Σιδώνη 110
 Σικανία 148
 Σικελός, -ία 147, 148, 150
 Σικενδος 150
 Σικερηνός 147
 σίκυος 114
 Σικυών 114
 Σικυώνιος 126
 Σ(ε)ιληνός 176
 Σίνδαξ 124, 155, 163
 Σίνδατα 133, 163
 Σινδησός 118, 155, 163
 Σίνδοκος 108—109, 124, 155
 Σίνδος 110, 118
 Σίνθος 110
 Σιντιακός 82
 σιπή 88
 Σίπυλος 88
 Σισινος 146
 Σίσιρος 146
 Σισουλις 148
 Σισουνα 148
 σκάλημη 72
 Σκανδίλη 147
 Σκάνδειρα 147
 Σκεληνος 143
 Σκελητος 143
 Σκέμνας 121, 126, 172
 σκίναξ 208
 σκόλυβος 106
 σκόλυμος 106
 Σκύλαξ, -άκη 68, 121, 137, 159, 166, 182, 204, 210, 214
 σκύλαξ 160
 Σκύλης 137, 159, 166, 182, 214
 σκύλιον 160
 Σκύλλα 22, 121
 Σκύμνος 10, 115, 121, 126, 172, 204, 210
 σκύνιος 121
 Σμήνος 10
 σμικρός 132
 Σμίκυθος, -ύθης 132, 204
 σμίλαξ 112
 Σμίνθη, -ία 158
 σμίνθος 158
 Σμόρνα 22, 127
 Σοσωνεις 122
 Σόλυμος 10
 Σουαβαστας 139
 Σουάγγελα 139
 σπάλαξ 158
 Σπάλαξος 158
 Σπάρτακος 98, 107, 124, 149
 Σπάρτικος 98
 Σπάρτοκος 124, 150
 Σπάρτωλος 109, 123, 132, 148, 150
 Σπάρτων 148, 149
 Σπορτηλα 85, 109, 123
 στάλιξ, -ις 160
 στάχυς 10
 Στέναχος, -άχων 83
 Στέφανος 10
 Στράβαξ, -ων 149
 Στρώμος 104
 Στρώμων, -ώ 135
 στρόχνον 10
 Στώρα(ξ) 159, 167
 Στυράκιον 168
 τῶαξ 157, 174
 Συασσός 157, 174
 Συδυλημς 110, 131
 συκία 173, 185
 Σύμαιθα 138
 Σύμη 182
 Σύμμαιθος 138
 σύριγξ 3
 Σύρνα 121
 Σφενδίνη 148
 Σφενδόν 148
 σφήξ 158
 Σφηττοί 158
 Σχήσιος 204
 Σωκεύς 176, 214
 σωκίω 214
 Σώκιλος 121
 Σώκος 121, 166, 214
 Σωκύλος 121
 Σώρακος 158
 Σωράσα 158
 Σώσιλος, -ύλος 121
 Σώσος 121
 Τάλος 22
 Ταλουρα 133
 Τάμαρος 144
 Ταμασός 144, 163
 Ταματις 163
 ταναός 210
 Τάνον 210
 Τανου(ς) 210

τανυ- 210
Ταπάεικ 209, 216
Ταπαι 166
Ταπασσος 163, 166
Ταπατία 163
Ταρας 29, 165
Τάρβα 161
Ταρβασσός 161
Τάρβηλος 85
Τάρβος 85
Ταρουλας 29
Τάρταρος 121
Ταρω 135, 165
Τατακος 132, 147, 149
Τατανος 149
Ταταριν 147
Ταταριον, -ων 137
Ταυρώ 135
τάφος 21, 22, 38
ταχίων 173
-τε 170
τέγη 160
Τεγησσός 160
τεΐσαι 129
τελέσω 123
Τέλμερα 144
Τελμησσός 144, 160
τελμια 160
Τέμβριον 121, 172
τένθης 83
τενθρηδών 83
τενθρήνη 83
Τέρμερα 144, 148
Τερμη/ισσός 129, 144, 145
Τερμίλη 145, 150, 182
Τερμινθεός 148, 150
Τέρτα 121
τε ύθος 83
Τευθρηδών 82, 83
Τευταμας 137
Τευτάμειον 137
Τεύταμος 49, 137
τῆνος 129
Τήρης, -εύς 134, 153, 174, 179
Τιαιμος 29, 137
Τιαμ- 29
Τιαμαους 29, 94, 123, 137
Τίασσον 163
Τίατος 163
τίθημι 163
τιθήνη, -ος 176
Τιθηνίδια 176
Τίμακος 103
τιμάω 209
Τινδαρ- 110
τίνω 129
Τιτακός 147, 149

Τίτανος, -άνη 112, 129, 146, 149, 175
τίταξ 104, 149, 176
Τιταρησσός 166, 175
Τίταρον 112, 146, 147, 166, 175
τιτήνη 104, 149, 176
Τιτις 136
Τιτυασσός 161
Τιτύος 153, 161
τιτώ 136
Τιμώλος, Τί/ύμωλος 129
Τοκάου 210
Τόμισσα 160, 161
τόμος, -ή 160
Τορκος 29
Τορκουλας 29
τόσσος 154
Τραλλεῖς 137
τρίναξ 158
Τρίνασσα 158, 161
Τρίοπος 164
Τρώς 180
Τυλη/ισσός 160, 162, 168
Τύλις 133, 168
Τυλίτης 133
τύλος 160, 162
τύμβος 21, 22, 38
Τύμβριον 121, 172, 210
Τύμνης, -ος 10, 115, 161
Τυμνη/ισσός 11, 21, 111, 115, 161
τυμός 22
τύμπανον 3, 120
Τυνδαρ- 110
Τυνδάρης 22
τύπτω 120
τύραννος 3
Τύρισσα 160
τυρός 160
Τυρταίος 121
Ύα 161
υα 207
Ύακινθος 109, 131
ύακινθος 3
Υαλδεμιας 128
ύαλος 125
Ύάντες 179
Ύγασσός 133
Ύδρω 139, 141
Ύδωρ 82, 116, 139, 141
Ύελος 125
Ύεύς, -η(ς) 209
Ύηητός 161, 213
Υίος 209
υίος 207, 209
Ύισσός 213
Υκονοης 134, 214
ύκος 158

Ύλαξ, -ης, -ας 137, 159
Υλιαδης 214
Ύμησσός, -ῆ(ς) 138, 161
Ύμηττός 138, 161
ύος 209
Ύρτακος 132
υς 207
Υσσαλδωμος 125
Ύσσαλδο/ωμος 107, 125
Υσσις 158
ύσσος 3
Υσσωιης 122
Ύσσωλ(δ)ος 109, 124, 128, 214
Ύψευός, -ώ 135
Φάλαννα 166
Φαρίμ 216
Φάρυβος 132
φάσηλος 105, 112
φάσκαλος, -ωλος 124
Φιλεύς, -ώ 135
Φλύος 210
Φοιβάμμων 215
Φοίβη 142
Φοίνιξ 155
Φοίνισσα 155
Φρύγες 47, 131
Φρύγια 48, 167
Φρυγιάκος 82
φρυγίζειν 141
Φρύγιος 69
φύλαξ 82
φύρκος 22, 38
φύσκος 164
χάλκεος 173
χάλκη 83
Χαλκηδών 83
χαλκηδών 83
χαλκία 173
χάρακες 158
Χαρασσός 158
Χαρικώ 103
Χαριξίω 103
Χαριστώ 103
Χαριτώ 103
Χάρυβδις 22
Χεθίμ 216
χεθουπις 215
Χειμεύς, -ώ 135
Χηραμούης 68, 134
χθών 82
χίμαιρα 111
χίμαρος 111
χιτών 70
χλουνός 146
χλωρός 146
Χρέμης 104
χρέμης 104
Χρεμούλος 104
Χρέμων 104

Χρυσεύς, -ώ 60, 135
 χρυσοκόμης 60
 χρυσοπλόκαμος 60
 χρυσοχαίτης 60
 Χωτάριον 136
 Ψαμμάτιχος 209

ψᾶφος, ψάφαξ 159
 ψευδαμάμαξυς 156
 ὄρος 84
 Новогреческий
 ἄλδος, ἄλλος 6

πυργάκι 159, 160
 πύργος 159, 160
 σῦακι(ον) 174
 σῦατῖ 174

Крито-микенские тексты

Линейное письмо А
 a-sa-sa-ra- 14, 16, 17, 92
 di-za-ke 178, 180

Линейное письмо Б
 a-da-ra-te-ja 177
 a₂-di-je-u 213
 a-di-je-wo 213
 a-mi-ni-so 160
 a-pi-ma... 182
 a-re-pa/po-zo-o 172—173
 a-sa-ro 55, 102, 175, 180
 da-ko-so 172
 da-pu₂-ri-to 71, 128
 da-ra-ko 178
 da₂-re-u 177
 da-to-re-u 171
 da-u-da/ta-ro 173
 -de 170
 di-pa 171
 di-wo-nu-so-jo 176
 di-za-so 180
 di-zo 178, 180
 du-ko-so 172
 du-ni 178
 du-ro 178
 e-do-me-ne-u 172
 i-do-me-ne-ja 172, 179
 i-je-re-ja 174
 i-je-re-u 174
 i-mi-ri-jo 181
 i-pe-me-de-ja 49, 181
 i-ta-ra-jo 178
 i-wa-ko 175
 i-wa-so 175, 182
 ka-da-ra-so 175
 ka-da-ro 175
 ka-na-po 179
 ka-na-po-to 179
 ka-nu-ti 181
 ka-pa-si/ti-ja 173 — 174,
 178
 ka-ra-pa-so 176
 ka-ra-wi-ko 175

ka-ra-wi-so 175
 ka-ro 171
 ka-ru-ke 175
 ka-ru-sa 175
 ka-sa-da-ra 180
 ka-u-no 182
 ka-za 173
 ka-zo-e 173
 ke-sa-da-ra 180
 ke-sa-do-ro 180
 ki-ni-di-ja 182
 ko-ri-si-jo 173
 ko-ru-si-jo 185
 ku-ka-ra-so 175
 ku-ka-ro 175
 ku-ka/ke-so 175
 ku-ra-no 149
 ku-re-we 182
 ku-ta-si/ti-jo 174
 ku-ta-to 174
 ma-da-ro 182
 ma-ma-ro 147
 ma-ne-wo-se 134
 ma-ro, ma-ro-ne 178
 mi-ra-ti-ja 182
 ne-c-ra-wo 182
 ne-we-wi-ja 213
 no-sa-ro 182
 o-du-ru-wi-jo 179
 o-ro-ti-jo 178
 pa₂-da-ro 180
 pa₂-da-so 182
 pa-ko-to 172
 pa-na-so 23, 163, 172,
 176, 182
 pa₂-nu-wa-so 182
 pa-pa-ra(-ko) 175
 pa-ra-to 171
 pe-re-qa-ta 171
 pe-ri-mo 180
 pe-ri-te-u 178, 179
 pi-ke-re-u 182
 pi-ki-re-wo 134
 pi-ri-ja-me-ja 180
 pi-ta-ke-u 134, 179
 pi-we-re 179

po-ti-ni-ja-we-jo 173
 po-ti-ni-je-we-ja 173
 pu-ko-to 172
 pu-na-so 23, 172
 pu-ra-ko 181
 pu-ra-so 180, 181
 pu-to-ro 179
 pu-za-ko 177
 pu-zo 177
 qa-da-ro 180
 -qe 170
 qe-to-ro-we 171
 qo-ro-mu-ro 177
 ra-wa-ke-ta 181
 ra-wa-si-jo 213
 ru-na-so 120, 172, 180
 sa-ka-ri-jo 181
 sa-ke-re-u 177
 sa-nu-we 182
 sa-sa-ma 137
 si-ma(-ko) 159, 175
 si-ra-no 176
 su-mi 182
 su-za 173, 185
 ta-de-so 176
 ta-na-wo 210
 ta-re-u 182
 ta-ta-ro 181
 te-mi-ro 182
 ti-tu-so 176
 to-ro-ja 180
 tc-ro-o 180
 to-so 154
 tc-u-na-ta 182
 tu-ni-ja/jo 179
 u-wa-ta 179
 u-wa-si(-jo) 179
 wa-na-ka 175, 181
 wa-na-so 175
 wa-pa-no 175
 wa-pa-ro-jo 175
 wi-da-jo 180
 za-ku-si-ja 180
 ze-pu₂-ro 177.
 ze-ro 178

Индо-иранские языки

Древнеиндийский
 anāsthakah 108
 ārjuna- 101
 asthān- 108
 bābhrukah 108
 bābhrukāh 108
 bhinnāh 100
 bhittāh 100
 çūnakah 108
 dāça 31

deváh 4
 kamā-pūra 98
 katarāh 129
 kina 86
 mādhyah 162
 maryakāh 108
 mastakah 111
 mastiskah 111
 saptāpad 31
 saptāsyā 31

sāpti 32
 sarva-kāma 98
 tanúh 210
 tāva- 85, 86
 tāvakā- 85
 tāvakīna- 85
 vārtikā- 108
 vidurah 109

Осетинский

dāl-os-āg 94

Италийские языки

Латинский
 ācer 153
 adficitur 142
 Allassos 16
 alo 105
 altus 94
 amnis 160
 amo 81
 angulus 109
 ānus 11, 81
 Appiānus 81
 aqua 88
 aquila 88
 Aquilo 88
 Asamus 104
 Asdula 148
 bāca, bacca 193
 Bamenda 95
 Bisene 149
 Brisae 136
 Britannia 17
 Buranda 110
 calix 108
 Carinius 164
 Carsaleon 150
 cārus 82
 Castabocae 124, 172
 Castus 124
 cicer 81
 Cicero 81
 cornix 108
 Costobocae 124, 172
 dacruma 19
 Decimus 31
 Derzenus 148
 deus 4
 Dimae 131
 Dinacion 108
 dīngua 19
 Dinocus 108
 Dominicani 81

domus 18
 dōnum 100, 104
 Dulus 178
 Epta- 28
 fiber 92
 formica 108
 fundus 120
 Galanthis 151
 Hāphaistos 170
 Hepta- 28, 33
 Heptaporis 31
 Hibernia 17
 Hymos 161
 Idanum 149
 implētus 100
 Jaunde 95
 Kinaros 11
 Kirundu 95
 Kosinthos 149
 lacrima 19
 Lesbōos 94
 limax 108
 lingua 19
 Luanda 95, 96
 lūna 23
 Macc(i)us 154
 Magaba 30
 Magava 30
 margo 89
 maxi/umus 131
 medius 162
 Membressa 158
 Mucatus 163
 mulier 98
 Mysomacedones 170
 nānus 11
 Nastabus 30
 natālis 111
 nativus 111
 novicius 101
 ostāvus 94
 oculus 82

odor 19, 128
 Oeandenses 110
 olēre 19, 128
 (O)uliades 196
 Panasso 155
 Panissa 163
 pario 45
 Pedasa 11
 phrygium 70
 Pinara 11
 plēnus 100
 rana 18
 recens 31
 Roanda 95
 Romānus 81, 101, 104,
 148
 Romulus 101, 104, 148
 Sabatium 105
 Sabini 128
 Samnium 128
 Savos 216
 sectum 101
 Sedasa 11
 sedeo 19
 Septimius 31
 Sīamaus 29, 123
 sica 72
 Sicānus 148
 Siculus 148
 signum 101
 solium 19
 tenuis 210
 Thymbriani 136
 tumulus 22
 Uganda 95, 96
 unda 82
 veterānus 111
 veterātus 111
 Wagunda 95
 Zimidrenus 131
 Умбрский
 curnaco 108

Καριϋικϋ	ΣγυλιθιFω 214	ΕΤΕΣΑ 122, 142
Αδομ 216	ΣεμεFe 215, 217	ζελας 125
ΑFδεων 211, 212	σ(ε)μναω 201, 203	ζίλαι 125
ΑFδερω 208, 211	Σζαι 127, 215	ισράκιον 157
ΑFνοκ 216	Σζαιτ 127, 215	λέβα 128
ΑFξων 208, 214	Σζηθω 127, 210, 215	Μεζηνα 213
Ακωσσυρ 205	Σκινυκω 207, 208	Φριγιικϋ ²
Ασνηκ 216	Σκωωζ 210	αββερет 125
ΑτιειFεω 123	Σωκηξ 166, 176, 214, 217	αββιρετορ 125
γίσσα 70, 141	Τακαεω 210	αδδακεт 123
δυοFo 94, 216	Τανου 210	αδδακετορ 142
Εγεημ 205	Υετιμεω 208, 209	αναρ 139
εδαFвет 216	ΥFμχδηω 208	arkiaewais 115
Εδεαι 212	υη 207—209, 216	ατμήν 110
Εκυω 123	υκοFe 201	awtun 140
Εξαμυω 211	υκοFκοFe 201	αζήν 110
ΕρFυωζ 199	Υλξονω 205, 214, 217	βαλήν 126, 139
ΗδεαFεω 125, 213	υση 209, 211	βερет 216
Ηδεαι 213	υω 199, 203, 216	βραтере 139, 140
ΗδιαFεω 125, 213	Υωωζ 209	γλωυρος 146
ΘαFμεω 210, 211	υωωζ 203, 210, 216	-δακεт 216
Θαριμ 216	ΧαFκομ 216	δεос 122
Θνω 210	-χε 207, 208, 211	dewos 122
Θυθωσηηω 209	Χεθυπι 215	диμисн 122, 123
Θυιλη 213	Ωυχζεω 210	δοκεт 123
Θυτιμεω 182, 209		edaes 130, 216
ΙλFεγλτω 208	Μακεдонικϋ	егесит 122, 123
ΙσχαιαFω 208		-eiwais 122
ΙυFασσεω 213	арге/ιλλα 125	έσσήн 110
Ιυηιμ 216, 217	βερρός 125	εσταεs 216
Μακυθω 132, 207	βίρροξ 109, 125	ewio 122
Μλσοδθ 217	δρηεs 157	kakuo(i) 122, 123, 140
Μονκηω 208	ιλαξ 132	κακουν 123, 139, 140
ΝαFαFεμω 205	ιν 125	kanutieiwais 123, 181
Νγαιεи 209, 216	ινδέα 125	κεφήн 110
Νεγωκω 207, 208	κεβαλά, -ή 125, 126	Kubile 125
ΝεFηω 213	κομάραι 124	lawagtaei 181
Νειθυληн 215	πέλλα 168	μαιμαρηαν 139, 140
Νεμαιω 208	σάρισ(σ)α 72, 162	μανκαι 213
Νεχω 209	χλαμύс 70	matar 125, 130
Νηειθавиs 215		materan 139
Νησω 208	Φρακιικϋ	μοи 139
Ουλξονση 134, 214		οи αυτο 139
ΡαFκαεω 209	ВЛAВAН 142	onoman 139
ΡαFσιω 213	βρία, bria 69, 125	πατερης 139, 140
ΡαFυλεон 215	βρίλων 161	πεлта 115
ΡαFυωс 199, 210	βρῦтос 149	Σζεμελωс 127
Ρανω 213	βрутиκός 149	τε/ταμα 125
Ρωταιω 214	βрутинос 149	wanankt(ei) 115, 139,
σαFαηен 216	ΔΑΚΑТP 142	175, 181
σαFηηен 216, 217	δεβα 128	wetei 139, 142
Σακηξ 166, 214		woines 139
Σγυλα, Σγυλεω 214, 217		Zeμελωси 122

² Старофригийские примеры даны латинским шрифтом.

Славянские языки

<p>Старославянский</p> <p>БЕБРЪ 92 ВЫДРА 179 ДАНЬ 100 ДАРЪ 100 КОТЕРЫИ 129 ЛАКЪТЪ 101 ПЪНИГЕ 100 ПЪТИГЕ 100 ЧАДО 31</p> <p>Белорусский</p> <p>мерлога 128</p> <p>Болгарский</p> <p>Бяла река 88 Вела, Велко 31 вели 31 Черна (река) 88</p> <p>Древнерусский</p> <p>дань 104 дарь 104 дружба 154 железный 101 звѣрныи 111 звѣрскыи 111 новакъ 101, 103 новикъ 101 овъчина 101</p>	<p>писарь 111 письць 111 слимакъ 108 станъ 104 старь 104 юнакъ 108 юница 108 юньць 108</p> <p style="text-align: center;">Русский³</p> <p>Берлин 95 берлога 128 вечерина 101 Вьюн 104 вьюн 104 вязать 159 Вязмень 159 деятель 113 Дублин 95 жена 98 Карасса 95 колъ 32 копать 124 коровина 101 Мелекесс 95 Миасс 95 мольба 154 несомый 113 Ока 85 орьба 101, 154 осиротевший 113 Пекин 95 помертвевший 113</p>	<p>проситель 113 просить 113 птица 108 Пушкин 91, 95 роза 114 Розина 114 Саламин 95 сеятель 113 солкий 108 ткач 113 толкач 113 трепач 113 тринога 31 триножичка 31 Узьмень 159 узы 159</p> <p style="text-align: center;">Сербохорватский</p> <p>Миланка 115</p> <p style="text-align: center;">Украинский</p> <p>діяч 113 знайомий 113 осиротілий 113 помертвілий 113 прохач 113 сіяч 113</p> <p style="text-align: center;">Чешский</p> <p>pták 108</p>
---	--	---

Прочие индоевропейские языки

<p>Армянский</p> <p>damban 21 hur 32</p> <p>Корнский</p> <p>tanow 210</p>	<p>Лидийский</p> <p>kavēs 30 savēn- 216 Sfarda- 128 Sfarλ- 128</p>	<p>Ликийский</p> <p>masāinna 188 mēseve 188 παλήν 126</p>
--	---	---

Неиндоевропейские языки

<p>Аварский</p> <p>waεako 103</p> <p>Ассирийский</p> <p>Ispilibrā 69 nu'ā'ū 18</p>	<p>Грузинский</p> <p>suliko 103</p> <p>Древнеегипетский</p> <p>htp-w 215 H',w-nbwt 108</p>	<p>Ненецкий</p> <p>jahako 103</p> <p>Тамильский</p> <p>ūr 84</p>
---	---	--

³ Включая диалектные формы и иноязычные имена в русской передаче.

Турецкий	УруQilissa 96	Хаттский
Ak-dere 88	Финикийский	i-malhi(p) 10
Kavak-çay 88	marath 13	malhi(p) 10
Угаритский	Финский	Этрусский
uga 84	kaleva 33	ἄραμος 85
Урартский	perkele 33	
УруAbissa 96	taivas 33	

Таблица знаков карийских алфавитов Африки

	Карийские знаки	Греческие соответствия	Значения		Карийские знаки	Греческие соответствия	Значения
1	Α Δ	Α Δ	a	13	Μ	Μ	m
2	С	С	g	14	Ν	Ν	n
3	Δ	Δ	d	15	Η Ξ	Η Η	ks
4	Θ Ε Ε Π	Ε Ε (Θ Π)	e	16	Ο ⊕	Ο (⊕)	o
5	Φ Ψ	Φ Ψ	w	17	Ρ	Ρ	p
6	Ι	Ι	(d)z	18	Ρ	Ρ	r
7	□	□	ē	19	Μ	-	s
8	ϙ	-	ei	20	⋈ ↑ · i	-	t
9	⊕ Ξ С	⊕	th	21	ϙ ϙ	ϙ	ss
10	ϙ ρ	-	i	22	∇ Υ ∇ ∇	∇ Υ (∇ ∇)	u
11	∇ Υ	ϙ	k	23	Χ +	Χ +	kh
12	Ρ Γ Λ	Ρ Γ Λ	l	24	⊕ ⊕ С	С (⊕ ⊕)	ō

Примечание: зеркальные варианты и некоторые из редко встречающихся карийских знаков опущены; редкие греческие знаки даны в скобках.

Карийские тексты

1. $\Theta X \Phi Y Y N P Y M | O Y | \Theta \Phi Y Y A M$
 $\Theta X \Phi Y O Z M \Lambda$
2. $\Theta X \Phi \rho A M M \Lambda . O V \Phi M O H \rho A$
 $\Theta X \Phi \wedge \Gamma O \Phi \rho A P \Theta X : \Phi Y O Z M \Lambda$
3. $\Phi [A] A \rho + \Theta \rho I \Phi O Y H O M | \Phi \Theta O \Lambda$
4. $\Phi \Theta M I \wedge \Theta Y \Phi O \Delta X M \rho Y \Phi \rho \Delta \rho A$
5. $\Phi \Theta M [\rho] \wedge V \Theta \Phi X \Theta N I I O \Phi Y$
6. $Y \rho A O \Lambda \Theta X \Phi H O Y \Phi \Theta Y \Theta I \Phi M Y \Phi \Theta A Y \rho A P$
7. $\Theta X \Phi Y H O C I O \Phi Y Y M$
8. $\Phi \Theta I \rho Y \Phi : \Theta X \Phi \Theta O I M$
9. $O \Theta M \rho A \Theta \Phi \Theta A Y A . \rho V O \Lambda A . \rho$
10. $\rho \Theta \Delta \rho A : \Phi M Y : \Phi \rho [\Theta] \Delta \rho A$
 $\Phi [Y] M A H \rho : \Theta + [\Phi] \rho$

1) $\rho A \Theta \Delta M$	5) $\Phi \rho M \rho A P$	9) $H O Y C M$
2) $\Theta V \rho \Gamma O$	6) $\Phi H A P$	10) $M < V \rho A$
3) $\Phi \Theta \lambda A \rho Y \rho$	7) $D C \uparrow A \rho \Phi$	11) $\nabla \rho E O N \Theta, \Phi M O H \rho$
4) $\Theta + \Theta O \rho A \rho \Lambda$	8) $H O Y A M$	12) $\rho \nabla \Gamma H \Theta N \Theta O$

$N \rho \Phi Y \rho O N$ (F 37), $\rho I Y A \Theta \rho O N$ (Ш 79), $N O \Theta A Y \rho A P$ (F 40),
 $\rho A I M$ (F 5), $\uparrow \rho A I M$ (Ш 77), $I \rho Y \Theta \Theta X$ (F 39) $\Theta \rho \Theta M \Theta M$ (F 1),
 $\Theta A P I M$ (Ш 4), $M O \rho Y \rho$ (M 39) $Y \rho H M A$ (M 36), $A \Delta O M$ (M 37),
 $X A \rho Y O M$ (M 37) $A \rho H O Y + \Theta$ (F 45), $\Theta \rho O Y \Delta$ (M 28), $E \Delta A \rho N \uparrow$ (Ш 87).

Примечание: В надписи 3 между четвертым и пятым знаками (слева) пропущен знак A; в надписи 8 (справа) пропущено слово IOΦΓρAD.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Критический обзор гипотез догреческого субстрата	9
Средиземноморская гипотеза	—
Семитская гипотеза	13
Хетто-лувийская гипотеза	—
«Пеласгская» гипотеза	29
Компромиссные варианты	25
Глава II. Палеобалканская гипотеза	35
Предпосылки гипотезы	—
Основные положения гипотезы	39
Свидетельства античных авторов	43
Свидетельства археологии	51
Свидетельства этнографии	60
Направление культурных влияний	67
Глава III. Принципы и методика ономастического анализа	78
Суффиксация и словосложение	79
Роль этимологии	86
Словообразование	93
Чередование суффиксов	100
Гласный перед суффиксом	106
Греческое и негреческое	112
Словообразование и направление миграций	117
Глава IV. Палеобалканские языки и догреческая ономастика	119
Структура корня и фонетические особенности	120
Влияние субстрата	129
Палеобалканские словообразовательные изоглоссы	131
Общность лексики	136
Чередование суффиксов в палеобалканском ареале	143
Словообразовательный и этимологический анализ - <i>σσ</i> -топонимов и антропонимов	153
Ономастические изоглоссы и направление миграций	164
Глава V. Палеобалканские языки и линейное письмо Б	169
Спорные вопросы микенологии	—
Фонетические особенности	172

Словообразовательные параллели	174
Микенско-палеобалканские лексические изоглоссы	176
О языковой принадлежности крито-микенских надписей	183
Глава VI. Дешифровка карийского письма	
Современное состояние дешифровки	187
Идентификация знаков карийского письма	—
Чтение надписей	191
Литература	220
Список сокращений	240
Указатель слов и форм	242
Приложения I—II	260

Юрий Владимирович
ОТКУПЩИКОВ
ДОГРЕЧЕСКИЙ СУБСТРАТ

Редактор *Л. А. Карпова*
Художественный редактор *В. В. Пожидаев*
Обложка художника *А. Г. Голубева*
Техн. редакторы *А. В. Борщева, Е. Г. Учаева*
Корректоры *Н. М. Каплинская, Н. А. Синеникольская*

ИБ № 2895

Сдано в набор 26.11.86. Подписано в печать 30.12.87. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,5.
Усл. кр.-отт. 16,69. Уч.-изд. л. 18,88. Тираж 1655 экз. Заказ № 492. Цена 3 р. 80 к.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	9 сн.	᾿Αλάβανδα	᾿Αλάβανδα
29	18 сн.	᾿Ιασοναῦ	᾿Ιασοναῦ
47	8 св.	Θρ	Θρά-
49	16 сн.	Δι	Διι
60	1 сн.	χρυσος	χρυσός
69	15 сн.	Καρικη	Καρικη
72	11 св.	Θρακία	Θρακία
97	2 сн.	Διόνυσος	Διόνυσος
105	7 св.	Κορδαχα	Κορδάχα
108	17 св.	(᾿προ-	᾿(προ-
129	4 св.	κῆνος	κῆνος
137	5 св.	᾿Ἰμβρος	᾿Ἰμβροζ
138	9 сн.	Νεστώναξ	Νεστώναξ
158	3 св.	ὄρνειόν	ὄρνειόν
160	4 св.	πῆδος	πῆδος
163	2 св.	*Αἰ) γιθ-ι-ος	*Αἰγιθ-ι-ος
234	23 сн.	ὄνι	ὄνι